

...Лена рванула к Подчасовой.

В мороз дорога, что называется, потеет, поэтому, несмотря на всё душевное сотрясение, Лена ехала аккуратно, зная, что ледяная корочка может быть настолько тонкой и незаметной, что из машины выйдешь и ноги разъедутся. Баскаков учил, выбравшись на дорогу, притормозить и понять, насколько скользко. На трассе никого не было, Лена притормозила, и тут же противно заскворчала абээска.

Да он и виден был — белёсый налёт. “Надо будет ещё попробовать”, — подумала Лена, и вскоре снова поглядела в зеркала и попробовала дорогу, и снова с царапающим скрежетом отозвались колёса... Слово “пробовать” будто прорвало обиду, объяснило: “Да! Он будто пробует! Как будто меня пробует на терпение... На скольжение — сорвусь или нет в занос? Зачем он так делает? — Лена закусила нижнюю губку, и опять полились слёзы. — Да, мир мужской, никуда не денешься. Это понятно. И если женщина приходит в ярость, то по единственной причине: от слабости. Оттого, что ничего не может с собой поделаться. А он знает эту позорную особенность... и продолжает, и продолжает! Да он вообще... какой-то... дикий...”

В ближайших номерах журнала читайте новую повесть Михаила Тарковского “Фарт”.

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 7 2017

К 110-летию Бориса Корнилова

Он понимал литературную работу как ежедневный труд, полную самоотдачу, участие в кипении буден. Помню, на одном из поэтических праздников в Семёнове однокурсник поэта Д. А. Левоневский (ему посвящён цикл “Апшеронский полуостров”) вспоминал: “Корнилов, к удивлению нас, истинных питерцев, выделялся своей начитанностью, глубиной филологических знаний и тогда уже очевидным поэтическим талантом”.

Были и есть литературные критики, упрекающие Б. Корнилова в политической недалёковидности. Разве поэт обязан быть тонким политиком? А вот поэтическое сердце его было восприимчивым, чутким. “Отрезвляющей” действительностью для него всегда оставался Семёновский край, где “Старики умирают за делом // И не любят, что тракторы есть, // Жеребцы с металлическим телом”. Немало поэтов — его ровесников — не удержались в водовороте дней, “утонули”, забылись.

Б. Корнилов остался, потому что был “сентиментален, оптимистам липовым назло” (“Ёлка”, 1934). Ну, и попало ему за эту строчку от пишущей братии!

Статья Людмилы Калининой
“Я такой же, с надёжной ухваткой...”
на стр. 265

К 80-летию гибели Павла Васильева

Яркость, красочность и напор, уникальная лепка стиха, насыщенная живопись и многоцветье, ярость, хлещущая эмоция, запредельная повышенность тона — всё это поэзия Павла Васильева, ошеломившая современников и до сих пор ошеломляющая читателей.

Мы публикуем уникальный материал — запись разговора о поэте Александра Ипольнова и Николая Минха. Читайте на стр. 272.

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО «ИПО писателей»

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Сергей БЕРЕЖНОЙ
Тихая работа вежливых людей.
Записки добровольца 20
- Олег ТАРАСОВ
Зигзаг совести.
Рассказ 52
- Ирина ЧЕРНЯВСКАЯ
Дурочка. Рассказ 60
- Виктория СИНЮК
Нота. Рассказ 79
- Алесь БАДАК
Инструкцию по соблазнению
замужних женщин
Рассказ 87
- Юлия АЛЕЙЧЕНКО
Больше не буду!
Рассказы 95
- Георгий МАРЧУК
Дерева моей юности.
Зарисовки 104
- Леонид БЕЖИН
Железный рот.
Рассказ 116
- Олег РЯБОВ
Ловля рыбы бреднем.
Рассказы 140

Поэзия

- Валерий ЧЕРКЕСОВ
И небесное войско сражается... 18
- Вера КОБЗАРЬ
Мир земной и горный 50
- Виктория КАН
Свет калины красной 58
- Людмила БРАГИНА
“Весенние кочуют облака” 71
- Анатолий АВРУТИН
Я пишу на русском... 74
- Елена КРИКЛИВЕЦ
Словно детство
из песен советских 84
- Михась ПОЗДНЯКОВ
Светлая радуга 92
- Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО
Жизнь моя золотая 100
- Светлана ЕВСЕЕВА
Петь о себе — не о себе одной 110
- Александр РАТКЕВИЧ
Запах осени 113
- Нина ЯГОДИНЦЕВА
Время сгущается
над головой... 133

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Вадим КОВДА	
Что ж, спасибо судьбе	137
Людмила ЩИПАХИНА	
Скачет время по ухабам... ..	150
Разиль ВАЛЛЕЕВ	
Так драгоценно всё	
в родной стране	154
Василий КОЗЛОВ	
В медвежьем углу	
необъятного неба	158
Евгений КИСЕЛЁВ	
Там влюблялись	
и жили взаимой	285

Очерк и публицистика

Евгений САВЧЕНКО	
В авангарде развития	3
Юрий КОЗЛОВ	
В поисках утраченного	
пространства	161
Владимир ПОЗДНЯКОВ	
“Русские, россияне?”	172
Георгий ЦАГОЛОВ	
Лики 17-го года	176
Сергей ДМИТРИЕВ	
“Живая совесть литературы”	187
Яков АЛЕКСЕЙЧИК	
Белорусская промашка	
Лаврентия Берии	217
Владимир ВЕЛИЧКО	
Жизнь, полная испытаний	237
Виталий МАЛЬКОВ	
Мархаба, Сирия!	247

Критика

Пётр ТКАЧЕНКО	
Что было впереди?	257
Людмила КАЛИНИНА	
“Я такой же,	
с надёжной хваткой...”	265

Отечественный архив

“Его вполне допустимо сравнить	
с Лермонтовым...”	
Беседа А. С. Ипольного	
с Н. А. Минхом	272

В конце номера

Геология — жизнь моя... ..	282
----------------------------	-----

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 04.07.2017. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 4030-2017. Тираж 4700 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ЕВГЕНИЙ САВЧЕНКО

губернатор Белгородской области

В АВАНГАРДЕ РАЗВИТИЯ

Выступление на заседании Белгородской областной Думы

Подводя итоги социально-экономического развития области за прошедший год, хочу отступить от привычного формата и оценить весомый вклад Белгородчины в становление современной России за прошедшую четверть века, а затем вместе с вами, уважаемые друзья, определить пути развития Белгородской области в среднесрочной перспективе с учётом предстоящего очередного пятилетнего избирательного цикла. Об этом сегодня наш разговор.

1. Динамика развития Белгородчины

Итак, современный образ Белгородской области разительно отличается от того, что мы имели в начале пути. **Сегодня наша область – в авангарде социально-экономического развития России** по многим показателям, славится рекордными достижениями в промышленности, сельском хозяйстве, жилищном строительстве, развитии социальной сферы. И в этом большая заслуга наших земляков, которые не пасовали перед трудностями, не жаловались на судьбу, а упорно шли вперёд и самоотверженно добивались поставленных целей.

За прошедшую четверть века мы сумели не только сохранить, но и создать новый каркас региональной экономики, обеспечить развитую социальную, транспортную и инженерную инфраструктуру. Мы не допустили обнищания народа, а наоборот, создали относительно достойные условия для работы и жизни белгородцев. Отсюда вывод: задача органов власти всех уровней, а если хотите, миссия по всестороннему развитию области и повышению качества жизни её жителей выполнена. Как это выглядит в сухих цифрах статистики, давайте посмотрим.

Динамика развития нашей области за четверть века. Численность населения в 1990 году была почти 1 млн 400 тысяч человек. За прошедшие годы она увеличилась на 155 тысяч, и на 1 января текущего года население нашей области составило 1 млн 553 тысячи человек.

Следующий показатель – индекс промышленного производства – относительно 1990 года увеличился в 3,2 раза.

Индекс сельского хозяйства за эти годы увеличился практически в три раза.

Ввод жилья. В 1990 году область ввела 717 тысяч квадратных метров, за прошлый год – 1 млн 350 тысяч квадратных метров, почти в два раза больше.

В том числе, ввод индивидуального жилья – раньше вообще практически не поощрялось индивидуальное жилищное строительство, не только в нашей области, а и в целом в стране – в прошлом году показатель увеличился в 20 раз по отношению к 1990 году.

Важные социальные показатели. Детская смертность: в 1990 году составила на 1 тысячу родившихся – 14,7, а за прошлый год – 6, то есть снизилась в 2,5 раза.

Численность студентов в пяти наших ведущих вузах. В 1990 году – 18,7 тысячи человек, в прошлом году – свыше 50 тысяч человек, увеличилась почти в 3 раза.

Как изменился наш интеллектуальный потенциал, научный. Численность докторов наук за этот период увеличилась более чем в 6 раз.

И ещё один очень интересный показатель, пожалуйста, принимайте его без всякой иронии, – потребление алкоголя. Известно, что в 90-е годы вся страна потребляла не менее 11 литров на человека в год. В 1996 году на одного белгородца пришлось потребление спирта 8,26 литра, в 2016 году – 5,33 литра. Снижение в полтора раза. Это тоже, я считаю, очень важный показатель, и мы здесь занимаем лидирующие позиции вместе с республиками Северного Кавказа.

С другой стороны, как изменилось место Белгородской области среди регионов за 25 лет.

По численности населения в 1990 году мы занимали 39-е место среди регионов РФ, за прошлый год мы поднялись на 10 пунктов – 29-е место.

По объёму валового регионального продукта. В 90-е годы мы занимали 36-е место, в прошлом году – 27-е, выросли на 9 пунктов.

Объём валового регионального продукта на душу населения – важнейший экономический показатель. В 1998 году мы занимали 36-е место, за прошлый год – 17-е место, рост на 19 пунктов.

Объём сельскохозяйственного производства в сельхозпредприятиях. В 1998 году – 15-е место, за прошлый год – на 2-м месте после Краснодарского края, рост на 13 пунктов.

Оборот малых предприятий – важный показатель, демонстрирующий, как развивается у нас малый бизнес. В 1990-е годы мы были на 49-м месте, сейчас – на 19-м. Рост на 30 пунктов.

Оборот розничной торговли на душу населения. В 1990-е годы мы занимали 40-е место, сейчас уже 27-е, рост на 13 пунктов.

Уровень безработицы – социальный показатель очень важный. В 90-е годы на 23-м месте мы были, за прошлый год – на 7-м, рост на 16 пунктов.

Следующий показатель – население за чертой бедности – по нему мы занимали в 1990-е годы 18-20 место по уровню возрастания количества бедных, за прошлый год мы на 2 месте, то есть фактически у нас населения за чертой бедности меньше всего относительно практически всех регионов Российской Федерации.

И ещё пара показателей, которые характеризуют социальную динамику нашей области, – это величина прожиточного минимума. В 1990-е годы мы были на 24-м месте, за прошлый год – на 2-м, рост на 22 пункта.

Среднедушевые денежные доходы в месяц. В 90-е годы мы были 47-е, а за прошлый год – на 21-м месте среди регионов РФ.

В качестве заключительного комментария к статистическим данным скажу, что по итогам рейтинга качества жизни населения в российских регионах, проведённого агентством “РИА Рейтинг”, Белгородская область занимает в настоящее время 6-е место в РФ. Впереди нас Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Республика Татарстан и Краснодарский край.

2. Реализация ключевых решений

Сегодня, анализируя пройденный путь, а главное, извлекая уроки на будущее, позволю себе отметить ключевые стратегические решения органов власти области, реализация которых позволила нам в девяностые и нулевые годы стать на путь социальной стабильности и опережающего экономического роста. Среди этих факторов хочу отметить следующие.

Первое. В 90-е годы, когда в стране полным ходом шла экономическая трансформация, приведшая к развалу экономики и обнищанию людей,

перед властью региона стояла задача: каким образом, с одной стороны, поддержать уровень жизни людей, а с другой – сохранить и укрепить их надежду на завтрашний день. В этой связи было инициировано два проекта: во-первых, это поддержка индивидуального жилищного строительства, а во-вторых, принято решение о газификации области методом народной стройки. Белгородская область в считанные годы, первая в стране, завершила газификацию, и 2/3 сельских жителей получили “голубое топливо”.

Очень удачным, особенно в условиях не денежных, а бартерных отношений в 90-е годы, показал себя и проект поддержки строительства собственного дома. Приоритет и ресурсную поддержку получило индивидуальное жилищное строительство (первоначально, как вы знаете, в сельской местности, а затем уже в районных центрах, городах нашей области). За эти годы в области построено более 14,5 млн кв метров усадебного жилья, что позволило почти 500 тысячам человек, или каждому третьему белгородцу, улучшить имеющиеся жилищные условия или сменить квартиру на собственный дом, и это огромное наше социальное достижение. Более того, уже в нулевые годы нам удалось перейти на новый для России градостроительный формат – агломерации. И этот наш опыт никому до сих пор не удалось повторить. Когда мы реализовали эти два проекта, люди почувствовали, что они не брошены на произвол судьбы.

Второй фактор. Драматическая ситуация в 90-е годы сложилась в сельском хозяйстве. Практически неуправляемый распад коллективных форм хозяйствования привёл почти всё село и селян в состояние ступора. Однако **мы первые в стране нашли выход из создавшегося положения и смело пошли на коренное реформирование сельского хозяйства путём организации крупных вертикально-интегрированных структур. И сегодня наше сельское хозяйство – одно из самых передовых в России, а по объёму производства в расчёте на 1 га пашни нам нет равных.**

Наряду с индустриализацией сельского хозяйства и появлением крупных предприятий в области инициирован и действует в настоящее время проект по поддержке сельских предпринимателей “Семейные фермы Белогорья”, который объединяет сегодня свыше 5 тысяч семейных предприятий. И этот проект имеет не столько экономическое, сколько огромное социальное значение.

Безусловно, в основу успеха в сельском хозяйстве встало и наше неординарное решение о скупке сельскохозяйственных земель в областную собственность. Мы скупили практически половину. Таким образом, мы доказали, что вовсе не частная собственность на землю ведёт к процветанию села, а скорее наоборот.

Третий фактор. Все эти годы правительство области выстраивало благоприятный инвестиционный климат, в основе которого доверие, транспарентность и максимальная вовлечённость областных и районных органов власти в реализацию инвестиционных проектов любого формата, а также разделение рисков с инвесторами за счёт предоставления гарантий, поручительства и т. д.

И наши усилия не пропали даром: недостатка в инвестициях область никогда не испытывала, а **в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата в субъектах Российской Федерации Белгородская область за прошлый год заняла второе место.** Наше кредо – экономическая свобода для предпринимателей при максимальной поддержке органов власти – и дальше будет определять основной вектор экономического развития области.

Четвёртый фактор. Мы понимали, что область не может быть успешной без интеллектуальной, научной элиты, современных вузов и, прежде всего, университетов. Именно поэтому было принято решение более 20 лет назад об организации фонда развития БелГУ. При поддержке всей области на месте педагогического института был создан мощный государственный университет, который вскоре вошёл в университетскую элиту страны и приобрёл статус национального исследовательского университета.

Не отстают от него и другие вузы области: так, Белгородский университет кооперации, экономики и права стал первым в стране среди негосударственных вузов, а технологический университет недавно стал опорным вузом, имеющим ключевое значение в развитии инновационной экономики. Существенно

изменили свой внешний и внутренний облик и стали весьма престижными вузами аграрный университет им. Горина, юридический институт МВД им. Путилина, областной институт искусств и культуры.

Пятое. Экономика области не может развиваться устойчиво без хорошо налаженной системы воспроизводства квалифицированных кадров рабочих профессий. Именно поэтому первой в России наша область реализовала проект по созданию белгородской модели профессионального образования, суть которой заключается в глубокой интеграции интересов работодателей, ссузов и самих учащихся. И мы добились главного: учёба в наших техникумах, училищах стала для молодёжи привлекательной и престижной, а предприятия области получают хорошо подготовленные кадры.

Шестой фактор. Ничто так не влияет на формирование настроения и сознания граждан, как состояние жизненной среды обитания. Понимая это, мы инициировали проект “Зелёная столица”, который успешно реализуется и в настоящее время. У этого проекта много подпроектов: это и ландшафтное обустройство общедоступных мест, и сплошное облесение, и закладка новых парков и рекреационных зон. Проект “Зелёная столица” пришёлся по душе всем белгородцам. Как нет предела совершенству среды обитания, так не будет конца и этому проекту. Он наша данность, так как меняет не только среду обитания, но и души людей в лучшую сторону.

Не ограничиваясь проектом “Зелёная столица” и понимая, что для нашей области чрезвычайно важным является сохранение природной среды и экологического равновесия, которые за последние столетия и десятилетия сильно деформированы, особенно это касается плодородия почв, мы разработали в области Концепцию бассейнового природопользования и Программу биологизации земледелия. Первые годы их реализации дали обнадеживающий результат: впервые за последние несколько столетий приостановлена деградация главного нашего богатства – чернозёма. Это чрезвычайно важный для настоящего и будущих поколений жителей области результат.

Седьмой фактор. Особый подход на Белгородчине выработан и в дорожном строительстве. Так, в нулевые годы была реализована программа обустройства дорожным покрытием всех улиц во всех населённых пунктах области. Дороги с твёрдым покрытием благодаря этой программе получили десятки тысяч домовладений. Их протяжённость составила 9175 километров. Этот проект получил горячую поддержку жителей области, и по-настоящему оценить его значимость может только тот, кто жил в условиях сельского бездорожья.

Восьмой фактор. В годы радикальных перемен, которые мы пережили, как никогда важно было сохранить духовно-нравственный код общества и не растерять культурные ценности народа. Считаю, что и с этой задачей мы успешно справились. Построены заново и отремонтированы сотни учреждений культуры – клубы, дома и дворцы культуры, библиотеки, музеи, театры, филармония, появились новые и заново возродились сотни творческих коллективов. Духовно-исторической и культурной меккой национального значения стал музей-заповедник “Прохоровское поле”. Восстановлены и построены заново за это время сотни храмов, и мы благодарны РПЦ за продуктивное сотрудничество в духовном возрождении области. Плоды наших усилий отражены в рейтинге регионов по духовно-нравственному состоянию, где наша область заняла 1 место в ЦФО.

Девятый фактор. Наряду с развитием культуры в области всегда огромное внимание уделялось образованию, здравоохранению, социальной защите, поддержке пожилых людей, инвалидов, детей, а также поддержке физической культуры и спорта, включая спорт высоких достижений. Светлана Хоркина, Фёдор Емельяненко, волейбольный клуб “Белогорье” стали гордостью всех жителей области.

Десятое. Новаторский подход был продемонстрирован и в организации управления во всех органах власти. Мы первыми в стране совершили исторический переход от старого, ситуативного управления на новую проектную управленческую модель. Она в сочетании с переходом на электронный формат оказания государственных услуг жителям области через МФЦ по принципу «одно окно» не толькократно повышает эффективность государственного и муниципального управления, но и выстраивает новый клиентоориентированный тип отношений между властью и гражданами.

Я перечислил, уважаемые друзья, основной, но далеко не полный перечень ключевых направлений нашей совместной работы, которые позволили перевести область на новую, современную, конкурентоспособную парадигму социально-экономического развития.

Но главным фактором успешного развития области я считаю открытость, ответственность и профессиональные действия органов власти всех уровней. Все эти годы мы ни с кем не заигрывали, не давали пустых обещаний, не обслуживали чьи-то корпоративные интересы, бережно относились к кадрам и всегда при принятии любого решения отстаивали и защищали общие интересы области и её жителей.

3. Выводы, важные для настоящего и будущего

Подводить итоги пройденного пути и делать анализ – это работа историков, политологов, социологов, а я позволю себе сделать всего два вывода из новейшей истории Белгородчины, которые важны для нашего настоящего и будущего.

Первый. Благополучие и благоденствие любой территории, начиная с собственного дома, улицы, села, района, города и области в целом, можно и нужно обеспечить за счёт творческого использования ресурсов самой территории. Рассчитывать и надеяться на помощь со стороны – это иждивенческая, непродуктивная позиция.

Второй вывод. При осуществлении любых перемен у нашего общества как никогда важен запрос на качественные изменения и, прежде всего, на справедливость. Поэтому легко реализуются и затем дают хорошие плоды те решения, которые людьми воспринимаются как справедливые.

Отсюда вывод на будущее: нам нужно осуществлять такие перемены, которые в себе несут не только экономический или социальный эффект, но и нравственный, ибо качество и справедливость – это нравственные понятия.

Поэтому миссию исполнительной власти области на предстоящую краткосрочную перспективу я бы выразил короткой фразой: “Через перемены – к справедливости” или “Через перемены – к новому качеству жизни”. Поэтому и впредь мы будем заботиться не только и не столько о количественных показателях, таких как объёмы производства, квадратные метры, километры, доходы, прибыль, сколько о качественных, таких как творческие способности людей, возможности их реализации, качество потребляемых товаров, услуг, здоровье жителей, продолжительность их жизни, уважение и добрые отношения между людьми. Другими словами, сегодня для нас важнее состояние и рост духовного, эмоционального ресурса общества, и если он есть, то все остальные проблемы, в том числе материальные, финансовые, решаются правильно и эффективно. Это очень важный вывод.

4. Основные стратегические направления развития

А теперь, после небольшого исторического экскурса в новейшую историю Белгородчины, позвольте мне, уважаемые товарищи, поделиться основными стратегическими направлениями дальнейшего развития Белгородской области.

Первое стратегическое направление звучит так: “Белгородчина – территория инновационной экономики”.

Мир меняется на наших глазах, и меняют его новые технологии. Какой же видится экономика Белгородчины в ближайшие годы? Конечно же, современной и конкурентоспособной. Чтобы сохраниться в таком качестве, она должна постоянно подвергаться инновационной трансформации, модернизироваться, вписываться в современные технологические тренды. О чём идёт речь?

Первое. Цифровые технологии. По прогнозам экспертов, рынок промышленного интернета в мире увеличится и через 7 лет достигнет более одного триллиона долларов. Убеждён, что мы просто обязаны “откусить свой кусок от этого пирога”. Кстати, Китай поставил задачу в течение 20 лет создать 350 млн рабочих мест только в цифровой экономике. И сегодня задача цифровой трансформации экономики, социальной сферы, сферы услуг для каждого субъекта области становится крайне актуальной.

В век цифровых технологий мы обязаны в полной мере использовать эти “цифровые дивиденды”, за счёт них снижать издержки производства и повышать

производительность труда, увеличивать скорость движения товаров, услуг, капитала, а главное, экономить время – основной наш ресурс, использовать его с большей отдачей. Иными словами, снижать времязатратность производства товаров и оказание услуг, включая государственные. В этой связи каждое предприятие нашей области должно иметь план цифровой модернизации, а мы, в свою очередь, будем всячески стимулировать развитие IT-компаний, которые будут этим заниматься. Более того, грядёт новая информационная революция, которая неизбежно изменит мир – глобальный, корпоративный, личный мир. Это блокчейн – когда все операции, транзакции регистрируются в сети, и сама сеть подтверждает их достоверность. Первые кандидаты на применение блокчейна – телекоммуникационная, финансовая, банковская сферы, потом промышленность, сельское хозяйство. Поэтому нам нужно активизировать сотрудничество с такими структурами, которые уже приступили к применению данной технологии, – это Ростелеком, Сбербанк, Внешэкономбанк и другие.

Второе. Перспективным инновационным направлением является широкое применение роботов. В Южной Корее на 10 тысяч работающих приходится почти 1000 роботов, в России – один, в нашей области, наверное, не больше. Пока роботы стали прекрасным детским увлечением у нас. Серьёзно занимается этим направлением технологический университет. Очень рассчитываем, что скоро при поддержке крупного бизнеса у нас появятся предприятия по проектированию, изготовлению роботов и их широкому применению в промышленности, транспорте, энергетике, сельском хозяйстве, государственном управлении. Соответствующая программа будет в ближайшее время подготовлена.

Третье. Не должны мы быть в роли догоняющих и в применении 3D-технологий, которые в буквальном смысле начинают колонизировать сферу материального производства, строительство, медицину – с фантастическими для них последствиями. По образному выражению экспертов, 3D-технологии сегодня – это состояние интернета 1995 года. Можно себе представить, что нас ожидает в этой связи в ближайшие годы. Понимая это, два года назад мы начали обучение детей 3D-технологиям: в 2/3 школ уже имеются 3D-принтеры. Следующим этапом должна стать полноценная подготовка специалистов по аддитивным технологиям в техникумах и вузах нашей области. А главное, мы рассчитываем на массовое появление самостоятельных инжиниринговых компаний или их подразделений по внедрению данной технологии в экономике и социальной сфере нашей области.

Четвёртое направление. Структура нашей экономики с доминированием аграрного сектора побуждает нас заниматься поиском новых путей повышения его конкурентоспособности. И здесь к вышеперечисленным направлениям нужно добавить ещё широкое применение биотехнологий. Наши аграрии не стоят на месте, а имеют уже конкретные результаты: районированы новые сорта и гибриды, породы молочного скота белгородской селекции, на очереди – породы свиней, организовано производство аминокислот, некоторых ферментов, и мы считаем, что это только первые шаги применения биотехнологий в сельском хозяйстве нашей области. Опыт Бразилии, кстати, страны с бурно развивающимся сельским хозяйством, показывает, что 2/3 прироста урожая и продуктивности животных обеспечивает использование научных достижений на основе биотехнологий и лишь 1/3 – это дополнительные материальные и финансовые ресурсы. Поэтому мы придаём очень большое значение развитию биотехнологий в нашей области для повышения конкурентоспособности нашего передового сельского хозяйства, ибо крайне заинтересованы, чтобы оно и завтра было передовым и конкурентоспособным.

Пятое прорывное направление связано с созданием транспортных телекоммуникационных систем на основе малых беспилотных летательных аппаратов, так называемых дронов. По мнению экспертов, дроны скоро станут таким же атрибутом домашнего хозяйства, как и автомобиль, а во многом заменят его. В области сегодня уже реализуются проекты по производству беспилотников, а также использованию их в сельском хозяйстве, в землеустройстве и других сферах. И скоро мы почувствуем реальную отдачу от их внедрения.

Шестое. Инновационная экономика требует инновационной логистики, особенно в реализации продовольственных товаров, что актуально, конечно, для нас. В этой связи мы всячески будем поощрять предприятия,

которые станут интеграторами по заготовке, хранению, предпродажной доработке и реализации продовольственных товаров в торговые сети преимущественно за пределы области. Практика организации такой логистики в области имеется. Напомню только, что эта схема, как показывает зарубежный опыт, прекрасно работает, если взаимоотношения между производителями продукции и интеграторами будут доверительными и прозрачными, а выручка между ними распределяется пропорционально их затратам. Применяв такой механизм, мы сможем, с одной стороны, резко нарастить объёмы производства продукции сельских производителей, особенно небольших, а с другой стороны, создадим необходимые предпосылки для интернет-торговли продовольствием. Будущее за интернет-торговлей, об этом я говорю уже четвёртый год подряд.

Не будем забывать, что перед агропродовольственным комплексом области стоит задача довести объём продаж продовольственных товаров до 1 трлн рублей. Поэтому будем приветствовать и поощрять любые проекты, не только логистические, но и по производству сельскохозяйственного сырья и продовольствия: молока, овощей, плодов, грибов, рыбы, ягод, напитков, консервов, кондитерских изделий и т. д.

Подводя итог перспективам инновационного развития региона, хочу сказать, что в Белгородской области есть все необходимые объективные и субъективные предпосылки для того, чтобы стать лидером в этой сфере. Что я имею в виду?

Во-первых, мы имеем высококвалифицированный, постоянно возобновляемый кадровый потенциал. Это наш капитал, который не подвержен, кстати, никакой инфляции.

Во-вторых, у нас есть заинтересованные, платёжеспособные предприятия-заказчики или предприятия-инвесторы в лице, прежде всего, средних и крупных предприятий, ежегодная прибыль которых за последние годы уже стабильно составляет не менее 100 млрд рублей. И я думаю, что не менее 10, 15, 20 млрд рублей как раз и должно идти ежегодно на финансирование инновационных проектов нашей области – на модернизацию нашей экономики.

В-третьих, мы уже имеем позитивный опыт сотрудничества науки и бизнеса в реализации инновационных проектов. В области сейчас успешно реализуются и уже работают десятки подобных проектов.

Однако узким местом в инновационном развитии нашего региона я считаю отсутствие единого экспертного и координационного центра. В этой связи предлагаю создать такой центр, а губернатору области его возглавить. Таким образом, в режиме проектного управления мы сможем запускать многочисленные проекты инновационного развития области, меняя постепенно облик нашей экономики с индустриального на инновационный, переводя её с 3-4 на 5-6, а может даже и 7 технологические уклады. Важно при этом понимать, что одновременно мы решим и другую проблему – “утечку мозгов”, ибо потерять талантливого человека, я считаю, страшнее, чем потерять деньги. Вместо оттока мы должны обеспечить приток талантливых людей в нашу область.

Одновременно **в целях стимулирования научных и технологических разработок и их внедрения предлагаю создать Фонд инновационной поддержки, а заодно поддержать материально и морально и стимулировать его участников.** Для этого учредить премию имени великого нашего земляка Шухова Владимира Григорьевича, аналогично премиям Горина Василия Яковлевича и Угарова Алексея Алексеевича. Ежегодно вручать эту премию белгородским инноваторам в День российской науки.

Уважаемые депутаты, хочу попутно высказать несколько свежих идей по некоторым организационным аспектам развития нашей экономики.

Во-первых, хорошо себя зарекомендовал такой формат организации промышленного производства, как технопарки. И мы его будем всячески поддерживать и развивать. Однако механизм управления технопарками, и особенно их бюджетами, далёк от совершенства. Предлагаю его сделать прозрачным и публичным с максимальной поддержкой со стороны Правительства области, но в достаточной степени эти проекты поддерживаются и на федеральном уровне. Таким образом, мы сможем стимулировать частные инвестиции в создание технопарков, и это будет самое выгодное вложение денег для инвесторов. Мы должны дать сигнал многочисленным инвесторам в нашей

области: хватит вкладывать деньги в строительство офисов, торговых площадей, техсервисов и т. д. Их количества уже достаточно, они уже избыточны, и вложение в их строительство не принесит прибыли. Вкладывать деньги нужно во что? В производственные площади в технопарках под размещение собственных проектов или сдачу в аренду для других. Это будет прибыльно. Я в этом не сомневаюсь.

Во-вторых, мы будем стимулировать создание средними и крупными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями небольших промышленных производств на несколько десятков рабочих мест непосредственно в сельской местности. Такой проект сейчас разрабатывается и называется он 500/10 тысяч, где 500 означает число предприятий, а 10 тысяч – численность занятых в них. С реализацией этого проекта мы считываем, прежде всего, на создание благоприятных социальных условий в сельской местности. В наших сёлах население должно не убывать, а прибывать. И как раз реализация этого проекта будет этому способствовать.

5. “Новая жизнь” Белгородчины

Позвольте перейти, уважаемые друзья, ко второму стратегическому направлению, которое называется так: “Белгородская область – территория высоких жизненных стандартов”.

Первое – это жилищная политика. Сегодня в области 47 млн кв метров жилья, это чуть более 30 кв метров на одного жителя, из них индивидуально – 29 млн кв метров, или 62%, многоэтажного жилья – 18 млн кв метров, или 38%. Хотя четверть века назад соотношение было 50х50. За эти годы введено у нас почти 12 млн кв метров индивидуального жилья, а многоэтажного – всего около 5 млн.

Ставим задачу на ближайшие 5-7 лет – выйти по области на соотношение 2/3 – индивидуального и 1/3 – многоэтажного жилья. А этого можно достичь только за счёт дополнительной привлекательности усадебной жизни как в городских агломерациях, так и в сельской местности. И не просто привлекательности, но и доступности. С этой целью в ближайшие годы в массивах индивидуальной жилой застройки будет реализована программа социального обустройства: речь идёт о строительстве детских садов и начальных школ шаговой доступности, средних школ, офисов семейных врачей, а также о создании рабочих мест в технопарках, расположенных в агломерациях и сельской местности.

Одновременно для застройщиков по договору с БИК будет продлён срок строительства индивидуального дома с 5 до 7 лет, в течение этого срока к застройщикам никаких претензий никто предъявлять не будет. А также Ипотечной корпорацией шире будет применяться практика выбора и оформления земельного участка для индивидуального строительства через интернет.

Кроме того, **в ближайшее время будет внесён в областную Думу законопроект, предусматривающий снижение земельного налога в 1,5–2 раза под усадебными домами, владельцами которых являются пенсионеры.** А в сёлах с численностью до 200 человек для стимулирования строительства усадебного жилья будет принято решение о предоставлении для усадебной застройки до 1 га земли с арендной платой за землю, не превышающей размер земельного налога, с последующей безвозмездной передачей земельного участка в собственность после регистрации построенного дома.

Для молодых семей, не имеющих жилья, как известно, запущен проект “Новая жизнь” пока в Белгороде, но к его реализации надо быть готовым всем муниципальным образованиям области. Особенность проекта – в его финансовой привлекательности, а следовательно, доступности. Но мы рассматриваем этот проект как некий транзит для молодой семьи, которая, став собственником небольшой квартиры, затем сможет привлечь средства для строительства собственного дома. **Масштаб данного проекта – не менее 1000 квартир в год по области.**

Белгородчина не собирается терять своих лидерских позиций по переселению граждан из ветхого и аварийного жилья, капитальному ремонту многоквартирного жилья и бесплатному предоставлению жилья детям-сиротам. Напомню, что за срок действия данных федеральных программ, инициированных Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным, переселены 12,5 тысячи

граждан из 632 аварийных домов, капитально отремонтированы 2100 многоквартирных домов, в которых проживают 275 тысяч человек, а дети-сироты и оставшиеся без попечения родителей бесплатно получили 2770 домов или квартир.

Что касается градостроительной политики, то мы и дальше будем проводить курс на ограничение многоэтажной застройки в городах и снижение этажности домов, то есть будем проводить курс на деурбанизацию. Это мировой тренд, и мы тоже здесь в него вписываемся.

В то же время будем поддерживать такой формат многоэтажной комплексной застройки, который реализуется в микрорайоне “Улитка” Белгородского района, где одновременно со строительством многоэтажного жилья застройщиком вводятся детские сады, начальная, средняя школы, помещения для семейного врача, обустраиваются дворы, а автомобили все паркуются за пределами дворовых территорий. Вот такие проекты мы будем поддерживать. Кроме того, изменения в действующем законодательстве позволяют нам жёстко контролировать исполнение обязательств застройщика перед приобретателями квартиры в многоэтажном доме, и мы не допустим более такого позорного явления, как обманутые дольщики.

Требуется более взвешенного и продуманного подхода квартальная реконструкция жилья, прежде всего, в Белгороде. К сожалению, действующая практика реновации жилья не вызывает большого восторга у жителей города и требует пересмотра. На мой взгляд, индивидуальное, малоэтажное благоустроенное жильё является таким же украшением города, как и многоэтажное. Надо только сделать его благоустроенным и привлекательным. И нечего нам заниматься его сносом.

Второе по данному разделу. Дорожное строительство и благоустройство. Пять лет назад мы ставили задачу уже в текущем году завершить реконструкцию магистральных дорог области протяжённостью свыше 500 км, то есть соединить все районные центры Белгородской области хорошими магистральными дорогами, при этом существенно увеличив пропускную способность, несущую нагрузку, а самое главное, безопасность. Стоимость программы оценивалась в 38 млрд рублей. Однако из-за бюджетных ограничений по независящим от нас причинам завершить эту программу планируется на 2 года позже.

Белгородцы обратили внимание и горячо поддержали наше решение о совмещении строительства, реконструкции и капитального ремонта любых дорог в области с благоустройством окружающего пространства, независимо от того, где проходит дорога: в границах поселения или в чистом поле. И сегодня наряду с проектом капитального ремонта конкретной дороги одновременно реализуются ещё два проекта: благоустройство прилегающих улиц с обязательным подъездом с твёрдым покрытием к каждому жилому дому и нежилому строению, а также проект реконструкции придорожного озеленения или существующих лесополос. Такой комплексный подход в дорожном строительстве мы будем осуществлять и впредь и рассчитываем на активную поддержку и участие жителей области и предпринимателей. К 2022 году мы завершим капитальный ремонт всей сети опорных дорог в регионе общей протяжённостью 2400 километров с полным инженерным и ландшафтным обустройством придорожного пространства.

Как известно, в текущем году партией “Единая Россия” инициирован федеральный проект “Формирование комфортной городской среды”. Откровенно говоря, мы этим занимаемся уже более 15 лет, и не только в городах. Много сделано, но успокаиваться не собираемся. И партийный проект в этом смысле очень кстати.

В ближайшие годы нам необходимо завершить полное благоустройство жилой квартальной застройки внутридворовых территорий в городах и районных центрах, крупных посёлках, как это уже давно сделано в Губкине. Предстоит большая работа по реконструкции и обустройству парков, набережных, площадей, бульваров, скверов. Продолжим обустраивать с помощью предпринимательской народной инициативы рекреационные зоны на базе уникальных природных и рукотворных ландшафтов нашей области. Каждый водный объект или лес, находящийся в границах поселения или городской агломерации, должен стать благоустроенным местом для активного и культурного отдыха белгородцев и гостей области. Активизируем также работу по прокладке велодорожек в городах и за их пределами.

Третье. Решение экологических проблем. Приоритетной задачей на ближайшую пятилетку станет дальнейшее повышение экологической устойчивости нашего региона. Ибо только в экологически здоровой обстановке можно производить здоровые продукты питания, пить чистую воду, дышать свежим воздухом, в конце концов, наслаждаться красотой природы.

В этой связи будут продолжены в области уже реализуемые проекты: биологизация земледелия, замена продуктов химического синтеза, применяемых в сельском хозяйстве, органическими, то есть минеральные удобрения, пестициды, антибиотики будут постепенно вытесняться органическими удобрениями, биогербицидами, пробиотиками и другими продуктами органического синтеза. Это существенно повысит качество, а значит, и конкурентоспособность производителей продуктов сельского хозяйства в нашей области.

Но пришло время сосредоточить наши усилия и на таких направлениях, как оздоровление воздушного и водного бассейнов, сохранение и умножение растительного и животного многообразия, переход на новую систему обращения с ТКО.

Основными загрязнителями атмосферы являются автомобили. На их долю приходится более половины грязных выбросов. И у нас нет другой альтернативы, как переход на газомоторное топливо, которое, кстати, в 2 раза дешевле обычного моторного топлива. Такая программа есть, и мы её сегодня реализуем, прежде всего, с ПАО «Газпром». Одновременно будут ужесточены требования к предприятиям – загрязнителям воздуха как в промышленности, так и в сельском и коммунальном хозяйстве, вплоть до их приостановки, как это сделано с заводом лимонной кислоты в Белгороде.

Что касается оздоровления водных ресурсов области, то сейчас завершена подготовка программы реконструкции действующих и строительства новых очистных сооружений там, где их не было. Это многомиллиардная программа, предварительно она оценивается в 10,5 млрд рублей, ибо у нас 4,5 тысячи объектов на территории области не подключены к центральной канализации и не имеют ЛОС. Для реализации этой программы считаем целесообразным организовать единого областного оператора, который сосредоточит все организационные и финансовые ресурсы, как это сделано у нас по индивидуальному жилищному строительству или капитальному ремонту жилья. Убеждён, что 5 – максимум 7 лет достаточно для реализации программы водоподготовки для хозяйственных бытовых нужд и очистки сточных вод. Пора нам покончить и с таким позорным экологическим явлением, как поля фильтрации, которые применяются всё ещё для сброса бытовых и промышленных стоков, особенно в сахарной промышленности.

Непоправимый ущерб водному бассейну области наносит применение фосфорсодержащих синтетических моющих средств. Фосфор, как известно, не поддаётся очистке ни в одних очистных сооружениях мира, и по этой причине наши водоёмы буквально загнивают со второй половины лета от неконтролируемого размножения водорослей, которое стимулируется этим самым фосфором. Надеемся в этой связи на скорое принятие законодательных мер на федеральном уровне. **Недавно я выступал с просьбой в Совете Центрального федерального округа по полному запрету фосфорсодержащих препаратов в товарах и бытовой химии, что, кстати, уже сделано практически во всех странах мира.** Но с другой стороны, ничего не мешает нам работать на опережение, приняв соответствующий закон области.

Оздоровлению водного бассейна, особенно грунтовых вод и малых рек, будет способствовать ускоренный переход на нулевую обработку почв в земледелии, облесение и залужение эродированных земель, ограничение и прекращение пастбы скота на естественных угодьях, а также искусственное облесение после плановых промышленных рубок в лесах Гослесфонда. По всем этим направлениям нами будет выработана программа мониторинга и контроля.

Далее. Площадь особо охраняемых природных территорий в области составляет всего 300 тысяч га, или 11%. Это очень мало. В Германии, например, где плотность населения в 4 раза выше, чем в Белгородской области, доля особо охраняемых природных земель составляет почти половину. **Нам нужно идти путём расширения площади особо охраняемых природных территорий и одновременно регулировать вопросы охотопользования, как в интересах обществ охотников и рыболовов, так и в интересах сохранения**

и умножения животного многообразия. По сути, мы должны выработать и реализовать собственную модель природного парка на всей территории области.

Модели природного парка соответствуют и наши действия по реализации политики нулевых отходов, прежде всего, в коммунальной сфере. В стране взят курс на индустриализацию в сфере обращения отходов. Безусловно, это потребует и высоких платежей со стороны населения и бизнеса за сбор, транспортировку, сортировку, переработку и утилизацию отходов. И это, я считаю, оправдано для больших городов и мегаполисов, но в Белгородской области, где две трети населения живут в собственных домах, **считаю необходимым вспомнить хорошо работавшие, но уже забытые приёмы по сбору макулатуры, металлолома, а в современных условиях к ним можно добавить и сбор пластиковых отходов, стекла и стеклотары.** Это те отходы, которые легко и выгодно экономически могут перерабатываться на месте. Нам необходимо выстроить лишь правильную логику их сбора с заинтересованным участием переработчиков этого сырья, населения, управляющих компаний, возможно, образовательных учреждений, добровольцев и т. д. Короче, мы должны предложить, а люди сами сделать выбор варианта обращения твёрдых коммунальных отходов – централизованного и дорогого или децентрализованного, но значительно более дешёвого. Но при любом варианте нам нужно организовать единого оператора по обращению отходов, как это и предусмотрено Правительством РФ.

Решение вышеназванных экологических проблем невозможно без формирования высокой экологической культуры людей, бережного отношения к месту проживания. И мы не будем жалеть усилий, во-первых, на экологическое просвещение всех слоёв населения, и прежде всего, молодёжи; во-вторых, мы рассчитываем на помощь добровольцев, в том числе в онлайн-режиме, в борьбе с нарушителями экологических норм и требований; и, в-третьих, мы и дальше будем совершенствовать механизмы контроля и ужесточения административных наказаний нарушителей экологического законодательства.

6. Здравоохранение, образование, культура

Третье стратегическое направление: “Белгородская область – территория высоких социальных стандартов”.

В социальной сфере чётко сформулировал перед нами задачу Президент РФ Владимир Владимирович Путин: “Сбережение людей, умножение человеческого капитала как главного богатства России”. Без сомнения, фундаментом и залогом народосбережения выступает качественное здравоохранение.

Чуть более года назад стартовал на Белгородчине проект “Управление здоровьем”. Возврат к семейной медицине и семейному врачу, стремление предупредить, а не лечить болезнь – в этом суть этого проекта. И это должны сделать почти одна тысяча семейных врачей – самых опытных, квалифицированных, преданных своему делу специалистов, для которых будут созданы все условия для работы и чей добросовестный труд будет хорошо оплачиваться. Уже в текущем году этот проект в полном формате заработает в сельской местности, а в будущем – в районных центрах и городах.

С будущего года заработает фонд поддержки семейной медицины, откуда семейные врачи, фельдшера и медсёстры будут получать стимулирующие надбавки к зарплате за достижение качественных показателей. А показатели должны быть такими: продолжительность жизни и состояние здоровья граждан в закреплённом за ними медицинском округе. Для подготовки и переподготовки кадров для семейной медицины будет перестроен учебный процесс в медучилищах и медицинском институте Белгородского государственного университета.

Реализация проекта “Управление здоровьем” позволит сформировать у каждого белгородца чувство ответственности за собственное здоровье, навыки здорового образа жизни и здоровьесбережения. **Наша задача – сохранение каждого. Уверены, что реализация проекта серьёзно улучшит состояние здоровья и увеличит продолжительность жизни белгородцев к 2030 году минимум до 80 лет.**

Не останутся без внимания и другие проблемы в здравоохранении. Так, мы рассчитываем на снижение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний,

особенно с пуском в текущем году высокотехнологичного кардиохирургического центра в Старом Осколе. Улучшится качество обслуживания онкобольных с расширением поликлиники в областном онкодиспансере. Завершится ремонт горбольницы №2 в Белгороде, областной детской больницы и др.

Медицина в последнее время становится очень привлекательной для частных инвестиций. По этому поводу должен сказать, что для граждан важно качество медицинских услуг, а не форма собственности медицинского учреждения. Все медицинские услуги, оказанные населению качественно, и будут включены в систему медицинского страхования для оплаты, независимо от того, какую форму собственности имеет медицинское учреждение. Со своей стороны, мы будем делать всё возможное, чтобы государственная система здравоохранения была сохранена в полном объёме и была конкурентоспособной с частными медицинскими учреждениями.

Трудно переоценить, уважаемые депутаты, роль образования, культуры, спорта в сохранении и умножении человеческого капитала. В области создана многоуровневая и эффективная система образования. Это плод совместной многолетней работы коллективов вузов, ссузов, гражданского общества. Однако жизнь не стоит на месте и ставит перед нами новые задачи.

Во-первых, с помощью федеральной программы нам предстоит в течение пяти лет ликвидировать двухсменное обучение в школах. С этой целью в течение года будут введены в строй 3 средних школы в Белгороде и Белгородском районе более чем на 2,5 тысячи мест. А также с будущего года приступим к реализации программы дошкольного и школьного строительства в агломерациях Белгорода и Старого Оскола.

Во-вторых, сейчас дорабатывается программа капитального ремонта школ, училищ, техникумов, общежитий, а также интернатных образовательных учреждений. Эту программу планируется полностью реализовать в ближайшие 3–4 года.

В-третьих, предстоит решить и такую проблему, как образовательное неравенство. Итоги ЕГЭ демонстрируют существенное отличие качества знаний у выпускников разных школ. Устранить образовательные перекосы помогут электронные коммуникации и онлайн-обучение. Дети должны получать качественное образование вне зависимости от места проживания, состояния здоровья и субъективных факторов.

В-четвёртых, экономика страны вступает в период мощного инновационного, технологического прорыва, мы об этом уже говорили. В этой связи на первый план должно выйти качественное техническое и IT-образование. Лучший формат для этого – детские технопарки типа “Кванториум”, которые помогают детям создавать собственные технические и программные продукты, формируют высокую изобретательскую культуру. В ближайшей перспективе мы создадим такие технопарки в каждом муниципалитете, а в Белгороде для профессиональной ориентации детей предпринимательским сообществом на месте старого зоопарка строится город мастеров “Мастерславль”.

В-пятых, очень важная задача – создание достойных условий самореализации молодого поколения. Всё возрастающая роль в трудоустройстве выпускников будет принадлежать нашим университетам, которые в содружестве с предприятиями должны создавать сотни различных инновационных компаний. Но, конечно же, **главным потребителем выпускников, в первую очередь, талантливых, будет новая модернизированная экономика, а наши выпускники все должны быть квалифицированы и талантливы.** С другой стороны, университеты, техникумы должны готовить специалистов завтрашнего дня: архитекторов информационных систем, инженеров по восстановлению окружающей среды, проектировщиков по 3D-технологиям, операторов робототехнических комплексов и т. д. Одним словом, будущее за подготовкой смарт-инженеров.

В-шестых, сегодня нам нужно создавать современные общественно-культурные точки притяжения молодёжи, которые бы отвечали всем её коммуникативным, информационным, культурным запросам, повышали культурный уровень, речевую, финансовую грамотность, прививали бы нормы этикета, делового общения. С этой целью будут завершены проекты по созданию центров молодёжных инициатив во всех районах области. А учреждения культуры будут реформатированы в современные центры – “фабрики” человеческого развития.

В-седьмых, особое внимание мы будем уделять формированию у детей высоких культурных запросов и предпочтений, воспитанию потребности в классической подпитке. Так, с прошлого года реализуется масштабный проект “Музыкальная палитра” по обучению детей в возрасте от 5 до 15 лет основам игры на музыкальных инструментах, для чего выстроена обширная сеть из более чем 200 объектов: детских музыкальных школ, школ искусств, культурно-досуговых учреждений. В перспективе этот проект должен стать площадкой для массового детского музыкального образования. Такое духовно-культурное обогащение детей в будущем даст мощный выброс созидательной творческой энергии, и, конечно же, не только в музыке. Ожидаем, что этот важный проект всецело будет поддержан попечителями. Должен с удовольствием констатировать, что на Белгородчине все уже поняли, что инвестиции в образование, культуру, спорт окупаются, а точнее, возвращаются сторицей. Мы и впредь не будем жалеть усилий и средств на поддержку образования, культуры и спорта.

7. Строительство солидарного общества

Четвёртое стратегическое направление для приложения наших усилий: **“Белгородская область – территория строительства солидарного общества”**.

Можно, уважаемые друзья, по-разному относиться к теме создания солидарного общества. Тем более что в настоящее время разрыв между реальной жизнью и образом будущего солидарного общества колоссален. Однако я уверен, что мы должны стремиться к этой прекрасной цели. Ибо следование по пути консолидации общества и объединения граждан – это мощный и безальтернативный механизм общественного развития, материального и нравственного благополучия Белгородчины и каждого её жителя.

Каковы основные направления приложения усилий власти и общества по дальнейшей солидаризации общественного развития области?

Первое. Я уже говорил, что в обществе сохраняется высокий запрос на справедливость. В этой связи мы обязаны утверждать принцип социальной справедливости во всех сферах нашей жизни, и прежде всего, в правильном распределении полученного совокупного дохода между государством в виде налогов, собственниками предприятий, которые распоряжаются прибылью, и наёмными работниками, которые получают доход в виде заработной платы. И здесь мы твёрдо, повсеместно и последовательно будем добиваться реализации принципа: работающий человек не должен быть бедным. На это, кстати, и нацелены майские Указы Президента о повышении заработной платы в бюджетной сфере, которые мы неукоснительно выполняем, даже с некоторым опережением.

Далее. **Сумели же мы добиться самой высокой заработной платы в сельском хозяйстве среди регионов с развитым аграрным производством? Она уже превысила 30 тысяч рублей в месяц.** Что нам мешает это делать в других отраслях? В том же горно-металлургическом комплексе, машиностроении, строительстве, транспорте, ЖКХ и т.д. Я уж не говорю о малом бизнесе, где, по официальным данным, она не превышает в среднем 15 тысяч рублей в месяц.

В этой связи считаю, что **наша основная задача на предстоящий период – добиваться увеличения заработной платы трудящихся.** С другой стороны, мы будем и дальше калёным железом выжигать такое позорное явление, как “серые” доходы и “зарплаты в конвертах”. И делать это будем в интересах простых наёмных работников как будущих получателей пенсий. Первые результаты мы уже имеем: за 10 лет по среднему размеру пенсий наша область вышла с 16 места в ЦФО – предпоследнего места – на 7-е по итогам прошлого года.

Не способствует солидаризации общества, а следовательно, ведёт к напряжению в нём не столько сам факт имущественного расслоения, что в рыночной экономике является естественным, сколько публичная демонстрация своего особого имущественного статуса, и совершенно недопустимо, когда по недомыслию, прежде всего, некоторых родителей это передаётся в школьную, студенческую среду. Считаю, что наше гражданское общество созрело уже для того, чтобы справиться с этой проблемой при помощи

публичного обсуждения её в условиях информационной открытости. Мы все должны понять, что **кичиться своим материальным превосходством или особым статусом в любом его проявлении – это признак дурного воспитания и дурного тона, неприемлемого в приличном обществе**, не говоря уже об обществе солидарном.

Утверждая повсеместно принципы справедливости, мы и дальше будем защищать людей, которые не по своей вине и не по своей воле попали в трудную жизненную ситуацию. Мы будем работать над обеспечением равного доступа к качественным образовательным, медицинским и культурным благам вне зависимости от места проживания и статуса. Мы будем формировать комфортное жизненное пространство на всей территории области. Говоря простыми словами, мы будем беспрекословно и повсеместно отвечать на справедливые запросы людей на достойную жизнь, ибо мы за всё в ответе.

Второй важной составляющей солидарного общества является ощущение не только справедливости, но и безопасности – физической безопасности. На Белгородчине, как и во всей России, люди не живут в повседневном страхе за свою жизнь. И в этом большая заслуга внутренней и внешней политики нашего государства. Тем не менее, от правоохранительной системы области, авторитет которой достаточно высок, требуется ещё больше усилий по защите законных прав граждан и привлечению к ответственности нарушителей закона. Важно при этом не ослаблять борьбу и за чистоту собственных рядов в правоохранительных органах и решительно избавляться от тех, кто запятнал честь мундира.

Третье. В своё время выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин основной задачей формирования солидарного общества назвал “выделение кверху лучших людей”. Мы и дальше, исходя из этой формулы, будем всячески расчищать дорогу вверх талантливым, умным, патристичным молодым людям. Хорошим инструментом для этого является проектное управление, которое позволяет всякому продемонстрировать свои возможности от подачи идеи до её воплощения. Одновременно считаю, что молодые, активные, пассионарные люди, желающие послужить во благо Белгородчины, должны ещё энергичнее пополнять региональную и местную власть, ибо гармоничное сочетание динамичной молодости и мудрости опытных кадров даёт прекрасный управленческий эффект. В этой связи в текущем году у нас появится областной кадровый портал “Заяви о себе”.

Четвёртое. Солидарность общества определяется отношением и заботой государства о старшем поколении, об инвалидах, о тех, кто не может сам себя защитить. В области наработан огромный опыт сотрудничества органов власти с ветеранскими организациями, обществами инвалидов, и мы всё сделаем, чтобы сохранить и приумножить этот бесценный опыт. Проблемы ветеранов, инвалидов и дальше будут предметом повседневной нашей заботы.

Пятое. Считаю, что для успешной солидаризации белгородского общества необходимо постоянно повышать гражданскую созидательную активность общественного пространства. Первостепенной задачей исполнительной власти вижу выявление, отбор, поддержку и продвижение полезных инициатив белгородцев. Благо, неравнодушных, активных граждан, не злопыхателей, а созидающих добро у нас становится всё больше. Грантовая поддержка полезных гражданских инициатив будет не только со стороны власти, но мы рассчитываем и на помощь предпринимательского сообщества, различных благотворительных фондов. Только таким образом можно выстроить мощный сектор социально ориентированных некоммерческих организаций.

Одновременно предстоит огромная совместная работа исполнительной и представительной власти области по дальнейшему совершенствованию и активизации территориального общественного самоуправления. И критерий здесь один – количество объединений граждан и количество решаемых ими проблем на конкретной территории, ибо никто и ничто так не объединяет граждан и не консолидирует общество, как совместное дело, пусть небольших, но добрых и конкретных дел. А с другой стороны, безучастие граждан в решении местных проблем ведёт к иждивенчеству и инертности общества.

И последнее. **Для построения солидарного общества должна постоянно качественно меняться власть в сторону ещё большей открытости, оперативности, ответственности и, в конце концов, эффективности.** Мы будем и дальше наращивать темпы и качество нашей чиновничьей работы, перестраивать мышление и действия на высокоскоростные режимы в интересах конкретных территорий и живущих на них граждан.

Подводя итог этому важнейшему направлению нашей работы, я хотел бы озвучить формулу солидарного общества по-белгородски. **Солидарное общество есть сумма трёх слагаемых: умная и честная власть плюс справедливая и эффективная экономика плюс активное гражданское общество.** Мы за такую солидарность, которая пропитана радостью общего созидания, справедливостью, уважением и любовью друг к другу.

Такова, уважаемые друзья, повестка нашей предстоящей работы на ближайшие пять лет. Надеюсь, что большинство белгородцев её поддержит. А если поддержат, тогда вместе мы её и исполним.

ВАЛЕРИЙ ЧЕРКЕСОВ

И НЕБЕСНОЕ ВОЙСКО СРАЖАЕТСЯ...

СЛОВО

1

...Старинная игра в слова.
Ст. Куняев

Для кого-то игра, для кого-то — судьба,
а для кого-то и смерть...
Надо такие найти слова,
надо сметь и уметь
их говорить, чтобы даже слепой
сердцем увидел — вот
над безразличной безмолвной толпой
Слово, как солнце, встаёт.

2

Словом утешь — утишь
боль, что грудь разрывает.
Мы не бессмертны, лишь
временно здесь.
И знает
каждый об этом, но
думает — переможет

ЧЕРКЕСОВ Валерий Николаевич родился в 1947 году в городе Благовещенске Амурской области. Автор девяти поэтических сборников. Печатался в московских журналах "Наш современник", "Москва", "Знамя", "Молодая гвардия", "Роман-журнал XXI век", в "Литературной газете" и "Литературной России". Член Союза писателей России.

то, что судьбой дано:
Он, быть может, поможет
и в занебесную тишь
душу возьмёт навечно.
Словом утешь — глядишь,
станет чуть-чуть полегче.

* * *

А в распадке — голубица,
И на мари — голубица.
Собираю, загребаю
Ягодки ладошками...
Это детство снится, снится...
Тяжелеют на ресницах,
Щиплют веки нестерпимо
Слёзы вновь непрошенные.

Неужели было это?
Щедро раздавало лето
Пацанве послевоенной
Все свои богатства
Поровну, и не монеты,
А закаты и рассветы,
И надежду, что однажды
Папы возвратятся.

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

Правда в том, что Непрядва была,
и дружины здесь насмерть стояли,
погибали и воскресали.
И стрекочут опять до утра
на лужайке былинной цикады.
Ивы в омуте отражаются.
И небесное войско сражается,
чтоб потомки не знали неправды.

В РЕЗЕРВАЦИИ

*Молчите, Тряпкин и Рубцов,
Поэты русской резервации.*

Ю. Кузнецов

Размахнулся палицей огромной,
«тачки» иностранные крушит.
Огненный петух взлетел над домом —
воровское гнёздышко горит.

Мечутся хозяйские гадёныши.
Милосерден он, не тронет, пусть
существуют.

И глядит беспомощно,
и печалится больная Русь.

Он капитализм согнул в дугу,
придушил змею эксплуатации...
В деревенской русской резервации
мало ль что приснится мужику.

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

ТИХАЯ РАБОТА ВЕЖЛИВЫХ ЛЮДЕЙ

(ЗАПИСКИ ДОБРОВОЛЬЦА)

Глава 1. Июль, 2014. Очень вежливые люди

Сумерки по-кошачьи сторожко скрадывали остатки дня, сиреневой печалью накрывая двор, огороженный покосившимся бетонным забором. В глубине за густыми зарослями скрывался от постороннего глаза приземистый двухэтажный корпус. Цикады рвали на части накрывшую эту часть города благодатную тишину. Настоянный за день июльской жарой густой аромат цветов делал воздух вязким. В стоявшие впритирку несколько легковушек и “бусик” одетые в летний камуфляж мужики сноровисто загружали ящики с продуктами и медикаментами.

— Рюкзаки, вещмешки, разгрузки, берцы у всех?

Саныч был уверен, что не у всех, да и вопрос, в общем-то, риторический: от силы минут через десять их здесь не будет и уже никто не сможет надеть их рюкзаками или вещмешками, берцами или кроссовками, разгрузками или камуфляжем. Он размотал уже не одну войну, потому для него этот вопрос был, в общем-то, психологией, прощупыванием — начнут ныть, что того нет или другого, значит, отметить надо сразу, иначе потом мо-

---

БЕРЕЖНОЙ Сергей Александрович родился в 1955 году в Воронежской области. Секретарь Союза писателей России, лауреат “Большой литературной премии”, литературных премий “Имперская культура”, “Прохоровское поле”, им. Генерал-лиссимуса А. В. Суворова и др. Автор восьми книг прозы. Окончил Воронежский госуниверситет и Академию МВД СССР, служил в Советской Армии, органах МВД, федеральный судья. Живёт в г. Белгороде.

роки не оберёшься. А промолчат — значит, главное идея, главное — задачу выполнить, а в берцах или босиком — это уже десятое. Мужики переглянулись, но промолчали, лишь Ара¹ распахнул было рот, но тут же закрыл его и обиженно заснепел, получив тычок в спину.

— Всё нормально, там разберёмся, — пробасил Пух². — Да и ехать пора.

В общем-то Ара имел право напомнить о себе: из аэропорта уходил налегке, отстреливаясь, бросив эрдэ³ со всеми пожитками, собранными отцом в дорогу. Теперь на нём только наспех зашитая на плече камуфляжная куртка, футболка да линялые джинсы.

— Там раздобудешь, — миролюбиво произнёс Пух. — Либо военторг поможет, либо укры поделятся, но зипуном себе на зиму разживёшься.

Отправляясь на войну, всегда служили молебен о даровании победы в сражении, о сохранении жизни на поле брани, об избавлении от плена. Так уж заведено было предками нашими, да только в советские годы тайком всё было: зашивала мать в нагрудный потайной карманчик “Живый в помощи”, прятали нательный крестик от глаз сторонних, а в особенности от замполитовских. Но у того тоже была мама, и он тоже тайком носил чёрную ленту с золотой вязью — девьяностый псалом, оберегавший его пуце партбилета от смерти лютой.

С Чечни, пожалуй, повелось преклонять колени пред образами в канун отъезда. И потянулись в храм уезжавшие на Кавказ, и замелькали кропила батюшек на перронах вокзалов да на воинских плацах, и отпевали тоже по православному обряду прежде прощального залпа.

Хотя нет, для кого-то уже с Карабаха начиналось: робко вспомнили о корнях своих, о вере вытравляемой, да так и не вытравленной. Потом всё чаще и чаще к Богу обращались: и в Приднестровье отправляясь, и в Абхазию, и в октябре девьяносто третьего, когда алчность и предательство распинали совесть России, и когда корчилась раздираемая Югославия, а потом мощно пошли в храмы не по велению сверху, а по потребности духовной, когда опалил Кавказ.

Молебен перед отъездом — это традиция, а традиция это уже свято. Потому и поморщился казачина Володя с редкой, но знаковой фамилией Российский, когда Саныч ненавязчиво так, но довольно жестко отверг предложение о службе в кафедральном соборе:

— Не здесь и не сейчас. Не командировка это под звуки оркестра с городского вокзала. Традициям нужно, конечно, следовать и беречь их, но только не здесь — чужих глаз и ушей слишком уж много. Лучше где-то по пути в какой-нибудь старой церквушке с сельским батюшкой пусть служба пройдёт. И душевней будет, и суеты меньше, да и к Господу ближе. Мне так кажется.

Тон назидательный, от которого коробит, но это последнее “мне так кажется” — словно гвоздь заколотили в дубовую тесину. Это ему так, видите ли, кажется. Он, понимаете ли, решил за всех. Да ещё, видите ли, командует.

Кто-то видел его всего второй раз, кто-то впервые, но то, что именно он ставил задачу, что его знает сам Марат⁴ и не просто знает, а слушает его и соглашается, снимало все вопросы. Хотя долго еще хмурились и бросали незлые, но осуждающие взгляды. Ещё и потому, что непонятен был для них этот Дед, кто он и что он, но тон сказанного убеждал.

Молебен отслужили в сельской церкви — россосанские казаки поспособствовали. Прихожан не было — лишние глаза им были ни к чему. Молились каждый о своем, молча, в себе, за близких, оставляемых здесь, чтобы гримаса боли от потери не исказила их лица, и, конечно же, о возвращении всех и каждого, прося Господа уберечь. А батюшка, осеняя крестом, произ-

¹ Доброволец из Армении. Штурмовал 26.05.2014 Донецкий аэропорт, с сентября воевал в подразделении И. Безлера. Дальнейшая судьба неизвестна.

² Ю. Н. Кайдалов, доброволец из Белгорода (погиб).

³ РД — рюкзак десантника.

⁴ Марат Мазитович Мусин, доктор экономических наук, профессор, политолог, конспиролог, аналитик, руководитель информационного агентства “АННА НЬЮС”, писатель, секретарь Союза писателей России, специалист по проблемам коррупции и т. д.

нёс напоследок, что они ангелы. Ангелы — хранители России, воинство православное, и что Пресвятая Богородица их не оставит.

Саньчу подумалось: а ведь действительно воинство православное, коль не за деньги, а по зову души кров родной покинули. Разные по языку и крови, лицами разные, по цвету глаз разные, годами и жизнью прожитой разные, а вот сподобилось быть вместе, потому как всё-таки едины в обнаженной способности боль чужую чувствовать, сострадать, противиться злу. — Матерь Божья, Пресвятая Дева, спаси и сохрани сынов своих, поднявшихся за честь и славу России... — возносилась к образам молитва сельского батюшки, и верилось, что вернутся все, живыми вернутся, не замарав чести русского воина.

Сколько годков-то прошло? А ведь боле двух десятков, когда вот так же провожала Саньча мать за околицу, где томился старенький “луноход” — так ребята прозвали давно списанный и чудом двигавшийся автобус — крестила и что-то шептала. Молилась, наверное, но неслышно, едва губами шевеля: так скорее Господь услышит, потому как с ним в крик разговаривать нельзя, таинство всё-таки. Зато потом даже сквозь незлобное урчание мотора слышал напутствие:

— Ты, сынок, помни, в роду нашем трусов и подлецов не было. Коли суждено, так умри с честью, а с позором домой не пуцу. Не след нам перед людьми глаза долу опускать.

Да, время пролетело, а как будто вчера. Не погас огонь разрушения державы нашей, тлел, а потом полыхнул и подступил прямо к нашему порогу. Но уж лучше нам гасить его, чем оставлять пожарище детям нашим. Невеселые мысли, не ко двору, хотя горевать рано. Печаль и уныние — грех души, а мы русские, смерть принимаем смиренно, хотя жизнь любим истово, с размахом... О чём это? Ах, да, о мыслях. Ну, что ж, думки думками, а в путь пора.

Уже когда сели в машину, суетливо поспешил из храма батюшка, держа в руках иконку с ликом Святого Архистратига Михаила и едва слышно шепча:

— ...Святой Архистратиге Божий Михаиле, огради нас от всякого зла и от бед избави нас... К тебе прибегаем с верою и тебе молимся с любовию, буди щит несокрушим и забрало твердо Святей Церкви и православному отечеству нашему, ограждая их молниеносным мечем твоим от всех враг видимых и невидимых... Буди вождь и соратай непобедим христоролюбивому воинству нашему, венчая его славою и победами над супостаты, да познают вси противляющиеся нам, яко с нами Бог и святии ангели Его. Не остави же, о Архангеле Божий, помощи и заступлением твоим и нас...

Батюшка стоял перед распахнутой дверцей в закатных сумерках, просто-волосый, в стоптанных ботинках с оббитыми носами и в глазах его было столько истовой веры, столько силы, что поверили: обережёт их его молитва, обережёт...

— Возьмите с собою заступника, оборонит вас в трудную минуту. Он крепость духа и мужество даст, а врагов сил лишит. Ну, езжайте, с Богом, — и мелко-мелко перекрестил несколько раз.

Выкурить по сигарете перед отъездом — если и не традиция, то уж точно давняя привычка. На этот раз курить подле храма не стали — как-то, не сговариваясь, молча решили, что осквернять дымом даже ограду нельзя. А курить хотелось, ой, как хотелось! Накуриться бы, да так, чтобы горло продрало, чтобы горечи этой хватило до самого возвращения, а уж там от души, неспешно, с наслаждением...

Гоша¹ не выдерживает первым:

— Тормози.

“Бусик” тупым носом ткнулся в пыльную траву обочины, из распахнутой двери в загустевающую темень ночи высыпали крепкие и не очень, высокие и не очень, молодые и не очень мужики и, гоняя по кругу зажигалку, с наслаждением затянулись сигаретным дымом.

---

¹ Добровolec из Белгорода И. Чугреев, майор в отставке, спецназовец.

Российский Донецк встретил непривычно зябким утренником. Росная трава сразу же вымочила берцы, холодок нырнул за ворот, скользнул между лопаток, заставив поёжиться и пожалеть о спрятанном на дне рюкзака теплом тельнике. Конечно, доставать не то чтобы лень, но как-то неловко признаваться, что слабину дал, не дотерпел, пока солнышко приласкает, поэтому, хорохорясь, никто к поклажам даже не потянулся.

На востоке небо прорезалось сначала узким лезвием золотисто-красного цвета, какой бывает только в рассветную пору, затем разрослось в широкую полосу, стремительно теряющую яркость, быстро уступившую торопко выползающему из-за горизонта ярко-желтому диску.

— Яишенка, — протянул Пух и смачно слотнул. — Ну, точно, глазунья. Сейчас бы сковородочку со шкворчащим сальцем, а сверху залить парочкой-троечкой яиц да лучком зелёным присыпать...

— Пух, кончай душу травить. — Гоша давно уже слушал свой басовито урчащий живот, понимая, что не то что обед, но даже жиденский чайёк ему в ближайшее время не подфартит.

— Не знал, что душа твоя в пузе разместилась, — огрызается Пух.

Сбившись в кучку, выкурили по сигарете, зябко подергивая плечами от забирающегося за ворот утреннего холодка, перебросились ничего не значащими фразами — так, лишь бы не молчать.

Батюшка со служкой появился из сумерек как-то неожиданно. Были они почти одного роста, но шли по-разному, каждый по-своему: батюшка степенно, неторопко, твёрдо ставя ногу и глядя прямо перед собою, словно не замечая ничего вокруг. Служка семенял следом, приотстав на пару шагов и воткнувшись взглядом в светлеющую в траве тропу.

Поравнявшись с приехавшими, батюшка лишь на мгновение зацепил их взглядом и кивнул, здороваясь. Он уже привык, что время от времени у храма появляются в рассветных сумерках машины с российскими номерами, доставляя немногословных мужиков, почтительно обнажающих головы при виде его, иногда заходящих в храм, ставящих свечи и исчезающих. Навсегда ли, нет ли, он сказать не мог — не запоминал их лиц, а тем более не знакомился. Да и как их всех запомнишь, коли все одеты одинаково в камуфляж и, как минимум, с суточной небритостью на одинаково размытых сумерками лицах. Да и не спрашивал он никогда, почему они здесь и куда направляются — и так понятно, что туда, за “ленту”¹.

Он и служка прошли к храму, не обращая внимания на собравшихся у ограды, открыли запертые на большой навесной замок тяжелые кованые двери и скрылись за ними.

Куриль больше не хотелось — с утра да натошак удовольствие не шибко приятное, до тошноты драло горло и слгательвалась с трудом слюна, потому сначала Саньч, а за ним и остальные потянулись в храм — проводника всё не было, и грех было не побыть наедине со своими мыслями. Вот так бывает у нас, православных: вроде бы и к Богу тянемся, да всё как-то путано, всё тропу ищем, ногой шарим, а нет бы открыть глаза и увидеть, что давно на ней стоим, только шаг сделай.

Тусклый свет едва освещал тёмные лики образов, в углах таился сгусток мрака, под сводом бродили тени и едва слышно потрескивали зажжённые служкой свечи. Кто-то любопытствовал, взглядываясь в лики икон, кто-то крестился, а Седой², достав из-за пазухи привезенную с собою свечу, зажгёт её и поставил в ряду других, перекрестившись и что-то прошептав.

Наверное, не случайно Господь сподобил их в этот предрассветный час ещё раз задуматься о бренности, о смысле и необходимости бросить уже устоявшуюся, размеренную жизнь, пусть и не очень сытную, не очень обеспеченную, но гарантированную и в какой-то мере прогнозируемую и вообще обменять жизнь (жизнь!) на смерть вдали от дома и близких.

¹ Лента (сленг) — граница.

² Луганчанин, доброволец, за участие в операциях награждён Георгиевским крестом. В настоящее время судьба неизвестна.

Из уже размытых рассветных сумерек вынырнул Марат, как всегда шумный, что-то быстро и непонятно говорящий, обращаясь ко всем сразу и ни к кому конкретно.

— погоди, Маратик, погоди, не шуми, — урезонил его Саньч. — Скажи лучше, долго ещё здесь ждать? Торчим ведь бельмом на виду, не хватало только с местными ментами объясняться.

— “Я хату покинул, пошёл воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать”, — отчаянно фальшивя, пропел Марат и рассмеялся, приобнимая Саньча за плечи. — И вообще, откуда у парня испанская грусть, то есть донбасская? Ну, чего тебе дома-то не сиделось?

— А тебе чего? — Саньчу не до лирики — ему больше всего хотелось есть, а не слушать маратовский вокал и его профессорское разглагольствование. — Ты ещё скажи, что время выбрало нас или мы сурового времени дети. Всё это, Марат, уже сказано-пересказано, спето-перепето. Нас агитировать не надо, мы для себя выбор сделали давно. А сейчас я просто хочу жрать. И все хотят. Вот так, просто, прозаически, без всяких твоих хиханьки и хаханьки. Надо объяснить людям, почему мы здесь торчим уже полночи, а никого нет? Почему за нами никто не пришёл? Когда пойдём через “ленту”?

— Ты чё? — Марат ошарашенно смотрел на Саньча.

— Да ничё, — огрызнулся тот. — Разминка. В образ вхожу. Хотя есть, действительно, охота, аж кишки заворачиваются. Скоро там?

— С минуты на минуты.

Проводник появился ближе к шести, когда солнце уже слизало хрустальные слезинки росы и мазнуло алым по маковке купола. Конечно, не пришёл, а приехал на неизменном стареньком “жигулёнке”, раздолбанном донельзя, но ещё чудом переменяющемся. Это был всё тот же Игорь, ангел-хранитель “ленты”, давний знакомый Саньча и Марата, с неугасшей улыбкой, всё в той же знакомой до каждой штотки застиранной линялой футболке. Они обнялись не по уже сложившейся привычке обниматься и целоваться — Саньч вообще не любил все эти внешние проявления, а потому, что были искренне рады вновь увидеть друг друга. Этот крепкий обхват плеч был как бы подтверждением того, что время не развело их, что они по-прежнему вместе, что честь и совесть для них всё-таки большая ценность, нежели сама жизнь.

Вообще-то Игорь при Советах работал на шахте, даже портрет его висел на Доске почёта, но потом шахту закрыли, жена, оставив дочь на лоха-мужа, растворилась на просторах незалэжной в поисках счастья, а он подался в малый бизнес.

— Понимаешь, малый, очень малый. Так, трохи сэбэ, трохи дармоедам на переходе. Всё по-доброму, всем же жить треба. Сначала мануфактуру таскал, сигареты и ликёрку, а когда укры танки под Изварино двинули — пришлось трохи повоювать. У нас в роду героев сроду не было — всё больше алкаши да наркоманы. А вот припёрло, и сам себе не нарадуюсь. Я же самолично танк стреножил. Он только на курган заполз, и ну давай палить, а я сбоку с “граника” и достал его. Сам не пойму, как сподобилось: в полусотне шагов чудище ревёт и огонь изрыгает, грохот, ничего не соображаю, сбоку меня ополченец лежит — голову осколком начисто срезало, а рядом “граник”¹. Не помню уж, как схватил его, со страху на что-то нажал, глаза зажмурил и мордой в землю. А она, земелька-то наша, солнцем да ветрами высушенная, так польноью пахнет, горько так и пыльно, аж горло забило. Лежу, а мысль сверлит: сейчас накроет взрывом или размочалит гусеницами, а как же моя дочечка? С кем останется? Глаза открываю, а танк горит, понимаешь! Люк откинулся, из него укроп лезет, факелом пылает и орёт заполошно. Ну, я его с “калаша” и срезал. Он мне до сих пор снится. Дня три и повоевал всего, но хватило на всю оставшуюся.

Игорь не курит и не пьёт — надо дочку на ноги ставить, не до баловства. На “ленте” он свой — по-крупному не разворачивается, не чета бывшим подельникам, таскает мелкий “контрабас”, деля маржу с погранцами и тамо-

¹ Ручной противотанковый гранатомёт РПГ-7.

женниками, а те берут с него по совести, самую малость, потому как уважают за неалчность. А ещё за то, что бескорыстно переводит туда и обратно добровольцев. Игорь окинул оценивающе этот замерший в ожидании табор, качнул головой:

— Многовато вас туда.

— Лишь бы обратно счёт совпал, — негромко говорит Седой.

Конечно, приходилось ему водить и поболее, но всё чаще небольшими группами, а то и вовсе одиночек. Он никогда не спрашивал, кто они и куда направляются, никогда не старался запомнить их лиц — не хотел перегружать память этими лицами. Пройдёт время, и неизвестно ещё, чем всё это закончится, кто и с каким пристрастием будет допытываться у него вот об этих людях.

Через час он вывел их на “точку”. На пяточке, теснимом густыми, давно не знавшими пилы и топора, лесополосами, стоял песочный “Урал”, на подножке которого сидел, прикрыв глаза, молодой, давно небритый, в застиранных и вылинявших добела брюках от камуфляжа и такой же вылинявшей футболке ополченец. На ногах его были изношенные кроссовки с торчащими сквозь разодранный нос пальцами. На бедре была перехвачена липучкой открытая кобура, в которой покоился ПМ с прикреплённым к рукоятке ремешком. Он не разомкнул век и даже не пошевелился, когда высыпавшие из подъехавших машин мужики, сбившись в стайку поодаль, с любопытством рассматривали его.

— Ну чё, пятиалтынный побачили, чи шо? — Красные от недосыпания глаза, глухой с хрипотцой голос, мелькнувшая на лице досада говорил о предельной усталости этого парня. — Давай, хлопцы, тащите свои коробки да пошустрее.

Сначала перегрузили в “Урал” привезённые медикаменты и продукты, запрессовали от души, но места всё равно для группы не осталось. Ждать, пока разгрузятся и вернутся за ними — себе дорожке, потому до Изварино отправились пешком, благо рукой подать. А Игорь долго ещё стоял на краю иссушенной посадки с пожухлой и какой-то серой листвой, провожая их взглядом. “Ярославна, да и только, лишь плача не хватает. — Саныч обернулся и махнул рукой, прощаясь. — О чём ты думаешь, дружище? О том, что не может оставаться безучастной русская душа, что настало время очищения и снятия с неё окалины? Что встать бы всем миром, да только опасно это людское единство: не вытравлен дух русский годами безвременья”.

Саныч был неправ: ни о чём таком Игорь вовсе не думал и вообще далёк он был от всякой патетики. Он просто жалел, что не может вот так бросить всё и уйти с ними. Что надо успеть подправить покосившиеся ворота, что не полоты грядки и давно пора заменить сальники — маслом весь капот забросало. Думал о том, что вот ушли эти незнакомые мужики, не ведая, вернутся ли. Ушли как на работу, как он когда-то уходил со сменой в забой — каждодневный риск давно притупил все страхи. Он вздохнул и побрёл к своей “девятке”.

Саныч нагнулся, зачерпнул в горсть комочки высушенной рыжевато-серой земли, размял в пальцах камешки сухой глины.

— Чего ты землю лапаешь? — Марат в любопытстве скосил карий глаз.

— Сухая совсем, а если намочить, то пластичная становится и лепи что хочешь: хоть кувшин, хоть кирпич. А потом из него дом сложить, можно и жить. Это если водой размочить, а если кровью?

— Ну, и что дальше?

— А ничего. И кирпич формовать можно, и посуду сделать, а вот как жить в таком доме? Как из такой миски есть, если на крови человеческой глина была замешена?

— Это ты к чему?

— Да так, нашло что-то. Это земля российская, а вот эта, — Саныч делает шаг, — украинская.

— Ну и что?

— А то, что это всё земля русская, только люди границы понаделали, вроде бы для того, чтобы жизнь упорядочить, а оказалось, по живому рвали

и больше вреда наделали, чем пользы. Вот и получается, что теперь мы крадёмся на свою землю по своей земле и...

— Всё так, да только давай-ка без философии, — прерывает Марат. Он демонстративно засунул руки в карманы брюк и зашагал, догоняя группу.

Глава 3. Встреча

Солнце уже припекало, пыльная пыль, настоящая июльская жарой, сушила горечью гортань, и хоть давно не курили, но сигареты так никто и не достал. До Изварино добрались часа за полтора, досыта насытив округу пылью, взбитой дожиной берцев.

На окраине посёлка жадно испили колодезной воды — холодной до ломоты в зубах, вернули вкус жизни, успевший подугаснуть за время перехода, устало погрузились в поджидавший относительно новый городской автобус — странно было видеть его в роли междугородного, но с весны много чего странного на Донбассе стало обыденным и до скуки привычным.

До самого Луганска в сопровождение пошло лишь “рено” с разорванным крылом и пробойнами по багажнику, с двумя молчаливыми и небритыми парнями с воспалёнными от бессонницы глазами и печатью смертельной усталости на лицах.

— И эти тоже какие-то затурканные. У них тут что, все такие? — Гоша с какой-то затаённой опаской, что и его ждут бессонные ночи, повернулся к Саньчу.

— Лучше уж не спавши, чем навсегда уснувши, — философски заметил тот. Его заботило меньше всего, что эти парни из сопровождения спали с гулькин нос. А вот то, что у них всего один автомат да пара пистолетов, ему нравилось меньше всего. Впрочем, когда тебя крошат из засады, то разницы особой нет в том, сколько у тебя “железа” и есть ли оно вообще. Впрочем, в группе всё-таки было три ножа — у Марата, Саньча да Седого! А в контактном бою нож, пожалуй, может и не уступить автомату. В общем, невесёлые мысли что-то посетили седую головушку, хотя, судя по настроенным взглядам, щупающим склоны да посадки вдоль дороги, не только его. Всё-таки на всём пути до Луганска изредка пошаливали РДГ¹ укров, поэтому даже не страх, а чувство опасности не оставяло до самого города.

На базе поджидал Фёдорович, бывший взводный “Беркута”, высокий, крепко скроенный, неторопливый в движениях, немногословный, всем видом вселяющий уверенность. Кое-кто из прибывших уже не первый раз в его подразделении, но понять по лицу — рад он им или нет — невозможно. Сфинкс, самурай, китайский император, безэмоциональная кукла — Саньч только однажды увидит Федоровича разъярённым, но это будет не скоро, уже в другой жизни. И всё-таки вряд ли он был очень уж рад даже ему с Маратом, не говоря об остальных: лишние заботы к чему?

Фёдорович отходит с Маратом и Камой² в сторону, о чём-то накоротке вполголоса говорят, потом подзывает коротко стриженного крепыша в разгрузке на голое тело:

— Выдай им стволы.

С крепышом Саньч давний знакомый — Лёха тоже из “беркутовцев”, нациков³ ненавидит люто, приехавшим рад — значит, будет работа, но всё равно для порядка ворчит и корчит страдальчески рожу:

— Стволы выдай! Легко сказать: “Выдай”. Где я их возьму? Так и всё разбазарить можно, а ты вот попробуй собрать.

— Ты поговори мне, поговори, — таит улыбку в уголках губ Фёдорович и подмигивает гостям — мол, это так Лёха кобенится, для порядка.

— Ты, Лёш, и девственность сохранить хочешь, и оргазм получить, — ворчит Саньч. — Ты непорочную девицу не изображай, давай делись. Надеюсь, мой “мультик”⁴ ещё не занычил? А то с тебя сбудется, проходимца.

¹ РДГ — разведывательно-диверсионная группа.

² К. М. Мусин, доброволец, москвич.

³ Националисты.

⁴ В данном случае автомат.

Лёха для порядка ворчит, но быстро отпирает огромный амбарный замок, распахивает ворота бокса, картинно хватается за голову, словно его только что прострелила невыносимая боль:

— Давайте, грабьте, дармоеды. Сюда хрен кто чего положит, а как брать, так впереди планеты всей...

Конечно, дармоеды, и в этом он прав на все сто: Фёдорович отдал им целый этаж в отдельном здании, оружие, машины, сопровождение — всё по высшему классу, а от них что? Хорошо хоть со своей провизией.

Лёха извлекает откуда-то из потаённых мест пару “макаровых”¹ в оперативных кобурах, протягивает Марату и Каме, одновременно не спуская глаз с остальных:

— Эти, в ящиках, не берите, не пристреляны, лучше вон те. И эсвэдэшку² возьмите — пригодится. “Мухи”³ лучше не трогайте — стреляют через раз.

Мужики щедро сыпят в рюкзаки патроны, суют туда же магазины, а Пух ещё вдобавок рассовывает по карманам и эргэдэшки⁴ — запасливый казачок, ничего не скажешь.

— Никак на Киев собрался, — ехидничает Саньч, но Пух назидательно, с видом бывалого, отвечает обстоятельно и серьёзно:

— В нашем деле лишнего ничего не бывает, окромя начальства, внезапно забеременевшего какой-нибудь бредовой идеей. Запас свой карман не жмёт.

Для Пуха эта война не первая, потому, не раздумывая, он выбрал “калаш”⁵ с подствольником⁶ — и в обороне, и в наступлении вещь незаменимая в умелых руках.

Лёха ныряет куда-то за стоящие вдоль стены длинные зелёные ящики, извлекает запеленатый в кусок брезента автомат и, улыбаясь, протягивает его Саньчу:

— Твой, не сомневайся, знал, что вернёшься.

— Спасибо, — Саньч обнял Лёху и ещё раз глухо произнёс: — Спасибо.

Глава 4. Луганск, грамматика войны

Утро выдалось безветренным и на редкость душным и, хотя солнце ещё нехотя карабкалось ввысь, но по всему было видно, что день зноем опалит не на шутку. Завтрак по меркам разведчиков был просто роскошным: чаем хоть залейся, правда, с сахарком как дома, а не как в гостях, зато хлеб ломтями горбатился на столе, застеленном газетами.

Марат, с шумом потягивая чай из чашки с отбитой ручкой и приспособленной под пиаду, милостиво отпускает Гошу на “скорую” — пусть трудится по специальности. Медиков там почти не осталось, так, одни слёзы: зарплату не видели с апреля, медикаментов тоже, ночуют тут же. А Гоша по натуре романтик, носится по жизни то за туманом, то за запахом тайги, так что сам Бог велел быть ему у своих эскулапов.

— Может, хоть клизму научишься ставить, — ёрничает Пух.

— Тебе я самолично ведёрную поставлю, — парирует Гоша.

— Пух, готовь группу — после обеда “грады” снимать будем, — бесцеремонно вмешивается Марат. — “Обвес”⁷ брать по полной.

— А ты куда? — с показным равнодушием, между прочим, интересуется Пух.

— Так, по городу пока покатаюсь. Мишка⁸, со мною поедешь.

¹ ПМ — 9 мм пистолет Макарова.

² СВД — 7,62 мм снайперская винтовка Драгунова.

³ РПГ-27 — одноразовый гранатомёт.

⁴ РГД-5 — оборонительная ручная осколочная граната.

⁵ Автомат Калашникова.

⁶ Подствольный гранатомёт ВОГ-25.

⁷ Обвес (сленг) — снаряжение и оружие.

⁸ Доброволец с Украины. После дебальцевской операции судьба неизвестна.

— Может, я? — Пуху маетно сидеть в кубрике целых полдня, гонять балду и с тоской ждать возвращения Марата.

— Без сопливых обойдёмся. — Мишка важничает и уже свысока подначивает Пуха. Тот не остаётся в долгу и тычком в спину придаёт ему ускорение.

— Давай, Рэмбо, не задерживайся. Памперсы только захвати, вояка.

Разминка закончена, Марат, Алексей¹ и Мишка, гремя каблуками, скачуются вниз по лестнице.

День выдался солнечным, дышалось легко, и так же легко катилась машина, объезжая оспины на асфальте, оставленные разрывами. Водила гонял “баранку” слева направо и наоборот, виртуозно объезжая выбоины и воронки, Марат водил камерой, мысленно набрасывая сценарий будущего репортажа, Мишка глазел всюю, вращая стриженной головой, а Алексей степенно поглаживал окладистую русую бороду. Его рассудительность и разумность помогала найти выход из самых критических ситуаций, и он служил противовесом в сумасбродстве Марата.

“Господи, тишина-то какая, даже не верится, что мир в одночасье перевернулся и смерть бредёт где-то рядом, таится, быть может, на соседней улице или высматривает вон из той подворотни. Люди, да что же вы делаете? Или понимать друг друга разучились?” — ворочались мысли в его голове, перехваченной через лоб сложенной в жгут боевой косынкой.

Машина выкатилась на перекрёсток, замерла на мгновение, словно в предчувствии беды, и тут же мины вздыбили асфальт — две легли не рядышком, а как-то подозрительно порознь.

— Вилка! — заорал заполошно Марат, — все вон из “барбухайки”!

Он и Алексей мгновенно вывалились из машины и подались к подъезду — хоть какое, но всё же укрытие. Водила едва успел приоткрыть дверцу, а Мишка и вовсе замешкался — зацепился ремнём автомата за рычаг переключения скорости, поэтому осколки враз накрыли их через обшивку.

Когда вздыбленная пыль и асфальтовая крошка осели, водитель со стоном сполз с сиденья к бордюру и сел, привалившись спиной к прошитому осколками боку “девятки”. Распластанный на дороге Мишка поднялся сначала на колени, не меняя положения и волоча за ремень автомат, на карачках с приличной скоростью перебрался под стену магазина, откинулся на неё и только тут застался.

В полусотне метров на остановке жались в кучку несколько человек, в магазине с пола поднимались люди, а в подъезде дома напротив во весь рост стоял Марат и лыбился. Нет, не улыбался, а именно лыбился, скалился во весь рот, словно Дед Мороз осчастливил его сказочным подарком.

— Резвости вам не хватает, мужики, резвости, тренировочка нужна. Завтра повторим под секундомер. Ты, Лёш, снимай давай, кадры что надо. Сегодня же в эфир поставим: группа “АННА НЬЮС” попала под миномётный обстрел, ранены оператор и водитель. Укры расправляются с журналистами. Звучит, а?! Дадим динамику, и чтобы трагедии в голосе побольше. Эдак, с надрывом, с дрожью. Лишний раз напомним, что у нас всё по-взрослому, без постановки.

— Марат, кровью истеку, пеленай скорее! — сквозь зубы цедит Мишка, нянча руку, зажав рану пальцами, успевшими окраситься красным.

Марат сыпет шуточками, извлекая из кармана бинты и перевязывая сначала Мишку, затем водителя. Ему в кайф, что именно его группу накрыло минами — рейтинг сайта взлетит на порядок. Лёшка крутит камерой, фокусируя то на Марате, то на машине, то даст перепективу, а потом крупно, почти детально, превращенное в решето авто. Марат, закончив перевязку, важно расхаживает вокруг легковушки, тыча пальцем в пробоины, потом в спину водителя и Мишкину руку: ему всё нипочём, это же журналистское счастье, такие кадры! Мина легла в аккурат позади “девятки”, развалив её багажник и осколками вепоров спинки сидений. Мишка некстати вспомнил о жене и вдруг нестерпимо захотел к ней в Крым — немедленно, срочно, сейчас. Он теперь герой, всем тычет свою раненую руку и горделиво обводит

---

¹ А. Гапонов, москвич, доброволец.

взглядом. Состояние эйфории, что живой остался, что смерть только обдала дыханием своим.

— Шок это, в госпиталь его надо срочно, — негромко говорит Алексей Марату.

— Отряд не заметил потери бойца, — дурачится Марат, по рации связываясь с Гошей.

— Если бы не повернулся боком, точно бы спину разворотило, вон какой кусище на сиденье валяется, — он с каким-то восхищением и затаённой радостью смотрит на тяжёлый кусок железа с рваными краями. — А так только по касательной в руку. Как думаешь, кость цела?

— Цела, цела, — снисходительно улыбается Марат. Он не скрывает радости и даже не собирается: теперь никто не упрекнёт, что “АННА” отсиживаться приехала. Впрочем, никто всерьёз группу Марата за журналистов не держит: потому что работают на энтузиазме, лезут в самое пекло, да и репортажи явная пропаганда. К тому же задаром отдают свои съёмки с одним только условием — сохранить логотип. Слишком уж нос совали мужики куда ни попадя, шатались где-то ночами, “железом” обвешанные.

— Ловко я увернулся, а? — Мишка вбил себе в голову, что он виртуоз по уворачиванию от осколков, теперь клещами эту дурь из головы не вытащить. Несмышленьши, не ведаёт, что это Богородица пресвятая прикрыла покрывалом своим, отвела в сторону всё смертное железо.

— Дурак ты, Миша, это же грамматика войны: есть правила, есть исключения. По правилам тебя уже архангел Гавриил встречать должен, а ты, как исключение, всё ещё здесь, — урезонивает Алексей.

Погромыхая разболтанным кузовом и хлопая не закрывающимися дверцами, приехала “скорая”, выгрузив Гошу с бригадой.

— От бешеных укуров и мины должны быть бешеными, — на всякий случай он вонзил страдальцам по полному шприцу и показал повелительно на водителя. — Этого давай в машину, тут без хирурга не обойтись, а этим займусь сам.

Гоша осмотрел наложенную Маратом повязку — придаться не к чему, бинт девственно чист, не считая проступающее алое пятно. Марат, конечно, спец, ему что часового спеленать, что раненого бинтами замотать — всё едино, кому угодно фору даст, но Гоша всё-таки скептически кривит рот:

— Шли бы вы, Марат Мазитович, лучше лекции студентам читать, а раны бинтовать — это же, блин, искусство! Это же песня! Тут такой вокал нужен! — Гоша уже весь в образе Парацельса, ловко снимает наложенную Маратом повязку и от души опрокидывает пузырёк йода прямо в рассечённые ткани руки.

— Ты что делаешь?! — орёт Мишка. — Живодёр! Тебе что курицу резать, что человека живьём йодом сжечь.

— Неужто больно? — Гоша в показном недоумении вскидывает брови шалашиком. — Кстати, курицу не режут, ей голову рубят. Топориком.

— Тебе, я смотрю, что резать, что рубить — всё едино, патологоанатом. Да что ж ты делаешь, гад! — опять орёт Мишка, скрежеща зубами и зажмуриваясь от боли.

— Терпи, казак, укропом будешь, — жеребцом ржёт Гоша и железными пальцами с силой ощупывает руку. — Ничего, не смертельно, заживёт, как на бешеной собаке.

— Дурак ты, Гоша, и шутки у тебя дурацкие, — успокаивается Мишка то ли от обезболивающего, то ли от задумчивости доктора.

Гоша умеет сказать так, что сомнений в том, что Мишка действительно бешеная собака, никаких нет. У него просто дар утешения, особенно слова проникновенные подобрать. Вообще-то он спец, Саныч недаром его в группу взял: питерская военно-медицинская академия, кафедра военно-полевой хирургии — это ещё та школа. Служба в СОБРе, практика в двух полугодовых командировках на Кавказ. Теперь хоть и на полном пенсионе, но приходится шоферить: четвёртый брак и всё по любви, пятеро детей как итог

пылкой страсти, тут поневоле волчком закрутишься. Хозяин жадноват, но Гошу понимает и радеть его за Россию, скрипя душой, отпустил на две недели, строго-настрого приказав не опаздывать с возвращением. Любовь к родине по расписанию, в духе рыночной экономики или продажной жизни, это кому как нравится.

Гоша запикивает Мишку в фургон, из кабины уже на ходу советует Марату не лезть на рожон — с медикаментами туго, машет рукой и исчезает за поворотом.

Обстрел так же неожиданно, как и начался, прекращается. Впрочем, прекращается ожидаемо — больше десятка мин заразы укры не кладут, поэтому Марат спокойно вышагивает по улице китайским мандарином, а следом по пятам неторопливо меряет широкими шагами городской асфальт Алексей. Они сворачивают за угол, и по глазам наотмашь бьёт тёмно-красная, расплывающаяся на асфальте полоса: кровь, опять кровь, ещё не свернувшаяся, ещё не взявшаяся плёнкой, ещё тёплая, живая, дышащая, но диссонирующая с зеленью лета и даже с этой серой от пыли дорогой, выпадающая из этого простого до банальности городского пейзажа.

Взгляд охватывает всю улицу разом — так бывает только на войне, а ещё у тех, кто, сняв камуфляж, так и не вернулся с неё, по-прежнему живая в ней, отцеживая звуки, фиксируя предметы, мысленно отмечая, что вот здесь прекрасное место для засады, а тут, левее, как раз неплохо бы фугас заложить. И долго ещё будешь оставаться стрекозой с её фасеточным зрением, видя будто вкруговую, потому что всё имеет свои глаза: и затылок, и спина, и уши, и вообще каждая клеточка тела. И уже не глаза, а оно само мгновенно выбирает свободное от камней, осколков стекла, торчащей арматуры чистый кусок земли, чтобы вжаться в него под противный посвист стригущих воздух осколков. Марат и Алексей из категории не вернувшихся, поэтому сразу выхватывают из привычной картины городской улицы сжавшегося в комок человека в чёрном.

— Неужели отец Владимир? — пронзило Марата предчувствие беды. Он вчера почти час провёл в беседе с ним. Обещал и сегодня заскочить, если выдастся минутка. Вот и выдалась. Вот и заскочил.

Марат едва сдерживает рвущийся наружу сквозь стиснутые зубы стон: да, это отец Владимир, настоятель местной церкви, и это его кровь. Так и не дошёл до службы — мина вздыбила землю. Упав, укройся даже за бордюром — и осколки прошли бы мимо, но там, в песочнице, совсем рядышком возьмется дети.

Саныч не раз замечал, что в те мгновения, когда жизнь повисает на волоске, не мозг принимает решение, что делать дальше, как не разминуться с совестью. И даже не прожитое до этого, не вложенное матерью, а какое-то повеление свыше бросает тебя на землю или поднимает в рост под пулемётную очередь, заставляет принять в себя предназначенную другим боль, а то и смерть. И если Господь оставит жить дальше, долго мучаешься в раздумье, что же всё-таки заставило сделать именно так, а не иначе. Впрочем, мытарства души не всегда приходят на смену сделанному: ну, случилось, значит, так тому и быть, значит, так Богу угодно.

Отец Владимир не лёг, не присел — он просто остановился, подняв к небу руки, словно моля, чтобы раскалённое железо не кромсало эти детские тела. Осколок вспорол ему живот и опрокинул на землю, но он всё-таки превозмог раздирающую огнём боль, привстал на колени, оглянулся, убедился, что несущее смерть железо не коснулось детей, и пополз к храму, мертвеющими губами шепча молитвы.

Когда Марат с Алексеем подбежали к нему, он уже был мёртв. Впереди сиял золотом купол храма, позади всё так же сидели в песочнице малыши, не успев испугаться, а между ними в последнем поклоне склонился батюшка, словно отмаливая грехи сошедших с ума людей.

— Да успокоит его душу смиренную Всевышний! — прошептал Марат и чужим севшим голосом, давая в горле комок, процедил: — Снимай, Лёша, всё снимай, будут они по всем счетам платить.

Глава 5. Июль, 2014. Очень вежливый человек Дэн

Утром всех будит Дэн — его, как всегда, много, словно ввалился не он один, а целый взвод. Дэн — это легенда разведки отряда. Сам из Подмосквья, парень крученный, с душой дважды опалённой Чечнёй, но не обуглившейся, истомился без дела и уже в апреле рванул в Луганск.

Ещё в первое знакомство Дэн на расспросы Саньча коротко ответил:

— Мне батя так и сказал: езжай, мол, сын, настало время за Россию постоять. Батя у меня правильный, власть нынешнюю не жалует, а киевских иначе как бандеровскими ошмётками не зовёт.

Дэн бросает в чашку пакетик с чаем, заливает кипятком, отрезает ядрёный ломоть хлеба:

— Привезли пожрать-то? Надоели эти макароны, без агропрома в рот не лезут. Мне от них уже бабы давно не снятся.

Дэн — известный повеса и бретёр, не одно разбитое им сердце велел Фёдорович гнать матом от КПП, так что насчёт баб явный перебор.

— В ящике слева возьми.

Дэн ныряет в угол, извлекает из короба банку тушёнки, довольная улыбка расплывается по его скуластому лицу:

— Вот за что я люблю вас, дураков неугомонных, так это за то, что вы завсегда чаяния и нужды страждущих воинов понимаете.

Он густо намазывает тушёнку на кусок хлеба, откусывает и, блаженно щурясь, запивает чаем.

— Сутки, понимаешь, не жрали. Выползали весь передок впустую, а под завязку в селе взяли пятерых. Все нацики. Спали как младенцы, будто у себя дома. Мимо бы прошли, но храп отменный — как не разбудить? Конечно, они у себя дома, на который напали клятые москали. Колорады. Ватники. Об этом вещал их бригадный капеллан в вечерней проповеди. Потом принял “на грудь”, расслабился с подругой и... проснулся с кляпом во рту — трусы мадам пришлись в самую пору. Это Ара расстарался, стервец. Он вообще клоун ещё тот, просто фокусник Акопян — армянская кровь берёт своё.

Ара из Еревана, торговать бы на рынке виноградом, да не смог и после Одессы рванул сюда. Его мечта поймать Авакова, потому и носит с собою его фото, вырезанное из газеты:

— Понимаешь, он всех армян опозорил, поймаю — на вертеле изжарю. У меня дед воевал, за Днепр орден имеет, отец в Карабахе руку оставил, а я отсиживаться буду?

Ара сумасбродный и безбашенный, знает в группе почти всех, но заходить опасается: между ним и Саньчем кошка пробежала ещё в прошлый раз и Саньч пообещал при случае остричь его наголо. А если он сказал, то не только подстрижет, но заодно и побреет, это факт. Поэтому по возвращении буркнул Дэну:

— Всем привет передай, — и отправился спать.

Дэн налил ещё чаю, выскреб остатки банки на второй ломоть хлеба, сытно рыгнул:

— Лепота, братцы, аж жить хочется. Война войной, а обед должен быть завсегда по расписанию, — философски заметил он и продолжил: — Униат попался дебелый такой, сытый, и сразу же обозначил всех даже без интенсивного допроса: да, штатный капеллан двадцать пятой десантной бригады, но на него распространяются международные конвенции о военнопленных. Какие? Не знаю, но распространяются. Канючил — был уверен, что убьют, а наших наверняка убивал бы, попади они в плен, — слишком уж за жизнь цеплялся. Такие ущербные во всём: в совести, в милосердии, просто в жалости и сочувствии. И мстят за свою ущербность жестокостью.

Дэн философ и всякий раз при случае любит порассуждать о психологии: три курса философского факультета сказываются. Жаль, конечно, что турнули — нечем было платить за учёбу, а то бы явилось науке новое светило философской мысли.

— Его и не спрашивали особо, а он давай сдавать своих сидельцев по несчастью. Что за мадам? Да из СБУ, “шарилась” по Луганску, выясняла квартиры ополченцев, сочувствующих и просто “гарные”. Ну и что, что была ночь со мною? Так ей же всё равно с кем и где, эсбэушная подстилка. Кончать таких надо. И этих двоих мочите сразу, они тоже из СБУ. Вот того, тощего, не знает, пришел ночью, когда он спал, но тоже мочить надо. Так, на всякий случай. Его? Нет, вот его нельзя, он же всё-таки священник. Ну да, с Майдана. Да, благословлял. Сначала на “беркутовцев”, потом уже на клятых москалей. Ну да, вдохновлял. Так ведь заблуждался. Лукавый попутал, а Господь нынче на путь истинный наставил. Вразумил. Будет служить иначе. Теперь за упокой ополчен... Тьфу, за здоровье молитвы будет возносить. Мы же славяне, мы же одной крови. Кается. Очень даже кается. Что с ним делать? Как что делать?! Отпустить, конечно же. Все же священник. Греко-католик, униат, но в сани!

Дэн описывал допрос капеллана артистично, меняя интонацию, выкатывая глаза, мимикой лица усиливая рассказ. “Да, погиб в нём не только философ, но и артист, хотя, как сказать, как сказать, может быть, ещё всё впереди”, — подумал Саньч, а Дэн продолжал:

— Короче, притащили их в расположение, а тут Лёха подвернулся: с утра на турнике висит. Нет, ну ты скажи, дался ему это турник? Здоров же как бык, а всё железо тягает, бицепсы ни в одно хэбэ не всунешь...

— Ты про Лёху потом, давай про униата, — перебивают мужики, успешные рассестя вдоль стола и потягивающие утренний чаёк.

— Ну, я и говорю. Подходит, значит, Лёха, смотрит пристально, потом лицо мрачнеет, скулы каменеют и перекатываются под натянутой до звона кожей желваки: б...ь, да это же тот, с Майдана. Осатанелый. В расход его пустить, да вся недолга, и за автомат шасть... Короче, передали всех в комендатуру, пусть разбираются. Будь моя воля — я бы их всех одной очередью черкнул, чтобы от них порось не пошла. Иначе выпалывать этот чертополох ещё и нашим внукам придётся. Ну, я побежал, не хило бы вздремнуть минуток шестьсот, а?

Дэн ушёл так же стремительно и шумно, как и появился, опрокинув стул и смахнув по пути пачки с чаем. Мужики потянулись к сигаретам, закурили: может быть, Дэн и прав? Иначе косить на их веку, не выкосить...

Глава 6. Июль, 2014. Очень вежливые люди (продолжение)

За неделю вжились, присмотрелись друг к другу, притёрлись, приценились и отпустило внутреннее напряжение: свои, чувствуется кровь родная. Седой и Малыш¹ возятся на кухне — выделенный Багирой² закуток в холле с газовой плитой и двумя столами, заваленными мисками, кружками, пачками чая, кастрюлями и упаковками “ролтона”. Вообще-то мужики способны превратить в хаос любое мало-мальски приличное место, их мёдом не корми, но дай порассуждать об армейском порядке, органически, но тайно ненавидимом ими на клеточном уровне.

У Седого хохлацкие корни берут верх — не может он мириться с этим бардаком и начинает молча колдовать, сотворяя если не уют — уют это всё-таки удел женщины, то хотя бы его некое подобие. Ему инициативно помогает Малыш, и вот уже миски аккуратно сложены в стопочку, пачки чая заняли место на краю, кастрюли спущены на пол, плита яростно скоблится от нагара.

У окна расположился Кама, потягивает чай, курит сигарету и внимаёт отрешённо пощипывающему струны гитары Петровичу³. Вообще-то он думу думает, а сигарета с чашкой чая и Петрович с гитарой лишь внешний антураж, декорации, фон. Кама зашёл сюда со своей группой автономно, зачем и почему, никто не знает, а спрашивать не решаются — кроме обжигающего, прищуренного в лезвие финки взгляда никто ничего в ответ не получит.

¹ Добровolec, москвич, снайпер из группы Камы.

² Луганчанка, с апреля 2014-го в подразделении.

³ Москвич.

Они держатся особняком, хотя внешне доброжелательны, но его авторитет непрерываем и сразу признан всеми.

Его сила и власть ощущаются в независимом, каком-то царском посаде головы, в неторопливой манере изъясняться немногословно, но веско, в умении подчинить одним только прищуром глаз. К тому же на его голове третий день красуется то ли корона какого-то буддийского ламы, то ли замысловатый шлем. Его откуда-то приволок Дэн, и Кама за сутки был и Чингисханом, и Чингизом, и просто Ханом, пока не стал Батыем: то ли из-за кровей далёких татарских мурз, вместе с Батыем воевавших Русь, то ли из-за кажущейся беспощадности. На самом деле Кама добрейшей души человек, особенно когда в очках с изящной оправой и блуждающей добродушной улыбкой — ну точь-в-точь душка профессор, гуманитарий или даже ботаник.

Впрочем, у него тысячи лиц, с лёгкостью меняемых, да и сама жизнь как венецианский карнавал, кружащий, фееричный, захватывающий. И даже из его сухого резюме, спрятанного среди бумаг в сейфе Саньча, можно сделать захватывающий авантюрно-приключенческий роман. Редкая фактура, штучная, да только в нынешнее время в почёте всё больше всякие “Дозоры” да “Гарри Поттеры”.

Кама допивает чай, ставит чашку на стол, раздавливает докуренную до фильтра сигарету в банке из-под тушёнки и поднимает голову: всё, утренний ритуал закончен, мысль обрела свою лаконичную форму и готова к изложению. Петрович отставляет гитару к стене и подвигается ближе к столу. Удивительно, что он своими перебитыми и искривлёнными пальцами играет, да ещё как играет! У него чемпионское прошлое и тренерское настоящее — вырвал с улицы с сотню ребятишек и теперь даже из школы олимпийского резерва на его мальчишек и девчонок смотрят с интересом. Ну, а он на свои кровные собирает гуманитарку и гонит её на Донбасс. Он не в группе — просто рядом с Камой, но оружия в руки не берёт: дал себе зарок, хотя стреляет мастерски.

Придвигает стул Влад¹ — высокий, мосластый и жилистый, немногим за тридцать, откуда-то с Днепра. Он стеснителен, предупредителен и молчун редкостный — слова не вытянешь, только нет-нет да коснётся его плотно сжатых губ улыбка и озарятся внутренним светом зелёные, в крапинку, глаза. О чём он мечтает? Наверное, что вернётся в свой город, возьмёт тёплую и мягкую, такую родную ладошку сынишки в свою пятерню и отправится гулять по набережной. Что опять будет строить дома, вечерами разворачивать с отцом на расчерченном в чёрно-белую клетку поле баталии и старик будет горячиться и требовать вернуть ему ход, потом подставит ему фигуру, сделает пару-тройку неверных ходов и батя по-ребячьи будет радоваться победе. А ночью, прижав к груди жену, Влад будет засыпать под её едва слышное дыхание.

Между Петровичем и Камой втискивается Кореец². В общем-то, он и не кореец вовсе, просто либо природа пошутила, либо матушка пошалила, наградив жестким чёрным волосом, широким лицом, раскосыми глазами и коротким плоским носом. Кореец незаметен, передвигается мягко и неслышно, словно пантера, скрадывающая добычу. Он снайпер, служил в сорокопятке³, вместе с Камой на брюхе исползал всю Чечню вдоль и поперёк, потому и пришит к нему напрочь, не оторвать.

Кама что-то им говорит вполголоса, потом они встают и уходят в свою комнату.

Пух по второму разу заканчивает чистить автомат, передёргивает затворную раму и делает контрольный спуск, после чего выщелкивает из магазина патроны и начинает набивать его вновь: трассер, ещё один, ещё, штуки три обычных, опять два трассера, пять обычных...

Саньч пристроился на дальнем конце сдвинутых столов и склонился над потрёпанным блокнотом. Он постоянно таскает его с собою и при каждом удобном случае что-то пишет, пишет, пишет...

¹ Доброволец из центральной Украины. Поздней осенью вернётся на Донбасс, будет воевать в разведке. С сентября 2015 года — в Сирии.

² Москвич, доброволец.

³ 45-й полк ВДВ.

Демон¹, невысокий и худенький, совсем мальчик, сидит у самого входа, широко расставив ноги и обняв “драгунку”². Он незаметен, его вообще нет — чувствуется школа, и лишь поводит по сторонам круглыми совиными глазёнками. Почему Демон — не знает никто, но есть в нём что-то от врубелевского “Демона”: узловатые мышцы рук, непокорные выющиеся тёмно-русые пряди давно не стриженных волос, выдающих непокорный и страстный характер, какой-то демонический глубинный взгляд тёмно-карих глаз.

За “компом”³ колдует Алексей, фильтруя отснятое за сутки. Его задача — отобрать самое выразительное, подготовить текст и сбросить всё в Москву. На лбу испарина — задача не из лёгких. За каждым кадром — чья-то судьба, за каждым кадром пережитое, дорогое и до боли понятное, но надо, чтобы было понятно и тем, кто будет смотреть. И не просто понятно, а чтобы зацепило, вывернуло наизнанку, заставило оторваться от сытости и от зашоренности, понять, что вот оно, горе-то людское, рядом совсем, ещё чуть и опалит самих, а то и сожжёт.

Седой заканчивает уборку на кухне, берёт швабру и начинает елозить ею по полу. Шварк, шварк — трёт тряпка местами стёртые добела половицы, и в такт маятником покачивается его спина вперёд-назад.

На первом этаже хлопает дверь, кто-то бежит по лестнице, прыгая через две ступеньки, и вот уже в холл врывается Марат:

— Всё, братцы, быстро вниз, машины ждут. Сегодня нам дельце подкинули — пальчики облизнешь!

Ясно, как день, что насчёт пальчиков, это, конечно, перебор — не дастархан же ждёт, а вот к земельке приложиться придётся, видимо, и не раз, обнимая её, родимую, пуще женщины любимой, лапая, целуя и истово шепча:

— Господи, спаси и сохрани! Господи...

Глава 7. Июль, 2014. Мужские забавы

Конечно, никто в штабе никакого дельца Марату не подкидывал — сам приступом взял Бугрова⁴, и тот, морщась как от зубной боли, махнул рукой:

— Езжай!

Сегодня ему втемяшилось ловить “бродяг”⁵, аж трясётся от азарта: козуют по Луганску призраками неведомые машины, выпуская по две-три мины и растворяясь на улицах города. Кто они? Чьей рукой направляются?

Фёдорович решительно против: знает, чем заканчиваются такие встречи, но всё же со скрипом соглашается — что с ним поделаешь, с этим оглашенным, с этим неистовым профессором, который вместо вузовской кафедры шарится с автоматом по Донбассу.

Марат — это стихийное бедствие, лавина, землетрясение, цунами, смерч, засасывающий в воронку всё и вся. И сразу же закружилось, завертелось, замелькали рассываемые по карманам разгрузок рожки, гранаты, бинты, звякнули антабками “калаши”, взметнулись надеваемые уже на ходу броники⁶.

Марат казался многоруким Буддой (братец Батый, он Будда — вот компания подобралась!): он плеснул в тарелку постное масло, отхватил кусок хлеба и обмакнул его, сыпанул на него горсть сахара и сунул в рот, налил, расплёскивая, кипяток в чашку, в спешке сунул туда вместо пакетика чая палец, заорал, схватил пистолетную протирку размешать, нырнул в броник — и всё это одновременно.

¹ Доброволец из Старого Оскола. В ноябре уйдет в Донецк, дальнейшая судьба неизвестна.

² Снайперская 7,62 мм винтовка Драгунова.

³ Компьютер.

⁴ Министр обороны ЛНР О. Е. Бугров, объединивший разрозненные подразделения и начавший строительство армии, в марте 2015-го был арестован и отправлен в Россию.

⁵ “Бродяги” (сленг) — разведывательно-диверсионные группы.

⁶ Группа имела несколько бронежилетов 5-го класса защиты.

Фёдорович выделил оружейника Лёху с “таблеткой”, которую тот не променял бы ни за какие коврижки. Лёха хохотал и лелеял свою “барбухайку”, как успел её на афганский манер окрестить Саньч, пичкал всякими побрякушками, нужными и ненужными штучками. В фургоне всегда лежала пара автоматов, “граник”¹, цинк с патронами, аптечка — целый полевой госпиталь, два новеньких баллона, реквизированных у бывшего местного авторитета, запас воды и продуктов. В общем, Лёха, бывший главстаршина атомной подводной лодки последнего советского призыва, привык к полной автономке. Он коренной луганчанин, после дембеля подался в милицию, служил в ГАИ, но служба там пришлась не по душе и он до самого Майда-на посвятил себя “Беркуту”. Уже рассаживаясь по машинам, Саньч строго наказал Пуху и Седому:

— Никаких подвогов, ваша задача беречь Марата при любых обстоятельствах, иначе будет разговор с Батыем.

С Батыем объясняться ни у кого никакого желания не возникало даже в мыслях, поэтому мужики согласно кивнули и полезли в машину Марата.

В два часа пополудни две группы Марата заблокировали тентованную “газель” во дворе дома, перекрыв выезды. Пух свалил ударом приклада высочившего из кабины крепкого парня в камуфляже, опрокидывая на асфальт, прошёлся по лицу для пущей убедительности давно не чищенным берцем, рассекая его от подбородка до брови и глуша малейшие попытки остальных к сопротивлению громовым рыком разъярённого льва. За дюжину лет в СОБРе Пух проделывал такие трюки при задержаниях на раз-два.

— Всем лежать, порешу!

Он был настолько убедителен, что двое остальных распластались, закрывая голову. Марат светился: такая удача привалила!² Вообще в этот день фарт любил Марата истоиво, с какой-то обречённостью, словно в последний раз, как любят перед неизбежным расставанием.

Ближе к вечеру взяли корректировщика. Сначала Марат считал ложившиеся то на автобусной остановке, то на площадке детского сада, то прямо у входа в магазин взрывы, высунувшись из-за угла дома и пытаясь вырваться из цепкой хватки Пуха, держащего его за рукав куртки и увещевавшего, как расшалившегося малыша:

— Марат Мазитович, осколки посекут.

— Как думаешь, где он сидит? — напрочь игнорировал просьбу-предупреждение Марат, стараясь лягнуть ногой Пуха.

— Вон в той пятиэтажке.

— Почему?

— Смотри, все разрывы можно засечь только оттуда. Если вон с той высотки, то не виден магазин, а если с углового дома, то детского сада.

— Резонно, — замечает Марат и командует: — За мной!

Они дворами перебежали к старенькой хрущёвке, поставили у входа Демона с эсвэдэшкой³, а сами бросились на чердак, оставляя на каждой лестничной площадке кого-то из группы.

На чердаке царил полумрак, ключьями висела паутина — значит, кто-то уже прошёл сквозь неё, пахло сухим помётом, кошками и ещё чёрт знает чем, валялся хлам и обрезки досок. У окна притаилась согнутая фигура с мобильником в руке.

— Вон он, — прошептал Пух, сдвинул корпус на метр вправо, чтобы в створе броска не было ничего, что могло зацепить ногу, и в три прыжка оказался у окна.

С чердака корректировщика катили до самой двери подъезда, придавая берцами ускорение на каждой лестничной площадке. Это был тот самый момент истины, так любимый операми, разведчиками и контрразведчиками,

¹ Ручной противотанковый гранатомёт РПГ-7.

² Задержанные к вечеру были освобождены по личному распоряжению главы республики. Собранная группой информация легла в основу решения о его смещении, но назначат следующего, более управляемого и алчного — таковы законы жанра: чем ущербней, тем послушней.

³ Эсвэдэшка (СВД) — 7,62 мм снайперская винтовка Драгунова.

когда пленный или допрашиваемый ещё не очухался, ещё подавлен и уже понимает, что это всё, конец, но ведь так хочется жить и где? где?! где?! та спасительная ниточка, за которую ухватиться бы?

Алексей снимал, Лёха рвал затвор и рычал, Марат смахивал со лба струившийся пот и скалил в улыбке зубы — такая удача! Саньч напирал, засыпая вопросами: откуда? сколько иудиных сребреников получил? как с ним расплачивались и кто? кому передавал? — Пух изображал крайнюю свирепость и под натянутой на скулах кожей перекатывались желваки. Конечно, выражение лица Пуха располагало к откровенности, и через пять минут пред группой в пыли сидел раздавленный и выжатый мужик, жалкий в своей обречённости. Местный, русский, с соседнего квартала, там квартира, жена и двое ребятишек. Жить не на что, вот и согласился, когда на улице незнакомая тётка подошла. Думал подзаработать и махнуть в Россию, счастья искать. А если в его квартиру? Если жену и детей в куски наведённой им миной? Пожимает плечами и молчит. А что отвечать-то?

— Бабушка приехала, — удовлетворённо констатирует Пух: видно, зачитывался “Моментом истины” или фильм смотрел, но, во всяком случае, его эрудиция оценена по достоинству.

Мужика заталкивают в фургон, везут в военную полицию, протоколируют и отправляют в комендатуру. Лёха тщательно моет пол в фургоне:

— Возишь тут всякую нечисть, хоть батюшку каждый раз зови, — ворчит он.

Усталость наваливает, пеленает, тянет в койку: снять бы берцы, вытянуть бы ноги, потянуться бы с хрустом и спать, спать, спать...

Молва о Марате и его группе растекается по Луганску, словно круги по воде от брошенного камня: самим президентом присланы, неспроста это, с ними лучше не связываться...

Глава 8. Июль, 2014.

Над всей Луганщиной безоблачное небо... Однако “град”

Поднимались тяжело, сказывалось напряжение прошедшего дня. Седой уже на ногах — успел приготовить чай, разложить по куску хлеба и по три кусочка сахара — ну, хохол он есть хохол, зажимает остальное, про запас держит.

Группа Батыя вернулась под утро, поэтому все стараются не шуметь, хотя из-за плотно закрытой двери их комнаты доносится мощный храп: намалялись за ночь ребята, отдохнуть бы им. Марата уже нет: и когда только спит эта эклектическая смесь профессорской вальяжности и высшей степени авантюризма? Уже допивали чай, когда он появился — с хитринкой во взгляде: наверняка что-то затеял, неугомный. Марат выпивает в себя чай, на ходу дожёвывает хлеб, обводит взглядом своё воинство и остаётся доволен.

— Так, мужики, сейчас едем работу “градов” снимать. Ночью разведка засекала позиции укров, и надо их предать матушке-земле — пусть получают то, за чем пришли.

— Ночью, говоришь... — Саньч задумчиво смотрит в окно. Почему мы всегда ищем что-то за окном или в углу, пытаясь сосредоточиться или напуская глубокомыслие, да такое, что весь скудный запас серого вещества начинает выпирать на лбу? — Так уже утро и давно они позиции сменили.

— А я тебе говорю, что стоят там же, ждут нас, — упрямится Марат, и бесенята пляшут в его прищуренных глазах.

Фёдорович опять выделил Лёху с “барбухайкой”. Лёха демонстрирует праведное негодование: ему что, делать больше нечего, как таскаться с этими отморозками? Он что, вертухай¹ последний или начальник вооружения? А кто будет доделывать “мессера”?

“Мессер” — это его детище: на “таблетку” водружена сваренная из листов стали будка, к бокам которой приделаны по РПК², с каждой стороны,

¹ Охранник.

² 7,62 мм пулемёт Калашникова.

пропущенные под будкой провода выведены в кабину, где установлен электропуск, сцепленные по две ленты аккуратно уложены в будке, и осталось только испытать это чудо его технической мысли. Но Фёдорович неумолим:

— По возвращении и испытасяшь, а сейчас езжай, не теряй время.

Лёха, чертыхаясь почём зря, лезет в кабину, но слившаяся воедино длинная пулемётная очередь сбрасывает его с подножки на асфальт. То ли что-то не так подсоединили, то ли просто недодумали с синхронизатором, но его “мессер” трясётся в эпилептическом припадке, превращая гаражные ворота в дырявый плетень. Вообще-то хорошо, что сработали оба сразу, а если бы один? Наверняка машину стало бы раскручивать влево, как раз туда, где забиралась в “уазик” вторая группа. “Мессер” откашлялся последними патронами и затих, становясь белёсым от оседающей пыли. Лёха бросается к ошалевшему от выстрелов долговязому худому парню, пытаюсь достать до его вислого носа своим кулачищем, но рост не позволяет: Лёха широк в плечах, да росточком не вышел. Второй испытатель, втянув голову в плечи, стартует к казарме: уж лучше этот шквал гнева переждать под каменными сводами.

Лицо Фёдоровича идёт пятнами, но он сдерживает себя и лишь машет рукой: с такими Кулибиными до победы не доживёшь.

— Потом поговорим, — цедит он сквозь зубы и идёт к командирскому джипу.

За городом туман растекается парным молоком по балкам — припозднился что-то, пора бы и растаять.

— Какие к чёрту “грады”, да и стрелять они не умеют. Понабрали детский сад, каждый мнит себя Наполеоном. Укрыв надо РДГ¹ щучить ночью, когда спят, сурки. Разведчики хреновы: засекли позиции! Да где там они засекли, небось, в посёлке самогон всю ночь глушили, а придумали сказки братьев Гримм. Да раз засекли, так мочите, — Лёхе надо выплеснуть злость: пережить прилюдно такой конфуз со своим “мессером” выше его сил.

Саныч с ним согласен на всё сто, надо работать тихо и по тылам, а так, наскоками, это забава для взрослых дядей: сначала одни выложили пакет², потом приехали другие и тоже отметились. Пинг-понг какой-то получается.

— Они по координатам работают, — поясняет Марат, но Лёха уже закусил удила:

— Какие координаты?! Да они в третьем классе таблицу умножения в уборной скурлили, Лобачевские! Они же по навигатору по городу ездят, дорогу никак не запомнят!

— А зачем тебе “мессер”? — перебивает Саныч.

— Как зачем?! — Лёха просто шалает от такой дремучести. — Выскочишь на передок, как пройдёшь вдоль всей линии, и огоньком их, огоньком! Цимус!

— Да? И как же ты собираешься ехать вдоль фронта, боком, что ли? — ехидничает Дед.

— Почему боком? Обыкновенно, передом.

— Так у тебя же пулемёты с боков закреплены и вперед направлены, а укры, получается, с фланга.

Лёха задумывается на секунду, потом чешет потылицу и смеётся:

— Недоработка, заплутала инженерная мысль в лабиринтах моего серого вещества. Видно, много его, запуталась, но дорогу всё равно найдёт. Вот вернёмся — спарку³ на турель поставлю. Слушай, а может, турель на каждый ствол поставить? А в будке боковины вырезать, чтобы вращению не мешали. Хотя нет, не пойдёт, ленты наперекос в приёмнике станут и заклинит.

Машины сворачивают в степь, катят по грунтовке, поднимая едкую пыль, сразу ободравшую гортань, спускаются в заросшую высокой овсяницей балочку и останавливаются ждать “грады”. Туман незаметно слизало солнце, оставив лишь зыбкое марево, поднимающееся от разогреваемой земли. Где-то заливаются птахи, трещат цикады, и ничто не напоминает

¹ Разведывательно-диверсионная группа.

² Боезаряд “града”, 24 снаряда.

³ Спаренный пулемёт (сленг).

о гуляющей рядом смерти, ежедневно, словно оброк, забирающей жизни. А может, это как раз и плата за наше безрассудство, за нетерпение — нам бы скорей и сразу, за нежелание понять, за молчание.

Сначала появляется тентованный “уазик”, затем батарея “градов” — стареньких, обшарпанных, но бодрящихся сто тридцать первых “ЗИЛов”. Машина тормозит, высовывается недружелюбный дядька лет эдак за сорок в выгоревшем камуфляже:

— Мусин? Следуйте за мной. Как только отработаем — сразу срывайтесь и руки в ноги, иначе накроют. Ни пуха.

— Что значит, ни пуха? — Пух картинно возмущается, вызывая оживление. — Не, без Пуха вас, братцы, опциплот, как моя бабка своих кур, когда они вишняка брожёного наклевались...

Пух намерился уже поведать историю про бабкин конфуз, но “грады” торопливо вскарабкались на пригорок и рассыпались в нитку — вышли на исходную.

Машины сразу развернули на обратный ход, выскочившие ребята взяли на прицел ближайшую посадку, а Марат с Алексеем ринулись было вперёд, но вылезший из “уазика” старший запрещающе махнул рукой:

— Снимай, где стоишь, Бондарчук, а то не видать тебе “Оскара”.

Он достал планшетку, что-то быстро наговорил в рацию, установки рывкнули, мелко задрожав и прочертив огненные стрелы, вздыбленные клубы пыли укутали их и почти добрались до места, где залегла группа. Пронзительный вой снарядов сводил с ума, но Марат, привстав на колено, с упоением снимал.

Всё заняло не больше минуты, старший нырнул в “уазик”, и он, взвывая, крутнулся почти на месте и рванул по просёлку, оставляя резкий запах подгоревшего сцепления и облако рыжей пыли.

— Марат, сваливаем, — Пух привстал на колено, но Марат с упоением водил камерой, пытаясь максимально охватить панораму.

— Уходим, Марат, уходим, — Саньч потянул его за полу куртки. — Укры тоже не на пьяной козе деланы, непременно “ответку”¹ пришлют.

Репортаж “АННЫ НЬЮС” о работе луганских “градов” показали все центральные каналы, обесцветив логотип.

Глава 9. Июль, 2014

Группа фронтового информационного агентства “АННА НЬЮС” вне государства. Они сами по себе. Ордена и медали, звания и лампасы получат другие. Ну, и хрен с ними! Они — Россия! Они русские, даже если в жилах течёт армянская, татарская, украинская, чувашская или мордовская кровь. Их привела сюда совесть, их привела сюда боль и страдания людские. Они не сдадутся. Они будут сражаться всегда и везде, до последнего вздоха.

Андрей² матерится и выключает “ящик”. Бедные несчастные сыны Украины. “У наших детей нет бронежилетов!” — вопят их матери и жёны. А если есть? Тогда что, можно убивать? “У них нет воды! У них нет еды! У них нет патронов!!” А если бы были? Сдаются, уходят в Россию. Для чего? Чтобы вернуться обратно и вновь убивать?

— Стрелять их на хрен, стрелять, — цедит сквозь зубы Андрей. Он доктор, ехал сюда блаженным, а теперь скрипит зубами и в ночи вскрикивает. Что ему снится? Может, разорванные тела матери с малышкой на углу у “Гастронома”? Или посечённые осколками и убитые старики из разбитого снарядами дома престарелых, которых он вместе с ребятами грузил в машины накануне? А может, кровавый след ползущего отца Владимира со вспоротым осколком животом? Их-то за что убили? Не воевали они вовсе, может быть, и на референдуме-то не были — так, обыватели, которым всё равно с кем и за кого. А может быть, потому и убили, что не сделали свой выбор? Потому что сорняком на обочине по жизни шли? Да разве в этом их вина?

¹ “Ответка” — ответный залп по месту, откуда производилась стрельба.

² А. Логвинов, доброволец, белгородец, врач областного диспансера.

Рождённую Майданом без повивальной бабки ЛНР, с так и не перерезанной пуповиной, весь апрель и май кроили и перекраивали комбаты и комбриги, атаманы, батьки и всякие вожди и вождики на глазах впавшей в кому местной власти, пока не превратили её в лоскутное одеяло с зияющими прорехами. “Заря”¹ отхватила самые лакомые куски, приделалась, заматерела, но не насытилась. Засел в “избушке”² Леший, особняком держался Бэтмэн со своим ГБР³, устанавливал социальную справедливость “Призрак”⁴, от Переваляска и до самой границы правила бал казачья вольница⁵, а в Краснодоне перехватил железной хваткой дороги к границе непокорный Фома⁶. Но не было той силы, железной волей способной собрать в единый кулак этих чапаевых и щорсов, пархоменков и сиверсов. Хотя нет, она всё же была, там, за “лентой”, но тоже боялась этих людей, способных умереть непокорёнными. Думали ли они, что будут отданы на закланье, как и вся идея свободы? Идея социальной справедливости под названием Новороссия.

А власть на местах оставалась прежней, исправно служа себе и Киеву, с опаской косясь на вооруженный люд. Обыватель и подавно терпеливо ждал, надеясь пересидеть лихое время. Но случилась Одесса, потом ставшие привычными расстрелы городов, и дорога на Краснодар превратилась в пульсирующую артерию, проталкивающую колонны машин, автобусов и просто пеших к границе, словно загустевшую кровь.

В июле начал крестовый поход Киев, закатывая гусеницами непокорные города и посёлки, руша храмы. Танки заутюжили Новосветловку, вышли к Изварино, с высоток в упор расстреливая беженцев, и единственная ниточка в Россию звенела натянутой струной, готовая порваться. Корчился от боли непокорный Донбасс, забытое слово “беженцы” вновь стало осязаемым опустошёнными детскими глазами и потемневшими от горя лицами матерей, и вновь маршировали на Восток карательные батальоны. Как тогда, почти семьдесят лет назад — “дранг нах остен”, неся новый орду — порядок галичан, выпестованный Западом. Захолустье Австро-Венгерской империи не захотело стать равным среди равных и теперь мстило своим освободителям — холоду всегда остаются холодами.

Территория свободы, неразберихи, анархии и мечты скукожилась до размеров заплатки на неказисто скроенном и трещащем по швам кафтане этно-территориального недоразумения под названием Украина. Наверное, оттуда, из сорок первого, было отчаяние, ожесточение и клочковское понимание, что отступать некуда, что если не здесь, на Донбассе, и не сейчас, в середине лета, то больше нигде и никогда. История дала последний шанс осознания себя русскими, носителями великой истории великой нации.

Будет ли когда-нибудь написана страница этой отчаянной битвы? Будут ли помнить имена тех, кто отстоял Новороссию летом две тысячи четырнадцатого или они будут преданы забвению, оставшись ватниками, колорадами и террористами? Во всяком случае, они уже сотворили себе памятники грудой искорёженного и сожженного железа карателей. Они, пассионарии, уже остались в памяти людской, но их было мало, ой, как мало, песчинки в море равнодушия и выжидания. И всё-таки они были, они остались, они будут.

Глава 10. Июль, 2014. “Скорая помощь” Гоши

...Водила тормозит резко, как будто налетает на препятствие. Гоша летит вперед, стучается лбом о стойку, ушибает колено и свирепеет:

— Ты что, дрова везешь!

¹ Батальон “Заря”, подразделение В. Болотова и И. Плотницкого, их “преторианская гвардия”.

² Здания СБУ и Банка, место дислокации спецбатальона “Леший” А. Павлова.

³ Группа быстрого реагирования А. Беднова. Убит 1.01.2015.

⁴ Бригада А. Мозгового. Убит 23.05.2015.

⁵ Казачьи подразделения атамана Н. Козицына.

⁶ Отдельная бригада особого назначения (ОБРОН) “Одесса” А. Фомина (“Фома”). Арестован 10.01.2015 МГБ ЛНР.

Но водитель здесь ни при чём. Он сидит, вцепившись пальцами в баранку, и бледность заливает его вдруг осунувшееся лицо. Из выскочившей из боковой улочки легковушки выскальзывает рэмбо местного разлива и “ксюха”¹ упирается в капот “скорой”. Все цепенеют: ствол плавно описывает дугу, щупая каждого в салоне: одно касание пальца оставит от всех только наштипованный свинцом бифштекс.

Гоша в прошлом боксёр, поэтому реакция мышечной памяти на выброшенный навстречу удар быстрее мозга.

— Не стреляй! У меня пятеро детей! Я хочу жить!! — заполошно причитая и размазывая несуществующие слёзы, наплывает он на качающийся ствол, отсекая своим телом готовую сорваться очередь от машины. Это напоминает ритуальный танец мангуста перед изготовившейся к прыжку коброй: корпус слегка раскачивается, ноги пружинят, полусогнутые в локтях руки выставлены перед собою, словно толкая невидимый тяжеленный комод.

Дальше был техничный хук, оторвавший берцы ополченца от асфальта, недолгий парящий полёт и глухой звук падающего тела. Отлетевшая в сторону “ксюха” звякнула затворной рамой о камень и камертоном отражённый звук заплутал в кустах. Вылезший из “скорой” водитель, угрюмый дядька лет пятидесяти, на отяжелевших и плохо слушающихся ногах подошел к уже севшему на пятую точку ополченцу, сгрёб его куртку на груди в горсть заскорузлыми пальцами с чёрной каймой под ногтями, легко оторвал его от земли и по-крестьянски, сплеча, с насадным хэканьем саданул куда-то в область уха. И вновь непродолжительное планирование и мешковатое несгруппированное приземление защитника отечества.

Не отстал и фельдшер, уже сбросивший оцепенение, и, понося последними словами ополченца, его близкую и дальнюю родню, власть прежнюю и власть нынешнюю и почему-то Обаму, как-то неумело пнул пару раз нектати ретивого бойца.

— А ну прекратить! Что здесь происходит? — из резко затормозившего джина выскочили трое. Высокий, с пристёгнутой липучками к бедру открытой кобурой и в армейской футболке, прищуренным взглядом окинул поле короткой схватки, замершую посреди проезжей части “скорую”, стоящую поперёк легковушку, размазывающего по лицу кровь бойца, Гошу в несуразном белом халате, не сходящемся на груди и с рукавами по локоть, фельдшера и водителя.

— Что случилось, Михеич? — он повернулся к шофёру “скорой”.

— Да выскочил тут, понимаешь, этот фрукт, автоматом тычет, дорогу перекрыл, вот и поучили уму-разуму, — водитель полез в карман за сигаретами. — А не хрен права качать. Даёте оружие всяким...

— Ассиметричный ответ, — добавил Гоша, блеснув знанием теории нового поколения войн, и на его круглом, пышкой, лице праведное негодование уступило место ожиданию: родительский гнев обрушится не на его голову. Не узнай этот приехавший Михеича, ещё неизвестно, чем бы всё закончилось.

— Так? — высокий повернулся к бойцу. — И чего тебе, родимый, в жизни не хватает? Может, пару котлет на ужин? — Звонкая оплеуха качнула ополченца, и он, как нашкодивший ребёнок, зашмыгал носом. — Садись в машину, а ты отгони его колымагу в подразделение, — кивнул он одному из охраны. — Ладно, мужики, бывает...

— Бывает, — соглашается Гоша.

Михеич бурчит до самой больницы, искося с уважением поглядывая на Гошу. Ему, конечно, всё одно при какой власти баранку крутить, но вот этим-то что дома не сидится? Свои-то порскнули кто куда: кто в Киев, кто в Россию, лишь бы подальше от всего этого сумасшествия, а эти всё едут и едут. Ведь за бесплатно едут, да ещё всякого добра с собою везут и задарма раздают. Нет, непонятки эти добром не кончатся.

---

¹ “Ксюха”, “сучка” (сленг) — АКС-74, 5,45 мм автомат Калашникова со складывающимся прикладом.

Глава II. Август 2014. На Алчевском направлении

Саныч с Алексеем и Андреем с утра увязались за группой Дэна — тот обещал вывести на передок. Марата “отшили” сразу — разведка дело тонкое и шума не одобряет, а с этим неутомным впродолжение попасть как два пальца... Он же беду любую как магнитом притягивает.

Машину спрятали в балке за речкой, сами перешли её вброд и вплотную подобрались незамеченными к степному хуторку — два десятка притулившихся у речушки пришибленных, будто нуждой, домишек, сложенные из пластушки и песчаника заборы, покосившиеся палисадники, деревья с блёклой листвой, ощущение запустения и безысходности.

Дэн поднимает руку — внимание! — указательным пальцем поводит вправо и влево от себя, раскрывает пятерню и машет — вперёд! Всё понятно и без слов: на всякий случай бойцы веером рассыпались вдоль улицы и жмутся к заборам. Дистанция пять метров — есть шанс остаться живым, если впереди идущий ненароком заденет растяжку, флажок сдвинут на одиночный огонь, палец рядом со спуском на скобе.

Андрей астматически пыхтит, пот под бронником льётся струями. Обвес килограммов на двадцать, а то и больше. Хотя нет, это у остальных, а у Андрея, пожалуй, все сорок: насовал дюжину магазинов вместо четырёх, сотни три патронов россыпью в рюкзак, санитарная сумка, подушки с гранатами, фляжка, нож, бинокль...

Дэн скалитесь:

— Никак Новый год встречать здесь собрался? Ты бы ещё...

Что ещё должен был захватить доктор для полного счастья, он досказать не успевает: раздавшийся за спиной шорох волчком разворачивает его. Мужик в женской кацавейке маячит в проёме калитки, вытягивая шею. Ещё мгновение, и лежать бы ему бездыханному на пороге собственного дома, но Дэн в доли секунды схватывает взглядом и пустой двор, и редкий садик, и подгнившее крыльцо, и этого одинокого мужика. — Ты кого тут скрадываешь, могиканин? — с плохо скрываемой злостью цедит сквозь зубы Дэн, но мужик отвечать не торопится.

— Оглух, что ли?!

— Оглухнешь тут с вами, а заодно и онемеешь, — ворчит мужик. — Глухонемым прожить легче в нынешнее время, а ещё лучше слепым, чтобы не видеть всего этого. Вы чих-то будете?

— А ты, случаем, не бандер ли ждёшь, дядя? Небось, хлеб-соль уж приготовил, а?

— Может, и приготовил бы, да только не из чего, — под нос бубнит мужик. Разглядев георгиевские ленточки, светлеет. — Ну, так бы сразу и сказал, а то заладил “бандера, бандера”. У меня самого сын в Алчевске у Мозгового.

Дэн немного успокаивается.

— На хуторе есть кто?

— С вечера какие-то околицей проходили, но не разглядывал — боязно, а так никого. Правда, в крайней хате с неделю назад беженка поселилась с мальцом, но сегодня не видать её. Ушла, наверное.

Может быть, и ушла бы, если бы успела. Она лежала на спине, раскинув руки, и из распоротого живота вывалились на пол внутренности, облепленные зловещими зелёными мухами, а наплывшая из-под неё огромная лужа крови забурела, загустела и покрылась матовой плёнкой. На белёной стене синим было выведено: “Слава Айдару!” и “Смерть сепаратистам”.

— Краской написано. С собою, что ли, носят? — Саныч внимательно разглядывал надписи. Он старается говорить ровно, обыденно, но волнение глушит голос. Ему не по себе, и он едва сдерживает неимоверное желание выйти, выбежать, вырваться скорее во двор.

— Нацики, их почёрк, — глухо обронил Дэн. — Поймать бы да кишки на шею намотать, а ещё лучше прилюдно вешать. Я их вообще в плен не беру, и они это знают. Похоронить бы надо. Поищи во дворе лопаты, может там, в сарае, есть, — бросает он молодому парню.

— Хорошо бы документы найти, — заметил Саньч и двинулся к столу. Он уже хотел обойти кучу тряпья, лежавшую как раз между столом и шкафом — могли ведь и растяжку поставить, да только торкнулось сердце и ноги сами остановились.

— Лучше не трогай, — посоветовал ополченец.

Саньч осторожно стволом автомата приподнял рваньё, внутренне сжимаясь в ожидании взрыва. Сначала показалось личико, бледное и чумазое, с зажмуренными глазёнками, потом ручонки, поджатые колени...

— Мужики, пацан!

Мать закопали в саду. Лопату не нашли, могилу вырыли ножами, желтовато-серую землю вычерпывали худым ведром, кое-как прикрутив дно найденной проволокой. Документов так и не нашли.

Вёрст пять до машин шли молча. Малыш тоже молчал, накрепко обхватив ручонками, и вжимался всем своим исхудавшим тельцем. Автомат Саньча нёс Дэн — он так решил, надеясь, что если напорются на укров, то, может, и не будут стрелять в безоружного Саньча, пока на его руках малыш. Всякого навиделся, а уразуметь не хочет: мать не пощадили, а то какого-то ватника. Эх, Дэн, хороший ты малый, да, видно, мало тебя ещё жизнь тёрла, раз не вытравила ещё веру в людей. — Они нелюди, Дэн, им всё одно кого, лишь бы было в кого, — перекатывает желваки Саньч. — Изводить их надо под корень.

— Нет, и среди них тоже люди есть, — стоит тот на своём, но как-то неуверенно.

Алексей так и не снял распластанное на полу тело, укутанного тряпьем малыша, этот покинутый людьми хуторок. Впрочем, он и не жалел, хотя понимал, что Марат такого кадра ему не простит.

Глава 12. Август, 2014. Сепаратисты, ватники, колорады...

Марат с группой ушли утром — как всегда, обещал настоящую работу, будто всё, чем занимались до этого, — забава для детей дошкольного возраста. Саньч остался на хозяйстве — повреждённое накануне плечо болело так, что кетанол был бессилён. Пытался писать, но строка не ложилась. Снимать расположение и бойцов Фёдорович напрочь запретил.

Батый со своим войском опять где-то шастал всю ночь и теперь дрых, что называется, без задних ног. Интересное словосочетание: спит без задних ног, как будто есть передние ноги. Попробуй перевести иностранцу — да у него мозги набекрень съедут.

Первым выполз Влад, высунулся в окно, втянул в себя утренний, не разбавленный запахами воздух, потянулся с хрустом и ушёл на зарядку.

Саньч перемыл посуду, вымыл полы, выкурил сигарету и, вздохнув, принялся делиться с блокнотом виденным — вдруг когда-нибудь что-то да получится.

Зашла Багира, заспанная, с размазанной вокруг глаз краской, села рядом, закурила.

— Чё пишем?

— Роман, — отшутился Саньч.

— О чём?

— О жизни.

— А что о ней писать? Жизнь она и есть жизнь, у каждого своя, а чужая кому интересна. Ты вот лучше для меня напиши и про меня.

— Почему лучше?

— Так хоть я прочту. Сам посуду: был у меня свой бизнес на этом вот заводе, достаток, муж, квартира, машина, дочка с зятем, вторая в Москве учится. Теперь что у нас в остатке? Машины нет — миной разворотило, бизнеса тоже нет — кому сейчас краска нужна? Да и работать некому, разбежалась все. Мужа тоже нет — он теперь в Киеве в депутаты лезет, вышиванку нацепил, какие-то корни запорожские придумал, сказочник, а по-украински дуб дерево. Да какой он казак? Прадед курский, в голодный год на шахты пришёл, прабабка вообще из вологодских, окала до самой смерти. Сто годков

прожила при ясной памяти и светлом уме. Рукодельница была знатная, да только детям не передалось. Дед всю войну прошёл, всё перед пионерами выступать любил. Бабка тоже заслуженная, учительницей всю жизнь проработала. Отец на автобазе баранку крутил, мать медсестра в больнице. Теперь они его на порог не пустят, щирого украинца, не простят, что с “Айдаром” связался. Вот и вся родословная.

Багира прикуривает новую сигарету.

— Дочка из Москвы ни шагу: сдалась мне ваша незалежная, вы там все с ума посходили, а я не психиатр, чтобы лечить. Пусть вас Путин лечит, он это может. Про отца слышать не хочет, да и он тоже. Старшая с мужем в Харькове, у них там своё кино. В квартиру наведываюсь — не растащили бы. Сама вот здесь, а дальше что? Майдан всё перевернул, развёл, искорёжил. Ты вот из начальства, видать, ты мне ответь, как жить дальше будем?

— Да, нет, Багира, не Майдан вас перевернул — корёжили все два десятка лет, потому как сами особо не возражали, смирились, думали каждый на своей кухне отсидеться. Майдан это лишь гнойник, нарыв, вскрытый искусным хирургом, только не для лечения — убрали кусок распухшей ткани, и выперла такая же, гнилая, вонючая, алчная, ставшая дожирать ещё здоровые клетки. Да, жрёт Украину саркома этносоциального национализма, жрёт с апетитом, а что дальше? Самому бы знать. Эх, Багира, закрутил тебя водоворот, а вот на какой берег выбросит, ещё вопрос, — Дед задумчиво крутит в пальцах сигарету, мнёт, но не закуривает.

Багира докуривает до фильтра:

— Хочешь, на обед борща сварю?

Вот оно, женское и материнское прорывается, не прикроешь их никаким камуфляжем.

— А капуста есть?

— Найдём.

При слове “борщ” появляется Батый: рефлекс собаки Павлова. В профессорских очках, с остатками сна на лице, детскими ямочками на щеках. Впрочем, одна ямочка — след осколка и, как результат, онемевшая щека. Он сыпет в таз привезённую картошку, достаёт из ножен нож и начинает чистить. Дед ставит на плиту огромную кастрюлю и присоединяется. Растёт гора очисток, белой горкой выпирают из воды начищенные клубни. Возвращается Влад, ему придвигают миску с луком — приобщайся, болезный. Из глаз текут слёзы, но он стойчески переносит выпавшую участь. Появляется Багира, уже умытая и накрашенная — баба она и есть баба, хочется выглядеть привлекательной даже в этой опостылевшей форме. Да, знатный борщечок будет. Мясо бы, да где же его взять, опять тушёнкой обойдёмся, хотя навар не хуже.

Запах щечочет ноздри, кадык ходит вверх-вниз, сглатывая накатывающуюся слюну, сосёт под ложечкой. Батый колдует над кастрюлей, снимает пробу и радостно кричит:

— Готово! Наливай! — и тащит дымящуюся кастрюлю на стол. Саньч разливает по мискам, и вот уже ложки дружно молотят. Багира улыбается: какое же это счастье, кормить мужиков, даже чужих.

После обеда все расплозаются по своим комнатам спать — впрок бы выспаться, когда ещё голова встретится с подушкой. Саньч вышел во двор, бесцельно пошатался и уж собрался возвращаться, как появилась Багира с высоким симпатичным парнем:

— Вот, это тоже для романа. Экземплярчик что надо: это он, гад, кашу майдановскую заварил, а теперь к нам сбежал. Знакомьтесь, это журналист из Москвы, а это Шаман. Самый что ни на есть сепаратист и ватник.

Багира шутит, но Шаман оправдывается:

— Да не заваривал я никакой каши. Нас много там было, на Майдане, надоело на этих братков смотреть, устроили жизнь по понятиям. Сначала цэковский Кравчук¹ со своей маленькой хатынкой в Канаде, потом комсомолец Кучма, любитель игры на гитаре, кирпатый² Ющенко, одержимая Юля,

¹ Первый президент Украины, бывший секретарь ЦК КПУ по идеологии.

² Лицо в оспинах (укр.).

шестёрка Янек... Не спорьте, стопроцентная шестёрка, назначенная в паханы. Назначенцы, смотрящие, хотя каждый раз думали: а вдруг этот не такой, как прежние? За их спинами одни и те же стояли, за ниточки дёргали, между собою грызлись, всё по понятиям. Янек debil конченый, стал руку дающую грызть, вот и получил салом по сусалам. Присядем, а то неудобно как-то? — Шаман кивает на скамью у входа. — Вы о чём пишете?

— Да так, — Саньч пожал неопределённо плечами. — Я вообще-то с Маратом. Давай на “ты”, ладно?

— С каким Маратом?

— “АННА НЬЮС”, слышал?

— С Мусиным, что ли? Так он у меня интервью на Майдане брал. Я тогда ещё в образе революционера был, гордый от собственной значимости: как же, творец истории. А ведь кандидатскую по истории Французской революции писал, знал судьбы Марата, Робеспьера, Демулена, знал, что однажды проливший кровь ею же и захлебнётся... Ничему нас история не учит, а она дама мудрая. Вот теперь бы сказал, что нынешним гоп-стопникам Янек и в подмётки не годится. Люмпены сознания, а холуй во власти — самое страшное, что может быть. Эти власть не для того брали, чтобы отдавать. Людей немерено положат, да что людей — они для них навоз, удобрение, они Украину сожгут и на пепелище сидеть будут. Шизофрения полная. Ахметка с Фирташем локти кусают — их тоже метёлкой погнали. Хотя не до конца ободрали.

— А ты чего с Майдана-то майнул?

— Когда “беркутят” жечь стали под фашистские да бандеровские марши, словно тумблер щёлкнул в голове. Ладно, это психоз толпы, это объяснимо, но вот оболваниться сами захотели. Не сразу, но дошло, пытался своих друзей образумить — никто не слушает, а потом и вовсе рассорились, даже в СБУ стукнули. Сейчас очи долу, а тогда меня ватником обозвали. Понимаешь, эти маргиналы с Галичины решили, что они первозданные украинцы, а мы на ступень ниже. Ну, а после Одессы бросил всё и сюда уехал.

“Опять Одесса как точка невозврата, — подумал Саньч. — Почему кровь как лакмусом высвечивает, пробуждает? Нас тоже октябрь девяносто третьего просветил, а до этого овцами за баранами шли и радовались: блеять дозволено”.

— В Киев мне дороги нет, только на танке. Тоскую, конечно, старики остались, жена, дочка, работа, но не мог высидеть, понимаешь? Сначала звонили, теперь нет — боятся.

Шаман замолкает, носком берца катает камешек, подбирает слова:

— Как-то не думал, что все мы, украинцы, разные. Считал, что славяне же мы, одной крови... Да не в крови дело, по вере разрыв прошёл, по совести, по терпимости, по культуре, по гордости. Много ещё по чём, но только не по крови. Сербы тоже одной крови с хорватами и боснийцами, а вера давно развела их. А вообще во всём Россия виновата: двадцать лет отгораживалась, под американцев да немцев ложилась, нас с белорусами гнала, а теперь виноватит. Границ понаделали, всё тын городили, нет бы валюту единую да экономику, а то всё врозь да врозь. Вот и ломают пальцы по одному. Завтра батьку в шею погонят, а потом и за вас возьмутся...

Он снова замолкает и снова носок берца катает камешек: влево-вправо, влево-вправо...

— Чем здесь занимаешься?

— В пресс-центре пока, но не задержусь, надоело осанну петь. Хочу к Мозговому перебраться или к Дрёмову, у них хоть идея, не то что у этих: всё отнять и Плоте в карман переложить.

Они ещё долго говорят, потом Шаман спохватывается, бросает взгляд на часы:

— Пора мне, хотелось бы с Маратом повидаться, сильный он мужик, заряжающий. Ну, как Бог даст, авось свидимся. Привет ему передавай, может, помнит.

---

¹ Украинские олигархи Р. Ахметов и Д. Фирташ.

Не удалось свидеться: через неделю Шамана застрелили в Луганске из проезжавшей белой “Нивы”.

Глава 13. Август, 2014. Продразвёрстка

Целый день провели на передовой. Солнце обдавало жаром, как в преисподней, выбеливало и пятнило футболки и “разгрузки” выходявшей потом солью. Водой, как всегда, не запаслись: торопил Марат, поэтому пришлось обходиться тем, что давали бойцы.

К ополченцам второй роты добрались как раз под аккомпанемент разрывов. Те залегли на дне расширенной под будущий блиндаж воронки, наивно полагая, что снаряд в одно и то же место дважды не ложится. Ложится, да ещё как ложится!

В воронку свалились с ходу, тесня и наступая на лежавших. Скученность под обстрелом — вещь довольно неприятная. Марат ложиться не стал и стоял, широко расставив ноги и ехидно вопрошал:

— Планету тискаем? И чем же земелька пахнет, дегустаторы?

Пух яростно тянул его за полу куртки, уговаривая лечь, но Марат был искренне уверен, что эти взрывы его ну уж никак не касаются. Пух изловчился, подскёк ноги Марата и, свалив его на самое дно, прижал к земле, прохрипев Седому:

— Держи его, а то Кама сделает нам полный кирдык.

Последний взрыв вздыбил бруствер, срезал осколками сухие бьялья польни, обдал кислым запахом сторевавшего тротила и щедро сыпанул мелким крошевом.

— Однако, — несколько ошарашенно протянул Марат, отряхиваясь, — а ведь могло бы...

Что могло бы быть, ясно было и без слов, поэтому Пух просто пообещал:

— В следующий раз убью сам.

После полудня Марата известили о предстоящем обмене пленных, и он умчался с частью группы — не упускать же такой шанс, пообещав забрать остальных к вечеру. Саныч остался у ополченцев: плечо, чёрт возьми, который уже день изводила сверлящая боль. Как свяжется с Маратом, так обязательно жди беды: прошлый раз левая рука, теперь правая — видно, для симметрии. Ладно, чего же Бога гневить, хорошо, что так. Видно, ангел покрывало убрал, не уберег. А может, наоборот, весточку шлёт: угомонись, старик, пора и остепениться?

Ополченцы приволокли печку — что-то вроде самодельного мангала, поставили варить макароны: под ложечкой сосёт, время обеда. Со стороны украинских позиций донеслось бляенье и потянуло дымком.

— Мясо жрать будут, — зло сплюнул небритый, в годах, ополченец с позывным Шайтан. — И где это они барана надыбали? Никак у кого-то из местных реквизируют, бродяги?

Ополченцам насильно брать у населения ничего не велено, а покупать не за что, вот и перебиваются тем, что подбросят из города. Шалят, конечно, не без этого, но так, по мелочи: война давно вычистила все запасы, подгрехала по сусекам дочиста, хотя и до войны люди жили не очень-то и сытно.

Санычу становится неловко: свалились, как снег на голову, да ещё с пустыми руками. Надо бы ребятам подбросить что-нибудь, когда вернётся на базу. Хотя что он может подбросить из не менее скудных запасов группы: те же макароны да чай, ну и несколько банок тушёнки, если Дэн ещё не уволок к своим разведчикам. Ополченец спохватился: видно, понял его думки и успокоил:

— Да у нас этого добра навалом, — он кивнул на ящик макарон, приткнувшийся под растянутым тентом куском рваного брезента. Саныч сорвал травинку, зажал между зубами и оцупал взглядом степь до самых укровских позиций. Некошеное разнотравье придавило жарой, распарило в духмяный и дурманящий, с горчинкой, запах. Упасть бы лицом в этот ковёр и лежать бы, лежать, лежать... И где-то у самого уха будет надрываться цикада,

а в небе стремительно рассекает стриж, словно истребитель... Истребитель... Почему истребитель? Ах, да, истребитель, конечно, истребитель. Какие еще сравнения могут быть на войне?

— А может, мясцом разговеемся? — Саньч уже прокручивал шальную мысль.

— Это как? — шесть пар глаз с надеждой уставились на Саньча.

— А укрыя поделятся, — как бы между прочим произнёс Саньч, всё так же гоняя травинку в зубах.

— А-а, ну-ну, а мы думали... — гасла в глазах надежда, и отворачивались головы.

— Да нет, я серьёзно. Вы здесь уже давно, притёрлись друг к другу, разведка через вас не ходит. Считаю, родные совсем. Вы же не ждёте гостей отсюда? Вот и они не ждут. Это темнота настораживает, а сейчас день, жара, расслабуха полная, к тому же обедом заняты.

Головы поворачиваются, во взглядах уже пляшут бесенята. А что, чем чёрт не шутит? Саньч уже пожалел о сказанном. Это было полное безумие: белым днём, открытой степью, пусть и рассечённой пологими балками с редколесьем, наверняка с банинами и растяжками, лезть под неминуемые пули. И всё ради какой-то баранины, гори она синим пламенем? Сумасбродство, полное сумасшествие. А что, неужто до этого разумом отличался? Не замечено что-то, вечно тянет куда-то, Че Гевара недоделанный. Но обратного хода не дашь, не попятиться, никто ведь за язык не тянул.

На позицию укров вышли часа через полтора по дну почти пересохшего ручья, обогнули неглубокой балкой, рывком преодолели оставшиеся два десятка метров чистого поля, и свалились на головы обедавших. Солдаты, шеи цыплячи, глаза голодные, замызганные и зачуханные — ещё те защитнички иззалажной. Ополченцы, хоть и тоже тощие, но против них пожилостей, покрепче будут.

Ополченцы шумно втягивали в себя дурманящий запах наваристой шурпы, едва не захлёбываясь обильной слюной, словно голодные псы.

Баран был тощеват — не успел нагулять жир, не сезон, но раз пришли, то отказываться грех. Разделили щедро — солдатам оставили шею, лопатку и заднюю ногу, остальное сунули в мешок, прихватили автоматы — избавили от искушения в спину пальнуть, забрали из мобильников аккумуляторы и заторопились обратно.

Шайтан напоследок обернулся к сержанту:

— Не к теще на блины приехали, войны, не расслабляться. Запомни: если во главе баранов стоит лев, то бараны тоже будут львами, ну а если баран, то и львы заблеют. Понял? А вообще шли бы вы домой, хлопчики, мы тут сами как-нибудь без вас проживём. А будете наших баранов жрать, ждите наш продотряд. Короче, продрозвёрстка, понял?

Все дружно кивнули, а сержант бросил руки по швам:

— Так точно, понял. Товарищ... господин... пан... — сержант замялся, не зная, как обратиться к Шайтану.

— Ладно, сынок, валяй запросто. Чего хотел?

— Мы, это, без автоматов, того... Что начальству сказать?

— Да так и скажите: пришли ватники, навалили по первое число и автоматы забрали. А чтобы правдоподобнее было, сами друг другу фингалы поставьте. Понятно?

— Ага, — с облегчением выдохнул сержант, повернулся к своим и что есть силы врезал стоявшему с краю долговязому бойцу.

Марат вернулся к вечеру, как и обещал. Вернулся с почерневшим лицом, потухшим взглядом, со вселенской усталостью в опущенных плечах и непривычно шаркающими шагами.

— Они передали калек, понимаешь? Калек: у кого кисти отрублены, у кого пальцы, все избиты, а наши отдали их солдат целёхонькими, даже нациков отдали. Зачем? Ну, скажи, зачем?! Перед кем хвост пушим?

Эти кадры модератор к показу запретил, как содержащие сцены жестокости. Страусы, голова в песок: убивать можно, говорить об этом нельзя.

Глава 14. Август, 2014. Выход

Проснулись по привычке рано, шумно и весело завтракали, подначивая друг друга. Пух Седому подсунул намазанный горчицей хлеб, тот хватанул и замер, багровея, с распахнутым ртом. Возмездие ждать себя не заставило, и вот уже Пух орёт дурным голосом: Седой подменил чашку уже остывшего чая на кипяток. Марат сыпанул в чашку Кама соли вместо сахара, но не на того нарвался: Кама стоически переносит пытку вкусом, в растяжечку вышивает, закуривает и победно обводит всех взглядом: учитесь, мелочь пузатая, как надо переносить тяготы и лишения. Батыйй есть Батыйй, покоритель империй, и наказание должно быть неизбежным: как только неутомонный Марат, привстав, тянется за хлебом, стул незаметно отодвигается и профессор шлёпаётся на пол, вызывая взрыв хохота.

— Как дети малые, — укоризненно качает головой Саныч и предусмотрительно отодвигается к окну: тыл прикрыт, фронт и фланги под пристальным взглядом. Он в образе мудрого аксакала, никаких шуточек себе не позволит, хотя... Он незаметно меняет флэшку на новую на ноутбуке Алексея, пока тот пошёл за второй чашкой чая. Возвращаясь, стряхивает пальцами крошки хлеба из своей русской бороды, с шумом отхлёбывает большой глоток и в недоумении пальцы прыгают по клавиатуре.

— Марат, всё пропало! — испуганно кричит он. — Всё слетело!

— Что пропало? Куда слетело?! — подхватывается Марат и едва не ныряет в экран.

— Твикс, сладкая парочка, — констатирует Саныч, но закончить не успевает:

— Это он! Это всё он!! — орёт Марат, тыча в него пальцем.

— Он заменил флэшку! — кричит Алексей.

— Бей супостата! — подхватывается Марат и гонится за ныряющим в комнату Санычем.

Возня, сопение, хохот:

— Я щекотки боюсь!

Наконец всё успокаивается, моется посуда, подметается пол. Потянулись часы в ожидании команды:

— На выход!

Ожидание хуже неволи, а слоняться без дела и того хуже, это с армии известно каждому. Саныч уж хотел хоть чем-то нагрузить каждого, но Кама великодушно машет рукой:

— Пусть расслабляются, когда ещё придётся...

Заходит Валера, бизнесмен из Москвы. Для него группа Марата — оказия, поэтому просит взять с собою. Вообще-то чужие глаза ни к чему, но Марат готов облагодетельствовать каждого:

— Ты только не опаздывай, — говорит он. — А то ждать не будем.

— Замётано. Во сколько выезд?

— Да кто же его знает, — задумчиво тянет Марат. Действительно, кто знает, во сколько откроется окно на “ленте”, на чём ехать, что с дорогой...

— Тогда я мигом, за вещами и обратно.

Он торопится к двери, и уже слышен топот его берцев на лестнице. Саныч давно заметил, что москвичей здесь по плотности на один километр удивительно многовато. Разные: кто не наигрался в страйкбол, кто от забот сбежал, кто себя проверить решил. Кто просто авантюрист и искатель приключений, но таких всё-таки меньше. Большинство такие, как Ведун и Алексей — идейные, стержневые, с хребтом не переломанным.

— Никому ты там не нужен, — тоскливо делится по возвращении Валера на расспросы Саныча. — Там же не друзья — одни интересы: даже пива выпить да потолковать по душам не с кем. А здесь не мои “бабки” и связи нужны, а я сам нужен, понимаешь? Я здесь личность! Нет, не Валерий Павлович, это я там, у себя в офисе Валерий Павлович, а здесь боец второго взвода с позывным Барс. Здесь другая жизнь, настоящая, мужская...

Изменяет война человека, ой как изменяет. Месяц назад приехал вальжанным, с солидным животиком, оттопыренной губой а-ля Муссолини

и взглядом свысока: я в теме, а вы ваще кто? В первую же ночь он понял, кто есть кто и кто здесь ваще. Теперь он поджар, резок в движениях, бескомпромиссен в суждениях. Каково ему будет возвращаться к той, прежней, жизни, если повезёт? Уезжать ему не хочется, но отпуск пролетел в одно касание, словно моргнул. Давай, Валера, ездай, расскажешь там своим, может, с кого окалину и сдерешь.

— Да, братцы, последний денёк, — задумчиво тянет Мишка и сладко жмурится.

— Не последний, а крайний, — веско поправляет Пух и поднимает вверх палец. — Никогда не так не говори.

“Теперь они все спецназовцы, словечки спецназовские, лихость, бравада, даже кураж — всё спецназовское, снаряжение спецназовское, — мысленно замечает Саньч. — Господи, ну как пацаны, право, в войнушку заигравшиеся. Бородатые дети, шалят, бесятся, а война-то настоящая...”

— В спецназе всё иначе, — наставляет Пух. — Тут и девиз, знаешь, какой? “Не спрашивай, сколько врага, спрашивай, где он”. У нас, у казаков, тоже так.

Пух втягивает живот, расправляет плечи, выпячивая грудь, но ловит смеющийся взгляд Саньча и, улыбаясь, сдувается. Он всё-таки не утерпел и сунул Седому пару кирпичей в сумку. Вот попыхтит, хоть и невелика тяжесть, а всё же!

Он не знает, что Седой давно обнаружил их и тихонечко переложил Пуху. Но этому бугаю всё нипочём, даже не почувствует и привезёт их домой, а жена, разгружая сумку, найдёт их и в недоумении распахнёт взгляд:

— Это что?

Пух рассмеётся: вот гад, Седой, обскакал-таки:

— Это для фундамента. Новую жизнь строить будем.

Не успеет: полтора года спустя Пух, наш верный боевой товарищ Юра Кайдалов, наш бессменный спутник почти во всех бросках за “ленту”, погибнет.

Выехали за час до сумерек и за два до комендантского часа: в ночь Фёдорович не отпустил.

— У Макса на базе подождёте. Стволы там оставите, так ехать спокойнее, да и сопроводят вас у меня людей нет, и так измотаны до предела...

До войны проскакивали от Луганска до перехода в одно касание, теперь же дорога заняла добрые полтора часа — разбита вдрызг.

— У нас уже уборочная закончилась, а тут поля даже нетронуты, зерно осыпалось, — уныло замечает кто-то.

— Ага, словно баба перезрелая, завянет — никто и не заглянет, — с горечью шутит Гоша.

— Мины, — поясняет Олег из военной полиции. — Тут этого добра понастькано щедро, и наши старались, но, в основном, укры. Неделю назад сунулись было, да два комбайна подорвались, до сих пор ошмётки валяются: разминировать-то некому.

На “ленте” какой-то сбой и надо ждать утра. Ну, ждать так ждать, не впервой. Солнце уже успело слизать росу, когда появился Макс:

— Всё, “окно” открыто, можно двигать.

— Это же надо: триста лет прошло, а всё по-прежнему — Пётр окно в Европу рубил, мы в “окно” домой возвращаемся, а когда через двери-то научимся? Или так и будем шмыгать то в окно, то в форточку? — в никуда с горечью произносит Саньч.

— Не кручинься, старик, мы теперь непременно с парадного входа зайдём, — утешает Кама.

За “ленту” Макс не идёт — дальше проводят Багира, Олег и Дэн, загружат гуманитарку и вернуться. Он сосредоточен, говорит отрывисто, крепко жмёт руку и уходит.

Через полтора месяца он вновь будет встречать и провожать группы Марата и Камы. В конце января Саньч глубокой ночью на пробирающем до костей морозном ветру передаст ему медаль, и он сунет её небрежно в карман, обнимет:

— Лишнее всё это, вот пожить бы ещё не мешало. Ты лучше мне отсрочку привези...

Саньч тогда заругается на него: дурацкие шутки и сам дурак, а Макс рассмеётся. Неужто предчувствие? Так он и останется в памяти уходящим в ночь с улыбкой на красивом мужественном лице. Две недели спустя он погибнет при штурме Чернухино. Останутся жена и дочка, а отец уйдёт в ополчение. В мае его вместе с подразделением разоружат и отправят домой за ненадобностью.

На прощание фотографировались, обнимались, жали руки, улыбались. Улыбался Дэн, но как-то невесело. Улыбалась Багира, тая грусть. Улыбался Олег, но тоже как-то протокольно. Они оставались. Для них война продолжалась.

Марат доволен, балагурит:

— Нет тех вершин, что мы не взяли, и нет тех дел, что мы не завалили. А сколько ещё впереди!

— Вершин или заваленных дел? — уточняет Саньч.

— Заваленных вершин, — смеётся Марат.

ВЕРА КОБЗАРЬ

МИР ЗЕМНОЙ И ГОРНИЙ

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

Глухая ночь, а в храме тесно,
И разливается окрест
Многоголосье Благовеста:
«Христос воскрес! Христос воскрес!»

Огонь в лампадах догорает,
А сердцу стало вдруг теплей.
Воскрес Христос! И двери рая
Открыл живущим на земле.

Ликует мир земной и горний,
Сияет радость до небес,
И укрепляет вера корни —
Христос воистину воскрес!

* * *

Бледнеет ночь, погасли фонари,
И петь устал под утро соловей,
Который сумасбродил до зари —
Он был опять бессонницей моей.

КОБЗАРЬ (КОСТЕНКО) Вера Петровна родилась в селе Красноталовка Еланского района Волгоградской области. Член Союза писателей России. Автор сборников стихотворений “Вчера был снег” (1996), “Весенний дождь” (2002), “Светлый август” (2008), “Ожидание” (2014). Лауреат премии “Прохоровское поле” и международного поэтического конкурса Рубцовского творческого союза “Звезда полей”.

Но соловью нет дела до меня,
Не мне одной он голову вскружил,
И до рожденья солнечного дня
Он просто эту ночь сторожил.

* * *

Мне сегодня легко на сердце,
И природа ко мне добра:
Дождь весенний насыпал в сѣнцы,
Не скупясь ничуть, серебра.
Грозовые тучи раздвинув,
И невздам всем вопреки,
В небе радуга, выгнув спину,
Пьёт прохладную синь реки.

* * *

Гончар с любовью пестовал сосуд,
Так, словно мать, склонѣнная над зыбкой.
Пригнул к земле его нелѣгкий труд,
Но на лице всегда цвела улыбка.

Необъяснима точность ловких рук,
И зоркость глаз нисколько не менялась,
День ото дня вертелся быстрый круг —
Старел гончар, труднее глина мялась.

И наплывали думы чередой,
Смотрел с надеждой робкой он на сына,
Как тот несмелой юною рукой
С восторгом мял твердеющую глину.

ОЛЕГ ТАРАСОВ

ЗИГЗАГ СОВЕСТИ

РАССКАЗ

Пассажирский микроавтобус “Фольксваген” уверенно глотал километры оживающей трассы Нефтеюганск–Сургут. Яркие красные кресты на белых глянцевых боках свидетельствовали о его медицинской принадлежности. В “бусике” находилось около десятка врачей — региональная медкомиссия отправилась на осмотр работников крупной газодобывающей компании.

Летний день в предполярных местах долог, и солнце оторвалось от горизонта уже давно, хотя и без претензии на высоченный зенит. Половина врачей, пользуясь комфортом междугороднего салона, добирала утренний сон. Глава комиссии с озабоченным видом вчитывался в планшет, лежащий на коленях. Кто-то смотрел в окно. Парочка молодых людей, расположившаяся на последних четырёх сиденьях, оживлённо переговаривалась.

Терапевт Леонид Иванович Ельцов пытался дремать. Не выходило — говорливая парочка сидела как раз позади него. Ельцов подоплёку оживления раскусил сразу: симпатичная рыжеволосая девчуха приехала окулистом совсем недавно. И дерматовенеролог Гена, считающий себя бывалым альфасамцом и юмористом, теперь пытается произвести впечатление, сдабривая свою речь изрядным налётом цинизма — как же, взрослые люди обязаны сразу ограбить себя от моральных химер!

Ельцов слышал, как острым языком Гена прошёлся по некоторым присутствующим врачам. И по нему тоже — правда, сбавленным тоном. Впрочем, Ельцов и так мог предположить собственную оценку в глазах коллеги — этого юноши отнюдь не с горящим взором, а напротив — лениво-высокомер-

---

ТАРАСОВ Олег Васильевич родился в 1964 году в городе Новосибирске. В 1985 году окончил военное училище в Ульяновске. В настоящее время офицер запаса. Живет в Белгороде.

ным, и с внутренней убеждённости, что, изучив способы распространения сифилиса, он всеобъемлюще познал жизнь.

Ельцов, самый старый здесь из врачей, подбирается к дате в пятьдесят лет, и занесло его на Север по крепкой нужде, вне всяких глобальных планов. Ещё относительно недавно казалось, что обустроился он за трудовые годы, чего-то достиг: семья, двое детей, работа и авторитет — а вот поди! Лет пять назад жена резко сделала карьеру до главврача и слюбилась крепкой любовью с каким-то бойким адвокатом.

Ельцов не стал воевать ни за даму сердца, ни за жильё: оставил всё как есть, даже на официальный развод махнул рукой. Переехал в соседний город, через кредит и родительскую помощь приобрёл себе квартиру и... попался.

Вызвали его повесткой в суд: супруга расторгала брак и требовала разделить совместно нажитое имущество: ему, ей и младшему сыну, которому вот-вот исполнится восемнадцать. Совместно нажитым имуществом значилась его новая квартира... Адвокат на той стороне орудовал грамотно: суд рассмотрел дело в пользу истца, и Ельцов лишился жилплощади, получив на руки треть её стоимости.

Бомжевать на старости лет — занятие опасное. Хоть с дипломом, хоть без диплома; что с работой, что без работы. Надо добавлять средств к законной трети и обзаводиться углом. Да где ж такую суммишу снова найти? В городке денег больших не поднять, хоть сутками с работы не вылазь. Пока думал-гадал, вакансия на Север подвернулась — в профмедцентр, благо, комиссию по здоровью прошёл.

Уже год Ельцов мотается на квартальные вахты, собственной шкуркой ощущает “прелести” кочевой малоустроенной жизни. И с коллективом отношения сложные: вроде не в изоляции, и не сказать, что в доску свой.

Причин для обособленности куча: докторов будто сквозняк перемешивает, только успевай с новыми знакомиться и гадать, куда старые делись? К тому же, люди сегодняшнего Севера географию не только российскую представляют, а и половины СНГ. У географии этой одно порождение — синдром улитки. Хочется залезть в личное неприступное пространство и там как можно дольше находиться. Синдром скорее из области мечты, куда от посторонних денешься, если комната вахтовиков, минимум, на четверых рассчитана?

Да плюс командировки регулярные: на днях осмотр педагогов Салехарда, через неделю — в Дудинке слушаешь фонендоскопом портовых ребят. Круговерть и чехарда мест и людей. А временность отношений заставляет человеческое в глубь прятать, по рубежам своей природы всякую гадость выставлять.

И главное, пожилой он в глазах коллектива человек, отсталый. Вне современной формации, поскольку средний возраст коллег тридцать пять лет — Север молодые силы зовёт. Толку, что опыт у него громадный? Сейчас всем статус подавай! На худой конец, взамен статуса демонстрируй пенты. Навязывай собственное представление о собственных великих достижениях, а остальных равняй к плинтуеу!

Молодёжь вообще с изрядной наглостью действует. Тот же дерматовенеролог Гена. Высокий, ловкий, далеко не слабак. А грузили однажды из центра лабораторное оборудование, заметил Ельцов, как тот с особым вниманием терапевта контролирует. Чтобы не отставал “старичок”, который ему в отцы годится, и больше положенного не отдыхал. Нутром ощущал, как чесалось на языке у Гены: “Раз слабенько тянешь, значит, хлебные края не для тебя!” Да только лишил он Гену такой возможности — служит ещё добрую службу спортивная закалка.

“Эх-хе-хе, вот она — современность темы отцов и детей! — думал с надрывной грустью Ельцов. — Ощущение такое, что детки хотят старшее поколение в утиль списать. Не надо им опыта перенимать, не нуждаются они в зрелой подмоге. “Споры? Поиск истины? Старички, не утомляйте порожняком!” Хотят нам гробовщиками быть, и по единственной причине: что мы в их понятии безнадежно старые”.

Теперь-то Ельцов отлично понимал, куда влез. Спустя год ему уже думалось, что любой вахтовик подобен шару в барабане спортлото. Так же все

крутятся, носятся, сшибаются друг с другом за собственный интерес, за место под солнцем; и каждый преисполнен надежд, что именно он и есть выигрышный шар.

Впрочем, по большому счёту, жалко Ельцову молодёжь. Профессию выбрали серьёзную: работать с самой ценной материей на земле — человеком и его здоровьем. Так и нельзя спустя рукава к этой профессии относиться, какие бы ни были времена, — нельзя!.. Спрашивал себя с некоторым страхом: может, и он таким в молодости был? Вспоминал свои первые шаги, сокуреников и отвечал: нет. По-другому относились, ответственной. С человеческим понятием.

Вон, справа от водителя глава комиссии восседает — Пал Палыч. Щеголеватый субъект чуть старше тридцати, костюмчик, рубашка в тонкую полоску, галстук. Отрепетированные манеры, чувство дистанции. Сейчас так модно — строить из себя важность: типа, к тридцати годам ты уже состоялся, успешен. Бейджик на шее, армия подчинённых, служебное авто... А без интернета ни на один профессиональный вопрос Паша не ответит: едва возникнет нужда — сразу в айфон, подсказки глядеть. Зато любит чужие идеи за свои выдавать, любит результат доложить. Естественно, положительный.

Жалко Ельцову молодёжь и от того, что нормальным юношам и девушкам приходится теперь с серой массой сливаться, делать вид, что они для серости свои. В почёте крутые, дерзкие выходки, демонстрация пренебрежения к ровесникам послабее и к тем, кто годами старше. А хорошими достижениями сейчас только проблемы наживёшь, нездоровое внимание.

Может быть, девчужка-окулист из таких, нормальных? Ведь пробуксовывает у Гены впечатление, пробуксовывает — Ельцов ощущал это спиной. Девчужка очень естественно смеялась, и за словом в карман могла не лезть, но ожидаемой от неё податливости: “Ах, Гена, я теперь ваша!” — всё не случилось. Будучи невольным слушателем доброй части разговора, Ельцов приветствовал сдержанность девушки.

Он хорошо разглядел кареокую и златовласую окулистку на посадке и раньше всего подумал, как прекрасны в утреннем свете взбитые огненные кольца волос! Потом уже не мог не отметить за общей симпатичностью лица едва сбитый прикус зубов, чуть просаженный утиной ложбинкой носик. Может, бесхитростная девушка, может, и наивность в ней есть... А Гена так ломится за добычей, что болтологией своей уже порядком надоел!

Едва Ельцов решил плюнуть на раздражающий шёпот альфа-самца и спать, как водитель внезапно притормозил. Кто-то произнёс слово “авария!”, медики зашевелились, стали тянуться к окнам. Ельцов тоже заинтересовался: что там?.. Две легковушки и небольшой грузовичок в хаотичном расположении, помяты... Ни гаишников, ни “скорой”, только три мужские фигуры. Один к мобильнику приник, второй с надеждой оглядывается по сторонам. Последний — у синего “Форда”, склонился к водительскому месту — там кто-то есть.

“Кажется, без кровищи, — подумал Ельцов. — Машины на колёсах, деформация умеренная... Впрочем, человеку пострадать — не обязательно автo в гармошку”.

“Бусик” аккуратно объехал место происшествия и дал газ. Ельцов встал, бросил взгляд на Пал Палыча — глава комиссии, как ни в чём не бывало, с деловым видом уставился в планшет. Ельцов осмотрел салон — любознательство среди коллег улеглось, многие ввали в прежнее вялое состояние. Альфа-самец Гена на последнем ряду взялся за прерванный рассказ.

— Там же авария, — кашлянув, сказал Ельцов. — И пострадавший вроде есть.

Пал Палыч безразлично пожал плечами: что поделаешь, бывает!

— “Скорая” только минут через тридцать приедет! — пояснил свою тревогу Ельцов. — А у нас спецаптечка.

Все понимали, куда клонит терапевт, но поддерживать его никто не спешил. Ельцов даже сквозь затылки видел их равнодушие. Он шагнул в центр, поближе к Пал Палычу, повторил.

— У нас другая задача, — спокойно ответил тот. — И ещё пути — не один час.

— Так мы что, не врачи?! — уже громче огласил Ельцов своё недоумение. И повертел головой, вновь ожидая поддержки. — Мы, выходит, не врачи?!

— В каком смысле? — уже с нотой раздражения, словно оскорблённый лично, спросил Пал Палыч.

— Помощь оказать — вот в каком! По закону же вроде обязаны?

— Кому надо, приедут и окажут, — Пал Палыч заёрзал в кресле, для вящей солидности резким жестом оголил на руке часы.

— Сейчас прозвучат слова о клятве Гиппократы, — альфа-самец Гена сказал с последнего ряда так, чтобы все слышали, и снабдил фразу преотличнейшей иронией. — В своё время на неё натаскивали крепко!

— Не прозвучат, — повернулся к нему Ельцов. — Клятва — это для людей с совестью.

— Вот такие мы бессердечные эскулапы! — тут же нашёлся Гена и специально для молоденькой соседки соорудил слезливо-виноватое лицо. Перепалки языком были любимым занятием Гены, и кроме того, он считал, что давить оппонентов надо всегда шутками.

— Я лично вот чем могу помочь? — на манер юродивого осведомился он. — Мазок, может, взять?.. А она? — Гена показал на рыжеволосую окулистку, затем дурашливо прикрыл один глаз рукой. — Покажите “ШБ”, пациент! — произнёс он скривлённым ртом.

Дерматовенеролог ждал цунами веселья, как же — его фразы полны хлёсткого юмора! Однако взрывов смеха не последовало, а девушка-окулист несколько отстранилась от коллеги. Ельцов понял, что бессмысленный диалог забирает время, к тому же он изначально не рассчитывал на помощь подобных Ген.

— Степаныч, тормози! — направился Ельцов к водителю.

Пухлый, колобкообразный Степаныч устремил раскрасневшееся лицо вперёд — сделал вид, что не слышит. Ельцов такие замашки водителя уже знал: калории свои Степаныч чрезвычайно ценит, и если не в настроении — попробуй подкорректируй ему маршрут!

— Тормози! — крикнул Ельцов более строго, видя, что “бусик” продолжает гнать. — Всё равно будем возвращаться. — Он подошёл ближе, к переднему отсеку, стал увещевать. — Аварию-то рулём повертел — объехал, а с совестью такой зигзаг не пройдёт! Это я тебе как специалист говорю.

Степаныч сбросил скорость, но за окончательной санкцией повернулся к старшему. Пал Палыч чувствовал, что ситуация скользкая, непредсказуемая, и кто знает, чем для его авторитета обернётся решение? Он молча показывал головой “ни да, ни нет”, словно предоставлял свободу выбора другим.

— Ну, — поторопил Ельцов.

— Вот и принимайте на себя ответственность, Леонид Иванович! — молодой да ранний Пал Палыч на всякий случай подстраховался официальной фразой.

— Приму! — успокоил его Ельцов. — Но даже остановиться, спросить: “Помощь нужна?” — что, страшно из-за ответственности?.. Ты же водитель, Степаныч, и пострадавший — водитель! — Ельцов чуть подался к лобовому стеклу. — Я понимаю, красный крест на “бусике” удобен, чтобы гаишники не тормозили, а когда помочь?..

Степаныч неопределённо крякнул-хрипнул, включил левый поворот...

Картина на месте аварии была прежней. Действующих лиц не прибавилось, один из участников сидел в кабине грузовичка и нервно настукивал пальцами по рулю. Двое остальных следили за возвратившимся “бусиком” с надеждой.

Ельцов взял медицинскую аптечку, вопросительно посмотрел на хирурга.

— Александр?

Хирург — крутолобый блондин с броскими, словно на римском барельефе, чертами лица, молча огладил пятернёй курчавые и рано редющие волосы, встал. Ельцов порадовался, что плотный в плечах и груди парень без особых ворчаный готов стать помощником.

За открывшейся дверью сразу оказался мужичонка маленького роста, скуластый, с шершавым обветренным лицом. Видно было, что он успел из-

маяться ситуацией, поскольку говорил торопливо и нервно жестикулировал.

— Вот! Угроздило на пустой трассе!.. — горячо пожаловался он, хотя в словесном описании дела не было никакой нужды.

Ельцов воспринял его реакцию спокойно — не исключён психический шок.

— Кто тяжёлый есть? — спросил он.

Мужичонка показал на синий “Форд”.

— Кажись, совсем плохо! Стонет! А трогать боимся, слышал, должен эвакуировать специалист.

— Правильно слышали, — ободряюще сказал Ельцов.

Он оглянулся — из “бусика” вышел Пал Палыч, следом ещё несколько врачей.

— Так вы взяли и проехали! — мужичонка замахнулся высказать претензию злее и напористей, да вдруг побоялся переступить меру. — А у вас же красный крест. А вдруг он помрёт?

— Север же всегда взаимовыручкой держался! — вставил слово второй и в сердцах махнул рукой. — И что сейчас?!

Ельцов, косясь, поглядел: слышит ли Пал Палыч? Кажется, слышит.

— Теперь вернулись и займёмся, — сказал Ельцов.

Водитель “Форда” — мужчина добротной комплекции — так и сидел на месте с отрешённым взглядом, без попыток шевелиться.

— Если тронуть, он стонет! — испуганно пояснил мужичонка.

Руки Ельцова пробежались ощупать на шее пульс, подъём грудной клетки: “Без сознания, удар в грудину, не исключён и позвоночник” — пронеслось у него в голове.

— Этот не виноват вовсе! — мужичонка кивал на водителя “Форда” и выговаривался. — Нас вот тот задел! — он указал на грузовичок, стоявший метрах в десяти. — А теперь там сидит себе!

— Это уже не нам выяснять, — остановил его Ельцов.

Мужичонка словно не слышал, жестикулировал.

— На обгон... рванул и задком! — рука мужичка всё рвалась указать на виновный грузовичок.

— Найдите вещи какие-нибудь постелить, — приказал Ельцов. — Здесь, на обочине пока уложим.

— Хорошо! Хорошо! — мужичок с готовностью подхватился бежать.

— В пациенте килограммов сто, — Ельцов показал хирургу на водителя. — Основная надежда на тебя, Саша, ты мужик крепкий.

Александр с готовностью кивнул.

— Как брат, знаешь? — спросил Ельцов.

Тот неловко замялся:

— В теории. Ну, под мышки.

Ельцов подался вплотную к хирургу, зашептал:

— Ни разу не пробовал?

— Так нам их на стол готовых подкатывают, — таким же негромким голосом стал оправдываться хирург.

— Подкатывают... готовых, — проворчал Ельцов. — Эх, Саня, Саня, учись тогда по ходу жизни! Я это дело ещё медбратом прошёл, в студентах.

Александр наклонился над водителем, пропустил ему руки снизу плеч.

— Так, обхвати грудь и голову удерживай! — руководил Ельцов. — А я ноги.

Пострадавшего с немалыми усилиями вынули из машины, аккуратно положили на подготовленное место.

— Под шею валик какой-нибудь придумай! — сказал Ельцов, а сам полез в аптечку. Всосал в шприц ампулу анальгина, оголил водителю плечо.

После укола водитель очнулся, застонал.

— Всё, всё, сейчас легче будет, — успокоил его Ельцов. — И в больницу скоро доставят.

Когда на шоссе мелькнул синий маячок “скорой помощи”, Пал Палыч скомандовал всем заходить. “Обойдутся теперь без нас!” — с явным облегчением добавил он.

Кто выходил из “бусика”, вернулись по местам. Степаныч глянул в салон круглым раскрасневшимся лицом, деловито, с приподнятым настроением осведомился: “Никого не оставили?” Все почему-то сочли нужным посмотреть в конец — на месте ли Ельцов? Ельцов вошёл последним и не желал даже в мыслях соотносить свой поступок с каким-то героическим действием: экстренная помощь — рядовая обязанность врача. Его так научили в институте, с этим он прожил всю жизнь.

Белый “Фольксваген”, взбрыкивая мощью всех своих лошадиных сил, рванул по трассе, а на Ельцова неожиданно нахлынула радость. Нахлынула волной какого-то лёгкого счастливого состояния, бескрайнего душевного простора. И это была радость не за себя, а за хирурга Саню, что сразу, без упирательства, отозвался и бросился на помощь; и теперь в копилку Сане этот важный опыт будет зачислен — опыт во всех смыслах: моральном, профессиональном. За Степаныча, который сейчас не бухтит из-за внепланового разворота и не ноет, а очень даже весело крутит баранку. За самого пострадавшего, которому облегчили боль; за общую атмосферу, в которой, как он чувствует, у многих с души упал камень.

Он обратил внимание, что Гена сидит сзади один — девушка-окулист по возвращении выбрала другое место. Да, она сказала расфуфыренному Гене, что желает немного поспать, и тот понял, какая правда за этими словами. Понял и сидит теперь надутый, как сыч.

И сам Пал Палыч задержкой огорчён меньше, чем кажется. Доложит потом Пал Палыч начальству, что по пути следования увидел аварию и счёл нужным организовать пострадавшим помощь... Ну, да ничего, пусть докладывает...

ВИКТОРИЯ КАН

СВЕТ КАЛИНЫ КРАСНОЙ

УТРЕННЯЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Agate

Первый луч коснулся пухлой щёчки,
Мягко сбросил на пол одеяло.
На подушке расцвели цветочки,
Что головка детская примяла.

По утрам ещё так сладко спится.
Луч позолотил пушок на коже.
И дрожат у доченьки ресницы,
А проснуться всё никак не может.

Спи, малютка! Долог путь к закату,
Ноженьки свои ещё натрудишь.
Будет ждать тебя родная хата,
Даже если ты её забудешь.

КАН (Землянская) Виктория Ивановна — автор трёх книг “Вслед за летом” (2001), “Я ставни распахну” (2003), “Колодезный журавль” (2007); лауреат девятого фестиваля “Оскольская лира” (1997); лауреат третьего фестиваля “Нежегольская тропа” (1999); член Союза писателей России с 2006 г. Печаталась в альманахе “Академия поэзии” (Москва), в журнале “Cosmopolitan” (Москва), в журнале “Карелия” (Петрозаводск), в альманахе “Звонница” (Белгород). Живёт в Белгороде.

ЗАМУЖЕМ

Десять лет “без права переписки”...
Узок мир через дверной “глазок”.
Из вчера в сегодня путь был близкий,
Из сегодня в завтра путь далёк.

Десять лет в домашнем “чёрном списке”
За неосторожные слова,
За похлёбку из глубокой миски,
Окольцованные, “птичьи”, но права.

Горечь — первый признак женской осени...
Десять лет, потраченных напрасно...
Но манит свободой прорубь просины,
И тревожит свет калины красной!

* * *

Как пылкие и ясные мечты,
Взлетают птицы в поднебесье.
Становятся невидимы почти,
А иногда теряют равновесье...
Вот так и мне заветной высоты
Достичь когда-то радостно мечталось.
Тяжёлых, грозных туч бока круты,
И сил бороться с ветром не осталось.
И крылья словно взяты напрокат —
Стремлюсь вперед, а падаю в закат...

* * *

Посох почернел, стоит у двери.
Сквозняки обжили башмаки.
Напеку к утру стихотворений
Из прогорклой жизненной муки.
Сливочным кусочком лунной дольки
Сдобрю сложенные стопкою листки.
Вот они — со сковородки только...

ИРИНА ЧЕРНЯВСКАЯ

ДУРОЧКА

РАССКАЗ

Полина стояла у окна. Через два часа ей должно было исполниться тридцать — юбилей! — но она не пекла пирогов, не готовилась к приходу гостей, не примеряла нового платья в ожидании праздника, а молча и неподвижно стояла у окна, размышляя о своём прошлом. Хотя какое там “прошлое” может быть у старой девы?..

Отчаявшись что-либо изменить в своей пресной судьбе, Полина перестала даже надеяться на счастье, — да что там счастье! — даже на его мимолётный проблеск, уж слишком всё это казалось теперь несбыточным. Проще говоря, она устала. Устала всё время кого-то ждать, что-то придумывать, чтобы собственное унылое существование не казалось таким заплесневелым, устала притворяться гордой и независимой.

Но сейчас она с неотвязной тревогой поглядывала на календарь, где красным фломастером был обведён день её рождения — тридцать первое декабря, канун Нового года. Полина обвела это число машинально, ни о чём как будто и не думая, но мало-помалу в её подсознании сформировалось странное убеждение: в этот день должно что-то произойти. Плохое ли, хорошее — она не знала. Но непременно должно было случиться то, что разрушит её привычный, до зевоты опостылевший мирок, из которого она вот уже много лет никак не могла выбраться. И эта волшебная перемена произойдёт ровно в девять вечера — именно тогда, когда она появилась на свет! А пока оставалось одно: ждать. Ждать и вспоминать все неудачи и промахи своей никчёмной жизни.

ЧЕРНЯВСКАЯ Ирина родилась и живёт в Белгороде. Автор семи книг: “Таборная песня”, “Осеннее танго”, “Соловей”, “Цыганская радуга” и других. Член Союза писателей России.

А началось всё с театра. Полина бредила сценой. Она так мечтала об артистической карьере, что ей было даже неважно, в какой именно театр поступать. Практики у неё не было ни малейшей, да и быть не могло, ведь Полина держала свою мечту в таком секрете, что даже родители ни о чём не догадывались. Впрочем, перед подружкой-однокурсницей тайну пришлось всё-таки раскрыть, больше того, уговорить разбитную, бедовую подружку поехать с ней вместе в Москву, поступать во МХАТ — Полина наконец-то решила, что именно этот театр должен стать её судьбой.

И вот вместе со своей “группой поддержки” Полина уехала покорять Москву, оповестив родителей о своём решении в самый последний момент. Мама даже не успела сварить дочери курочку на дорогу... Не беда! Подруги запаслись бутербродами, хотя Полине было вовсе не до еды: всю ночь напролёт будущая артистка повторяла монолог Ларисы из “Бесприданницы” и только под утро забылась на пару часов тревожным сном.

Перед экзаменом, — очевидно, сказались усталость и волнение, — на Полину напала какая-то странная слабость, почти безразличие: она будто бы совсем и не нервничала, в отличие от других. Но, войдя в зал, где заседала приёмная комиссия, Полина со стыдом и ужасом поняла, что экзамен она провалила. Поняла, не промолвив ни единого слова: от волнения у неё пропал голос. С непередаваемым чувством бессилия и острого отвращения к самой себе она беззвучно открывала и закрывала рот, так и не сумев выдать ни звука из онемевшего горла.

— Вы, очевидно, читаете монолог Золотой Рыбки? — пошутил один из экзаменаторов.

Но Полина была не в состоянии оценить его остроумие...

Когда подруга подскочила к ней с единственным: “Ну?!” — Полина горько разрыдалась, с изумлением чувствуя, что голос вновь её слышится...

На этом и закончилась её бесславная артистическая карьера.

Вторично поступать Полина не стала: пережить такой крах ещё раз было ей не под силу. Она вернулась домой подавленная, смирившаяся и какая-то отрешённая... И без того не слишком бойкая, теперь Полина сделалась совсем робкой и нерешительной, к тому же замкнулась в себе так, что все подруги мало-помалу от неё отделились. Но сама Полина об этом почти не жалела: общение с кем бы то ни было стало для неё в тягостно. И если знакомые спрашивали при встрече: “Как дела, Полиночка?” — то девушке неизменно чудилось: “Ну что, артистка погорелого театра?..” Немудрено, что она спешила перейти на другую сторону улицы, заметив свою знакомую.

А вот родители отнеслись к дочкиной катастрофе совершенно спокойно — для них это была всего-навсего житейская неудача. Да и какая там артистка могла выйти из их неуверенной, робкой дочери? Гораздо больше они сокрушались по поводу странного дочкиного решения оформиться в столовую судомойкой. Особенно возмущалась мать, изумляясь, с чего бы это её неглупая, начитанная, развитая девочка вдруг надумала пойти на такую грубую и непрестижную работу?..

Откуда было матери знать, что для Полины всё кончено, и её уже абсолютно не волнует, где и кем работать. Несостоявшаяся артистка пыталась забыть своё горе за нелёгким, отупляющим трудом судомойки, за домашними хлопотами, за чтением, к которому пристрастилась ещё с детства. Ей, как ни странно, почему-то и в голову не приходило, что в её размеренной, тоскливой жизни может найтись место любви. Ведь она изначально была уверена, что закоренелых неудачников любовь обходит стороной.

Из бессонных ночей и горестных раздумий стали появляться стихи:

*Я уже разучилась летать.
С каждым годом слабей мои крылья.
Что осталось мне в жизни — страдать?
Горько плакать в ночи от бессилья?..*

А потом случилось самое страшное: от тяжёлой болезни умерла мать. Вскоре скончался и отец, пережив свою жену всего на два месяца, и Поли-

на осталась совершенно одна, непристроенная и неудачливая... К тому времени ей было уже двадцать пять. Но парни её не замечали, а вернее, сторонились, словно побаиваясь в ней чего-то. Может быть, их отпугивала Полина строгость, постоянная серьёзность и сосредоточенность?..

А ведь Полина была далеко не уродина! Изящная, стройная, с густыми золотистыми волосами, аккуратным носиком, пухлыми, нежно очерченными губками — чем не сказочная красавица Белоснежка? Но в её взгляде таилась такая отрешённость от мира, такая печаль и неприступность одновременно, что никому из парней и в голову не приходило поухаживать за Полиной. Да и ей, в общем-то, никто не был нужен, пока... Пока в соседней квартире не появились новые жильцы со своим сыном — семнадцатилетним красавцем Русланом.

Как ни странно, Руслан как будто бы не осознавал своей по-южному яркой, броской красоты, общаясь со всеми просто, дружелюбно и, казалось, упорно не замечая восторженных взглядов девчонок, которые так и крутились вокруг него. Понравился он и Полине. И ей впервые в жизни подумалось, что, может быть, она не совсем уж напрасно появилась на свет, если судьба каждый день позволяет ей любоваться таким славным парнем... Она смотрела на него не как влюблённая девушка, нет! А как художник смотрит на прекрасную картину, получая эстетическое наслаждение от её совершенства.

Сначала Полине было радостно от случайных встреч с Русланом, но, когда её чувства к нему стали выходить за рамки обычной симпатии, она не на шутку встревожилась. Ведь Руслан не был ей ровесником! Да что там ровесником — разница в годах казалась ей чудовищной: он был моложе её на целых восемь лет!

А Руслан, как на грех, вдруг сделался с ней исключительно любезным и разговорчивым: при встрече не просто вежливо здоровался, как прежде, а всё пытался завязать разговор, осыпая Полину комплиментами и милыми шутками. “Ой, да по твоим волосам солнышко гуляет!” — воскликнет, бывало, снимая с волос девушки божью коровку. Или продекламирует с напускной серьёзностью что-нибудь, вроде: “Нынче богиня Весны // в золоте кос появилась, // наши сердца озарив...” — недвусмысленно намекая на светлые волосы Полины. Любая другая девушка гордилась бы проявлением такого внимания со стороны Руслана, а вот Полина чувствовала себя ни больше ни меньше как преступницей. “Это недопустимо, аморально, ведь он намного моложе!” — занозой сидело в её мозгу.

Каждую ночь ей снился один и тот же сон: тьма, пустота, с одной стороны — огромная, неприступная скала, с другой — пропасть. Между скалой и пропастью — узенькая тропинка величиной в ладонь, по которой она идёт. Куда и зачем — неизвестно, но это совсем не важно, важно другое: не оступиться и не сорваться в бездну. Полина, преодолевая страх, шаг за шагом продвигается по тропинке, безуспешно пытаясь уцепиться за гладкую стену скалы... Сон всегда кончался благополучно — Полине удавалось удержаться на краю пропасти, но удастся ли ей не рухнуть в эту пропасть наяву?..

А Руслан и не подозревал о её душевном смятении. Как-то, в очередной раз встретив девушку у подъезда, он спросил:

— Ты на мои проводы придёшь?

И, не дожидаясь ответа, многозначительно добавил:

— В субботу. Я буду ждать.

И чуть коснувшись Полининой помертвевшей руки своими тёплыми пальцами.

...Полина вошла в дом, как сомнамбула, почти в беспамятстве. Она поняла, что Руслан был влюблён в неё так же, как и она в него. “Господи, да ведь он же — ребёнок по сравнению со мной!” — в ужасе думала она.

Наивная душа! Ей и в голову не приходило, что в житейском отношении Руслан намного взрослей и опытней её. Полина же твёрдо была убеждена: этой “преступной” любви допустить нельзя. Значит... Остаётся одно...

Полина подошла к кухонному шкафчику. Вынула несколько упаковок таблеток. Задумалась. Может, лучше включить газ?.. Нет, нет. Соседи ни в чём не виноваты, а ведь от газа пострадают и они. Вот если бы можно

было заснуть и никогда уже не проснуться, но так, чтобы не было ни больно, ни страшно...

И тут её взгляд упал на пузырёк с валерьянкой.

“Я совсем не собираюсь травиться, — успокаивала себя Полина, — я просто выпью немного больше нормы, чтобы уснуть и всё забыть, а потом я успокоюсь и проснусь... через несколько суток... и ничего страшного...”

Она одним глотком выпила всё, что там было, — почти треть пузырька — и прислушалась к своим ощущениям. Ничего страшного. Вот только слабость какая-то... очень хочется спать... и голова... голова... так странно кружится... сейчас усну — и всё...

Полина добрела до дивана и прилегла, надеясь, что её сморит спасительный сон. Но не тут-то было! Вдруг перед глазами стремительно заплясали огненные пятна, жутко похожие на кровь. Затем Полина почувствовала, что её голова как бы отделяется от тела, и тут же ощутила невыносимую головную боль и тошноту. Бедняжка едва успела добраться до ванной, как у неё началась неукротимая рвота. Вот тут-то она испугалась по-настоящему, осознав всю чудовищность своего поступка: ведь это была попытка самоубийства! Дура! Какая же она дура — зачем?!

Это было её последней мыслью. Держась за стену, Полина сползла на пол и потеряла сознание.

...Поправлялась она долго и трудно. Руслана проводили в армию без неё. А спустя полгода молодой солдат погиб в Афганистане.

Когда Полина узнала об этом, её охватили такие невыразимые муки совести, что она надолго лишилась сна, и, лёжа в ночной тишине, с отчаянием думала о том, что эта страшная беда произошла из-за неё. Логически это не поддавалось никакому объяснению, но Полина знала, что приди она тогда на провода, поведи себя с Русланом иначе — и он бы уберёгся от гибели. Однако ни вернуть, ни поправить ничего уже было нельзя. Только теперь Полина поняла, что такого, как Руслан, она никогда больше не встретит, а её жалкая жизнь и вправду бессмысленна. Но у неё не было духу ещё раз пережить весь ужас близкой и неотвратимой смерти, и девушка не пыталась покончить с собой вторично.

У неё появилась немного странная мечта: нарисовать по памяти портрет Руслана и повесить над своей кроватью. Несколько раз она бралась за карандаш, и Руслан получался почти похожим, вот только его выразительные чёрные глаза смотрели с рисунка не весело и дружелюбно, как в жизни, а грустно, отрешённо и как будто бы укоряюще. Полина рвала портрет за портретом, но потом, отчаявшись передать истинное выражение его глаз, рисовать перестала.

С тех пор она ещё больше замкнулась в себе и почти совсем “одичала” — ни с кем не дружила и не общалась, никуда, кроме работы и магазинов, не ходила, являя собой живую модель затворницы. Так она и дожила, а вернее, досуществовала почти до тридцати лет. Почти, потому что до тридцати осталось ещё десять минут. А потом случится чудо...

Впрочем, даже если её ожидания и не сбудутся, ничего страшного. Скоро праздник. Со вчерашнего вечера Полина приготовила винегрет, салаты “Оливье” и “Мимоза”, ждёт своего часа аппетитный “Наполеон”, сладко пахнет бананами... И никого ей не нужно, и прекрасно она отпразднует свой день рождения одна! А потом и Новый год наступит. И тогда Полина откупорит бутылочку любимого “Кагора” и включит музыку. Это будет “Ноктюрн” Шопена: печально, торжественно и романтично. И всё будет очень, очень, очень хорошо, и она тоже будет почти счастлива... Ну и что же, что “почти?” Ведь полного счастья достичь практически невозможно. Человеку всегда не хватает какой-то мелочи для того, чтобы чувствовать себя полностью счастливым. Так, может быть, вовсе и не стоит стремиться к идеальному счастью? Потому что счастье — это...

Оглушительный звонок прорезал вечернюю тишину квартиры. Звонили к Полине! Фантастика — ровно в девять, как и ожидалось! Господи!..

С гулко бьющимся от волнения сердцем, Полина поспешила к двери. Она даже не спросила, кто звонит. Звонило Счастье, которое спустя столько

тусклых, тягучих лет наконец-то её отыскало! И Полина распахнула ему навстречу двери, как долгожданному гостю!

За дверью стоял мужчина. Он был приблизительно одних лет с Полиной, стройный, высокий, и даже с чёрными, выразительными глазами — совсем как у Руслана! Неужели тот самый, из её несбыточных снов?..

— Здравствуй, Тамара! — хрипловатым от волнения голосом произнёс мужчина.

— Здравствуйте, — ответила Полина обескураженно.

“Почему — Тамара? Ошибся?” — промелькнуло у неё в голове.

— Я такой вот тебя и представлял, — продолжал незнакомец, смущённо улыбаясь. — Я так и думал, что глаза у тебя — небесные, а волосы — золотые. И вообще ты — красавица! И я хочу тебе подарить то, что давно обещал...

Он откашлялся и неловко протянул девушке букет пунцовых роз, который до этого держал за спиной.

— Спасибо... Но это не мне, — упавшим голосом сказала Полина. — Потому что я — не Тамара...

Незнакомец опешил. Он смешно заморгал (Полина только теперь заметила, что у него бархатистые, густо-чёрные ресницы) и уставился на девушку так, словно услышал что-то совершенно невероятное. Розы в его протянутой руке мелко задрожали.

— Ты не шути так, пожалуйста, — умоляюще сказал он. — Я ж к тебе восемь лет добирался. Я ж на тебя, как на Богоматерь, молился. У меня и без того жизнь не медовая, чтоб такие шутки со мной шутить.

— Я не шучу, — виновато сказала Полина, — я правда не Тамара. Я — Полина. Полина Бобылёва, — уточнила она.

Незнакомец опустил руку с букетом, и розы, как-то сразу обмякнув, коснулись пыльного пола...

— Так... — бесцветным голосом обронил мужчина. — А она... Она — где?! Тамара Лихорецкая?! Где Тамара Лихорецкая проживает — не тут разве?!

— Нет, — всё так же виновато ответила Полина. — Вы извините, пожалуйста, но я не знаю такой женщины. Здесь всё время проживала я — Полина Бобылёва...

И тут Полина расплакалась. Расплакалась так горько и безутешно, как плачут только маленькие дети. Ведь разочарование — в который раз! — опять перешло дорогу её счастью! И этот красивый мужчина, и эти чудесные розы — всё было предназначено другой! Так что же достанется на её долю — опять беспросветное прозябание?! Нет, только не это!!!

Незнакомец, казалось, пришёл в себя от её неудержимого плача. Он бросил букет в дальний угол коридора и, поставив на пол свою дорожную сумку, принялся тормозить Полину:

— Ты чего, а? Чего ревёшь? Как тебя — Линка?

— По... по... Полина, — провсхлипывала девушка.

— Так я ж и говорю — Линка! А ревёшь чего? Это мне, дураку, реветь надо! Обманула, стерва... Лоханула по полной. Хотя — так мне и надо. Чего ж я хотел? Так и надо... Но ты-то, ты чего ревёшь?!

— Потому что я не Тамара, — удалось выговорить Полине сквозь безудержные слёзы.

— Да ты что?! Да это ж просто счастье, что не Тамара! Знаешь, кто она такая? Гадука бесхвостая! Ты что, тоже хочешь гадукой заделаться?!

Он так непосредственно и бурно жестикულიровал, переубеждая её, что Полина немного успокоилась и даже попыталась улыбнуться.

— Ну и лады! Хватит уже киснуть, сколько реветь можно?! А то и я зареву. Так у меня ж хоть причина, а у тебя — что? Мне вот, Линка, сейчас — без брехни! — хоть с моста в воду. Мне вот сейчас — разворачивайся и — в белый свет! Некуда идти. Вот как.

Полина подняла голову и внимательно посмотрела на странного незнакомца. Правда, она не понимала, почему этому симпатичному мужчине некуда

идти, но глубокое чувство сострадания уже наполнило её впечатлительную душу до краёв.

— Если... если вам некуда идти... и негде ночевать, — я вас так поняла? — запинаясь от смущения проговорила Полина, — то я... приглашаю вас к себе! — решительно закончила она.

— А твои домашние? — опасливо спросил незнакомец.

— Я живу одна. И потом... у меня много еды... я готовилась к празднику...

“Господи, что за чушь я несу!” — промелькнуло у Полины в мозгу. Но странный незнакомец не удивился неожиданному предложению.

— Короче — пошли! — бодро скомандовал он, подхватывая с пола свою дорожную сумку.

Полина провела незнакомца в гостиную.

— Вы тут располагайтесь, пожалуйста, а я в кухне стол накрою, — сказала девушка, всё ещё не вполне веря такому необычному для неё повороту событий.

— Да чего там в кухне? Сюда тащи! — распорядился новоиспечённый гость. — У тебя ж тут стол стоит — глянь какой!

— Ну, как вам больше нравится, — улыбнулась Полина.

Войдя в кухню, хозяйка никак не могла сосредоточиться. Она лихорадочно подыскивала для гостя самую красивую тарелку, не в силах решить, какая же лучше: в горошек, в солнышки или с розочками? Кончилось тем, что все три она уронила на пол, но одна — с розочками — всё-таки уцелела.

“Это судьба!” — подумала Полина. Ей почему-то показалось, что нежные розочки предвещают удачу.

Когда она со снедью вошла в комнату, то увидела, что мужчина стоит у книжного шкафа и пристально рассматривает её книги.

— Да у тебя тут целая библиотека! И сколько всего: сказки, стихи, учебники! Грамотная ты! — с восхищением произнёс гость, прищёлкнув языком в знак высшего одобрения.

— Ну, что вы! — смутилась Полина. — Я последнее время совсем мало читаю, да и книг у меня не так уж много.

— Ничего себе “немного!” Я бы за сто лет не управился! А это кто такая? — указал гость на выполненный тушью портрет молодой прекрасной девушки, парящей над землёй в белоснежном одеянии.

— Это — муза танца, Терпсихора. Я изобразила её в полёте, — смущённо пояснила Полина, залившись густым румянцем. Обычно она никогда и никому не показывала своих рисунков, а гостей принимала не так уж часто...

— Здорово! — восторженно выпалил гость. — Слушай, а кем ты работаешь? — неожиданно заинтересовался он.

— Я... — растерялась Полина, — я...

— Секрет фирмы, что ли? — хмыкнул незнакомец. — Ну, не хочешь — не говори. Я и так всё про тебя знаю.

— Что вы знаете? — испугалась Полина.

— Ты — библиотекарша. Угадал?

Полина поспешно кивнула, радуясь, что отпала необходимость солгать.

— В точку! У меня глаз, как алмаз: только гляну — насквозь вижу! — по-детски похвастался незнакомец.

— Ой, — спохватилась Полина, — я же вас задерживаю, а вы, наверное, проголодались! Я сейчас!..

На столе одно за другим появлялись аппетитные кушанья — сладости вперемешку с салатами. Тем временем гость бродил по комнате, увлечённо рассматривая всё подряд — книги, картины, обстановку...

— Прошу к столу! — услышал он мелодичный голос хозяйки.

Гость обернулся. Полина успела переодеться, и теперь стояла перед ним в светло-голубом платье с пояском и в белых туфельках на каблучках.

Незнакомец присвистнул от восторга:

— Ух ты, ёлки-палки! Хоть сейчас под венец!

— Садитесь, пожалуйста, угощайтесь, — поспешно, чтобы скрыть смущение, сказала Полина. И добавила: — Вы извините, я сразу не спросила: как вас зовут?

— Кар... — начал было гость, но тут же резко осёкся и быстро закончил: — Карпов... Мишка.

Он настороженно покосился на хозяйку: не заметила ли она его оплошности? Но Полина ничего не заметила и не поняла. Незнакомец успокоился и воодушевился. Сев к столу, он с завидным апетитом принялся уплетать все те лакомства, какими Полина так радушно его угощала. Сама же она почти ничего не ела, глядя на гостя печально и мечтательно. Ах, если бы он был её мужем — голодным, усталым, измученным после тяжёлой работы, — а она бы его встречала и усаживала за стол, ломящийся от вкуснятины, и смотрела бы на своего любимого, не отрываясь...

— А ты, Линка, чего сидишь? Не хочешь мне компанию составить? — спросил гость по имени Мишка, лукаво подмигнув Полине.

— Да вообще-то я не голодная...

— Слушай, Линка. Готовишь ты обалденно. Вот только на твоём праздничном столе чего-то не хватает. Догадываешься?

— Ой! Я же кагор забыла! — Полина вскочила со стула, но Мишка властно положил ей руку на плечо.

— Брось. Кагор — это дамский сироп. Покрепче ничего не будет?

— Вообще-то я непьющая, — виновато призналась Полина.

— Так Новый год же, праздник всё-таки! Ты что?!

— Знаете, Миша... Дело в том, что для меня этот праздник — двойной, хотя я его праздником не считаю. То есть... вернее, не совсем считаю... — Запутавшись, Полина умолкла. Но, собравшись с духом, закончила: — Дело в том, что мне сегодня исполнилось тридцать лет. Круглая дата...

— Ну вот! Тем более надо отметить! А ну — закрой глаза!

— Зачем? — искренне удивилась Полина.

— Закрой, говорю! — весело приказал Мишка.

Полина послушно закрыла глаза. Она слышала какой-то едва различимый шелест и недоумевала: что он затеял, этот странный гость?

— Гляди, Линка! — разрешил Мишка.

Полина открыла глаза и ахнула. На столе румянились яркие апельсины, пестрела обёрткой большая плитка шоколада, а чуть поодаль величественно красовалась бутылка шампанского.

— Ловко? — озорно подмигнул ей Мишка.

— Ой, Миша!.. Вы же, наверное, куда-то в другое место всё это несли? — пролепетала восхищённая Полина.

— Это не твоя печаль! Ты давай тащи бокалы! Выпьем с тобой за удачу в Новом году и за твой двадцатилетний юбилей! — распорядился Мишка.

— Но мне же... — начала было Полина.

— Я сказал — двадцатилетний! Приготовиться — пуск!

Пробка от шампанского буйно врзалась в потолок. Именинница восторженно взвизгнула. Мишка, протянув ей бокал с нежно-золотистой, ароматной жидкостью, вдруг стал серьёзен: его раскосые, восточного типа глаза смотрели на девушку так, словно стремились проникнуть ей прямо в душу...

Полина почувствовала, что её сердце радостно и сладко вздрогнуло, а голова закружилась. “А ведь я ещё не пила!” — подумала она удивлённо.

— Пей! — велел Мишка. — До дна! За счастье до дна пьют!

Полина не возражала. Она была согласна на всё. И если ради счастья нужно всего-навсего выпить бокал шампанского, то почему бы этого не сделать?

— Шоколадку бери, — Мишка разломил плитку молочного шоколада с орехами и галантно протянул девушке половину.

Полина почувствовала улыбку. Нечасто удавалось ей побаловать себя таким лакомством на свою скромную зарплату! Мишка теперь казался ей посланцем самой Судьбы.

— А вы попробуйте тортик, — очень вкусный! — в свою очередь предложила счастливая именинница.

— Слушай, Линка. Может, хватит “выкать”, а? Мне ж пока не девяносто.

Полина непринуждённо рассмеялась. Теперь любая Мишкина фраза вызвала у неё неудержимый смех: будучи непьющей, она захмелела довольно быстро.

— Слушай, Линка. Хорошая ты девчонка. Готовишь вкусно, и сама красивая. В общем, всё “на пять”. Одно жалко — музыки нету. Как там насчёт музона?

— Магнитофон у меня ещё в прошлом году сторел, а телевизор — месяц назад... — потушилась Полина.

— Да... Дела!.. — огорчённо протянул Мишка. — Гитарку бы!

— А гитара у меня есть! — встрепенулась Полина. — Я сейчас принесу! Опрометью выбежав в соседнюю комнату, она почти тут же вернулась с шестистрункой.

— Это отцовская. Он любил на ней играть. А я не умею...

— Ясно, — сдержанно сказал Мишка. — Дай-ка.

По тому, как он взял инструмент, как пробежался по струнам пальцами, в нём сразу угадывался искусный гитарист. Настроив гитару, Мишка взял несколько аккордов и вдруг, сразу посерьёзнев, запел чуть глуховатым, мягким голосом, глядя куда-то вдаль:

*Ну, зачем я тебе, неудальй?
Полюбила? А ты разлюби.
Этой шалой весной запоздалой
Понапрасну себя не губи.*

*Нам с тобой выпадает разлука —
Видишь: пики вокруг да тrefьё...
Позабудь ты беспутного друга,
Пожалей ты сердечко своё!*

К горлу Полины подкатил непрощеный ком. Она прерывисто вздохнула и, стараясь скрыть волнение, принялась бесцельно расправлять складки на платье. А Мишка продолжал:

*Но идёшь ты всё время за мною.
Впереди — лишь беззвёздная мгла...
Что я дам тебе? Чем успокою?
Как пойти за таким ты могла?!*

*Час придёт — распропащю ночью,
Выбиваясь из сил, упаду...
Прогоню тебя яростно прочь я,
Распластавшись в безумном бреду!*

Полина слушала со всё возрастающим напряжением. Кровь то и дело жаркими волнами бросалась ей в лицо. А Мишка всё пел:

*А когда надо мною сомкнутся,
Опрокинув весь мир, облака,
Я уйду, чтоб уже не вернуться.
И тогда ты, нежна и легка,*

*Безутешную голову склонишь,
Постареешь на тысячу лет
И на грудь мою молча уронишь
Хризантем белоснежный букет...*

Полина плакала. Тут сыграло свою роль и шампанское, которого она выпила не меньше двух бокалов, и задушевное Мишкино пение, и то беспросветное одиночество, на которое обрекла её судьба... Да и сама песня её растрогала. Смахивая струящиеся по щекам слёзы, в эту минуту Полина с осо-

бенной остротой ощутила свою неприкаянность и личную несостоятельность, но в то же время в ней зарождалось какое-то новое, светлое, возвышенное чувство. Она вдруг с замиранием сердца осознала, что этот необычный, неведь откуда взявшийся мужчина поёт для неё, а может быть, даже о ней. Как это трогательно!.. И Полина продолжала плакать.

Мишка заметил это. Правда, заметил её слёзы не сразу, — какое-то время, закончив петь, он молча перебирал струны, всё ещё глядя куда-то вдаль, грустно и отрешённо. Но вот он как будто бы очнулся. И недоумённо спросил Полину:

— Линка, да ты что?! Опять ревёшь?! Ну, ёлки-палки...

И без всякого перехода заиграл что-то озорное, быстрое, непоседливое, а потом дурашливо объявил:

— Выступает знаменитый артист хутора Козлоблеевского! Исполняется русская народная блатная хороводная песня “А я хожу по краю!” — и, захватски присвистнув, запел, задорно поблёскивая чёрными раскосыми глазами:

*А я хожу по краю,
Чтоб быть поближе к раю,
Хоть там вакансий нет уже давно...
Ну, нету — и не надо:
Не к раю — значит, к аду, —
Мне, в принципе, почти что всё равно!*

Полина невольно улыбнулась. А Мишка, заметив это, старался вовсю, словно задавшись целью развеселить опечаленную девушку:

*Небрежно там достану
Бутылку из кармана,
Плесну чертям в стаканы самогон,
За хвост поймаю ловко
Весёлую чертовку —
Для ада я, как видно, сотворён!*

Мишкино суматошное веселье передалось и Полине. Она, позабыв о недавних слезах, слушала новоиспечённого артиста с восторженной улыбкой, пылая счастливым, почти лихорадочным румянцем. А Мишка знай себе наяривал:

*А я хожу по краю
И где сорвусь — не знаю,
Одной лишь только маме на беду...
Чего притихли, братцы?
Не надо волноваться —
Ведь я ещё пока что не в аду!*

А когда, ловко “припечатав” заключительный аккорд, Мишка неожиданно подбросил и тут же на лету поймал гитару, Полина захлопала в ладоши от избытка чувств.

— Как вы... ты... хорошо играешь! — восхищённо воскликнула девушка, глядя на удивительного гостя во все глаза.

— Слушай, Линка. Я тебя вот что спросить хочу. Только не обижайся, ладно? Я вот смотрю на тебя и думаю: и чего это ты одна? Ты ж такая деваха клёвая! Я уже молчу про твои таланты, но ты ж — красавица! У тебя ж не волосы — чистое золото! Да за такой, как ты, все мужики рассекать должны! А ты — теряешься...

— Моё “золото” никому не нужно, — сказала со вздохом Полина, и голос её невольно задрожал. — А насчёт того, что мужчины предпочитают блондинок, — это не совсем так. Я даже когда-то об этом четверостишие написала, — и Полина, порозовев от наплыва эмоций, продекламировала:

*Твердят: мужчинам нравятся блондинки,
Но правды в этом нету ни крупинки:
Их вовсе не блондинки привлекают,
А наглые. И так всегда бывает.*

Продекламировала, сама удивляясь своей смелости: раньше она и представить не могла, что отважится прочитать своё стихотворение малоознакомому человеку! Но Мишка уже не был для неё чужим, хотя встретились они всего часа два назад. Больше того, теперь Полина отчётливо сознавала, что познакомилась с тем, кого искала всю свою безрадостную жизнь, и что этот человек стал для неё самым близким на свете, а, возможно, вскоре станет и самым родным...

Про такое она раньше только читала, и, правду сказать, не слишком-то верила в подобную скоропалительность чувств. Но то, что сейчас происходит, — не сон, не плод её воображения! Вот он — мужчина её мечты, сидит перед ней и жадно ловит каждое её слово! Господи, какая же она счастливая! И за что ей привалило такое сумасшедшее, невысказанное счастье?! Достойна ли она его?.. Заслужила ли?..

А Мишка, тем временем, помолчав немного, сказал:

— Стишок у тебя, Линка, хороший, но неправильный. Насчёт наглых — это ты загнула. Мужчины любят знаешь каких? Понимающих. Ясно тебе?

И сам же ответил на свой вопрос, поймав недоумённый взгляд Полины:

— Ничего тебе не ясно. Стой! — вдруг спохватился он. — А чего это у тебя ёлки нет? Новый год же!

Полина опустила голову, как провинившаяся школьница.

— Я совсем об этом не думала, — тихо сказала она. — И потом, ёлки обычно ставят только детям...

— А ты и есть ребёнок! — улыбнулся Мишка. И неожиданно предложил: — На карусели хочешь покататься?

И, не успела Полина ответить, как он подхватил её на руки и легко закружил, словно девушка была невесомой. И тут Полина, обхватив Мишку за шею, вдруг, сама не поняв, как это произошло, коснулась губами его щеки.

“Что я делаю?!” — тревожно пронеслось у неё в голове. Но она тут же мысленно возразила сама себе: “Ну и что же? Ведь это — мой день! Я так долго ждала его!”

— Я тебя люблю, — сказала она тихо и радостно.

Сказала, изумляясь тому, что ей почему-то совсем не было стыдно признаться в любви первой. Неужели такова была волшебная сила шампанского?..

Вместо ответа Мишка понёс её в спальню, — там было темно и уютно. Полина не сопротивлялась. “Я сама сделала свой выбор, и, что бы ни случилось, жалеть ни о чём не буду”, — подумала она. А вслух сказала, когда Мишка бережно уложил её на диванчик, а сам стал перед ней на колени:

— Я хочу быть вместе с тобой! Всегда быть вместе! Потому что я люблю тебя.

Она с восторгом почувствовала, что ей совсем не страшно произносить эти удивительные слова, которые теперь вовсе не казались ей ни пошлыми, ни банальными, а наоборот — наполнились каким-то новым для неё смыслом.

— Это с кем ты хочешь быть вместе? — вдруг услышала она.

— С то... бой... — пролепетала Полина, обескураженная резким тоном любимого.

— А я кто такой — знаешь? Знаешь?! Может, я бандит какой распоследний, воруяга, жулик?! Может, убийца, маньяк?! А?!

Девушка испуганно молчала, напряжённо глядяваясь в смутные очертания Мишкиного лица, едва заметные в полутьме.

— Может, я мучить люблю, издеваться?! Об этом не думала?! Вот возьми сейчас бритву да как полосну по твоему нежному горлышку! Тогда — что?!

— Ты так не сделаешь, — прошептала Полина. — Ты хороший...

— Как ты сказала? — мужчина, казалось, был чем-то озадачен.

— Ты хороший, — повторила Полина, касаясь его руки.

Он вздрогнул. Медленно поднял руку и осторожно провёл по золотистым Полининым волосам.

— Душа у тебя... — начал он и замолчал, подыскивая нужное слово, — душа у тебя — сиреневая... Спи, моя Златовласка. Спи — и прости меня.

Рывком поднявшись с колен, мужчина бесшумно вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. Полина была немного разочарована. Ведь ей казалось, что Мишка заинтересовался ею, может быть, даже влюбился в неё так же, как она в него, а он вдруг взял да и вышел, оставив её одну... Почему? Но тут же сообразила, что иначе ему нельзя было поступить, ведь он же — человек порядочный, понимает, что Полина — девушка серьёзная, вот и решил, что всё между ними должно быть честно. Поэтому и не хочет трогать её до брака. Это подчёркивает его благородство и внутреннюю сдержанность. Какой же он хороший!..

Полина глубоко вздохнула и уснула со счастливой, безмятежной улыбкой.

...Когда она проснулась, утро было уже в разгаре. Несколько минут Полина блаженно лежала с закрытыми глазами, перебирая в памяти подробности вчерашнего новогоднего вечера. Всё было так чудесно, так романтично! Сказка, ставшая былью, — ну, чем не вариант “Алых парусов?” Вот только...

Зачем он так гадко и страшно шутил напоследок? Запутивал, изображая из себя бандита... Какой он глупенький! Разве бандиты бывают такими — ласковыми, щедрыми, весёлыми? Ворюга... Убийца... Какая чужь! Конечно, понять его можно: всё это говорилось ей с самыми лучшими намерениями, чтобы она как следует проверила свои чувства, чтобы не торопилась...

Боже, какой он наивный! Ведь Полина, как-никак, дожидается тридцати лет и очень хорошо представляет себе, каким должен быть её избранник. Он должен быть...

Внезапно Полина почувствовала, что из-под двери тянет морозным ветром. Впечатление было такое, будто в соседней комнате — сквозняк, как при открытом окне. “Наверное, Миша проснулся и открыл форточку”, — догадалась она. Но если так, то пора вставать и ей! Ведь гостю наверняка неприятно быть одному, да и позавтракать бы не мешало!

Сладко потянувшись, Полина встала и, подойдя к трюмо, сокрушённо оглядела своё измятое платье, которое вчера выглядело так эффектно...

“Ничего, — подумала она, — переоденусь потом. Сейчас — поскорее выйти к Мишеньке!”

Она открыла дверь в соседнюю комнату и — обмерла. Поскрипывало распахнутое окно. Гости нигде не было видно. А посередине стола лежала груда драгоценностей: золотые кольца, серьги, кулоны... Мало того! Девушка заметила и вещи, принадлежащие ей лично: золотую цепочку и мамину янтарную брошь!..

Не в силах осознать происшедшее, бедняжка безумным взглядом уставилась на драгоценности, появившиеся невесте откуда. Но тут она заметила ещё и клочок бумажки, придавленный бутылкой из-под шампанского — записка! Крупными корявыми буквами на ней было нацарапано всего два слова: “Прощай, дурочка”...

ЛЮДМИЛА БРАГИНА

“ВЕСЕННИЕ КОЧУЮТ ОБЛАКА”

ДОЖДЬ СНОВ

*Моей бабушке
Прасковье Матвеевне Ливаденко*

1

Ни молитвы,
Ни прегрешения
Нет в моей онемевшей душе.
И живу я, как будто растение
Не засохшее,
Но сорванное
Уже...

2

Мне ветер приносит зной,
И мир разнотравный вянет...
Дождь сна! Мою память смой!
Пусть ночь безголосой станет!

БРАГИНА Людмила Петровна родилась в 1967 году в Белгороде, окончила филологический факультет Белгородского государственного университета. Автор четырёх поэтических книг: “Чистый звук” (Белгород, 1993), “Дождь снов” (Москва, 1995), “Белый налив” (Белгород, 1997), “Найди меня, ветер!” (Белгород, 2004) и сборника песен “Защити меня, любовь” (Белгород, 2001), написанных совместно с белгородским композитором Александром Балбековым. Лауреат премии “Молодость Белгородчины” в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии “Прохоровское поле” (2012). Член Союза писателей России.

Но в серой, тоскливой тиши,
Которой окутан вечер,
Мне слышится всхлип души
Сквозь невозможность встречи...

3

Я словами обозначу
То, чему названья нет.
Я теперь смеюсь и плачу
В пустоту застывших лет.

Мне остался от былого
Фотографий чёрный всплеск.
Нежность взгляда неживого,
Цвет теряющий и блеск...

Разыщу в тенях полночных
Стёртый днями силуэт!
Потому что знаю точно
То, чему названья нет.

* * *

Дворы центральные,
Парадные когда-то,
Расцвеченные лампой суеты,
Стоят ссутулившись,
Безмолвно и печально —
Уют состарился, пообветшали люди.
Лишь деревце, растущее на крыше,
Пронзив корнями тихий прах жилища,
По воле случая, избрав иную твердь,
Не знает разницы...
Её и нет совсем.

* * *

На плечи дня ложится синий сумрак.
В нём звон сверчка и сонный шелест трав.
Он проникает в каждый закоулок,
В прохладных снах блуждает до утра.

Ночной туман таинственной природы
Скрывает всё, что днём имело цвет.
И будят звук живительные воды,
Бурлящие в земле миллионы лет.

Кто говорит, что утро мудренее,
Быть может, прав, но верить не спеши.
Послушай ночь, и ты поймёшь скорее
Сокрытые движения души.

* * *

Весенние кочуют облака,
Изменчивые в вечном постоянстве,
Подвластные капризам ветерка,
Бездомные в своём родном пространстве.

В природе есть особая пора,
Когда замрёт движенье снегопадов,
И в небесах до самого утра
Горит звезда холодным чистым взглядом.

И облака скитаются по свету
Бесплодной и бесцельной чередою,
Ненужные зиме, чужие лету,
Им не пролиться влагой молодою.

Так сердце, позабытое тобой,
С весенним облаком живёт одной судьбой.

* * *

У Белгородчины моей
Высокий дух и светлый взгляд.
Над золотом её полей
Века, как лебеди, летят.

Она навек в моей судьбе
Исток любви и добрых дней,
И утешение в беде,
Как руки матери моей...

АНАТОЛИЙ АВРУТИН

Я ПИШУ НА РУССКОМ...

* * *

Золотистым нерезким просветом
Осень тихо на кроны сползла.
И такое явилось при этом,
Что в душе — ни печали, ни зла.

Осветила... Зажгла... Заалела...
Утолстила нагие стволы.
У хатёнки, что никла несмело,
Сразу сделались ставни белы.

И среди векового раздора,
Где овраг, запустенье и глушь,
Чей-то голос запел без укора,
Будто вспомнив июльскую сушь.

Ну, а после, чуть солнце в печали
Утонуло среди пней и грибниц,
Долго птицы о чем-то кричали,
Хоть казалось, что нет уже птиц...

АВРУТИН Анатолий Юрьевич родился и живёт в Минске. Окончил БГУ. Автор более двадцати поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде. Лауреат многих международных литературных премий. Главный редактор журнала "Новая Немига литературная". Название "Поэт Анатолий Аврутин" в 2011 году присвоено звезде в созвездии Рака.

* * *

Шепоткáм назло, глазам колючим,
Недругам, что ждут невдалеке,
Я пишу на русском, на могучем,
На роднящем души языке.

Я пишу... И слышится далече,
Сквозь глухую летопись времён,
Исполинский рокот русской сечи,
Звонниц серебристый перезвон.

И живот в бою отдав за друга,
Друг уходит в лучшие миры...
И по-русски просит пить пичуга,
И стучат по-русски топоры.

И рождён родного слова ради,
Будет чист прозренья чудный миг,
Как слезинка кроткого дитяти,
Что стекла на белый воротник...

* * *

Догорала заря... Сивер выл над змеистым обрывом,
Умерла земляника во чреве забытых полян...
А он шёл, напевая... Он был озорным и счастливым...
— Как же звать тебя, милый?.. И вторило эхо: “Иван...”

Он шагал через луг... Чертыхаясь — несжатой полоской,
Ну, а дальше, разувшись, по руслу засохшей реки.
— И куда ты, Иване? — Туда, где, красую неброской
Очарован, стекает косматый туман со стрехи...

— Так чего тут искать? Это ж в каждой деревне такое,
Это ж выбери тропку и просто бреди наугад.
И увидишь туман, что, с утра зародясь в травостое,
Чуть позднее стекает со стрех цепенеющих хат...

Эх, какая земля! Как здесь всё вековечно и странно!
Здесь густая живица в момент заживляет ладонь.
Здесь токует глухарь... И родится Иван от Ивана —
Подрастёт и вражине промолвит: “Отчизну не тронь!”

Нараспашку душа... Да и двери не заперты на ночь.
Золотистая капля опять замерла на весу...
— Ты откуда, Иван? — Так автобус сломался, Иваныч,
Обещал ведь Ванюшке гостинца... В авоське несущ...

* * *

А я любил советскую страну...
Геннадий Красников

Скорей не потому, а вопреки,
Что над страной моей погасло солнце,
Я вас люблю, родные старики,
Матросова люблю и краснодонцев.

О, сколько было строек и атак
В моей стране исчезнувшей!.. Однако
Её люблю, не глядя на ГУЛаг
И несмотря на травлю Пастернака.

Теперь она отчётливей видна,
Там дух иной и истинность — иная,
Где радио хрипело допоздна,
Что широка страна моя родная.

Мне до сих пор ночами напролёт,
Из памяти виденья доставая,
Русланова про валенки поёт
И три танкиста гонят самураев...

Там Сталинград ещё не Волгоград,
Там “Тихий Дон”, там песенное слово.
И в ноябре, как водится, парад —
Под первый снег... В каникулы... Седьмого...

Мне в детские видения слова
Впечатались, чтоб нынче повториться:
“Столица нашей Родины — Москва...”
Я там же... Не Москва моя столица...

Смахну слезу... На несколько минут
Прижмусь щекой к отцовскому портрету.
Седьмое ноября... У нас — салют...
Во славу той страны, которой нету.

* * *

В груди свистело... Стыли полукружья
От раскалённой кружки на столе.
Почти не грела спину шерсть верблюжья,
И вновь сосед ушёл навеселе.
И думалось о Родине, о чести,
О роковой сумятице времён...
Зудел вопрос — зачем шагаем вместе
Не с теми, с кем шагали испокон?..
Я понимал, что болен, слаб и жалок
На роковом несданном рубеже.
И вновь забытый женский полужалок
Будил тревогу смутную в душе.
Давно его хозяйка обещала,
Что забежит, конечно же, за ним.
Пуста постель... Не смято одеяло..
И горько: “Что имеем — не храним...”
И снова ночь... Опять болело тело.
А ветер звал: “Лети, лети вперёд!..”
И я летел... И Родина летела —
С золой и пеплом... В чёрный дымоход...

* * *

Месяц горбат и юродив.
Так тяжело на душе.
Женщина в доме напротив
Свет погасила уже.

С нею мы нет, не знакомы.
Просто сроднился давно
С тем, что за тёмным проёмом
Женщина смотрит в окно.

Матово-белое тело,
Ковшик у края стола...
Что-то сказать мне хотела...
Вздрогнула... Не позвала...

Не позвала — и не надо.
Хватит до смертной доски
Этого позднего взгляда,
Полного ранней тоски.

* * *

Шагаю... Безумно устали ноги
За тысячи вёрст пути.
Шагаю... Но даже в конце дороги
Не знаю, куда идти.

Шагаю... Дорога давно отлога,
И легче шагать вперёд.
Шагаю... Но даже сама дорога
Не знает, куда ведёт.

Шагаю... Мелькают поля и пашни,
Берёзы, ольха, сирень.
Шагаю... Не ведает день вчерашний,
Каким будет новый день.

Когда же, с дороги свернув в аллею,
Сползу, ухватясь за ствол,
Обмякну... И вряд ли уже успею
Подумать, куда я шёл...

* * *

Вячеславу Лютому

Ничто не бывает печальней,
Чем Родина в сизом дыму,
Чем свет над излучиной дальней,
Кольшуший зябкую тьму.

Ничто не бывает созвучней
Неспешному ходу времён,
Чем крик журавлиный, разлучный,
Буравящий даль испокон.

И сам ты на сирой аллее
Такою ненастной порой
Вдруг станешь светлей и добрее
Средь этой тоски золотой.

Поймёшь: все концы и начала
Смешались средь поздних разлук.
И что-то в тебе зазвучало,
Когда уже кончился звук...

* * *

Только дождь... Только ночь... Только ветер.
Только слабо чадит огонёк.
Только листья с нищающих ветел
Закружились... И путник продрог.

Натянул капюшон и не слышит,
Что кричит ему женщина вслед.
Только ветку рукою колышет,
Только щурится молча на свет.

На неверном свете догорая,
Утомясь от небесных щедрот,
Только капля сверкнёт золотая
И, поблекнув, по куртке сползёт.

Молча выпью остывшего чаю
И взгрустну, что сквозь влажную тьму
Никогда я уже не узнаю,
Что там вслед прокричали ему.

ВИКТОРИЯ СИНЮК

НОТА

РАССКАЗ

I

В Третьяковке он долго стоял у васьильевской “Оттепели” — светился тихим восторгом и, улыбаясь, внимательно изучал каждый сантиметр полотна, каждый мазок гениальной кисти. Елена почувствовала интимность, установившуюся между ним и картиной, и, чтобы не мешать этой долгожданной для него встрече, отправилась бродить по соседним залам. По правде сказать, она немного завидовала ему: в последнее время, с тех пор, как она ощутила и признала в себе эту тягостную привязанность, в одночасье сделавшую её одинокой, всё вокруг будто потускнело, приглушилось, перестало поглощать и завораживать. А говорят ведь: полюбишь — и мир заиграет новыми красками, зазвучит новыми нотами, распахнётся космос, и звёзды бабочками посыплются с небес. Куда уж! А ведь раньше так и было: и распахивалось всё как-то по-весеннему, и звучало на иные лады, и такая же оттепель, как на этой картине, дарила предчувствие роскошного сиреневого мая. Теперь иначе. Теперь всё в душе, как на этом холсте: та же неизбывность одиночества, тот же заброшенный север и тяжкое небо над ним. Вот он, человек, рядом — можешь дотронуться, прошептать какую-нибудь ласковую глупость, — и всё равно неизбывность, безлюдная, ветреная степь внутри.

Когда она вернулась, Алексей стоял на том же месте, скрестив руки на груди. Его лицо побледнело, искажилось — это, верно, васьильевские краски бросили на него свой смурной, тяжёлый отсвет. Она встала рядом и взяла

СИНЮК Виктория Александровна родилась в г. Минске в 1988 году. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Печаталась в журналах “Новая Немига литературная” (Минск), “Брега Тавриды” (Симферополь). Живёт в Минске.

его под руку. Он даже не шевельнулся — опять горчинка, опять колкий звоночек отчуждения. Пару минут молчали.

— Слышишь её, эту нотку, да? Она ведь судьбой оплачена... Двадцать три года парень прожил... — Алексей помолчал. — Всё, дальше не пойду. Домой.

— А Суриков?

— Завтра. Теперь домой.

Елена отвернулась — слёзы подкатили к глазам. Снова рассуждения о “ноте” — тёмные, разящие каким-то неблагополучием и неустроенностью, которые его несколько не пугали, а, скорее, завораживали, как что-то заветное, как... верный узор судьбы, что ли. Снова парадокс: ведь на эти его рассуждения она и попала, на эту неприкаянность и повелась. Думала: отогреет, отжалует (никогда раньше не хотела ни греть, ни жалеть — “сильные” нравились, такие, которым жалость — всё равно, что насмешка). Всё же душа, как за ней ни приглядывай, вечно в какой-то шальной самоволке, думалось ей теперь. То, что казалось стержнем, опорой, сейчас бесхребетно изгибается, колышется в разные стороны. Всё смялось, скомкалось, кроме напряжённого желания быть любимой этим человеком и нужной ему больше всех осточертевших “нот”.

II

Домой — значило в гостиницу. Кажется, в десятую за это лето. Почти три месяца они странствовали по России, в основном, по маленьким городам с древними церквушками и монастырями, с двухэтажными деревянными домишками на центральных улицах, с бездорожным раздольем вокруг. Москва была последним пунктом их долгого, измотавшего обоих путешествия, за время которого они сроднились, срослись, пусть и по-разному. Его корешки цеплялись за неё и за что-то ещё другое, важное и сокровенное, а её корешки — за него. Поначалу ей казалось, что она вполне понимает это его “важное” и что они единомышленники и друзья, но он как-то исподволь отстранял её от этого, будто бы лелеял в себе какую-то избранность и оберегал своё одиночество. И вот она отстранилась — из “своего паренька” превратилась в женщину, впервые в жизни почувяла тёплую тоску по гнездовой, по дому, который замаячил вдруг за всеми эти переездами, дорогами, поездками, древними стенами — за всей этой ошеломительной Россией, которой ему было мало и мало — “ещё один городок, ещё деревушка, ещё степь, и тогда — дом”. “Дом надо выстрадать, иначе в нём черти заведутся...” — говорил он. А ещё надо было “оплатить судьбой” эту “ноту”, которая ему — уже именитому в свои тридцать четыре витебскому художнику — никак не давалась. Не давалось пронзительное пограничье, переходность, сумеречность — всего на его полотнах было с лихвой: солнце — слепило ярким светом, а ночь — густой, непроглядной тьмой, гроза — бушевала неистово, и не было в ней предчувствия долгого, сухого покоя. Он смешивал краски, бился над нюансами — выходила нескладная мозаика настроений, которую, однако, хорошо покупали “любители”. За ней, этой своей “пронзительной нотой”, он и охотился, её подслушивал, её выспрашивал и высматривал всюду.

В одно время — они тогда гостили у её родни в Ленинградской области — ей показалось, что всё в нём прояснилось, всё встало на свои места. Так впечатлила его эта дружная, тёплая, радушная семейственность, бесконечные шумные ужины после бани, перекуры у поленницы с беседами на хозяйственные темы, работа в огороде — за неё он брался с детским восторгом, с ним же рубил дрова, кормил тётушкиных коз и гонял на велосипеде с её, Лениными, подростками племянниками... Не вспоминал тогда свою “ноту”, не хватался за карандаш, будто его отбирали какие-то неведомые силы. Был горячим и страстным, примерял роль супруга, говорил: “Мы с Леной”, “А у нас с Леной”, “Вот когда мы с Леной...” Она засветилась. Вот когда небо распахнулось в космос, и звёзды полетели бабочками — когда домом повеяло. Свежим детским бельём, бессонными ночами у кровати,

усталостью от дорогих забот. Вот закон женской души — и скажи-ка попробуй, что он не вселенский.

Планировали тогда, по ночам в дедушкиной светёлке, что со временем, после окончания консерватории, Елена переберётся из Минска к нему, в Витебск, и начнётся новое, волнующее повседневье. Она устроится учителем в музыкальную школу, по вечерам станет играть ему Глинку и Рахманинова, будут вместе читать Толстого и обсуждать всё-всё-всё на свете. А летом снова поедут к тем самым родственникам — уже семьёй, а не пыльными, странствующими бобылями. А потом они уехали из деревни, и дорога опять скрутила отрадную ясность в какой-то странный узел...

III

На следующий день они никуда не пошли, не вернулись в Лаврушинский смотреть Сурикова и Ге — Алексея весь день лихорадило. Впервые за всё время их путешествия он занемог. “Надышался этой промозглой оттепелью...” — посмеивался он сквозь кашель. И ей захотелось вдруг, чтобы он разболелся вовсю, чтобы пришлось обменять билеты и остаться здесь, в городе огромного неба, ещё на несколько дней. Она два раза бегала в аптеку — какая-то воодушевлённая и стыдившаяся этой воодушевлённости, поила его бульоном и микстурой, укутывала в тонкий гостиничный плед и целовала, не боясь подхватить нездоровье.

К утру ему стало лучше, и после завтрака они пошли по магазинам: надо было купить чего-нибудь в дорогу. Взяли ветчины, сыра, булочек к чаю, вина. Всю дорогу он держал её за руку, в магазине с хозяйской разборчивостью выбирал продукты. И снова повеяло обманчивыми надеждами, и она, вопреки опыту, гнала из души все тёмные тени, оставляя в ней свет и теплоту ожиданий. Пусть не сбудутся, пусть покружат журавлями и сгинут — не торопись опускать голову, говорила она себе и представляла журавлей, и полоску закатного света над сонным полем.

Вечером сели в поезд и почти до полуночи, пока на одном полустаночке не подселились другие, ехали в купе вдвоем. Пили вино, и Алексей снова смотрел на неё с какой-то пепельной теплотой, готовой то ли вспыхнуть, то ли развеяться без остатка. Только на рассвете, проснувшись от храпа, доносившегося с соседней полки, Елена вдруг почувствовала, что ей вполне понятен этот тёплый пепелок...

В окно вагона бодрящим дымком струился робкий, ранний свет родины. Августовские зори, уже выстывавшие, расцветали теперь позже и позже — это осень взялась исподволь воровать мгновения летнего дня. Розоватые туманы, облачно висевшие над высоким разнотравьем, тихо истаявали, и отовсюду слышались первые звоны утра, скоро набиравшие силу и готовые вот-вот сорваться, слиться в плотный шум летнего дня; этот шум утихнет к ночи, и только тогда вдруг поймёшь, что он был и всегда будет на свете...

Вдруг с весёлым паровозным грохотом поехали по большому мосту над неизвестной рекой, и Елена вспомнила...

IV

...Как-то в деревне, в самый разгар своей короткой идиллии, они с Алексеем отправились осматривать окрестности. Прошли огородами, перебрались через огражек и орешниковые заросли, и началась песчаная дорога, бегущая бесконечной жёлтой волной между полей и берёзовых рощиц. По ней и пошли, зная, что где-то там начнётся старинная деревушка, которая, как говорили, почти превратилась в обыкновенный дачный посёлок. Этим ветром, свистящим в зазоре между эпохами, им и хотелось надышаться. На таком ветру, говорил Алексей, чувствуешь себя существующим в истории и в вечности одновременно. И Елена, проникшись этим красивым, как ей казалось, противоречием, тоже училась чувствовать такой ветер...

Не доходя до деревушки (так и не дошли они до неё в тот вечер), неожиданно выбрали к реке, не слишком широкой — такой, что вплавь пере-

берёшься спокойно и не устанешь особо. Вода бурая, непроглядная, быстрая, и топкое глиняное дно здесь, верно, с внезапным обрывом... На другом берегу — густой лес, в который солнце не заглядывает, только редкие лучи пуляются в еловых ветках бледно-золотой паутинковой сеточкой. Но больше всего здесь впечатляло вот что: с одного берега на другой был протянут тонкий канатный мост — видно, ходят в эту чащобу за грибами и лесной живностью дачники. Елена и Алексей сели на безлюдном берегу, достали бутерброды с салом, свежие огурцы и тётушкин морс из прошлогодней клюквы — всё это вприкуску с речным воздухом показалось невиданным пиршеством с ароматом свободы и раздольного лета. После перекуса Елена, сама себе удивившись, отправилась “пробовать” мост — так озорно и призывно красовался он между высокими берегами безымянной реки. Вначале она, крепко взявшись за тонкие перильца, поставила на канат одну ногу — и мост тревожно закачался. Елена вскрикнула и засмеялась.

— Лёшка, ну что же ты? Пойдём на тот берег! Я уже почти не боюсь. Смотри! — она сделала несколько крохотных шагов по канату и, обернувшись к нему, снова рассмеялась.

Алексей дожеввал бутерброд, сложил оставшийся после пиршества сор в пакет, бросил его в рюкзак и пошёл к мосту.

— Иду, иду. Замечательный мост. Просто чудо мостостроения. Первый раз такое вижу вживую.

— Я тоже! Не мост, а аттракцион какой-то. Иди, не бойся! Только вниз не смотри и держись хорошо.

— Так точно, команданте.

Он осторожно сделал первые шаги по мосту, и Елена, желая продемонстрировать ему всю проснувшуюся в ней удаль, лихо пошла по канату, напевая какую-то весёлую песню.

— Идёшь? — крикнула она, не поворачиваясь, и услышала свой голос в лесу. Лес был всё ближе и ближе: ещё метров двадцать — и вот уже берег, который встретит тёмными дебрями; а дебри казались живыми и мрачно глядящими на тех, кто отваживается к ним подобраться. У-ух! Елена то и дело бросала беглые взгляды вниз, на бурю воду, и от колючего страха ей хотелось смеяться и петь ещё громче.

— Иду! — отозвался Алексей.

— Здорово, правда?

— Ага. Нервы щекочет отменно.

Через несколько минут она, радостная оттого, что преодолела свою давнюю боязнь высоты и не поддалась опасному гипнозу воды, сделала последний шаг по мосту и, ступив на землю, обернулась, ожидая увидеть Алексея идущим вслед за ней...

Но Алексей сидел на том берегу, склонив голову, а над ним вился густой сигаретный дымок. Елена опешила. Дебри за спиной задышали насмешливым ветерком, и глухие звуки тёмного леса отдались в сердце неприятным эхом. Она села на траву, чувствуя, что вот-вот заплачет, но на глаза попались ягоды спелой крупной земляники. Елена собрала их в ладонку и разом опрокинула в рот. Совсем неожиданно досада развеялась, и ей вдруг стало хорошо оттого, что она здесь одна, а он один там, на другой стороне реки, и между ними — тёмная вода и непрочная металлическая веревка... Уединение — вот чего ей, оказывается, не доставало. Подумалось: и правда, отчего это она, вольнолюбивая и порывистая, так приросла к этому, в сущности, чужому человеку с непроходимым буреломом в голове?

— Эй, Лёха! — весело прокричала она ему.

Он поднял голову.

— Пошёл ты к чёрту! Слышишь? К чёрту! — и лесное эхо так же весело повторило её слова. Она рассмеялась свободно и легко. Алексей махнул рукой, — видимо, он не расслышал, — и снова опустил голову. Елена догадалась: он рисует. И тут свобода в душе пошла на убыль. Она сидит здесь, на жутком берегу, идти по этому мосту, который повесили сумасшедшие русские, опасно, а ему — никакого дела. Поискав ещё земляники и полакомившись напоследок, Елена отправилась в обратный путь. Ругаться с Алексеем

она не собиралась, а вот разорвать дурацкий набросок, на который он её променял, ей очень хотелось...

Сейчас этот карандашный эскиз, изображавший её, тоненькую, идущую над рекой по шаткому канату в направлении таинственного леса, лежал в чемодане, в альбоме с репродукциями Фёдора Васильева, купленном ими в Третьяковке. Елена была рада, что тогда, кое-как вернувшись с другого берега, не поддалась гневу и не учинила расправу над рисунком. А на нём действительно была она — со всей своей незащитной удалью и одиночеством, со счастливым ветром в волосах, быстротечной рекой под ногами и густыми сумерками впереди... Алексей пообещал, что этот набросок станет картиной, и она снова почувствовала, что всё в ней принадлежит ему. Она и сейчас, в поезде, давно прошедшем добротный мост через большую реку, чувствовала то же самое, и это чувство казалось неисчерпаемым, тёмным и единственным. Так ощущается судьба, думалось ей.

V

А тем временем в купе стало совсем светло. Алексей, взлохмаченный и хмурый, сидел за столом и что-то сосредоточенно черкал в своём блокноте. Какие-то синусоиды, врезающиеся в края бумаги. Елена спустилась с верхней полки, причесалась, села рядом и, не боясь разбудить соседей, сказала твёрдо, без той затаенной робости, с которой обращалась к нему в последнее время:

— Я поняла, где ты собираешься раздобыть свою ноту.

Он не поднимал головы, продолжал чёркать, перешёл на новый лист и снова стал тянуть свои карандашные линии, похожие на волны, какими их рисуют дети.

— В нашей разлуке. В том, что мы больше никогда не увидимся. В том, что ничего не будет, кроме дорог, гостиниц с заляпанными пледами, холодной мастерской и друзей, заходящих с коньяком по пятницам... Лёша, посмотри на меня! — наконец, он поднял голову, взглянул тяжело, как глядел после ссор и бессонниц, и эта тяжесть показалась ей такой родной, что внутри все зануло. — Почему этой нотой не может быть счастье? Чёрт возьми, почему?

Пока она, долго плакавшая после этих слов, приводила себя в порядок, он, ухмыляясь так, как всегда ухмылялся её глупостям, собирал их вещи — полотенца, зубные щётки, салфетки — и бережно складывал косметику в её косметичку.

Вскоре замелькали знакомые переезды, маленькие станции, окраинные кварталы и трубы, дышавшие в светлое небо тяжёлым заводским дымом, и уже через час они, держась за руки и глядя в разные стороны, ехали в такси по минским улицам, глянцевым от ночного дождя и света прохладного августовского солнца.

ЕЛЕНА КРИКЛИВЕЦ

СЛОВНО ДЕТСТВО ИЗ ПЕСЕН СОВЕТСКИХ

* * *

Часы не остановятся, когда
среди июльской терпкости полынной
осина у чернильного пруда
засмотрится в студёные глубины.

Так женщина, начало октября
предсказывая, словно ворожея,
однажды утром взглянет на себя,
да только не узнает отраженья.

И отойдёт от зеркала в сердцах,
когда поймёт — и сделается строже, —
что паутинку липкую с лица
она смахнуть, как в юности, не может.

И больше не поверит докторам.
В шкафу отыщет кофту потеплее...
И забелеет вата между рам
от зазимков до мартовской капели.

КРИКЛИВЕЦ Елена Владимировна родилась в 1983 году в г. Витебске. Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, член Союза писателей Беларуси и Санкт-Петербургского городского отделения Союза писателей России. Автор сборника стихов "На грани света". Победитель Международного конкурса "Литературная Вена-2013" (Австрия) в жанре поэзии. Живёт в Витебске.

...Дрожит на ветке сморщенный листок.
Сплетает время свой широкий невод.
И выцветает синий лоскуток
остывшего октябрьского неба.

* * *

Небеса отворятся хлябями.
Только вдруг от своих щедрот
две недели угара бабьего
лето осени поднесёт.

Та зардеется, как на выданье,
каравай посадит в печь.
За калитку в сорочке вытканной
выйдет счастье своё стеречь.

Но однажды найдёт у старицы
убежавшего лета след —
и у всех на глазах состарится
не на месяц — на уйму лет.

По характеру не гневливая,
станет мертвенно холодна.
Безутешными злыми ливнями
рассчитается с ним сполна.

Напоследок отправит весточку:
мол, подсчитывай барыши.
И в костре облетевшей веточкой
будет прошлое ворошить.

* * *

Только на исходе ледостава
с девичьей печалью безответной
выдохнула осень: “Горислава...” —
и сдалась расхристанному ветру.

Затаилась, раненная мыслью
непреренно — рано или поздно —
отомстить за сорванные листья,
по земле размётанные гнёзда...

Будут ночи долгими и злыми.
Будет сердце гулким и тревожным.
А потом в груди толкнётся имя —
ни забыть, ни вспомнить невозможно.

В пустоте оконного проёма
за спиной двойного перекрестья
замерцает сталью воронёной
вынутый из ножен полумесяц.

И тогда, от ужаса немая,
вдруг озябнешь ты в квартире душной,
в оторопи знобкой поднимая
голову от наспанной подушки.

* * *

Посмотри, как дрожит этот лист на берёзовой ветке.
Полпути до зимы нам отмерят вот-вот с Покрова.
Прорастает тоска, словно детство из песен советских,
и сбиваются в стаи бескрылые прежде слова.

Улетают к теплу облака, журавли, паутина —
неизбежный исход накануне больших холодов.
Пусть для всех Моисеев найдётся своя Палестина.
Нам достанет юдоли и вне Гефсиманских садов.

Журавлиное эхо в озябшие заводы канет...
Проплывут над рекой непрожитых столетий клубы,
там, где Пушкинский мост обречённо бряцает замками
и рискует прогнуться под тяжестью чьей-то судьбы.

Посмотри: этот город из ветра и времени соткан.
Нам подсыпала осень в карманы звенящих денегат.
Обнажённая ветка скребётся в закрытые окна.
Я держу тебя за руку крепче, чем можно держать.

* * *

Просто время свело полуду
с потускневшей давно надежды.
Так земля ожидает чуда
от суровой зимы бесснежной,

а потом позабыть не может,
как безропотно и покорно
промерзала она до дрожи,
коченели от стужи корни.

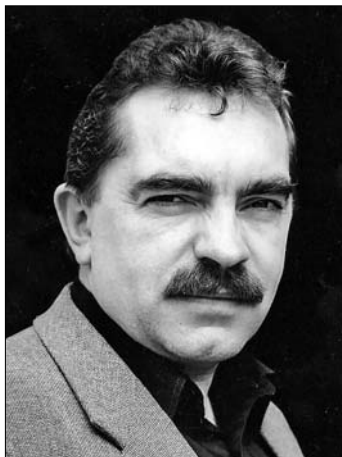
Просто в горле застряло слово,
а должно было стать крылатым...
И слезами из глаз Иова
падал снег, наплевав на даты.

Высыпáлся из тучек ветхих
на опешившие высотки,
на асфальт, на траву, на ветки,
что набухли весенним соком.

Будто только сейчас приспело
время праздничных зимних кружев.
Был он мягким, искристым, белым.
Но ненужным уже.
Ненужным.

АЛЕСЬ БАДАК

ИНСТРУКЦИЯ ПО СОБЛАЗНЕНИЮ ЗАМУЖНИХ ЖЕНЩИН

*Интервью для первого белорусского эротического журнала,
который пока не начал выходить*

РАССКАЗ

Это интервью никогда прежде не публиковалось. Оно даже не закончено, и я плохо представляю, что могло быть написано во врезке. Не думаю, что это было бы банальное перечисление основных фактов моей биографии и изданных мною книг: Марина не переносила банальностей.

Возможно, во врезке она написала бы о том, как переступила порог моей квартиры, сквозняк с улицы донёс до неё через открытое окно едва уловимый запах сирени, будто я держал в руках невидимый букет.

— Я забыла предупредить, что хочу поговорить с вами о любви. Вы не против?

Однако глаза её говорили иное: она не предупредила нарочно, для неё важно было начало разговора, чтобы сразу понять, какое интервью может в результате получиться. Для меня это было важно не меньше, и я ответил:

— Точнее, вы, я думаю, хотите поговорить о ещё не написанной повести, о которой я имел неосторожность сказать в одной телепередаче.

— Почему неосторожность? Это была хорошая реклама автобиографической, как вы сами признались, повести “Инструкция по соблазнению замужних женщин”.

БАДАК Александр Николаевич родился в 1966 году в д. Турки Ляховичского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал в периодических литературных изданиях. Автор сборников поэзии “Будзень”, “За ценом самотнага сонца”, “Маланкавы посах” и др. Директор издательства “Мастацкая літаратура”. Живёт в Минске.

Она протянула ко мне правую руку ладонью вниз, чтобы продемонстрировать обручальное кольцо:

— Я замужем!

— Я больше не практикую.

— Что?..

В конце концов, врезка могла быть о чём угодно, её могло и вовсе не быть, как могло не быть опубликованным и само интервью, если бы она не выслала мне текст на вычитку. Я публикую его без единой правки, лишь вначале и в конце сделал необходимые пояснения. Публикую потому, что повесть так и не была и, думаю, никогда не будет написана, и это всё, что осталось от странной встречи, состоявшейся пять лет назад, когда однажды в жаркий июньский полдень я открыл дверь квартиры и увидел на лестничной площадке красивую молодую женщину, чей облик всё не уходит из моей головы.

— Я больше не практикую.

Мне сорок пять, возраст, когда завтрашний обед ещё кажется более вкусным, нежели вчерашний, вечерняя женщина красивее утренней, а время от рассвета до полуночи — таким долгим, что можно забыть, что говорил на восходе солнца утренней женщине, осторожно слизывая молочный луч луны с плеча вечерней женщины.

Я старый холостяк, хоть это и не стоящая внимания условность, формальность: я никогда не был одиноким в том смысле, который мы обычно вкладываем в это понятие. Одиночество — страдание, если оставляют тебя. Если остаешься ты — это удовольствие с лимонным привкусом сожаления, которое со временем переходит в покой. Причём после каждой женщины остаётся иное одиночество, сотканное из запахов именно её тела, из её обид и несбывшихся обещаний, из её смеха и слёз. И едва я успевал насладиться своим очередным одиночеством, как в моей жизни появлялась другая женщина.

Я всегда брал в любви самое лучшее, что в ней есть, не доводя её до привычки, как пчела стремится собрать побольше нектара с цветов, пока не пришла пора увядания.

— Мне кажется, в этом сравнении вы забыли важную деталь: собирая нектар, пчёлы тем самым в результате приносят пользу многим людям, а в вашей ситуации приходится говорить только про вред.

— Вред? Женщины любят во всём обвинять мужчин с той уверенностью, которая лишает смысла любые оправдания. Тем не менее, хочу кое-что уточнить.

Меня не интересуют молоденькие дурочки, которых обмануть так же просто, как на лодке переплыть Минское море. Они легко соглашаются на всё, не слишком затрудняя свой мозг вопросом: а что будет дальше? Они убеждены, что в запасе у них вечность и что они несут моральную ответственность только перед собой, а с собой, как известно, договориться проще всего.

Не интересуют меня и недавние разведёнки, которые каждого нового знакомого рассматривают как потенциального мужа.

В общем, меня не интересуют те, кому от меня — в семейном плане — или не надо ничего, или нужно всё.

Поэтому дверь моей спальни открывалась только перед теми, кто замужем. Ну, если вам этого мало: сам я не переступил порог спальни ни одной замужней женщины. Согласитесь, замужняя женщина семь раз подумает, прежде чем изменить. А значит, её поступок нельзя назвать необдуманным. С другой стороны, она семь раз подумает, прежде чем кардинальным образом изменить свою семейную жизнь или, проще говоря, развестись, и на седьмой раз ей станет от этих мыслей так страшно, что когда её случайный роман, наконец, закончится, она почувствует облегчение.

Ну, и главное: я убеждён, что ни одна из этих женщин не почувствовала себя обманутой, потому что ни одной из них я не обещал то, чего дать не мог.

— Но в каждой женщине завтрашнего больше, нежели сегодняшнего, и, бросая её сегодня, вы вмешиваетесь в её будущее.

— Будущее замужней женщины начинается в её вчерашнем дне. Большинство женщин хоть раз в жизни изменяли своему мужу, а значит, измена — это то, что заложено в неё природой. И семейная рутина, обиды, конфликты, которые вызывают желание отомстить, — всё то, что мы называем причиной измены, — на самом деле только повод для неё. Причина в том, что любовь — это не то, что мы имеем, а то, к чему стремимся, поскольку всегда ждём от неё чего-то нового.

Тот, кто впервые увидел, как восходит солнце, и заплакал от такой красоты, может стать великим поэтом, но тот, кто каждое утро плачет, с одного и того же места наблюдая восход, может стать сумасшедшим.

“Я однолюбка, никогда не изменю своему мужу и буду любить только его — до самой смерти”, — заявила одна из героинь моей повести в начале нашего знакомства. Я спросил её: “Ты помнишь, как вы познакомились?” “Конечно, — ответила она. — В парке Янки Купалы. Я сидела на скамейке и кормила белочку арахисом. Ещё были у меня миндальные орехи, но я где-то вычитала, что для них это отравы”. Кстати, вы знаете, что женщины, которые, услышав один вопрос, отвечают сразу на десять, доступнее для соблазнения, нежели те, у которых начало ответа надо искать на губах, а конец — в глазах?

— Вы серьёзно?

— Так я узнал, что в день их знакомства было солнечно, и спросил: “А что, если бы была гроза и вы с ним остались каждый в своей квартире? В Минске почти два миллиона жителей, ваша встреча — не больше чем случайность. Через неделю, через месяц, через год ты встретила бы в этом же парке, а может, в метро — не важно, где, — другого своего *единственного* и обманывала бы себя до поры до времени, что будешь любить только его, таким образом изменяя тому, не встреченному, первому”.

Кстати, она уже развелась: сперва видела у мужа только то, что хотелось видеть, а потом — то, что видеть не хотела.

— Благодаря интернету весь Минск — это огромная коммунальная квартира, где каждый на виду, что даёт нам большие возможности для выбора, а значит, снижается процент случайности. И прежде чем лично познакомиться с человеком, о нём можно многое узнать в социальных сетях.

— Всю переписку в интернете я копирую в файлы, которые хранятся в двух папках, названных “Рабочая” и “Личная”. Я очень редко перечитываю файлы из рабочей папки, а всю переписку из личной знаю почти на память. Вы никогда не станете выкладывать в социальные сети своё фото, которое вам не нравится, и никогда не отправите по электронной почте любовное послание, которое предварительно как следует не обдумаете, не перечитаете сто раз и не вычеркнете из него всё, что может характеризовать вас не с лучшей стороны, потому что вам хочется как можно больше понравиться адресату. На некоторое время это срабатывает, но после виртуального знакомства придётся переходить в реальное, а в реальности ничего зачеркнуть невозможно, оно навсегда останется в нашей жизни, как шрам после аппендицита.

“Мне было больно и обидно от того, как ты со мной поступил в понедельник... а на завтра я проснулась с тяжелой головной болью, потому что проплакала половину ночи... а потом прочитала твоё сообщение, что-то вроде: “надеюсь, тебе спалось хорошо, чего не могу сказать о себе”, распенила это как очередное издевательство. И все эти дни мне было очень плохо, когда вспоминала тебя”.

Пересказывая вам сейчас это письмо, я не придумал, не вычеркнул из него ни одного слова. В отличие от одной молодой женщины, когда она писала его *в моё прошлое* — двадцать четыре года назад, ровно на разницу в нашем с ней возрасте. Она почти не чувствовала этой разницы (для чего, признаюсь, мне пришлось приложить много усилий), но заставляла чувствовать её меня, благодаря таким вот своим театральнo-слёзным посланиям.

— Вы не верите в любовь между людьми, разница в возрасте которых несколько десятилетий?

— Почему же, верю. Вопрос только в том, что от такой любви мы сможем взять и какую цену заплатим ей. Стоя в реке, невозможно остановить её. Но можно остановить маленькую частичку реки, зачерпнув воду пригоршней. Вопрос в том, надолго ли достанет терпения удерживать её? Так и со временем. Нельзя остановить течение всего времени, но небольшую часть его, ту, которая течёт через наше сердце, можно повернуть обратно. Однако трудно долго жить сразу в двух временных измерениях.

— **Вы любили по-настоящему женщин, с которыми встречались?**

— Безусловно. Понимаете, я не вполне верю в идеальную любовь, с первого взгляда и навсегда. Это не костюм, пошитый высококлассным мастером по индивидуальному заказу. Я покупаю костюмы в магазине, и, случается, сначала чувствую, как тело неохотно привыкает к обновке, даже хочет избавиться от неё, словно от высохшей кожи после ожога. Но проходит время, и оно сливается с ней в единое целое, перестаёт её ощущать. Одна из героинь моей повести, с которой мы проработали вместе почти год до того, как у нас возникли более близкие отношения, позже призналась мне: “Ты каждый день приходил на работу в костюме и галстук. И вдруг в воскресенье мы случайно встретились в магазине. Я впервые за столько времени увидела тебя в свитере, и ты в эту минуту показался мне таким по-семейному родным, что я едва сдержалась, чтобы не повиснуть на твоей шее”.

— **Вы можете поделиться с читателями нашего журнала некоторыми способами соблазнения замужних женщин?**

— Боюсь, тогда им будет не так интересно читать мою повесть.

— **В таком случае, когда они смогут её прочитать?**

— Думаю, скоро. Хотя, признаюсь, меня настораживает предупреждение Буди Аллена: “Хочешь рассмешить Бога, поделись с ним своими планами”.

Это интервью, отправленное мне на вычитку без журналистских ремарок в диалогах, написание которых — её право, Марина, видимо, оставила “на потом”, я получил по электронной почте и, не поправив в нём ни одного слова, на следующий день отправил обратно с благодарностью. Прошла неделя, затем другая, но от Марины не было никаких сообщений. Большинство журналистов готовы переписываться с вами дни напролёт, пока интервью в работе, но тут же забывают о вас, когда согласовано всё до последней точки.

Однако я знал, что к Марине это вряд ли относится, и решил, что возникли серьёзные проблемы с изданием журнала и ей неловко мне об этом сообщать.

Но я ошибся. Примерно через месяц она прислала на мой электронный ящик письмо следующего содержания: “Прошу прощения, что так долго не отвечала. У меня теперь не лучшее душевное состояние, потому всё кажется мерзким, в том числе и ваше интервью. Когда я брала его у вас и готовила к печати — радовалась, поскольку оценивала наш разговор как журналистка, а не замужняя женщина. Вы когда-нибудь ставили себя на место ваших жертв... простите, женщин? Конечно, ставили, вы же писатель. И, наверно, считаете, что они должны быть благодарны вам. Как же, вы легко и непринуждённо показывали им: они лучше, чем думают о себе, и заслуживают большего, нежели имеют. Вы создавали для них маленькие праздники и убеждали, что праздники в их жизни должны быть каждый день. Вот главный пункт вашей инструкции по соблазнению, разве не так? Но сомневаюсь, что вы хоть раз поставили себя на место женщины, у которой этот праздник закончился. И вы даже не представляете, что такое быть брошенной, когда чувствуешь перед собой пропасть и нет сил от неё отступить. Ну и...”

На этом письмо оборвалось. Оно так ошеломило меня, что я долго не мог собраться с мыслями, пока, наконец, не начал писать ответ. Я хотел сообщить ей что-то очень важное, но слова не слушались, и когда я перечитывал готовое, видел, что получается совсем иное, идиотское, не то, что минуту назад было в моей голове...

Две недели я напрасно ждал ответа, пока однажды не вспомнил её слова: “Благодаря интернету, весь Минск — это огромная коммунальная квартира”. Я без особых проблем отыскал в “фейсбуке” её страницу. Последняя

информация, помещённая в разделе “хроника”, принадлежала неизвестной мне молодой женщине, которая с печалью, без подробностей сообщала, что Марины не стало. В тот же день мы с ней списались, и я узнал, что Марина после ссоры с мужем выбросилась с девятого этажа.

Я не знаю, прочитала ли она моё последнее письмо, в котором я каялся за своё бестолковое интервью, за эту игру, рассчитанную на то, чтобы привлечь внимание к ещё не написанной повести. Боже мой, я разведённый холостяк, в жизни которого была только одна женщина — собственная жена! Я собирал истории о семейных изменах в газетах и журналах, вырезая и складывая их в верхний ящик письменного стола, чтобы позже самые интересные использовать в своей повести. Я собирал истории, конспектируя на мелованных листках признания эстрадных звёзд и кинодив на всех доступных мне 49 каналах кабельного телевидения. Чем дольше я собирал их, тем труднее мне было остановиться. И когда довольно объёмный ящик стола заполнился, когда однажды я открыл его и верхние вырезки и мелованные листки мотыльками слетели на пол, я ахнул: мир утонул в семейных изменах! И самое страшное, что об этом не стыдно говорить на публику, что это не осуждается зрителями! Поэты издают книги с фотографиями своих бывших жен и любовниц вместе со стихами, им посвящёнными. Актёры на премьерах фильмов признаются, что любовные романы, которые привели их к семейному разладу, начались именно на съёмках этих фильмов во время интимных сцен. Я не говорил в телепередаче, что моя повесть будет автобиографической! Я сказал, что она почти документальная. А сегодня под вторым понимается первое, и никак иначе! Мне хотелось наполнить повесть реальными героями, реальными историями так плотно, как ад наполнен грешниками. Это и была бы повесть-ад — к тому, небесному приговору.

Но, скорее всего, она уже никогда не будет написана.

Перевод с белорусского Олега Ждана

МИХАСЬ ПОЗДНЯКОВ

СВЕТЛАЯ РАДУГА

* * *

Дарите, дарите любимым
Цветов луговых благодать,
Черемуху с розовым дымом,
Озер соловьиною гладь.

Дарите любимым, дарите
Прохладу мелодий лесных,
Звезду, утонувшую в жите,
Улыбку — одну на двоих.

Не камни дарите, не золото,
А то, что не купишь никак:
Росинку в кувшинке щербатой,
Березовый вешний сквозняк.

Дарите полёт журавлиный,
Криничных лугов доброту,
Багряные гроздья рябины,
Сады в белоснежном цвету.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович родился в 1951 году в д. Забродье Быховского района Могилёвской области. Окончил Белорусский государственный университет. Работал главным редактором издательства «Юнацтва», главным редактором журналов «Вожык», «Нёман». Теперь — председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист. Автор более 70 книг. Лауреат одиннадцати литературных премий. Имеет государственные награды. Живёт в Минске.

Дарите... Пусть небо утонет
В зрачках, что верны до конца.
Дарите сердца и ладони...
Сердца и ладони... Сердца...

* * *

Найдите время для любви...
Валентина Поликанина

Всё мы заняты... Не до любви нам,
Для высокого времени нет,
Чтоб шагать по весне пилигримом,
Будто песню, встречая рассвет.

Всё мы заняты... Не до признаний
Средь разлада, бездушья и зла.
И скользит мимо нас этот ранний
Свет небесный... И нету светла.

Всё мы заняты... Некогда душам
Ощущать и любовь, и добро,
Если мир нелюбовью задушен,
А высокое — это старо...

Чистоту и невинность брезгливо
Топчет злобный и яростный век.
А любовь?.. Не она ль сиротливо
Тихо шепчет: “Ты где, человек?..”

Но я верю, что солнышко брызнет,
Сердцу скажет: “Любовь позови!” —
Чтобы светлая радуга жизни
Возносилась на крыльях любви.

* * *

Молодик неугомонный...
Сад заброшен... Грустный вид...
Клён слабеющую крону
Над хатёнкою клонит.

Лишь сова за дальней ивой
Всё хохочет сквозь года,
И дворняга ей лениво
Отвечает иногда...

По деревне опустелой,
Где три хаты на версту,
Редким путником несмелым,
Растревоженный, иду.

Тьма колючая такая!
И деревня ей под стать,
Всё меня не замечает
Иль не хочет замечать...

Обогну родную хату,
Погляжу за окоём,
И заплачу виновато
Об Отечестве своём.

ЮЛИЯ АЛЕЙЧЕНКО

БОЛЬШЕ НЕ БУДУ!

РАССКАЗЫ

Сегодня ночью, впервые за последние лет пять, Лизе приснилась прабабушка. Тёплый осенний день... Баба Валя, как звала её ещё Лизина мать, быстро шагает по тропинке навстречу, весёлая и одновременно сосредоточенная, в своём обычном для буднего дня шерстяном коричневом костюме. Вот только выглядит далеко не на восемьдесят лет. Она красивая моложавая женщина. Густые чёрные волосы убраны в высокую причёску по моде семидесятых, взгляд спокойный и уверенный, глаза светятся трогательной искренностью и застенчивостью. Потом уже, утром, анализируя сон, Лиза вспомнила, что именно так выглядит прабабушка на небольшом чёрно-белом снимке, вклеенном в её детскую розовую анкету для друзей. Помните, были такие книжечки с вопросами о мечте, хобби, любимой музыкальной группе и фильме? Так вот, Лиза дала заполнить такую анкету не только девочкам-товаркам и одноклассницам, но и семье: маме, папе, бабушке, прабабушке. Баба Валя ответила на все вопросы с присущей ей серьёзностью, написала внучке много добрых пожеланий, долго думала, какую фотографию дать. И нашла для анкетки эту... Наверное, специально, чтобы в памяти Лизы остаться такой красивой. Внешности прабабушка уделяла много внимания. Прекрасно понимая, что она красавица (ещё какая! В день её свадьбы назойливые кавалеры даже бежали с ружьём за праздничным кортежем!), почти до пенсии ходила в группу гимнастики при спорткомплексе,

---

АЛЕЙЧЕНКО Юлия Александровна родилась в 1991 году в г. Орша Витебской области. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета, сейчас обучается в аспирантуре. Работает ответственным секретарём литературного журнала "Польмя" (Минск). Победитель Республиканского конкурса молодых литераторов "Першацвет" (2016). Её произведения переведились на русский, казахский, туркменский языки. Живёт в Минске.

старалась из простой вещи сделать что-то оригинальное, поэтому много денег на платья-кофточки никогда не тратила. И Лизе честно говорила, что хорошо было бы ей поправиться, когда та стала излишне худощавой девочкой-подростком. И вокруг тоже любила красоту. Волшебные пейзажи, копии известных картин (в памяти Лизы и “Утро в сосновом бору”, и “Охотники на привале”), старые иконы висели на стенах её квартиры. А какие коврики, покрывала делала сама баба Валя! И это всё при том, что искусственного культа красоты у прабабушки не было никогда. Каждое лето она жила в деревенском доме, работала на земле, не боясь больших и маленьких трудностей. Сколько раз рассказывала, как убила змею, как выпроваживала из дома цыган... О войне, которую встретила десятилетней девочкой, тоже не говорила пафосных слов, которые так любят произносить рождённые после... Баба Валя интересовалась всем новым, знала, что происходит в мире. С ней было интересно, непринуждённо, и разница в поколениях чувствовалась только, пожалуй, при взгляде на буфет прабабушки с неизменной красной вазой...

Когда в цветном сне прабабушка оказалась рядом, то они долго разговаривали о чём-то обыденном, незначительном, вроде бы и не прощались никогда... О чём — Лиза, хоть убей, так и не вспомнила. А вот после, деликатно коснувшись Лизиной руки, баба Валя тихо попросила: “Не делай так больше”. Это главное и врезалось в память. Чего не делать — вопрос не возникал. Когда тебя наставляет близкий человек — всегда понимаешь, с какой стати. Это то, из-за чего обвиняешь сам себя давно, с болью тупой, продолжительной. Пересматривая черновые страницы последних дней, Лиза не может простить себе ненужные компромиссы, дежурные улыбки, неискренность, предательство...

Прабабушка хочет, чтобы Лиза осталась той, какой она видела её в последний раз. Той, которая способна была любоваться первым снегом и игрой вечернего света в лужах, не спать ночами с кистью или карандашом в руках, мечтая стать лучшей, чем была вчера. Той, которая не боится высказать правду, влюбиться в недостижимого, узнать неизвестное. Или отлично — или никак. У неё же сильный характер, она упрямая, иногда даже слишком. А баба Валя любит таких, непокорных...

Она и сама была такой. Кому-то казалось даже грубой. Лиза хорошо помнит то летнее время, когда она, семиклассница, неожиданно попала в реанимацию. Внезапно и непредсказуемо (ну, подумаешь, прыгала с турника, как и все дети!) открылось внутреннее кровотечение. Конечно, ни сама Лиза, ни её родители не поняли сразу, почему так сильно у неё болит живот. Да и рассказала она им не сразу — опять же характер, терпеливая. Операцию делали, когда счёт времени уже шёл на минуты. Слава Богу, спасли. Когда перевели из реанимации в обычную палату, все родственники боялись дотронуться до неё — такое пережила! А баба Валя не выдыхала горестно, не плакала над кроватью (хотя дома, было видно — выдавали глаза, — не спала ночей), а бодро рассказывала о погоде, о “Славянском базаре”, об огороде... Родители потом жаловались: “Она что, не переживает?” А прабабушка переживала горе, радовалась выздоровлению, но прекрасно знала, о чём нужно говорить с больными.

О том, что баба Валя умерла, Лиза узнала только через несколько дней. В телефонном разговоре родители не сказали, не желали сильно беспокоить дочь-первокурсницу. Было странно, почему они поступили так... Лиза ведь из-за этого не была на похоронах родного человека. Когда приехала на выходные в родной город из столицы, увидела на перроне своих родителей и своего тогдашнего кавалера. Они подбежали, как-то скомканно поздоровались и сообщили, что прабабушки больше нет... Когда Лиза возвращалась с вокзала с Сергеем, проплакала всю дорогу... И дома, слушая своих любимых “Би-2”, тоже не могла сдержать слёзы. Родители же сочли музыку оскорблением, снова не поняли её. А Лизе просто чем-то нужно было заполнить мысли...

Первый раз прабабушка приснилось ей, двадцатилетней, когда нужно было делать судьбоносный выбор. Но тогда во сне баба Валя стояла на балконе, и через стекло не слышно было, что она говорит. Но Лиза и так по-

няла... Затем пять лет молчания — и теперь уже были услышаны определённые слова. В такие предупреждения родных начинают верить даже те скептики, которые смеются над светом в конце тоннеля, знаками в повседневности, подсказками судьбы...

Лиза просыпается в сером вялом свете декабрьского утра, ступает босыми ногами по мягкому ворсу белого ковра, по холодной поверхности линолеума. Садится за стол, ставит перед собой крепкий кофе, пишет жирным маркером на большом листе бумаги “Больше не буду!” и приклеивает скотчем к окну, надписью на улицу. Смеётся над своим детским поступком. Но ещё толком не проснувшись, она была уверена, что баба Валя обязательно увидит ответ. Всё поймёт и простит.

Я знаю, что ты всё видишь. Я помню и люблю.

ИГОРЬ

Из многих более или менее постоянных мест жительства в Минске Лизе ярче всего вспоминается последнее перед приобретением “своего угла”... Начинаясь пятый курс университета, время, наполненное смелыми надеждами, какими-то непонятными, щемящими предчувствиями необратимой потери чего-то привычного и знакомого. Но они не огорчали, наоборот, как-то опьяняли неудержимым желанием забыть всё то, чему учили...

Вот и поиском жилья на последний курс Лиза не особенно себе жизнь усложняла. Главное сейчас — определиться, устроиться на желанную работу. Не до бытовых удобств! Поэтому на предложение разместиться в квартире с хозяином согласилась. Стандартная пятиэтажка на улице Народной. Третий этаж. Двери старые (ну, и что с того?). Заходя впервые, с удовольствием отметила для себя большую библиотеку, картины... Комната с советскими бумажными обоями, трюмо, скрипучей кроватью несколько её не огорчала. Отдельная, закрывается на ключ. Собственная территория. Дед-пенсионер в первый же день с удовольствием рассказывал о районе, советовал посетить лесопарк, делился воспоминаниями молодости. К тому же подарил сразу значительную часть собственной библиотеки. Поздно вечером вернулся внук, с которым перекинулись парой фраз. Засыпая с “Вишнёвым садом” Чехова в руках, Лиза чувствовала себя довольно уютно...

Через пару дней, потягиваясь утром в постели, Лиза слышала грохот на кухне и крик деда, который ошпарил ногу кипятком. Побежала помогать. Понятно было одно: хозяин держался из последних сил, чтобы не разочаровать новую жилищу, да вот, вошёл в очередной запой. Спички, разбросанные по полу, початая бутылка, немытая посуда... Периодически к старику навещала дочь, которая жила в том же подъезде. Иногда бранила старика, просила Лизу отдавать деньги за квартиру исключительно ей, чтобы шли на оплату коммунальных услуг, а не на “пойло”... А иногда и сама прельщалась возможностью “посидеть”, вспомнить умершую мать за чаркой — одной, другой, третьей... Посиделки такие могли тянуться до третьего часа ночи.

— Лиза, посмотри на снимок, какая наша мать красавица была! Это в Ялте в отпуске, это на работе. Это я маленькая...

Странно, что на своего сына, который жил с дедом, она особого внимания не обращала. У того не сложилось с работой: днями он спал, поздно вечером уходил гулять до утра.

— Снова со своими наркоманами шляется? Вот попадёшь в тюрьму, видит Бог, попадёшь!

Не желая перевозить вещи несколько раз в году (ждала ещё заселения в общежитие), Лиза не спешила уезжать, терпела. Да и не такой уж это был дискомфорт. Новых впечатлений хватало. Возвращалась домой только вечером, усталая. Началась заключительная перед защитой диплома практика в гимназии. Да ещё в какой — “мажорной”, с углублённым изучением иностранных языков. Дети послов, юристов международного права... Почти все с крутыми телефонами, планшетами... Как трудно было объяснить то, что

воспеваётся в “Песне про зубра” Миколы Гусовского! Или добиться осознания, из-за чего мучается Плачка у Яна Борщевского. Да ничего, справлялись. И смеялись вместе до колик, и серьёзно рассуждали... А ещё был в то время у Лизы “авантюрный роман” с приключениями. А ещё она получила предложение устроиться на интересную работу. А ещё... Пёстрый хоровод событий не давал остановиться и перевести дух хотя бы на минутку. Стоя как-то на старом мосту, что перерезает Партизанский проспект, и вдыхая воздух вечернего Минска, Лиза поймала себя на мысли, что ничего менять в жизни не хочет... Даже если ночью просыпалась от грохота в дверь комнаты с требованием поговорить... Даже если перекрывала под утро газ или воду, что оставили открытыми гости хозяина после посиделок. Она жила с каким-то счастливым философским осознанием, что всё временное, всё проходит, нужно обязательно вобрать в себя все краски и звуки, что предлагает жизнь здесь и сейчас...

Но, к сожалению, проходит и это счастливое осознание. С приближением зимы Лиза возвращалась вечером домой разочарованная, опустошённая... Тот, для кого она рисковала, кому позволила открыть заветные тайны, не оправдал её надежд. Банальное желание приключений, осколки красивого стекла... Бытовая усталость также сказывалась всё больше. Что дальше? Вглядываясь в свет редких фонарей, Лиза спасалась тем, что вспоминала времена детства, когда очень любила гулять в сумерках, в которых таились чудеса.

И вдруг заметила на ступеньках аптеки грязного человека в поношенной одежде, который стонал, зажимая ладонью, видимо, пораненное плечо. Лиза решительно подошла к бедолаге. Присела на корточки, внимательно посмотрела в глаза.

— Вам помочь?

Он промычал что-то в ответ. Тогда она перехватила и разжала грязные руки незнакомца, начала осматривать рану. Поняв, что дело серьёзное, быстро забежала в аптеку, купила бинт, антисептик. Незнакомец притих. Он не верил в то, что происходит. Вдруг стал заикаться, бросая короткие фразы:

— Я сам дальше... Спасибо... Не надо. Спасибо... Я не бомж. Я не разный. Я тренером работал. Прости...

Лиза видела, что “пациент” её действительно не похож на тех, кто постоянно живёт на улице. И такая трагедия читалось в его глазах, что просто уйти было невозможно. Поэтому, закончив бинтовать рану, она помогла незнакомцу подняться и предложила присесть на ближайшую скамейку. Тяжело дыша, Игорь (они познакомились) потихоньку разговорился:

— Я не всегда был таким... Я детей боксу учил, жил в Заславле. Семья была, жена, сын маленький. Я всё для них делал... А она за нос меня водила. Когда я узнал о любовнике, пришлось уйти... Думал к тётке в Молдавию ехать. Да вот, здесь дружки уличные появились... Прости, прости. Зачем тебе это слушать?

— А выход какой есть?

— Есть! Я не законченный алкаш. Я работать могу. Только чтобы крыша над головой была... На завод пойду, там общежитие дают...

— Вот и хватайся за этот шанс! — убеждённо поддержала Лиза. — Многих предают, многих “кидают”! Не в петлю же лезть?

— Прости... — бормотал Игорь. — Дай мне телефон свой... Я тебе деньги за лекарства отдать должен.

Лиза отказывалась от денег, а номер дала, только чтобы отстал...

После этого случая собственная боль стала затихать. Конечно, не всё забылось, не всё устроилось. Просто обман близкого друга стал казаться мелким, незначительным.

Лиза работала, ходила на практику к школьникам, знакомилась с новыми людьми. Звонка Игоря она, конечно, не ждала. Но однажды о позвонил.

— Привет! Лиза, это Игорь. Ну, грязный дядька у аптеки... Деньги хочу вернуть. И просто встретиться.

Встретиться договорились возле станции метро. Игорь был побритый, постриженный, чисто одетый, в руках держал небольшой букет:

— Это тебе. И деньги — вот. Может, прогуляемся?

Они гуляли часа два. Разговаривать было легко. Игорь рассказывал много личного. Лиза тоже рассказывала... Искренность рождает искренность. На прощание Игорь попросил:

— Можно я тебе звонить буду? Чтобы легче было. Не подумай плохого, я не маньяк какой-то. Просто поговорить с хорошим человеком хочется. Со спасительницей...

Игорь действительно стал ей звонить. Несколько раз они даже ходили в кафе, смеялись, горевали.

Это была история искренней, неожиданной дружбы. А потом Игорь всё же уехал к тётке в Молдавию. Пишет в соцсетях, присылает фотографии.

Иногда Лиза думает, что какой-то высший режиссёр послал ей Игоря в тот вечер, чтобы показать, как бывает, как может быть. Ведь если он смог выпутаться, сдержал слово, то нечего придумывать и себе оправдания...

“Люди, как корабли”, — звучит в песне погибшего музыканта Андрея Кузьменко. Это любимая песня Игоря.

Люди, действительно, как корабли. И если кто-то набирает полные трюмы воды, нужно не дать ему пойти на дно.

Лиза сейчас не хочет забывать о том, чему её учили люди. В тесных коридорах факультета, в знакомых задымленных стенах студенческих баров, на крышах многоэтажек под переменчивыми звёздами... Они часть того великого океана, что скрывает тайны, соединяет судьбы.

Все не случайные.

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

ЖИЗНЬ МОЯ ЗОЛОТАЯ

ПОЧЕМУ

Почему облака не ложатся на землю?
Почему они в небе, как птицы, парят?
Почему и куда отступают метели,
И синее небес ручейки и моря?
Почему только в мае кукует кукушка
И считает года, говорят, а кому?
Почему так люблю я из детства игрушку —
Самодельную куклу — никак не пойму.

И люблю не дворец, а мой дом в три окошка;
На окошках краснеет-белеет герань,
На завалинке дремлет с котятками кошка...
Босиком я вступаю в рассветную рань,
До зари, чтобы встретить её и приветить,
Вот моя панорама — крыльцо и окно:
Дрогнет занавес ночи и робко осветит
Первый луч тихо-тихо, а вот и оно —

КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара (ГУСАЧЕНКО Тамара Ивановна) родилась 1 апреля 1948 года в деревне Щепятино Брянской области Брасовского района, окончила филологический факультет Брянского и логопедический факультет Минского государственного педагогического института. Автор 20 книг. Лауреат Международных литературных премий. Член Правлений СП Беларуси, председатель Витебского областного отделения ОО "Союз писателей Беларуси" с 2005 года. Живёт в Витебске.

Солнце, чуть показалось, опять, снова — чудом,
Сквозь лазурь, что налита в прозрачный стакан
Утра, вспыхнет, сверкнёт, полыхнёт изумрудом...
И, пульсируя, света польётся река.
Я всю жизнь одного неизбежно хотела:
Уложить этот свет на невиданный холст,
Только красок таких не нашла, не сумела.
Много лет мне, но снова всё тот же вопрос:
Почему облака не ложатся на землю?

СТАРЫЙ ДУБ

Сколько лежит на ветвях твоих зим,
Дуб мой, могучий и древний?
Сколько ты соков корнями испил,
Чтобы шуметь над деревней?
А желудей сколько ты поронял —
Где же дубочки? Не видно.
Видно, их ворон голодный склевал...
Разве тебе не обидно?
И не пожалишься: “Раны болят”, —
И не попросишь ты крова...
Крону ломая, сугробы лежат,
Бури, морозы суровы.

Ты же стоишь, как всегда, величав,
Древний, могучий, и только,
Снега подушки на ветви набрав,
Плачешь в них — молча и горько.

ЖИЗНЬ МОЯ

Жизнь моя, жизнь моя, золотая моя,
Золотая — от края до края!
До последнего вдоха от первого я
Всю люблю тебя, всё принимаю.

Принимаю, как первый свой крик на заре
В той апрельской сияющей дали,
Всё, что было потом, в сентябре, декабре,
Где и пели с тобой, и страдали.

Жизнь моя! Как бессмертны уроки твои,
И дары золотые бесценны:
И рожденье детей, и рассветы, и дни —
Всё задаром, и всё — неизменно.

И когда отнимала дыханье моё,
В жертву сына забрав летней ночью,
Принимала тебя: что моё — то твоё.
Не перечу тебе. Не порочу.

И от первых шагов до горячих седин,
Жизнь моя, ты одна — золотая!
До последнего вдоха от первого я
Всю, родную, тебя принимаю.

Да и кто тебя примет? Ведь ты же — моя.
Потому — всю: от края до края,
Я тебя не предаю, никому не отдам,
Ты ж одна у меня. Золотая.

МОЛИТВА

“Отче наш!” — молилась я на зорьке.
И ответил Бог: “Могу простить.
Всё исполню! Ты подумай только,
Об одном проси...” О чём просить?!
 Попрошу, конечно же, здоровья!
 Не болеет тот, кто не живёт.
 Вечной жизни? Для рождённых с кровью
 В вечность есть один лишь только вход.

Попрошу любви! И пусть мой любимый
 Лишь меня милует целый век,
 И ни на кого не смотрит, губы
 Лишь мои целует! Человек
 Вольный и свободный — мой любимый,
 Не хочу неволить я его
 Всемогущей волей. Счастье — мимо
 Дома ходит, попрошу всего

Счастья, что живёт на белом свете!
 Значит, у кого-то отнимать?
 Нет... А попрошу я доли — детям,
 Чтоб суммы и горя им не знать!
 Дети не научатся трудиться,
 Радости труда я их лишу...
 Господи! О чём же мне просить-то?
 Всё не то, о чём ни попрошу...

Вот ожил бы сын мой! Мама встала!
 Против Высшей воли — что скажу?
 Или чтоб враги друзьями стали?
 Боже, нет, об этом не прошу.
 Попрошу богатства... Только — что же,
 Ведь его с собой не унести.
 Господи! Пошли мне разум, Боже,
 Чтобы всё, что дал, перенести.

ПАСХА В ВИТЕБСКЕ

Нежностью берёзы просветлели,
 Зеленью на синей панораме
 Неба отпечатались, запели,
 Заиграли праздничные гаммы

Птицы в рощах, змейками тропинки
 Побежали с горок торопливо,
 По ручьям узорчатые льдинки
 Прячутся под кроны жёлтой ивы...

Золотятся водостоков трубы,
 Пенятся, бегут с холмов потоки,
 И Двина целует прямо в губы
 Сладкие весенние притоки.

Пасха... Дождались её не все мы.
Сторожит кладбища свежий холмик
Чьи-то сны, уснувших не на время,
Спящих — навсегда, об этом помни.

Постигая жизни быстротечность,
Радуйся! А если ты не можешь,
То зачем и жить, зачем и вечность
Зря своими песнями тревожить?

ДНИ ВЛЮБЛЕННОСТИ ЗОЛОТЫЕ...

...Где мыслил я и чувствовал впервые...

Ф. И. Тютчев

— Что ты бродишь по пепелищу?
Что ты плачешь в родном краю?
Что отчаянно, горько ищешь?
— Ах, ищу я тут жизнь свою,

Дни влюблённости золотые,
И свидания первого свет,
Только избы давно пустые,
Ни следа и ни звука нет.

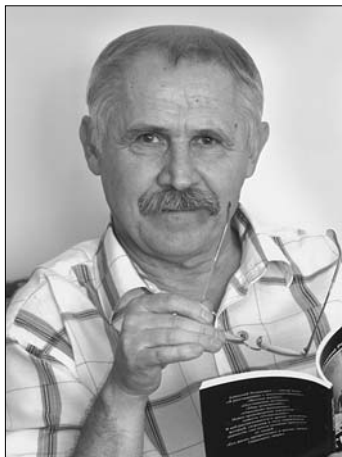
Нежно глажу крышку колодца,
В нём давно зацвела вода.
Где-то там, на дне, встрепенётся,
Всколыхнётся моя беда...

Она канула в эти недра
И уснула на самом дне,
Вот — опять — не хватает неба,
Не хватает воздуха мне.

Только ветер. Зелёный ветер.
И вселенский, зелёный шторм...
Мимо — жизнь в золотой карете,
Не поможет ничто, никто

Мою молодость — хоть глазочком! —
Увидать, где любовь моя?
— Ма-а-ма! — мне закричала дочка...
Оглянулась, а это — я.

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

ДЕРЕВЬЯ МОЕЙ ЮНОСТИ

ЗАРИСОВКИ

ЛИПА

Наш костёл из красного кирпича построили в тридцатые годы прошлого века, ещё “за польским часом”. Улица наша называлась Закостельной, потому что начиналась сразу за костёлом. И как только ксёндз со служками и старостой начал высаживать возле ограды липы, любопытные дети с нашей улицы сразу прибежали помогать. Была среди них и моя двенадцатилетняя мать. Когда мне было двенадцать, бабушка посылала уже меня к “костельным липам” нарвать цвета, “коб було чым чай заварваць ды ратаваць гэтым напоем ад хворобы деда”. Костёл к тому времени уже ликвидировали — отдали здание под Дом культуры. Четыре липы стали ничейными — рвали цвет все, кто хотел. Деревья терпели. Они выросли, ветви стали густыми, “урожай” давали большой, всем хватало, а запах плыл по всей округе. Кто был повыше ростом — обрывал всё снизу, а нам, младшим, приходилось бросать в самую гущу ветвей палки, чтобы сбивать цвет. Мы, дети, не понимали, что дереву тоже может быть больно.

Повзрослели мы и разбежались из Городка в поисках своей доли кто куда. В круговерти будничных дел я забыл о липах. Однако не всё нам подвластно. Через тридцать лет после того, как я покинул малую родину, получил в столице письмо от учителя-историка, имевшего несомненные литературные

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живет в Минске.

способности. В письме были три стихотворных столбика и припев — текст поздравления по случаю моего юбилея казался ему песней. Этот незамысловатый припев тронул моё сердце. Помню строчку “Шепчут липы твои: “Приезжай, приезжай!””.

Липы моего детства... Как я мог забыть липовый чай, который спасал нас с дедом зимней порой, бодрил!

Выбрались мы с семьей на мою родину. Был месяц июль. Не отдохнув после долгой дороги, — всё-таки триста километров! — я быстро сел на велосипед и — туда, на родную улицу, к родным липам. Из четырёх осталось только две. То ли они стали меньше, то ли я подрос и мог теперь легко дотянуться до ветвей? Кое-где на веточках ещё можно было увидеть жёлтенькие, как крылья стрекозы, цветочки: мелкие, словно искусственные, они источали слабый аромат. Одна липа доживала свой век.

Подошёл ко мне директор Дома культуры, тепло поздоровался. Сказал, что в это дерево когда-то ударила молния. Сжечь не сожгла, но липа всё-таки заболела. Кора лопнула сверху донизу, удар огненной “гости” глубоко поразил ствол — трещина пробежала от верхушки до корней, потом какие-то оболтусы развели в этом “дупле” огонь, жгли сучья, пока их не прогна-ли. Так она и стоит с почерневшим “чревом”.

Я дотронулся до липы. Показалось, что дерево очень тёплое. А может, это моя рука от волнения стала тёплой? Подумалось, что не сто́ит ежечасно так сокрушаться: “Ах, Боже милостивый, как быстро и неотвратимо надвигается старость!” Всё вокруг тоже стареет. И липа детства — не исключение.

Директор Дома культуры прервал затянувшееся молчание:

— Хотели спилить городские службы. Я не позволил. Говорю, она ж, бедняга, ещё одной веткой цветёт. Живёт, слава Богу.

Я через силу похвалил его — перехватило дыхание, говорить не хотелось. Я стоял под старой липой, которую когда-то посадила моя мать.

ВЕТЛА

В нашем местечке, как, кстати, и в большинстве белорусских посёлков, небольшие кварталы имеют свои названия. Если человека спрашивают: “Где ты живёшь?” — он, как и его предки, отвечает, что не на улице Калинина, а “в Мельниках” или не на улице Пионерской, а “на Болоте”. На нашей Оселице после паводка всегда оставались две ямы, которые не высыхали даже жарким летом: яма возле хаты Киселя и яма около кузницы Герасима. Вокруг кузницы росли высоченые и могучие вётлы — двое мужчин вряд ли обхватили бы руками их шершавые стволы. Рядом, свесив свои “косы” прямо к покрытой светло-зелёной ряской воде, стояла ива, из её веточек мы весной делали свистульки.

В кузнице, конечно же, жарко, а вётлы отбрасывали слабенькую тень. Вот здесь мы и начинали постигать незамысловатую науку игры в карты.

Кроме Оселицы, таких могучих деревьев больше нигде не было. Буря налетает на наш городок редко, но вред приносит большой. Однажды июльский ураган повалил одну ветлу. Так она и осталась лежать. Никто — ни кузнец Герасим, ни его сосед, многолетний Степан Биржа — не рискнул распилить её на дрова.

— Как эту пивную бочку распилить? На кой черт столько сил гробить, — ворчали они. — С Припяти привезём лозы, будет чем зимой печь топить.

Долго то дерево лежало. Умер кузнец Герасим, умер и его сосед Степан. К запертой навсегда кузнице не было желания ходить и тем более сидеть на поваленном дереве. Какие-то незнакомые люди взяли себе участок земли, захотели строить на этом месте дом, забрали землю вместе с ямой, кузницей и вётлами. Привезли, чтобы засыпать яму, около ста самосвалов земли. Спилили вётлы и красавицу-иву. Стоит на месте кузницы посреди Оселицы

хороший дом, а над двумя окнами — две телевизионные тарелки-антенны. Старые вѣтлы, будившие детскую фантазию, манящие в чудесный мир красоты, остались только на картине, которую нарисовал мой друг-художник.

ЯСЕНЬ

Мы, подростки, долго не знали, что дерево, которое растёт около Казанской церкви (правильнее будет сказать Церковь Казанской Божией Матери) в центре местечка, называется ясенем. Во времена атеизма ученикам не рекомендовали посещать храм и верить в Бога. Родители нарушали назойливые рекомендации учителей и брали с собой детей, водили к причастию, учили молиться.

Я рос сиротой. Меня никто не брал с собой в церковь на большие праздники: Пасху, Рождество, Троицу, на престольный праздник иконы Божией Матери Казанской. Мы сами шли к церкви и сидели на лавке возле ясеня, о котором нам иногда рассказывал церковный староста, свояк моей бабушки. Говорил, что при строительстве церкви священник Юхневич и посадил дерево. Этот самый ясень. Двоюродная сестра моей мамы тѣтя Соня после войны оказалась в Польше, там вышла замуж и жила неподалёку от Ченстоховы. Деток ей Бог не дал. Писала нам письма. Даже после смерти моей мамы мы изредка получали от неё весточки в иноземных конвертах с разноцветными марками. И она обязательно спрашивала: “Как там соседи, как Казанская церковь, не закрыта ли? Жив ли ясень?”

— И что ей все неймётся? На что ей сдался этот ясень? Дерево как дерево, — недоумевала моя бабушка Настя.

Так сложились обстоятельства, что Соня вынуждена была оставить Польшу и вернуться в Городок, чтобы ухаживать за старой, почти ослепшей матерью. Тогда мы и встретились. Я привёз маленькую дочку, чтобы впервые показать ей местечко. Энергичная, подвижная, интеллигентная тѣтя Соня повсюду сопровождала нас: ходили к родичам, на речку, в чайную, в клуб, в библиотеку и, конечно, к церкви.

— Растёт, слава Богу, растёт! — радовалась тѣтя Соня на церковном дворе. — Это же мой ясень...

— Как? — удивился я.

— Мама моя, когда я родилась, а было это в 1920 году, вместе со священником, вечная им память, посадила этот самый ясень в мою честь. Так что, Жорочка, это наш ясень. Вот и считай: сколько мне лет, столько и ясеню.

Я сфотографировал тѣтю Соню на лавке под ясенем — она улыбается. Вот так я и узнал, что в жизни каждого человека — за редким исключением — случаются события, связанные именно с деревьями.

Теперь, когда приезжаю на родину, припоминаю, стоя в церкви, это сколько же лет могло бы быть тѣте Соне? Ага... восемьдесят шесть... И ясеню восемьдесят шесть. Так они, ровесники, на моём снимке и остались рядом: тѣтя Соня и церковный ясень.

СИРЕНЬ

Мой недоброжелатель и завистник, а их у меня хватает, прочитав название, ехидно заметит: “Это не белорусское слово, по-белорусски надо писать “бэз”. Это во-первых. А во-вторых, бэз не дерево, а куст”.

Не будем спорить. Никто у нас в местечке не говорил “бэз”, а только “сирень”. Может, это и куст... Цветок от изменения названия аромата своего не утратит.

Давно это было, лет пятьсот, считай, прошло, когда молодой жемайт Гаштольд во главе войска Великого Княжества Литовского гнал ворогов-татар до самого Давыд-Городка. Простые татарские ратники устали воевать и дали

зарок: если им сохраняют жизнь, никогда больше не поднимут они оружие против славян. С того времени и пошли на городокской земле смешанные браки. Татары привыкли к традициям полешуков, но ещё придерживались и своих обычаев. Были у них даже и особые, свои, татарские погосты, кладбища.

Вот через четыре с лишним столетия после тех событий пошли мы с одноклассниками на это татарское кладбище рвать сирень — на удивление красивой и душистой она была. А ещё очень хотелось нарвать той сирени и подарить девочке, в которую я был тайно влюблён. Все хлопцы гуляли с девочками, а я всё никак не мог подступиться к капризной, высокомерной однокласснице.

Бродить среди памятников и крестов было совсем не страшно. Правда, после смерти мамы я побаивался кладбища, и даже когда проходил мимо городского погоста, что напротив школы, отворачивался, чтобы не смотреть на могилы. Однако же любовь преодолевает все преграды. Чтобы дотянуться до высоких веток, приходилось вставать на могильные плиты, на которых ещё была видна арабская вязь. Вскоре, довольные собой, мы несли в руках большущие охапки.

Моя ненаглядная всё не выходила из хаты. Я битый час болтался на улице, но так её и не дождался. Принёс сирень домой. Бабушка спросила, где нарвал. Говорю, на татарском кладбище. Начала ворчать, выговаривать, но не злобно, а, как она умела, мягко-настойчиво:

— Вот балда, кто же с кладбища сирень в хату приносит, а? Что вы, нелюди, что ли? Грех. Вот придут ночью покойники, да и потребуют вернуть украденное.

Я внимательно слушал, не огрызался, но струхнул. И что вы думаете? Приснился мне сон: как будто один покойник подошёл к нашим окнам и потребовал, настойчиво стуча в стекло: “Отдай сирень, негодник!”

Утром я заволновался:

— Что делать с букетом?

— Отнеси в церковь и положи к какой-нибудь иконе, — посоветовала бабуля.

Так я и сделал. Эта украденная у мёртвых сирень не принесла мне счастья.

А ещё сирень росла на старом кладбище у Георгиевской церкви за речкой Сежкой — притоком Горыни. Однако же я, памятуя бабунины слова и сон, никогда больше не рвал сирень, чтобы не сделаться, как говорила бабушка, “нелюдом”.

ТОПОЛЬ

Высотой и толщиной ствола они не уступали вербам с Оселицы. Несколько тополей росло в парке напротив Казанской церкви и кинотеатра “Заря”. Они считались школьными, поскольку баскетбольная площадка старой школы упиралась в этот небольшой сквер-парк. Почему-то вспоминаются и другие тополя — старые люди называли их “осокорями”. Они росли на самой окраине городка по дороге к урочищу Хабищи, неподалёку от двухэтажного кирпичного дома для сотрудников межрайонной тракторной станции — МТС. И как будто охраняли покой, стояли на часах — видны были издали.

Со временем наш район ликвидировали и многих перевели в Столин. Как-то незаметно исчезла и МТС. Осиротел и белый дом возле тополей. Говорили, в пустые квартиры заселялись цыгане, которым нравилось наше местечко. Поэтому, видно, меня бабушка Настя строго предупредила, — она с опаской относилась к цыганам, — чтобы я, Господи спаси и сохрани, не ездил к этому дому, не верил их ворожбе.

У цыган такая натура: на одном месте долго не задерживаются. Отдали власти эти квартиры людям. Тополя живут сравнительно мало. На их месте ничего не посадили, деревья отстояли “вахту”, отслужили своё. Потом проложили кольцевую дорогу, и транспорт, минуя Городок, летит сразу к мосту и дальше на Столин.

Где теперь растёт самое высокое дерево, даже и не знаю. И когда грузины поют уже старую известную песню “Тополя, тополя”, всегда перед глазами всплывают и мои “осокори” на окраине городка.

ШЕЛКОВИЦА

Шелковица росла на знаменитом Ольшанском шляхе, у которого несколько раз менялось название: то был улицей Пилсудского, то Советской. Может, наконец, вернуться к Ольшанскому шляху.

От здания новой школы до шелковицы было метров сто. Сразу за ней — поле. С вершины дерева видна была деревня Высокое. В нашем городке на базаре продают малину, крыжовник, смородину, но никто никогда не продавал ягоды шелковицы.

— Покалишься весь, — говорят, — и руки чёрные, не отмыть, и язык весь чёрный. Дерево ничьё, бесхозное. Езжай, кто хочешь, и рви, ешь от пуза.

Поехали и мы с приятелем Ванькой. Говорили нам те, кто пробовал, что очень уж вкусная ягода. “Шчо було знизу, усэ позрывали”.

Залезли мы на дерево и давай рвать спелые ягоды. Вдруг услышали строгий голос колхозного бригадира — человек он был серьёзный:

— Кто вам, байстриюки, позволил рвать колхозные ягоды?

Мы остолбенели.

— Это не колхозная шелковица, а ничья, — нашёлся Ванька.

— Как не колхозная, если она растёт на колхозном поле! А ну, вон отсюда, чтоб и духу не было! — гаркнул он.

Мы испугались. В руках бригадир держал кнут. Я спрыгнул первым, Ванька — за мной. Он на дереве сидел выше меня, и хоть высота была не очень большая, но этого хватило, чтобы подвернуть ногу. Ступня болела. Приятель мой скорчился, заныл, схватился руками за ногу, пытался было идти... Но не смог — болела нога.

— Засранцы, чего полезли? — Бригадир был уже не рад, что прогнал нас. — Садись на воз, — велел он корешу и положил его велосипед на подводу.

Мы двинулись в город. Ванька охал всё реже. Я молча крутил педали своего велосипеда. С тех пор мы к шелковице не ездили. А ещё через два года покинули Городок навсегда. Не знаю, жива ли ещё та шелковица... А может, когда подросли внуки у того бригадира, он её и спилил, памятуя тот случай с нами. Всё может быть...

Но ягоды были очень вкусными. Может, потому, что ели мы их впервые в жизни...

ВЯЗ

Это было наше дерево. Правда, только наполовину — мы его делили с соседом по прозвищу Юрко. Хаты наши стояли близко одна к другой — между глухими стенами и двух метров не было.

Высокий вяз рос возле соседского крыльца, но ветви свисали над нашей хатой, крытой камышом.

— Сгниёт от этого вяза наша крыша, ой, сгниёт, — допекала бабушка деда.

— А что я сделаю? Вяз не наш, — уныло отвечал дед.

Они не любили это дерево, значит, его не любил и я.

У Юрко было два сына. Старший сразу после армии подался в столицу да там и остался, а младший был от рождения глухонемым и жил с родителями. Я долго боялся его, но потом привык — он был безобидным. Родители его не ругали, и он с ними не пререкался, не размахивал руками.

Нашёл он однажды возле райисполкома какой-то журнал с большим снимком поезда на развороте. И все мне показывал пальцем на этот снимок, пытаясь что-то сказать:

— Пу-пу-пу-у-у-у...

Я подсказал:

— Поезд. Фу-фу-тфу.

Он улыбался оттого, что я его понимаю.

Однажды немой исчез. Юрчиха жаловалась бабушке — украл из комода деньги. Я подумал тогда, что он отправился на станцию Горынь, что в сорока километрах от нашего Городка, чтобы своими глазами увидеть поезд. Ждали его неделю. Не вернулся. Обратились в милицию. Там пообещали организовать поиски. Может, действительно искали. Но время шло, незаметно бежали дни, месяцы, пролетел год, а потом и второй, а немой так и не вернулся.

— Может, убили где за эти гроши, что у родителей взял, — жалела беднягу моя бабушка.

И теперь мы, мальчишки, спокойно сидели на крыльце соседской хаты, не опасаясь, что вдруг появится немой. Здесь же, под навесом, прятались мы и от дождя.

Немой ещё до своего исчезновения видел, как наш сосед, мой крёстный, белил деревья в саду, и тоже побелил свой вяз. Ему не мешали.

— Бог не дал ему счастья, пусть хоть это будет ему в радость, — говорила Юрчиха, если начинали смеяться над этой затеей.

Через шестьдесят лет под окном моей минской квартиры вдруг вырос вяз. Чудо, да и только! Наверно, для того, чтобы я не забывал своего немого соседа, которому так хотелось покататься на настоящем поезде.

Эпизод. Вы спросите, почему я не вспомнил о других деревьях: вишне, груше, яблоне, абрикосе, дубе? Дубов в местечке не было. Сосны росли на старом кладбище возле Георгиевской церкви, да ещё вокруг больницы. А что касается яблонь и груш... Так ведь их же все знают и любят. У них привилегия — хороший хозяйский досмотр. Их бережёт человек, а мои деревья были, как говорится, ничейные, под опекой Бога, который один за всем следит и за всё радует. Иногда и от дерева может зависеть твоя судьба или какой-то поворот в судьбе. А сколько они приносят радости и вдохновения, одеваясь в свои зелёные одежды в мае и раскрашивая их в золотистые цвета в октябре!

Разве же это не чудо?

*Перевод с белорусского
Ирины Кочетковой*

СВЕТЛАНА ЕВСЕЕВА

ПЕТЬ О СЕБЕ —
НЕ О СЕБЕ ОДНОЙ

* * *

Как жить получше в оттепели тучной?
— Не надо в ней ни хапать, ни хамить.
В Литинституте я была обучена
Голодную Поэзию кормить.

Её не кормят жареной морокой,
И нация Поэзией жива,
Где на земле картофельно-морковной
В поля хлебов не вьелась трын-трава.

...Не слишком приближаясь к балаболам —
Их пруд пруди в любые времена, —
Ходила я то в чёрном, то в лиловом,
Бывало, некрасива и бедна.

В изношенных сапожках-скороходах
Не починить сапожникам балет?
— Подай мне, Боже, в лёгкую погоду,
В Седьмое Небо авиабилет!

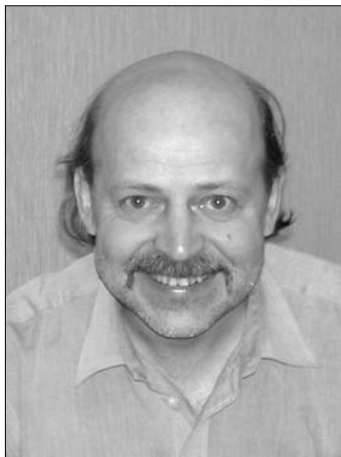
ЕВСЕЕВА Светлана Георгиевна родилась в 1932 году в Ташкенте в семье военно-служащего. Окончила литературный факультет Ташкентского педагогического института и Литинститут. Автор книг "Женщина под яблоней", "Евразия", "Последнее прощание" и др. Переводит стихи белорусских поэтов. Является членом СП СССР (1962). Живёт в Минске.

АЛЕКСАНДР РАТКЕВИЧ

ЗАПАХ ОСЕНИ

МЕЖЕНЬ

Я помню музу с малолетства,
когда она, смеясь, меня
без фамильярного кокетства,
без вдохновенного огня
учила вдумываться в слово,
держат перо и каждый крик
переиначивать сурово
и осторожно в тот же миг.

Я помню: августовским летом,
когда рекой владел межень,
когда мне был ещё неведом
метафорический кремь,
она меня взяла на руки
и в реку бросила: "Плыви
сквозь поэтические муки,
сквозь муки бранные любви".

РАТКЕВИЧ Александр — писатель, литературный критик, переводчик, издатель. Окончил Белорусский государственный университет (филологический факультет). Печатался в журналах "Российский колокол" (Москва), "Невский альманах" (Санкт-Петербург), "Журнал ПОэтов" (Москва), "Западная Двина" (Минск), "Южное сияние" (Одесса), "Novi Susreti" (Черногория), "Иные берега" (Финляндия), "Академия поэзии" (Москва), "Сторона родная" (Смоленск), "ЛитЭра" (Прага) и др. Автор одиннадцати книг. Стихи переведены на английский, чешский, черногорский, украинский, белорусский языки. Живёт в г. Полоцк.

Я помню вздрог, который губы
мои невероятно сжал,
и плоть воды нежнее шубы,
и брызг безумствующий шквал,
и музу в сумерках грядущих,
и, как в светящемся венце,
испуг в её глазах цветущих,
и состраданье на лице.

* * *

Запах осени печальный,
мудрость бренной старины —
всё слилось в исповедальный
звон сентябрьской тишины.

Что же смотришь ты тоскливо
на верхушки куполов,
словно хочешь молчаливо
стать подругой облаков?

Не спеши махать рукою
этим травам, той реке,
глянь, горит свечой какою
колокольня вдалеке.

Посмотри на ряд склонённых
тополей — им триста лет,
только в их глазах зелёных
и в помине грусти нет.

Видишь, даже листопадом
нам природа говорит,
что за каждым смутным взглядом
запах осени горит.

ТРОИЦА

Снег чувствителен и женствен,
в пелене ночных огней
необузданно-божествен
триединый бег коней.

Вера, что ли, в них клокочет?
Блещет избранная статья?
Или это время хочет
тайну бега обуздать?

Или в храме их сгорает
по бессмертию тоска?
Иль за звёздность звон карает
бубенцами у виска?

Не развеять, не умерить
своеволие трёх богов —
в них возможно только верить
без границ и берегов.

В мутно-лунных переливах
бел завьюженный простор,
серебрится в коньих грибах
снежно-вспененный костёр.

И сияет подвенечно
сквозь вселенское кольцо
триединое навечно
нашей Родины лицо.

ОСЕНЬ-ВЕСНА

Сентябрь нас балует хорошею погодой,
деньки — как спелые антоновки в саду.
И ты любишь волшебною природой
уже который раз в году.

А я смеюсь, шепчу: неужто всё смешалось?
Тропинка с озером, с антоновкой — луна,
а зрелость с юностью, что в памяти осталась,
и вместо осени — весна.

ЛЕОНИД БЕЖИН

ЖЕЛЕЗНЫЙ РОТ

РАССКАЗ

Здравствуй, дорогая Лиза, Сопливая Маргышка! Помнишь, я так тебя называл, потому что на даче, особенно ближе к осени, сентябрьским холодам (хотя ещё не заморозкам) ты вечно простужалась? Достаточно было сквозняка, гуляющего между двух открытых форточек, или утренней вылазки из тёплого, натопленного дома на выстуженную за ночь террасу, и ты уже поймала холод (дачное блаженное отупение допускало только такой русифицированный английский). Ты напяливала на себя две кофты: одну — на болтавшихся пальмовых пуговицах, а вторую — на застревавшей где-то посередине молнии, куталась в траченный молью пуховый платок цвета вываренной моркови, натягивала толстые шерстяные носки и обрезанные по щиколотку валенки. Ты сверху, через ворот рубашки, слегка оттянутый на сторону, засовывала под мышку термометр, при этом запрокидывая голову и кривя рот так податливо и брезгливо, словно парикмахер сбрасывал тебе бакенбарды. Ты что-то закапывала в нос из пипетки, на мой взгляд, совершенно бесполезное, но позволявшее тебе со страдальческой гордостью сказать: “Честно лечусь”.

И было жалко смотреть на твоё несчастное, милое, сморщенное личико, поскольку ты и кашляла, и чихала, и текло отовсюду: из носа и из глаз, и ты спрашивала, придирчиво глядя на себя в никелированный шарик кровати, заменявший тебе зеркало: “Как ты можешь любить такую мымру? Такую обезьяну?”

БЕЖИН Леонид Евгеньевич родился в 1949 году в Москве. Окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ и аспирантуру при нём. Прозаик, автор романов, повестей, рассказов. Лауреат нескольких литературных премий. В данное время является ректором Московского института журналистики и литературного творчества.

А я такую-то и любил, и готов был задохнуться от счастья, когда ловил тебя за шкафом, где ты пыталась по-детски спрятаться, приседая при этом на корточки и накрываясь ладонями, как домиком. Ловил, поднимал на руки, кружил и целовал. Ты же у меня на руках чувствовала себя весьма вольготно и держалась с повелительным высокомерием. Отдавала мне различные команды и указывала пальцем на предметы, которым следовало уделить *высочайшее* внимание: “Посмотрим, что у нас в этой шкапулке”, “Давненько мы не заглядывали за эту вазочку”. И не спешила соскользнуть на пол, поскольку пользовалась всеми правами маленькой женщины, уверяя при этом: “Да во мне весу-то... как у балерины Большого театра, так что держи, держи и не жалуйся”.

Я и не жаловался...

Ну, да хватит об этом, а то этак можно раскиснуть и удариться в сантименты, навеваемые воспоминаниями. Тем более что для женщины прошлого нет. Разлюбила, и стал ей чужой, по словам поэта, уж и не вспомню, какого именно, но, во всяком случае, хорошего, иначе бы он это не написал, а сочинил бы какую-нибудь мутоту, вроде: “Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне...” Тебя всегда особенно возмущало, что у любви отняли скамейку и луну. Однако это уже мелочи.

Позволь полюбопытствовать, как там твоя Брюссельская Капуста, твой толстячок бельгиец с апельсиновой лысиной, маленькими, похожими на пельмени ушами и треугольником волос под носом, заменяющим усы? Не обмочился, не наложил в штаны, когда начались эти ужасные теракты? Когда порохом-то запахло и полиция бестолково забегала, не зная, кого хватать и кому надевать на запястья браслеты в виде наручников?

Шучу, шучу, а то ощерись, как ангорская кошка, выгнешь спину и выпустишь острые коготки. Ты своих в обиду не дашь. За них глаза выпарапашь. Да и он у тебя только с виду трусоват, а так, разумеется, храбрец, смельчак и оригинал... Признаю.

Или, знаешь, есть ещё более подходящее словечко — фрик. Вот и он у тебя настоящий, законченный фрик. Может в своих полосатых подтяжках, с заправленной за ворот салфеткой, испачканной яичным желтком (он всегда немело протыкает ложкой сваренное всмятку яйцо), взять дедовское охотничье ружье и отправиться на защиту европейских ценностей. Ать-два. Ещё и пальнёт в какого-нибудь Синдбада-Морехода, так что у него слетит с головы чалма и на лбу останется глубокая, сочащаяся сукровицей царапина. Я твоего фрика-бельгийца за это готов обнять и расцеловать, причём без всякой ложной стыдливости, поскольку подобные проявления чувств между особями одного пола сейчас поощряются и приветствуются в объединённой Европе.

Я, видишь ли, вознамерился написать тебе длинное письмо. Написать, как в былые времена, когда мы ненадолго расставались. Скажем, ты отбывала в город N, под которым у нас всегда подразумевался Ленинград, и я заполнял убористым почерком ученические тетрадки — из эгоистических соображений, разумеется, единственно ради того, чтобы твоё внимание было занято исключительно мною. Тебе легко удавалось меня раскусить, и ты злилась на меня ужасно, но добросовестно дочитывала до конца, зная о моих изощрённых способностях проверки. Ведь когда ты возвращалась, я мог якобы ненароком спросить: “А как тебе мой пассаж на предпоследней странице?” И будь любезна ответить, иначе обижусь, надуюсь, нахмурюсь — уж это-то я умел. И придёт-ся меня раздувать, как самовар сапогом, чтобы я снова запыхал, заискрыл и во мне ожили погасшие угли...

Вот я и вознамерился, хотя город N — это уже не Ленинград и даже не Санкт-Петербург, а Брюссель, штаб-квартира Евросоюза, где *35 000 одних курьеров*, ха-ха-ха (горьким смехом моим посмеюся...). И я даже хочу постараться, чтобы у меня, как и прежде, в одной фразе не повторялись предлоги. У самого Николая Васильевича (фамилию впишешь сама) и то повторялись, а вот у меня не повторялись — такова моя прихоть. У тебя же это никогда не получалось, и ты смотрела на меня с восхищением.

И вот мне чертовски хочется напомнить тебе об этом письмом — невероятно длинным, как у твоего любимого Джерома Дэвида (фамилию

опять же не забудь вписать сама). У него одно письмо занимает добрую сотню страниц. Чтобы их чем-то заполнить, ему, бедняге, приходится подробно описывать всё, что с ним происходит во время писания (нет, я не критикую, хотя ты всегда считала, будто я из ревности придираюсь к твоим любимцам).

Вот и я, да будет тебе известно, сижу в старом рассохшемся кресле с подставкой для ног, широкими, обитыми истёртым бархатом подлокотниками и чем-то вроде навеса над головой, призванного защитить от палящего южного солнца. Некогда оно покоило усталые чресла кардинала Ватикана, которого даже хотели выбрать папой, и выбрали бы, если б он завербовал побольше сторонников и заручился поддержкой околоцерковной мафии. Но вот по слабоволию и христианскому смирению (на выборах оно может оказать плохую услугу) не завербовал и не заручился. И потерял голоса — его прокатили.

Не буду называть его имени, только скажу, что в последние годы перед своей праведной кончиной он часто навещался из Рима сюда, к себе на родину. И, уже больной, еле передвигавший ноги, сидел на балконе в этом кресле. При этом перебирал кипарисовые чётки, гладил комнатную собачку, вскакивавшую ему на колени, и ради забавы обучал дрессированного попугая разным бранным, скабрёзным, глумливым словечкам в адрес своих врагов из окружения вновь избранного папы. Кардинал находил в этом маленькое удовольствие, из чего следует, что христианского смирения у него поубавилось. Но он надеялся, что сей грех ему простится.

После кончины кардинала его полуслепая, полуистлевшая, истончившаяся до прозрачности, но сохранившая здравый рассудок мать продала за бесценок это кресло, чтобы оно не напоминало ей о том, что она пережила собственного сына. Новые хозяева недолго держали его у себя и тоже продали, благо нашлась несчастная, согласившаяся уплатить несколько монет за эту рухлядь. Этой несчастной оказалась моя будущая жена, набожная католичка, ревностная почитательница глумливого кардинала, готовая целовать землю, по которой он ступал.

Так это кресло попало ко мне.

Я вызвал столяра, чтобы его надёжно склеить, укрепить и обновить, и вот теперь оно покоит мои чресла, заставляя задумываться о судьбах вещей, не менее удивительных, чем судьбы людей. Это, конечно, банальность (уж ты прости), но у меня слишком много поводов, чтобы не пренебрегать ею. Достаточно вспомнить нашу мебель, спроектированную, по твоим словам, великим Щусевым (по какой-то причудливой прихоти все свершения в области архитектуры ты приписывала ему). Когда-то мы привезли её на дачу из проданной квартиры в высотном доме, и она нам ещё послужила, хотя задумывалась и проектировалась не для дачного интерьера, а для того земного рая, каким должны были стать послевоенные высотные дома. На даче ей было не место: она портилась, ветшала, подгнивала, подточенная червячком. И я её всё-таки продал. И знаешь, кому? Тому самому огнисторыжему, скуластому мальчику, приёмному сыну наших соседей по даче, которого родители приводили с собой к нам, пока его сестра занималась на скришке. Однако хватит об этом.

Я восседаю в своём кардинальском кресле у открытого окна с потускневшими медными шпингалетами времён Муссолини, поднятыми жалюзи, шелестящими от лёгкого ветерка, порхающей между рамами бабочкой (недолго ей осталось порхать) и нацарапанными на подоконнике строчками церковных гимнов. Эти гимны жена поёт по утрам, едва пробудившись и расчесав деревянным гребнем (изделие нашего соседа) спутанные волосы, — поёт дрожащим, надтреснутым голосом и вот-вот сорвётся на фальцет. Или голос совсем пропадёт, поскольку за ночь у неё пересыхает во рту, но она привыкла не пить по утрам, чтобы можно было причаститься. Слушать её невыносимо. Я затыкаю ватой уши, страдальчески вздыхаю, но терплю.

Терплю, поскольку она меня когда-то подобрала и спасла, как того самаритянина, ведь я, православный, и впрямь для неё самаритянин, а вот поди ж ты... Из благодарности я на ней женился, и у нас родились дети, очаровательная белокурая девочка и милые мальчуганы, ни слова не знающие

по-русски. Зато я говорю на языке Данте, как на родном. Родной же катастрофически забываю, почему и пишу тебе это письмо: борюсь, сопротивляюсь, тренирую ленивую память.

Окно открыто, поскольку осень у нас на редкость тёплая (холода наступают внезапно — вместе с наплывающими с гор туманами). Виноград вызрел до золотистого, рдяного, багряного цвета, леса на горных склонах пожелтели, дороги высохли и стали пористыми, как пемза. Сезон охоты ещё не закрылся, и в горах голубеют дымки от выстрелов (слава Богу, не было лесных пожаров, а то ведь случается, что выгорает по сотне гектаров).

Окно выходит во дворик католического собора, где настоятель держит свой старый, проржавевший автомобиль (некуда больше поставить), и по воскресеньям устраивают дискотеки для привлечения праздной молодёжи. В соборе мои жена и дети усердно молятся. У нас тоже боятся взрывов, и жена просит Бога сохранить и уберечь детей, да и меня, грешного.

Сам я на службу не хожу — ни на государственную, ни на церковную. Православного храма поблизости нет, надо ехать за сто вёрст, а менять веру на католическую я не спешу. Зачем? Может быть, они, католики, ещё поменяют свою на мусульманскую (к этому всё идёт), и мне придётся кричать с ними: “Аллах акбар!”

У меня же и без того хватает развлечений, и среди них есть одно на редкость трогательное, благородное и сентиментальное. Нет, я не учу попугая скабрёзным словечкам (да у нас его и нет), но в местной лавчонке мне уже давно улыбается молоденькая продавщица, беженка из Сербии, гладко причёсанная, с дырами на джинсах и хвостиком волос, стянутых чем-то вроде аптечной резинки: видно, что из бедных. Однажды я не захотел брать у неё сдачу и пошутил: “Это вам на свадебное платье”. Она была так тронута, что чуть не расплакалась. С тех пор мы собираем с ней и на платье, и на фату, и на аренду свадебного лимузина, и на гонорар фотографу, и накопилась уже вполне приличная сумма. Этак, глядишь, и впрямь выдам её замуж...

Сейчас я ненадолго прервусь, поскольку мои возвратились из церкви и надо их встретить, расспросить, как они молились, взять на руки и поцеловать детей, помочь жене раздеться (у неё недавно случился паралич левой руки). Так... всё в порядке. Продолжаю, если ты способна разобрать мои каракули и тебя ещё не сморил сон.

Ты помнишь семьдесят девятый год и нашу старую дачу с замшелым валуном перед крыльцом, разохшимся, скрипучим полом, стеклянными подвесками люстры и яблочной падалицей на подоконнике террасы? Ты её собирала, чтобы дозрела, она же только морщилась и чернела, и приходилось её выбрасывать, но не обратно под яблоню, а в *компот*, как произносила дочь наших соседей Маруся не слишком понятное ей слово *компост*, под которым разумелась огромная куча всего вянущего, тлеющего и гниющего, накрытого толем и кровельным железом. Рядом же стояло помятое сбоку ведро с брезентовой рукавицей, охватывающей ручку: в нём мы этот *компот* для удобрения разносили по грядам (кстати, при Марусе нельзя было произнести слово *ведро*, поскольку она тотчас исправляла его на *ведро*).

Под крыльцом у нас фукали ёжики. Мы выставляли для них блюдце с молоком, подзывая их всякими способами (главным образом, постукиванием камушком по блюдцу), пока его не ухитрялась вылакать своим малиновым языком соседская кошка.

А какие были зарницы в то лето! На полнеба, багряные, с каким-то жутковатым свинцовым отливом! Ты их очень боялась и зачем-то зажимала уши, а я говорил: “Ты глаза закрывай. Грома-то нет”. И ты отвечала на это: “Лучше бы с громом”.

И сколько было грибов в лесу, справа и слева от дороги. Впрочем, правую сторону мы считали более грибной, чем левую, слишком заросшую травой, устланную опавшими ёлочными иглами, заболоченную, заваленную полусгнившими деревьями, — словом, непроходимую и дремучую. К тому же там водились то ли ужи, то ли гадюки — без высоких резиновых сапог не пройдёшь. Зато на болотных кочках краснели шляпками подосиновики

с пористым исподом и крапчатыми ножками, и опять попадалось прорва — все пни были облеплены.

Правая же сторона — дубовые рощи, березняки, орешники — царство белых. Правда, белые иной раз оказывались ложные. Но и они так тебе нравились, что ты брала их в корзину, и мне приходилось незаметно выбрасывать, после чего ты, обнаружив пропажу, скулила и жаловалась: “Изверг! Ну, как ты мог! Никогда тебе не прощу”. И всё-таки прощала...

Уж мы и жарили, и солили, и сушили, хотя подосиновики для сушки-то не очень, но зато белые, аккуратно порезанные и нанизанные на нитку — роскошь, благоухание.

Приходилось изредка соприкасаться с цивилизацией — наведываться в местный магазин. Вернее, у нас было два магазина. Один мы называли “*На станции*”, поскольку он располагался за железнодорожным мостом, неподалёку от дачной платформы, и в нём можно было купить всего, даже подсолнечного масла (сливочное мигом сметали), гречки и замороженного доисторического мамонта, которого почему-то выдавали за корову или поросятка. Другой магазин находился подальше — *на ферме*, как мы говорили, хотя никакой фермы там не было: магазин как магазин. Правда, с одной особенностью. Он торговал только хлебом. Не чёрным, не белым, а особым, подмосковной выпечки — серым. Но зато всегда мягким (не успевал черстветь: раскупали) и, надо признать, отменно вкусным. Особенно если отломить горбушку, намазать маслом и посыпать сахарным песком: такая же дачная замена пирожному, как когда-то в детстве глазированный сырок — мороженому...

А помнишь наше дачное кино? Его крутили по субботам и воскресеньям, хотя иногда и в будни, если на них приходились праздники, всё равно оставившиеся буднями, поскольку по этому случаю лишь вывешивали флаг, вылинявший и поблекший от дождей. Даже водку не всегда завозили, чтобы не было очередей. Всё прочее происходило там, в Москве. Праздника из Москвы на Подмоскowie уже не хватало, поэтому и показывали кино, чтобы как-то сгладить и скрасить...

Афишу, написанную от руки, вывешивали на фонарном столбе, рядом с магазином, и сеансов было два — в семь и в девять. Мы, как и все добропорядочные дачники, всегда ходили на семь, поскольку девятичасовой сеанс облюбовала местная шпана или хулиганьё, как их у нас называли, хотя я не уверен, что они дотягивали до настоящего хулиганья. Во всяком случае, ножей с собой они не носили — только рогатки. Они позволяли себе лишь свистнуть в два пальца во время сеанса, заготовать при сценах с поцелуями и закурить самодельную папиросу, набитую наполовину табаком, наполовину — истолченными дубовыми листьями или желудями. Словом, были они скорее позёры, чем хулиганы и шпана, хотя могли и пристать, но если им ответить на их языке («Отвали!»), то сразу и отставали.

Когда кино привозили в особых круглых коробках, открывалось (заслонка отпадала вовнутрь) окошечко кассы, и продавали билеты — синие, с написанными карандашом номерами ряда и места. В первых рядах сидела малышня с родителями, причём дети даже не садились, чтобы никому не заслонять экран, а жались по стенкам. Во время экранных поцелуев мамы ладонями закрывали малышне глаза, иные же из детишек сами честно зажимуривались, хотя ухитрялись одним глазом подглядывать.

Повторяю, всё это происходило в первых рядах. Мы же, люди солидные, брали восьмой или девятый.

Фильмы были либо старые советские, либо индийские, но на даче других и не требовалось. Странно было бы крутить Феллини или Антониони, а вот “Чапаева” или “Бродягу” — пожалуйста, в самый раз.

И ты помнишь, конечно, наших соседей по даче — правых, левых и задних, как мы их называли, причём для задних имелось ещё одно название — Болото или Болотная площадь, которая через много лет прославилась тем, что там собиралась оппозиция. Мы этого, конечно, предвидеть не могли, да и вообще прозвища наших соседей никак не были связаны с их идейными взглядами и никоим образом не указывали на принадлежность к тем или иным течениям. Нет, правизна означала правую сторону нашего участка, а левизна —

левую. Соответственно, и задних мы так именовали не за их отсталость и косность, а за местонахождение там, на самых задах, где у нас плесневело болотце. И, как мы ни пытались его осушить, откачать насосом ржавую воду, засыпать торфом и посадить хотя бы картошку, ничего не получалось. Сквозь торфяную насыпь всё равно булькало, под ногами чавкало и чмокало, гряды размывало, и посаженная картошка шла на ужин болотной кикиморе.

“Господи, о чём он пишет!” — наверное, думаешь ты, читая эти строки. Я пишу о нашей любви, дававшей всему имена, как Адам — творениям Божиим. А посему разреши мне продолжить...

Правых соседей отделял от нас отчасти полусгнивший, трухлявый забор, отчасти — ряды малины с протянутой вдоль них — поверху и понизу — алюминиевой проволокой. Малину соседи у нас подворывали, причём срывали самые вызревшие, спелые ягоды (ты часто это замечала, но была выше того, чтобы их уличать, и иногда даже сама угощала, чтобы им не приходилось себя особо утруждать). Мы их прозвали Балконские, поскольку у них вся дача была облеплена балконами и балкончиками, находившимися на разной высоте, застеклёнными и не застеклёнными, а лишь накрытыми шиферными навесами с волнистыми бороздками, тронутыми мхом, усыпанными желудами и сосновыми иглами.

По левую же сторону от нас обитали Лонгшезы (это, разумеется, тоже прозвище), странное семейство, состоявшее из мужа, жены и облысевшей старухи с малиновым теменем, молчаливых, замкнутых и диковатых, обычно выбиравших для отдыха ту сторону дачного участка, где не было солнца. Там, в тени дома, они вешали между елей гамак и туда выносили шезлонги, которые называли почему-то лонгшезами. Это слово им невероятно нравилось, и они произносили его намеренно громко, чтобы слышали на соседних дачах: “Куда ты убрала вчера новый лонгшез?”, “Подвинь, пожалуйста, мой лонгшез чуть правее”, “Не оставляй в лонгшезе свои очки. Я их чуть не раздавил, когда сел”.

А вот по задней, заболоченной границе участка, там, где забора совсем не было (только прохудившаяся и прорвавшаяся проволочная сетка), мы соседствовали с семейством коменданта высотного дома на Котельнической набережной. Ты прозвала его Два Васнецовых, на что был особый повод. Комендантскую службу он доблестно нес с середины тридцатых до начала сороковых, пока не грянула война и его не послали на фронт. Звали нашего соседа несколько странно для коменданта: Аполлинарий Викторович (да и сам он был человек странноватый). Сию причуду учинил с ним отец: названный по имени одного из Васнецовых, он дал своему сыну имя в честь другого Васнецова. Таким образом, тот соединил в себе двух Васнецовых — Виктора и Аполлинария.

Казалось бы, это должно было пробудить в сыне страсть к искусству, подвигнуть его на свершения в области живописи. Но художником наш Аполлинарий Викторович не стал. Хотя как комендант высотного дома знал (по его собственному выражению, знал) многих живописцев, архитекторов, артистов, писателей, академиков из числа там живших, как чудом избежавших ареста, так и в конце тридцатых благополучно арестованных. Арестованных и осуждённых *в силу государственной необходимости*, как он говорил, их не осуждая и даже им сочувствуя, но государственную необходимость всё же ставя гораздо выше.

Аполлинарий Викторович охотно рассказывал, как его подопечные наслаждались жизнью до ареста, принимали гостей, заводили граммофон с раструбом и шипящей иглой, веселились, танцевали, чудили, озорничали, балагурили, актёрствовали, но при этом непременно поднимали первый бокал за вожда, а второй — за партию. Рассказывал, с какими просьбами и жалобами к нему обращались и как их по ночам тихонько брали (ему приходилось при этом присутствовать), хотя эти рассказы не были главным его увлечением. Больше всего он любил порассуждать об *архитектуре*, архитектурой же считал лишь павильоны ВДНХ, станции метро, аллеи ВЦПКиО имени Горького и, разумеется, сталинские высотки, каждая из которых, по его мнению, была памятником Вождю.

Нас он однажды спросил, подводя со своей стороны насос, чтобы помочь осушить болотце:

— А вы где изволите обитать?

Мы ответили, что как раз в одной из высоток и обитаем, только не на Котельнической набережной, а на площади Восстания, бывшей Кудринской.

Услышав это, он просиял.

— Так вы же живёте в раю!

Нам это было приятно услышать, но всё же мы сочли уместным немного поскромничать, отказаться от такой чести:

— Ну, какой там особенный рай...

Он даже руками замахал, словно ничего неуместнее и нелепее нашей скромности не мог себе и представить.

— Да как вы!.. Как вы можете! Вам выпало такое счастье, о каком другие не смеют и мечтать. Я вам так скажу: вы — избранные, начаток Царства Небесного. Я Библию-то читал и сведения о ней имею. Поэтому скажу и повторю не раз: вас избрали как делегатов в Царство Небесное. У вас есть всё, абсолютно всё. Ваш дом — символ изобилия. Вы получили не только квартиру, но и всё необходимое для счастливой жизни, включая даже мебель. Даже столы, диваны, кресла вам предоставили. Вот она, истинная архитектура!

Мы не знали, что на это ответить: не решались ему возразить и в то же время не могли с ним согласиться и поэтому одновременно и кивали головой, и пожимали плечами, словно возражение было согласием, а согласие — возражением.

Он же, вдохновлённый нашим вниманием, стал увлечённо рассуждать, что Москва недаром стоит на семи холмах, что каждым своим холмом она уподоблена раю, что архитекторы во главе с самим великим Щусевым, мистиком и тайнозрителем (рудознатцем), специально проектировали мебель для высотных домов, чтобы уподобить их Царству Небесному.

В конце концов, мы почувствовали, что возразить ему ничем не можем и что наше изнеможение от всего услышанного (изнеможение, близкое обмороку) означает безоговорочное согласие. Иными словами, мы выбросили белый флаг. С этих пор он проникся к нам особым подобострастным почтением, как к небожителям, обитателям рая. И они с женой стали часто у нас бывать.

Жену Аполлинария Викторовича звали под стать ему — Лаурой Францевной. Тебя всегда смешило это имя, и ты говорила: “Если бы её отца звали не Франц, а Франческо или хотя бы Франциск, то в ней Петрарка сочетался бы желанным браком со своей возлюбленной”. Однако ты считала, что имя — так же, как и внешность, — не может быть предметом насмешки, и поэтому с подчеркнутым уважением, даже отчасти пиететом выговаривала: “Здравствуйте, Лаура Францевна”, “Как вы себя чувствуете, Лаура Францевна?”, “Лаура Францевна, вам взять на ферме хлеба?” На последний вопрос Петрарка и его возлюбленная отвечали милостивым согласием: “Возьмите, милочка, если вас не затруднит”.

Лаура Францевна была маникюршей и мозольным оператором в том самом доме на Котельнической, где когда-то служил её муж (умела сохранять клиентуру). Стареющие львицы высотки доверяли ей даже самые любимые мозоли, поскольку она их так искусно срезала, как великий Петрарка слагал свои сонеты. При этом она умела поддерживать разговор об астрологии, гороскопах, мумии и прочих предметах, что создавало ей репутацию светски образованной дамы, которой можно доверять свои секреты.

И доверяли, ещё как доверяли! Лаура Францевна была носителем секретов всей высотки и — что греха таить! — делилась ими с соответствующими инстанциями (а как не поделиться!). Нам она на это усиленно намекала, да мы и сами догадывались...

Кроме того, пользуясь благосклонностью высоких инстанций, она развернула бурную предпринимательскую деятельность: на заказ вышивала салфетки под слоников и фарфоровых балеринок, вытягивающих ножку, а также вязала кофты, свитера, кардиганы и дорожки, накрывавшие клавиатуру

громоздких, чёрных, чудовищных по звучанию отечественных пианино (впрочем, попадались и трофейные немецкие). Немного шила, вернее, ушивала и подшивала платья, горжетки, кардиганы, которые сама же приносила на продажу в большом, перетянутом ремнями бауле.

Их приёмная дочь Маруся училась играть на скрипке при полном отсутствии способностей и поэтому немилосердно пилила, особенно с утра, и им приходилось спасаться у нас. Хотя они, конечно, не подавали вида, что спа­саются, а навещали нас будто бы по-соседски, наносили светские визиты. Если мы при этом завтракали, то, конечно, приглашали их к столу, на что они охотно соглашались, хотя и не с первого раза: приличия есть приличия, и от первого приглашения они томно и меланхолично отказывались.

Но, в конце концов, всё же соглашались, быстро осваивались за столом, а потом и вовсе забывали, кто — хозяева и кто — гости. Во всяком случае, распоряжались всем по-хозяйски. И Аполлинарий Викторович говорил жене: “Попробуй творожок, очень полезный”, — и сам жадно опустошал тарелку (даже крошки сметал в ладонь и отправлял в рот). Или пододвигал к жене блюдо со сливами: “Выбери покрупнее. Надеюсь, они мытые”.

Ещё он говорил, обращаясь к ней так, словно его приглашение относилось также и к нам: “Я выписал свои недостатки на отдельном листочке и пронумеровал. Вот послушай...” Доставал листочек и начинал зачитывать список своих недостатков. На слове *неврастения* Лаура Францевна прерывала его: “Это не недостаток, а болезнь. К тому же я сомневаюсь, что ты ей подвержен, хотя иногда ты бываешь невыносим. Впрочем, как и я”. Она улыбалась нам так, словно её самокритичность как гостя была проявлением любезности по отношению к хозяевам. Он тоже улыбался, будто её любезность распространялась и на него, но всё-таки не соглашался с тем, что его неврастения — это болезнь: “Нет, дорогая, в той мере, в какой я способен её контролировать, это всё-таки недостаток”.

Однажды Аполлинарий Викторович с торжествующей доверительностью нам сообщил, что они давно хотели взять из детского дома мальчика, присматривались, выбирали и вот, наконец, выбрали, хотя, может быть, и не до конца уверены в собственном выборе. Но всё-таки выбрали же, выбрали, и это главное — прочь все сомнения. Если почувствуют, что ошиблись, мальчика можно будет вернуть: такая договорённость с детдомом есть. Мальчик, по-видимому, сложный, с характером, волчонок — может и уку­сить! — из тех, кого называют дворовыми или уличными. Но чем-то им понравился, потрафил (словцо Аполлинария Викторовича), приглянулся. В обиду себя не даст, нюни распускать не станет. И к ним постепенно привыкнет. Главное, чтобы не обворовал и не сбежал, ха-ха.

Это, разумеется, шутка. Он тоже к ним потянулся, хотя других (его уже не раз пытались усыновить) признать за родителей наотрез отказывался. Да и фамилия у них совпадает: они Казначеевы, и он Казначеев. Словом, решено. Документы на него уже оформлены. Дня через три можно забирать. Со своей сестрой Марусей он уже знаком (Казначеевы брали её с собой в детдом). Привезут на дачу и тогда познакомят с нами. Непременно познакомят, почтут за честь, так сказать. Им важно будет узнать наше драгоценное мнение.

Мы их, конечно, поздравили и пообещали поделиться своим мнением, хотя заранее были уверены (вежливая предубеждённость), что мальчик нам понравится. Ты им даже преподнесла букет гладиолусов с клумбы перед нашей террасой (у них даже самих цветы то ли не росли, то ли они их не сажали).

Всю неделю они готовились, что-то устраивали, передвигали, сушили на солнце подушки, старой теннисной ракеткой (Лаура Францевна когда-то училась, и у неё была хорошая подача) выбивали пыль из матраса и мыли полы. С террасы на крыльцо текли мутные ручейки воды, и Аполлинарий Викторович, согнувшись и расставив ноги, шарил тряпкой под шкафами и буфетами...

В назначенный день привезённого из Москвы мальчика сразу привели к нам знакомиться. Он оказался Богданом и вовсе не волчонком, а, наоборот, аккуратным, чистеньким, выглаженным, причёсанным на прямой пробор,

красивым голубоглазым четырнадцатилетним мальчиком. Портили его только вставные железные зубы, вынуждавшие держать рот приоткрытым, поскольку они были изготовлены явно не по мерке (ты тогда читала “Сон в красном тереме”, и поэтому мы прозвали его Железный Рот). И почему-то правую руку он держал постоянно в кармане, отчего одно плечо было опущено, а другое, наоборот, приподнято. Заметив это, Лаура Францевна сказала:

— Дорогой, пожалуйста... — Она сочла, что этого намёка достаточно и не стала ничего добавлять, ожидая, что Богдан и так выполнит её просьбу.

Но тот посмотрел на неё вопросительно и удивлённо, словно не понимал, о чём она просила.

— Пожалуйста, вынь руку из кармана, а то ты весь искривился. К тому же наши милые соседи могут подумать, что ты у нас плохо воспитан.

Богдан вынул руку и тотчас снова засунул её в карман.

— Что у тебя там? Покажи, — уже не попросила, а раздражённо потребовала Лаура Францевна, улыбаясь в нашу сторону и этим показывая, что её раздражение к нам не относится.

— Ничего.

— Как это ничего, если ты отказываешься вынуть руку? Покажи или я выверну тебе карманы.

— Выворачивайте.

Он так спокойно и равнодушно принял её угрозу, что Лауре Францевне после небольшой смущённой заминки пришлось отступить.

— Разумеется, я не буду этим заниматься, но ты должен показать. В конце концов, я настаиваю.

Он безразлично пожал плечами и достал из кармана что-то, зажатое в кулаке.

— Что это? — Лаура Францевна брезгливо отшатнулась. — Разожми и покажи.

В полном соответствии с её словами он разжал и показал.

— Что это, я спрашиваю?

— Свинчатка.

— Зачем она тебе?

— А если меня будут бить?..

Лаура Францевна была настолько поражена услышанным, что словно бы задохнулась от удивления и сострадания.

— Милый мальчик! Кто тебя будет бить! Здесь у тебя нет врагов, тебе ничто не угрожает. Ты у себя дома. Ты теперь наш сын. Ты носишь нашу фамилию. Умоляю тебя, выброси сейчас же эту гадость.

— А лучше отдай её нам, — попросила ты, протягивая руку за свинчаткой так, как её протягивают для рукопожатия, и словно обещая со своей стороны самую искреннюю дружбу, если с его стороны почувствуешь хотя бы чуть-чуть доверия.

Но Богдан не отдал свинчатку в чужие руки, а словно бы выронил её, чтобы она упала здесь же, неподалёку. Тогда Аполлинаруй Викторович нагнулся, взял свинчатку в руки и зашвырнул подальше — за кусты смородины, где она звякнула о забытую там лейку.

— Ну, вот и хорошо. Не будем об этом вспоминать. Познакомься с нашими соседями. Скажи им, как тебя зовут...

— Богдан Казначеев... — Он беспокойно поглядывал в сторону, стараясь запомнить место, куда улетела свинчатка.

— Так и договоримся, что теперь ты не наш однофамилец, а с полным правом носишь нашу фамилию. И меня можешь называть мамой, а Аполлинаруй Викторовича... — Она поймала себя на том, что выдаёт слишком много авансов. — Впрочем, не сразу. Когда немного привыкнешь. И вообще тебя здесь ни к чему не принуждают. Теперь попрощайся с соседями, и я покажу тебе твою комнату.

Он кивнул нам на прощание и, пока его уводили, постоянно оглядываясь, стараясь не потерять из виду место, куда улетела свинчатка. Ты дружески махнула ему рукой, но на тебя он даже не посмотрел.

Лишь только с заднего участка доносились знакомые пиликанья (скрипичные гаммы), ты замирала, со значением подняв измазанный смородиновой мякотью палец, словно тебе удалось запеленговать позывные неприятеля. Затем выставленными перед собой ладонями делала мне знак, убеждающий не сомневаться, что за этим последует обычное продолжение, и с весёленькой обреченностью говорила: “Ну вот, сейчас пожалуют”.

Действительно, неприятель строевым шагом выдвигался в приграничный район. Казначеевы отгибали проволочную сетку, осторожно и боязливо протискивались между сеткой и берёзовым колышком, к которому она была прибита, и, широко ступая по болотным кочкам, пробирались на нашу территорию.

Пробирались, чтобы отбыть у нас положенный срок, пока Маруся занималась, и, конечно же, не отказывались от приглашения позавтракать с нами, хотя ради приличия, как всегда, изображали невинность, разыгрывали смущение и нерешительность: “Да уж мы тут на скамеечке... немного посидим. А вы завтракайте и не обращайтесь внимания”. Однако долго их упрашивать не приходилось, и они садились за стол, и всё повторялось в обычной последовательности: они угощали друг друга творогом, а затем Аполлинаруй Викторович зачитывал очередной список своих недостатков.

Но этому уже не придавалось прежнего значения, поскольку по их поведению чувствовалось, что они только и ждали от нас вопроса, а как там их мальчик. И когда вопрос задавался мною или тобой (почему-то мы следили за тем, чтобы меж нами соблюдалась строгая очередность), они принимались наперебой рассказывать, как у них всё мило, чудесно, замечательно, лучшего и желать нельзя. Богдан учтив, послушен, услужлив, исполнительен. Что попросишь — сделает, пошлешь — принесёт. И ни слова поперёк, никаких ломаний и капризов. Правда, рот его портят варварски вставленные передние зубы, некогда выбитые в драке, но со временем их можно будет заменить на новые...

С Марусей у них прекрасные отношения, полное взаимопонимание. Он следит, чтобы она не забывала по утрам причесываться, надевать золотой крестик (а не оставляла его где попало) и постоянно носила корсет для выпрямления позвоночника. По утрам он остаётся её слушать и запрещает выходить из комнаты, пока Маруся не отыграет всех гамм (поэтому и не приходит с нами завтракать).

Но постепенно, рассказывая об этом, Лаура Францевна стала часто замолкать и задумываться, словно что-то её беспокоило и тревожило, — разумеется, без всякой на то причины (была бы причина — не стоило бы и тревожиться). Она пыталась овладеть собой и по-прежнему улыбаться, но не могла усидеть на месте. Привставала и теребила на груди платье, словно ей было душно и что-то мешало дышать.

— Нет, я пойду и взгляну...

— Сиди спокойно. Не суетись, — останавливал её Аполлинаруй Викторович, всем своим видом наглядно демонстрируя, что сам он сидит и не суетится.

— Нет, я должна посмотреть, чем он там занимается...

— Господи, чем он может заниматься!

— Нет, я должна. Это не прихоть, а необходимость.

— Ты им только помешаешь. Разрушишь, так сказать, идиллию. — Округлыми жестами он изображал в воздухе нечто, символизирующее идиллию.

— Что-то мне не нравится эта идиллия. — Она повторила его жесты, не скрывая своё пренебрежение и к ним, и к тому, что за ними скрывалось. — Скажу, что похолодало и мне надо взять кофту.

— Если тебе нужна кофта, я сейчас принесу. — Он с готовностью встал и вопросительно посмотрел на неё.

— Да не нужна мне твоя дурацкая кофта. Я хочу взглянуть.

— Ты же слышишь, что она играет.

— Это значит: *в лесу раздавался топор дровосека*.

— При чём здесь дровосек? Маруся играет, а он сидит рядом с часами в руке.

— Я отнюдь не уверена. — Она разгладила на коленях платье и с вызовом обратила к нему лицо.

— В чём? — спросил он и постарался исправить впечатление от своего глуповатого вопроса умным выражением лица.

— В том, что всё именно так, как ты рисуешь. Ты у нас известный рисовальщик.

— А ты у нас зато прекрасно лепишь. Лепишь какую-то чепуху. Ерунду.

— Спасибо, дорогой. Вот я и заслужила на старости лет... Ты, как всегда, любезен.

— Не стоит благодарности...

Так они долго препирались и обменивались колкостями. Наконец, Лаура Францевна соглашалась проявить благоразумие, но с одним условием: пусть кого-то делегируют вместо неё. Посылали меня. Вернее, я сам вызывался разведать и доложить обстановку на их участке. Лаура Францевна одаривала меня исполненным томной благодарности взглядом. Минут через десять я благополучно возвращался и сообщал, что у них всё в порядке, Маруся занимается, и из окон слышатся божественные звуки.

— А Богдан там? Рядом с ней? — спрашивала Лаура Францевна так, словно только ответ на этот вопрос позволял сделать вывод, выполнил ли я возложенное на меня ответственное поручение.

— А где ж ему быть! — Аполлинарий Викторович опережал меня с ответом, вся значимость которого заключалась в том, что он был известен ему заранее.

На следующий день, как ты помнишь, нас неожиданно посетил Богдан.

Он появился неслышно и незаметно: просто неожиданно возник на пороге террасы, готовый так же незаметно и неслышно исчезнуть, если окажется, что он не вовремя, кому-то помешал, вызвал неловкость, создал неудобство и проч., и проч. Ты на другой стороне дома, под окнами, собирала в ведёрко крыжовник, хотя он ещё был наполовину зелёный и кислый. Но ты собирала для компотов и варенья и поэтому не придавала особого значения тому, созрел он или нет. Я сидел за столом, перед самоваром и допивал чай с прошлогодним вареньем, засахарившимся в горлышке банки до твёрдой корки. Корку эту приходилось пробивать, взламывать, продавливать, а затем просовывать в неё ложку, чтобы зачерпнуть варенья.

— Вы живёте в высотном доме? — спросил Богдан, постояв некоторое время, после чего, как он считал, можно было не здороваться, не докладывать о своём прибытии и не размениваться на прочую ненужную чепуху. — Там у вас правда рай?

Я помолчал немного, что освобождало меня от столь же обязательного, сколь и ненужного соблюдения приличий, приветствий и расспросов. Я также счёл излишним угощать его чаем, поскольку чай остыл, а снова заваривать мне не хотелось. Моё гостеприимство выразилось в том, что я, повернувшись к нему лицом, с такой же серьёзностью ответил на его вопрос, с какой он был задан. При этом я заметил, что он кривил на сторону рот, чтобы не показывать мне передние зубы, а правую руку снова, как и при нашем знакомстве, держал в кармане.

— Во всяком случае, до рая недалеко, ведь мы живём на двадцать четвёртом этаже. Выше нас только рай.

— Ух ты! — Он не стал скрывать своего удивления, хотя оно могло быть истолковано по-разному. — Как высоко, дяденька!

— Я тебе не дяденька, а Валентин Дмитриевич. Запомни. А ты что, заводишь?

— Я бы тоже не отказался, если бы предложили...

Я позволил себе слегка порезонёрствовать:

— На добрых дяденек не надейся. Никто не предложит. Добивайся сам. Всего можно добиться.

— А как? — Он готов был сейчас же начать добиваться, только бы узнать верный способ.

— Всё тебе расскажи. Вот ты в сентябре пойдёшь в школу...

Богдан разочарованно произнёс:

— Ой, только не говорите, что надо хорошо учиться, сидеть на первой парте и прочую лабуду. Моя школа со специальным профилем. Та же ремеслуха...

— Всё равно... Любая учёба — залог будущей социализации, — наставлял я после чая с вареньем (варенье мазал на хлеб) так, как вряд ли стал бы наставлять до чая.

— Чего-чего? — Он словно не решался допустить, что можно всерьёз верить в подобные заморочки.

— Вот видишь, ты и слов таких не знаешь.

— Слова-то я знаю, но в жизни мне не подняться выше второго этажа. Это мне, дяденька, не по зубам...

— Опять ты с дяденькой!..

— Извиняюсь.

— Не извиняюсь, а извините. А насчёт всего прочего ошибаешься. Зубы тут ни при чём. Голова важна.

— С головой у меня в порядке, только я психованный...

— Вот тебе и раз! — Я всё-таки решил, что без чая не обойтись, и поставил на плиту чайник. — В чём же это у тебя проявляется?

— Могу насмерть влюбиться, как однажды в учительницу.

— Ну, это бывает в твоём возрасте.

Он подумал, что-то про себя смекнул и произнёс:

— Могу влюбиться в вашу жену.

— Это безнадежно, пожалуй...

— Почему?

— Всё-таки, знаешь, жена...

— Ладно, спасибо. Я пошёл, — сказал он и даже не двинулся с места.

— Садись. Чаю выпей. Ты, может, чего-нибудь хотел?

— Да вещицу одну вам показать.

Богдан изобразил нерешительность, словно не он хотел показать мне вещицу, а я просил его об этом.

Я хоть и не просил, но всё-таки сказал:

— Покажи.

Он достал из правого кармана маленькие золотые часики.

— Смотрите. Но только из моих рук.

— Да что я — отниму у тебя?

— Так... на всякий случай.

— Ну, часики... откуда у тебя?

— От верблюда.

— Не груби.

— В траве нашёл. Кто-то потерял, а я нашёл. Не купите?

— Да зачем они мне!

— А вы подумайте. Прикиньте. Может, понадобятся. Пусть у вас лежат.

— Ну вот... то из рук не выпускал, а теперь отдаёшь.

— Я вам доверяю. Заодно и браслет возьмите. — Он достал из того же кармана обсыпанный блёстками браслет и протянул мне.

— Тоже нашёл? Какой ты везучий...

— Подфартило. Я дня через два зайду.

— А чай?

— После. Если вашей жене вещички понравятся, я дарю, — сказал он напоследок, спрыгнул с крыльца (не на замшелый валун, а прямо на землю) и мгновенно исчез.

Помнишь, как ты была польщена тем, что мальчик сделал тебе такой подарок, и, конечно, не удержалась от колкости в мой адрес, не упустила случая меня упрекнуть:

— От тебя, милый, никогда не дождёшься. Ты предпочитаешь тратить деньги на что угодно, только не на жену.

Я не выдержал и воскликнул с тем дрожанием в голосе, которое возникло у меня от искреннего возмущения и негодования:

— Да вещи-то краденые, неужели не понимаешь?! К тому же это пошло — ждать, чтобы на тебя тратили деньги. Ты же не содержанка.

— Уличил. Ты меня уличил. Поздравляю. — Тебе вдруг стало себя жалко, черты лица скривились и расплылись (гримаса обиженной девочки), и в глазах блеснули слёзы.

— Ну, прости... — Я уже раскаивался в том, что всё это начал. — Но радоваться подаркам какого-то мальчишки, да ещё с железными зубами...

— Всё равно, — загадочно произнесла ты. — Мальчишка — не мальчишка... Всё равно любой женщине приятно. К тому же он мог и найти. И даже накопить денег, чтобы купить эти вещи.

Нет, вторая версия была для тебя не столь желанна. Тебе именно хотелось думать, что ради тебя украли, совершили отчаянный поступок, решились на преступление. Ты торжествовала — это был твой триумф. И когда к нам пожаловали Казначеевы — не утром, как обычно, а ближе к вечеру, почти в сумерках — и стали спрашивать, не оставлял ли у нас Богдан каких-либо вещей, ты поспешила их заверить:

— Нет, не оставлял. Какие, собственно, вещи? Вздор! И зачем ему у нас оставлять!

Аполлинарий Викторович попытался деликатно пояснить, не вдаваясь в подробности:

— Там дачники волнуются... У них обнаружилась пропажа. Вот мы и решили на всякий случай...

— Нет, нет! Могу вас уверить... — Для подтверждения своих слов ты даже спросила меня: — Не оставлял ли? Может быть, в моё отсутствие? Когда меня не было? — спросила, надеясь, что я тебя поддержу и Богдана не выдам.

Когда же я молча вынес вещи, посмотрела на меня с презрением как на предателя.

— Эти? — спросил я, показывая им часики и браслет и стараясь оставаться недосягаемым для твоего уничтожающего взгляда.

— Откуда? — в один голос радостно воскликнули Казначеевы.

Я опустил глаза, заручаясь правом не отвечать на этот вопрос.

— Значит, всё-таки он. — Казначеевы переглянулись для того, чтобы вместе сделать печальный вывод. — Пока Маруся играла на скрипке, он очистил соседние дачи, а затем явился к вам, чтобы сбыть краденое.

После этих слов тебе, конечно же, стало неловко. Чтобы спасти твою репутацию, я произнёс:

— В твоё отсутствие, дорогая. Ты в это время собирала крыжовник.

Ты одарила меня принуждённой улыбкой, означавшей, что я из ненавистного предателя превратился в такого же ненавистного спасителя. Впрочем, мальчика мы спасали вместе.

Казначеевы забрали часики и браслет, чтобы вернуть законным владельцам. Они немного посовещались, пошептались (мы издали видели их сосредоточенные и озабоченные лица) и в тот же вечер вернули, особо не распростираясь, как они к ним попали, умалчивая об этом, не раскрывая всех карт. Напротив, ту карту, на которой был изображён валет (Богдан), они старались спрятать, замаскировать, засунуть под самый низ колоды. Зато дамами, королями и тузами охотно козыряли, выкладывали их — картинками вверх — на карточный стол.

Получалось, что вещи были обнаружены ими случайно: кто-то принёс, оставил, положил на край скамейки и исчез, а кто именно, они и не заметили, не обратили внимания. Мало ли у них толчётся и мелькает всякого народа. Молочница свои бидоны приносит, плотники молотками стучат, крышу чинят, прохудившуюся за лето, землекопы новый колодец роют взамен старого, наполовину сгнившего, — вот и просмотрели. Замешкались, на что-то отвлеклись и проворонили, прошляпили... С кем не бывает?..

Так они объяснялись с потерпевшими (помимо часиков и браслета, в тайнике обнаружилось ещё кое-что). Словом, постарались замять это дело...

Кажется, это им удалось, и потерпевшие не стали поднимать шум, допытываться, доискиваться и заявлять в милицию. Но Богдан не избежал

домашнего разбирательства и суда, на котором Маруся выступила как свидетель. Мы со своей дачи кое-что слышали, о чём-то догадывались, о чём-то Казначеевы нам потом сами рассказали. Картина складывалась такая. Свидетеля судьи допрашивали, и Маруся призналась, что во время её игры брат несколько раз куда-то исчезал. Исчезал надолго, почти на час, а затем возвращался и что-то прятал в свой тайник, устроенный под диваном.

Она примерно показала место, и тайник обнаружили между задней ножкой и подпоркой из кирпичей, поддерживавшей провалившееся днище. Там хранился целый склад краденого...

После обнаружения тайника из открытых окон до нас долетали возгласы: “Как ты мог?! Сын у нас вор! Да тебя надо сдать в колонию!” Было слышно, что обсуждались меры наказания, в том числе и ремень. Но Богдан в ответ на это угрожающе тихо произнёс: “Если тронете, повешусь. Вам же придётся из петли вынимать”. И ремень отпал. Лаура Францевна предложила оставить Богдана без сладкого к обеду, но это было совсем наивно (и невинно) и свидетельствовало о явной беспомощности судей. “Я сладкого и так не ем”, — ответил на это Богдан.

Тогда перешли к воспитательным мерам. Главным средством воспитательного воздействия выбрали нас с тобой: я слышал, как назывались наши имена. Но подробно мы обо всём узнали на следующий день за завтраком: после трёхдневного отсутствия (скрипка тоже молчала, пока продолжалось разбирательство) Казначеевы нас снова посетили. При этом оба держались не прямо, как обычно, а наклонялись вперёд, словно прямая спина не позволяла придать их словам ту вкрадчивую доверительность, с которой они собирались к нам обратиться.

— Вы на днях собираетесь в Москву? — спросили они, напоминая нам наше собственное признание, о котором мы, может быть, и забыли, а вот они за нас вспомнили. — Умоляем, возьмите с собой Богдана. Нам хочется, чтобы он хотя бы раз побывал в высотном доме. Пусть посмотрит на этот рай. Мы так надеемся, что это его чуть-чуть облагородит, внушит ему другие представления о жизни, поможет ему избавиться от вредных наклонностей и привычек.

Мы согласились, хотя и не без некоторого оттенка недоумения (во всяком случае, с моей стороны).

— Ну, давай мы тебе всё покажем, — произнесла ты, открывая высокую входную дверь, пропуская Богдана первым в нашу квартиру и намеренно зажигая лишь одну лампу из трёх, освещавших прихожую. Зажигая так, чтобы не рассеялся полностью окутывавший её сумрак, для тебя не столько таинственный, сколько помогавший скрыть паутину по углам, отслоившиеся обои и покоробившийся паркет. — Жаль, у нас давно не было ремонта...

Это ты сказала зря. Этим что-то нарушила, на минуту превратила нашу квартиру из святилища, преддверия рая в обычное жилище. Во всяком случае, мне так показалось, поскольку я на всё смотрел глазами Богдана. Но я ошибся. Самого Богдана это ничуть не разочаровало. Он весь был во власти того восторга, изумления и благоговейного трепета, с каким оглядывал наш дом снаружи вместе с окружавшими его роскошными магазинами, кафе, почтой и двухзальным кинотеатром “Пламя”. В центре главного гастронома Богдана поразил аквариум с редкими, причудливого вида деликатесными рыбами, водорослями и камушками. С таким же трепетом Богдан поднимался в скоростном лифте к нам на двадцать четвёртый этаж. Поднимался, зачарованно следя за мелькавшими в светящихся окошечках цифрами, обозначающими номера этажей.

Поэтому отсутствию ремонта и прочим мелочам, досадным для тебя, он не придавал никакого значения. Он даже не расслышал, что ты там сказала про ремонт. Или притворился, сделал вид, что не расслышал.

Мы повели его по квартире, показывая комнаты и мебель.

— Та самая? — спросил он, имея в виду что-то своё, нам неведомое, но ты с уверенностью ответила:

— Конечно, та самая.

И со значением — авторитетно — кивнула, показывая, что *в этом* не может быть никаких сомнений.

Затем мы сели за стол, и ты принесла чай, к которому Богдан, однако, не притронулся, не скрывая недоумения по поводу того, что можно пить чай в *таком* месте.

— Да, квартирка что надо. Хотел бы я в такой пожить, — сказал он, отодвигая от себя чашку, а затем снова придвигая к себе, чтобы не вызвать неудовольствия хозяев. — Я бы даже согласился, чтобы в такой квартире меня выпороли. Я бы стерпел.

Мы с некоторой принуждённостью рассмеялись.

— Ну, и странный у тебя критерий! Абы где ты на порку не согласен. Тебе нужны подходящие условия.

— А то! — Богдан счёл нужным немного порисоваться, себя показать и принял соответствующую позу. — Если бы вы меня усыновили, я бы всё стерпел.

— Спасибо за доверие, но, видишь, нас опередили... — Я изобразил сожаление, не особо заботясь о том, чтобы его сочли искренним.

— А если б не опередили, вы бы меня взяли?

— Ну, что тебе ответить? Собственно, у нас не было таких планов, — начал я, но ты меня поспешно перебила:

— Взяли бы, взяли. Как такого молодца не взять!

— Тогда я от них сбегу. Я к ним совсем не вернусь.

— Экий ты, однако. — Я решил его немного осадить. — А ты нас из инвалидного дома возьмёшь, когда нам будет по девяносто лет?

— Возьму. Но только перед этим сделаю у вас ремонт.

— Тогда моя мечта наконец-то осуществится. Но, к сожалению, по девяносто нам никогда не будет. При такой жизни нам сразу исполнится сто, — сказала ты и рассмеялась так, что никто не услышал твоего смеха.

На этом моё длинное письмо можно было бы и закончить, поскольку об остальном ты помнишь лучше меня. У меня же в башке туман и определённости, увы, никакой. Напротив, всё путается, зыбится, расплывается, и я могу сказать обо всём лишь коротко, чтобы не соврать. Врать уж больно не хочется. Очень уж мы изоврались...

В середине девяностых мы с тобой бедствовали, поскольку всего лишились, остались ни с чем. Всё смолотил железный рот. Наш прославленный, орденоносный завод имени Розы Люксембург закрыли и никак не могли поделить, только отстреливали друг друга в подъездах. Я нигде не работал и томился от безделья, лёжа на диване с романом “Сон в красном тереме”, всё почему-то со вторым томом. А ты за жалкие гроши гуляла с соседскими детьми — этакая няня-воспитательница (“Птички летели, на головку сели...”), вытирала им носы и, возвратившись домой, присаживалась ко мне на краешек дивана, гладила меня по голове маленькой, плотной, твёрдой ладошкой. При этом участливо спрашивала: “Ну как, интересно?” — и вслух размышляла о том, к кому бы пойти в любовницы.

Мы стали пить, сначала по вечерам, а потом случалось, что и с утра, едва проснёмся.

Перепробовали всё — от водки до портвейна (на коньяки, разумеется, не замахивались). Словом, пили всюю. Вернее, я напивался, а ты попивала, берегла себя для будущих богатых любовников. А их всё не было, и тогда мы продали наш памятник Сталину, начаток Царства Небесного — квартиру в высотном доме и купили сначала чердачок, а затем подвальчик. Купили, чтобы там зимовать, жаться к побулькивающим, едва тёплым батареям, к лету же переселялись на дачу. При этом не особо потратились, а оставшиеся деньги положили в надёжный банк, где они благополучно сгорели...

Туда же, на дачу, перевезли и мебель, *ту самую*: решили сберечь, продавать не стали. Тогда-то и выяснилось, что квартиру нашу через подставное лицо купил Его величество Богдан Казначеев, банкир, воротила и наш дачный сосед. Он сам нам об этом сообщил, подозвав однажды (Богдан навещал престарелых родителей) к забору, возведённому на месте столбиков с проволочной сеткой: “Между прочим, я теперь живу в вашем раю. Хорошо!

Только мебели не хватает”. Накарябал на визитной карточке свой секретный телефон и протянул тебе: “На всякий случай. Может, понадобится”.

Я хотел изорвать эту карточку на клочки, но ты не позволила, спрятала за спину, уберегла. Ты ему позвонила — якобы просто так, по старой памяти. Стала уверять, что у тебя всё в порядке, расплакалась и попросилась на работу. Он тебя взял, и ты к нему ушла — навсегда, с вещами. Мы стали соседями по даче. Встречались у забора: я — с одной стороны, а ты — с другой. Это было настолько очаровательно, премило, шаловливо, забавно...

— Ну, как там наша дача? Ёжики под крыльцом фукают? — спрашивала ты с осторожным вызовом, не позволяя себе казаться виноватой и хотя бы слегка заискивать передо мной.

— Фукают, — отвечал я без всякого вызова, словно смиряясь с тем, что участь виноватого опять выпадает мне.

— Падалицы в этом году много? — Почему-то твой голос становился строгим.

— Много.

— Ты её в компост бросай.

— В компот, — поправляю я, и ты не можешь удержаться от смеха, хотя он и лишает тебя некоторого необходимого тебе преимущества в нашем разговоре. — По грибы ходишь?

— Ну, допустим, хожу. Вернее, хожу.

— Не ломайся. На правую сторону?

— Больше на левую.

— Ты ходи на правую. Там суше...

Я делаю вид, что не расслышал.

— Суши?

Ты снова смеёшься.

— Суше, суше, глупенький. А кино больше не показывают?

— Ну, что ты! Какое кино! Сейчас наша жизнь — кино.

— А почему ты меня ни о чём не спрашиваешь?

— А о чём?

— Ну, хотя бы счастлива ли я? Довольна жизнью?

— Считай, что спросил.

— Да, счастлива, — отвечаешь ты наставительным тоном — так, словно заготовила этот ответ заранее.

— Понятно...

— Что тебе понятно?

— Что ты счастлива.

— А ты за меня не суди. — Тебе так и хочется меня за что-то упрекнуть. — И меня не суди.

— Я не сужу.

— Нет, ты судишь, а ты не суди.

— Да не сужу я.

— Вот это правильно, хотя мог бы. Мог бы и осудить. Я бы не обиделась. Прощай.

— Прощай.

На этом мы расстаёмся, чтобы в следующий раз так же встретиться у забора и снова прокрутить наше кино.

Потом ты ушла к своему бельгийцу. Где и как ты с ним познакомилась, не знаю. Лучше ты мне сама об этом напишешь, только, пожалуйста, пиши мельче, с подробностями. Я их обожаю, эти подробности, поэтому уж ты уважь меня, не поленись.

После твоего ухода Богдан стал пить. Но не в том смысле, что попить, а в том, что напиться, — так будет точнее. Меня приглашал не раз, но я отказывался. А затем он стал слёзно упрашивать меня продать ему мебель. Жить он без неё не мог. Всё внушал мне, что без тебя как-нибудь проживёт, а вот без мебели — никак. Вернее, мог, но всё получалось никак.

Тогда я не выдержал и продал — за скромную цену. От лишней платы за неё (а Богдан предлагал немислимую сумму) я отказался, но он мне потом эти лишние деньги подбросил, завёрнутые в газету и перевязанные

бечёвкой (что-то от Достоевского, которого ты ненавидишь). Однако я тебе об этом писал, а посему письмо своё заканчиваю, тебя *нежно и страстно* (помнишь арию Кончака) целую и ставлю, наконец, жирную, маслянистую точку.

Твой бывший муж.

P.S. Только что случайно узнал: купленную у меня мебель Богдан разрубил на куски и сжёг в выброшенном за сарай ржавом мангале для шашлыков. А квартиру в высотном доме за бесценок продал. Сам, по слухам, одичал, оброс щетиной, хотел застрелиться, но вместо этого (равноценная замена) уехал за океан, сменил гражданство, поступил добровольцем в армию и скоро будет с боем брать Москву. Впрочем, это мои фантазии, как ты понимаешь...

Вот и кончилось Царство Небесное на земле. Или, во всяком случае, у нас на Кудринской, бывшей площади Восстания. Впрочем, какая из них бывшая — Кудринская или Восстания, решай сама.

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

ВРЕМЯ СГУЩАЕТСЯ
НАД ГОЛОВОЙ...

* * *

Компьютер выключен.
Время Большой Игре.
Пора последних звонков,
волнений
от романтики до прагматики.
Выпускницы расправляют
белые бантики,
А за домом,
на бывшей спортплощадке,
на пустыре
Мужик по пивным бутылкам
бьёт из травматики.

Выстроил их
в неровный стеклянный ряд,
Конечно, пустые: зелёные, белые
и одна коричневая.
Вокруг полно осколков,
на солнце они горят
Среди пакетов, окурков,
в общем, мусор привычный, и,

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна родилась в Магнитогорске, окончила Литературный институт им. А. М. Горького, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. Бажова.

* * *

Так вот живёшь и ждёшь.
Сердце, как свечку, жжёшь.
И, подойдя к черте,
Щуришься в темноте:
— Господи, где Ты, где?

— Здесь. Никому из вас
Не закрывали глаз.
Даже в кромешном сне
Вы на пути ко Мне.

Если б Он говорил —
Так бы Он и сказал.
Если б хватило сил
Верить своим глазам,

Не опуская взор,
Не шелохнув ресниц...
Если Ты до сих пор
Снился — и дальше снись!

Сквозь опалённый лёд,
Сквозь реактивный вой
Сердце к Тебе плывёт
Капелькой восковой,

Крошкой небесных сот,
Искоркою тепла,
Выдохом слабым: “Вот,
Только и донесла...”

* * *

Пятнадцатое. День сороковой.
Печальный холмик, убранный листвою,
Над ним сирень — сухая, жестяная.
Над ней берёза в нимбе золотом
Стоит с улыбкой, словно вспоминая
Небесный дом.

Такая высота над головой!
Такой простор, пронзительно живой,
И птичьи переклички — будто вспышки.
И хочется скорей закрыть глаза:
Коль тайну эту увидеть нельзя,
Быть может, угадать — хоть понаслышке.

Коснуться слабым краешком души:
— Светло ль тебе в твоих селеньях дальних?
А тут ещё светло, и мы пришли,
Хоть нам уже отказано в свиданьях,
У дорогого холмика земли

Увидеть жизнь в слезах её и тайнах,
Во всей её немислимой тоске,
На тоненьком небесном волоске,
В скольженье бликов радостно-случайных.

* * *

Время сгущается над головой,
Ночь каменеет, как будто впервые:
Это на западе фронт грозовой
Передвигает полки боевые;

Это по южной степи ковыли
Молча, безропотно в пламя ложатся,
Это с востока везут корабли
Розовый пепел сгоревшего царства;

Это на севере белая мгла
Смотрит угрюмо и дышит свирепо,
Неосторожным движеньем крыла
Звёзды сбивая с морозного неба...

На перекрестье безумных ветров —
Ветхие стены, соломенный кров,
А у крыльца — молодой одуванчик
Солнцу навстречу раскрыться готов.

Кажется — всё, и развязка близка,
Ночь каменеет, пирует тоска,
Но неужели у нас меньше веры,
Чем у цветка?

ВАДИМ КОВДА

ЧТО Ж, СПАСИБО СУДЬБЕ

* * *

Вот оно, эти райские кущи,
этот утренний царственный звон.
Вот земля — я не видывал лучше!
Вот где счастье черпать испокон!
Всё едино — трава и ромашки,
палисадник и старый сарай,
И какая-то ранняя пташка,
что стремглав улетает в зенит,
чирканёт о пространство букашкой,
и литое пространство звенит...
Что со мной, что со мною творится?
И за что столько счастья дают?
Вот щекастые детские лица
в белом облаке песню поют.
И ничто на земле не заклято.
Зло мирское увидеть — тшета.
Возлежат и гуляют телята.
Как ни сдвинутся — всё красота!
Всё вокруг бесконечно и вечно,
всё рождает немеркнувший свет:
небеса, и пригорок, и речка...
Только мне бесконечности нет.

КОВДА Вадим Викторович родился в 1936 году в Москве. Член СП СССР с 1972 года, автор 11 книг стихотворений. Последняя книга вышла в Москве в 2012 году. Живет в Германии в городе Ганновер и в Москве.

* * *

Не борись, не отталкивай ласки.
Ни меня, ни себя не кори.
Не смотри ты с такою опаской
и с тоскою такой не смотри.

Ведь и сам я в себе не уверен:
плоть познаю — души не коснусь...
Ведь и сам я — нет счёта потерям —
полюбить тебя тоже боюсь.

Ты устала, ты жаждешь покоя,
ты желаешь былое забыть.
Всё равно — с красотою такою
ты не сможешь счастливою быть.

* * *

Я был вознаграждён, за что — не знаю:
земля моя, окрестная, живая,
по мне истосковавшись и любя,
так щедро отдавала мне себя.
Она меня нисколько не смущалась,
она травой прохладной прижималась
и омывала чистою рекой,
и ягодой сладчайшей целовалась,
и сонно и счастливо улыбалась,
и навевала ясность и покой.

* * *

Вот и нам повезло,
если это и вправду везенье,
если это и вправду,
пускай хоть какая, любовь.
Что ж, спасибо судьбе,
нам она обещает спасенье.
Я не стану мешать,
и ты тоже ей не прекословь.

Что ж, спасибо судьбе,
что она подтолкнула друг к другу,
в этот призрачный день
посидеть на скамейке дала.
И свела наши души,
свела наши руки и губы
и в неприбранной комнате
грешные наши тела.

Так отлажена жизнь,
так не просто любви вписаться:
всё притёрто впритык,
и расписано всё наперёд.
Месячишко пройдёт,
неужели придётся расстаться?
Месячишко пройдёт,
и куда нас потом понесёт?

Ну, а вдруг, ну, а вдруг
не пойдут наши чувства на убыль?
И сумеем взлететь
над бессмыслицей скуки и лжи.
Дай мне руку свою,
дай мне плечи, дай робкие губы.
Дай мне душу свою,
и мою, и мою удержи.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Редкий лесок. Молчаливая стужа.
Поле. Заката черта.
На рыжих, присыпанных листьями лужах
почиет сама красота.

Птицы неведомой чистые блёстки.
Матовый свет. Небеса.
Воздух прозрачный, туманится воздух,
словно родные глаза.

Поздняя осень — тут нету худого.
Палые листья. Гнильца.
Словно прекрасного, немолодого
в том отраженье лица.

Птица поёт и покой навевает.
Солнце прощально блестит.
Жаль, что бессмертным ничто не бывает.
Миг. Паутинка летит...

ОЛЕГ РЯБОВ

ЛОВЛЯ РЫБЫ БРЕДНЕМ

РАССКАЗЫ

Александр Платонович Лопата был стопроцентным новым русским, а это значит, что за ним тянулся хвост таких секретов, о которых лучше не знать и тем более не распространяться. Всё у него в жизни было, как у многих новых русских: учёбу в институте он бросил с началом перестройки и пустился во все тяжкие. Был он и кооператором, побывал и рэкетиrom, был и депутатом, был и банкиром, и вот за двадцать лет свободного полёта поднялся он прилично. А я, его друг со школьной скамьи, встречаясь с ним раз в полгода от случая к случаю, и не представлял, какое место занимает Сашка Лопата в современном мире.

А тут, разузнав, что мы с ним знакомы, ко мне обратилась соседка по дому: не смогу ли я попросить Александра Платоновича Лопату, чтобы он продал ей маленький домик с участком в тридцать соток, который ей приглянулся в деревне Старая Пустынь. В сельсовете она выяснила, что участок принадлежит Лопате, но сам он там не бывал ни разу со времени покупки семь лет назад.

Я пообещал и позвонил Лопате в тот же вечер, благо телефон домашний откуда-то у меня был. Александр Платонович, как я понял, с большим удивлением выслушал мою просьбу

— Старик, я, честно говоря, и не знаю, есть ли у меня в Старой Пустыни участок. А если и есть, то заниматься выяснением, откуда он у меня и зачем он мне, я пока не могу — других дел полно. Но выясню — скажу!

РЯБОВ Олег Алексеевич родился в 1948 г. в городе Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А. А. Жданова. Редактор-издатель альманаха "Земляки", председатель Нижегородского отделения Литературного Фонда России. Автор нескольких поэтических сборников и книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

А ты вот что: ты помнишь, что у меня в конце июля юбилей, пятьдесят лет? Первого августа я жду вас с твоей красавицей-женой у себя дома, на Сахарном Долу. Ничего не бойся: телевидения не будет, журналистов не будет, всё по-семейному.

Я, конечно, забыл о юбилее своего друга детства, но, когда за неделю до указанной даты мне с нарочным под роспись было привезено именное приглашение, я понял, что и у меня началась взрослая жизнь. Удивительно, но моя жена об этом юбилее знала, готовилась к нему и была уверена, что мы пойдем на него. Новое платье, новая сумочка и новые туфли были у неё уже куплены и только ждали праздника. А вот насчёт подарка она отказалась фантазировать, сказала, что это твой друг, вот сам и думай, а если не придумаешь, я ему мужской одеколон подарю, и тебе будет стыдно.

И я придумал. Я вспомнил, как десятилетними пацанами на песках напротив затона Калинина мы с Сашкой вместе с нашими родителями, которые дружили, ловили рыбу бреднем и варили уху на костре. Через своих друзей в охотничьей инспекции и рыбнадзоре я узнал, кто у нас в городе промышляет сетями, и вопрос был решён. Через три дня у меня дома в коридоре стоял свёрнутый и упакованный в подарочный двухметровый короб настоящий профессиональный тридцатиметровый бредень с полированными дубовыми вальками. В общем, всё по высшему разряду.

На виллу, — а иначе заведение, где проживал Александр Платонович со своим семейством, не назовёшь, — мы с супругой приехали раньше времени. Огороженный охраняемый гектар с участком леса и выходом к озерам Марьиной рощи — это круто. Короб с бреднем оказался больше всей моей машины, пришлось везти на багажнике. А на воротах виллы юбиляра пришлось искать начальника охраны, чтобы тот распорядился помочь дотащить подарок до виновника торжества.

— А что там, в коробке? — заботливо поинтересовался начальник охраны то ли участка, то ли лопатинской фирмы, то ли его самого.

— Бредень, — ответил я.

— Какой бредень? — переспросил начальник охраны.

— Нормальный бредень, тридцатиметровый, с ячейкой сорок и с дубовыми вальками.

— Стоп! — воскликнул Лопата, который уже объявился и любезно целовал ручку моей супруге. — Больше про бредень ни слова.

— Почему ни слова?

— А потому, что через полчаса сюда приедут сто человек, а через два часа десять из них, пьяных, пойдут бродить с бреднем в наших озёрах. А это мероприятие интимное, на двоих.

— Саша, на каких на двоих — такую волокушу вшестером не протащишь, а ты — на двоих!

— Я этот вопрос обсосу и уже завтра тебе доложу.

Тридцать официантов бегали сломя голову, обслуживая гостей. Они использовали и огромную кухню Александра Платоновича, и дополнительное оборудование, привезённое с собой из подшефного ресторана. На двух этажах особняка из трёх на диванах и в креслах отдыхала спокойная часть гостей, слушая приглушённую американскую музыку сороковых, а на лужайке перед домом играли джаз Алик Залкинд со своим ВИА “Третья смена”, так они назывались когда-то в нашей молодости, когда играли на танцплощадке в садике 1 Мая. Седые и морщинистые мужики выглядели очень стильно и наяривали азартно. Где нашёл их Лопата — не знаю!

У моей супруги знакомых в этой разношёрстной компании оказалось куда больше, чем у меня, но и я к радости своей встретил двух своих старых товарищей, с которыми готов был провести некоторое время: истории, которыми мы обменивались, были весёлыми и незамысловатыми. Толпа была схожа с эмульсией, эдакой смесью несмешиваемых жидкостей, которая кажется однородной. Тут были и глава администрации города, и два заместителя губернатора, а рядом с ними — молодые директора заводов и братки, которые громко, но недолго гоготали, а потом вместе с подругами всё же отправились купаться.

Заметил я и уважаемых людей, которые не захотели присоединиться к гостям. Они приезжали с охраной на военных клёпаных “гелендвагенах”, церемонно обнимали юбиляра и вручали ему конверт или клали показательно в нагрудный карман царский золотой червонец. Я предполагал, кто это, но не был уверен; я ещё не совсем к тому времени понял, а кем же стал Сашка Лопата.

Он подошёл ко мне, когда кое-кто уже начал разъезжаться:

— Пойдём в кабинет, я всё придумал.

— Что придумал?

— Мы послезавтра с тобой вдвоём едем ловить рыбу бреднем.

— Как вдвоём?

— Пойдём в кабинет.

В кабинете на третьем этаже, куда гости всё же не добрались, было сумеречно и тихо, работал кондиционер. Александр уселся на письменный стол.

— Теперь слушай внимательно. У меня тут в области, прямо на берегу приличной красивой речки есть охотничий домик, за ним присматривает местный егерь. Глава администрации района — мой хороший друг. Пять лет назад сгорел у них там храм деревянный: в феврале затопили печку на ночь, чтобы с утра потеплее служить было, и ушли спать. Утром — одни головешки да купол с крестом в стороне под ёлками валяется. Попросили меня местные старухи помочь, только, говорят, поставь церкву-то не в том селе, где была, а в соседней деревне: там, мол, народу-то живёт куда больше. Я к владыке нашему областному, а тот ни в какую: где стояла, там и должна стоять. Ну, тогда поехал я с игуменом одного нашего монастыря, который восстанавливался, в Каменск-Уральский на колокольный завод Пяткова Коли, познакомились мы с ним когда-то по случаю в Москве, приятный мужик. Купил я у него на два миллиона колоколов — полный комплект для монастыря: от десяти кило до полутора тонн. Владыка сразу после этого разрешил мне ставить храм где угодно: хоть в лесу, хоть на острове. Я когда в деревню к ним туда приезжаю, местные бабы на меня, почти как на святого, молятся. Сейчас я позвоню, и мы решим всё с нашим бреднем.

— Везде у тебя, Саша, друзья.

— Есть такая кавказская мудрость: женщину красит красота, а мужчину друзья.

Александр Платонович стал набирать на мобильнике какой-то номер, а я понял, что называть после сегодняшнего вечера своего школьного друга Сашкой Лопатой я уже не смогу.

— Тихо! — скомандовал он и поднял указательный палец, глядя на меня. — Здорово, Коля. Это — Сашка, Сашка Лопата. Да, да, Александр Платонович. Вот у меня сегодня юбилей, пятьдесят лет, и хочу я от тебя подарок получить. Какой, какой — рыбалку! Не-ет, подарили мне сегодня бредень, не волокушу, но тридцать метров. Мы к тебе послезавтра приедем, приготовься. Как, как — пятерых мужиков одень в белые подштанники и белые рубахи, резиновые галоши купи им или лапти. Трёх девок найди: за самоваром следить да колбасу резать. Водку, огурцы и пряники мы с собой привезём, столы и скамейки готовь. Ловить будем и на лугах в озерах, и на песках в речке. “Друг зверя” на ходу? Жди!

Лопата положил мобильник на стол.

— Ну что — всё понял? Не возражаешь?

— Всё понял, идея мне нравится, — ответил я.

Лопата приехал за мной через день на своей “Тойоте-сотке” с самого ранья и без предупреждения. Он просигналил под моим открытым окном на втором этаже, и я выглянул, продирая глаза.

— Мы едем? — спросил он.

— Я уже готов, — ответил я и бросился бриться и надевать штаны. Мгновенье я раздумывал, не успею ли попить кофе, но, плюнув на него, покатился вниз по лестнице, понимая, что баланс взаимоотношений с Лопатой уже безвозвратно поломан.

Машину он вёл вальжно, не задирая спидометр выше ста двадцати, хотя пустынная трасса позволяла идти и сто пятьдесят без напряжения.

— А я подумал, что мы на твоём “Хаммере” поедem, — сказал я.

— Да ты что? “Хаммер” — это моим дочерям на базар ездить. Его же мне подарили друзья из Штатов — не понимаю, зачем. Там ключ зажигания повернул — ведро солярки сторело. У него крейсерская скорость — восемьдесят, а под горку — может, сотню разгонится. Что интересно: в родной штатовской инструкции по “Хаммеру” написано, что расход топлива учёту не поддаётся. А вот девчонкам на базар ездить — он в самый раз: и торопиться никуда не надо, и не страшно, что какой-нибудь дурак подрежет или стукнет. От “Хаммера” в городе все шарахаются.

Через три часа мы были на месте.

Последние пять километров ехали не просто по грунтовке, а по такой глухой лесной дороге с ямами, лужами, буераками и поваленными деревьями, что казалось, Лопата меня испытывает. Но он, подпрыгивая на ухабах и стучаясь об крышу головой, объяснил мне, что по трассе асфальт от дома до дома, но так короче на двадцать километров, “авось прорвёмся — не у всех получается”. Поэтому, когда мы выехали на полянку зелёную и ровную, как английское футбольное поле, я был эффектно впечатлён открывшейся картиной.

Нас встречал сухопарый и крупный, деревенского покроя мужчина лет сорока. Пожав руку Александру и почти не обратив никакого внимания на меня, он только спросил:

— Водку будете?

— Нет, — ответил Лопата.

— Тогда чай или окрошку? Посидите тут за столиком, перекурите — я мигom, — после этого он протянул мне руку и представился: — Николай!

— Коль, ты подожди с чаем, сначала о деле — “пишига” на ходу?

— Обижаете, Александр Платонович. Я сегодня уже ходил на ней, — Николай махнул в сторону старенького военного грузовика-вездехода ГАЗ-66. Машина внешне была в идеальной сохранности, будто только что с конвейера, бросались в глаза только номера, на которых вместо циферок стояли буквы “ДРУГ ЗВЕРЯ” и свежая невысохшая грязь на колесах. — Давайте, Александр Платонович, всё же сначала чайку или молочка, а там я уж вам доложу всё по форме?

— Ну, давай, — согласился Сашка, — только, действительно, не чаю, а холодненького молочка.

Мы направились к большущему несуразному бревенчатому строению с какими-то башенками, колоннами, резными наличниками. Это и был, по видимому, пресловутый охотничий домик, и, судя по всему, разместиться в нем на ночь могла пара десятков гостей. Строение находилось в опасной близости к краю обрыва. Зато отсюда, сидя на лавочке за свежеструганным столом, на котором уже стояли деревянные миски с малиной и черникой, хорошо было любоваться заливными лугами и озёрами, на которые мы стремились попасть.

Девчушка лет десяти-двенадцати, с выгоревшими до белизны волосёнками, заплетёнными в жиденькие косички, глядя себе под ноги и старательно сжимая двумя руками глиняную кринку, тащила нам молоко. Потом откуда-то притархтел на скутере паренёк лет пятнадцати, эдакий суровый крепкий боровичок, и деловито начал стаскивать с багажника нашего “лендкрузера” короб с бреднем. Как я понял, это были дети Николая.

Александр, выпив две кружки молока и съев две ложки черники, устало закрыл глаза, и мне показалось, что он задремал, откинувшись на спинку скамейки. Большой овод сел ему на волосы, но почему-то не кусал и не улетал никуда. Сквозь зелёный августовский вязкий шум глухо доносились голоса:

— Батя, а мотня-то ничего, метров семь будет.

— Батя, я половинку кирпичка туда засуну? Я его в полотенце старое вернул и верёвкой завязал.

— Батя, а к валькам верёвки надо бы привязать тяговые, а у нас — нет!

Тут Лопата открыл глаза — он не спал и всё слышал.

— Володя, открой багажник и достань бухточку капроновую, толстая там есть, в палец толщиной, основная называется, и отрежь от неё пару хвостов по десять метров. Вот тебе и тяги. Только — отрежешь, заплыв концы на огне.

Мы с Сашкой Лопатой поехали в дуга на своём “лендкрузере”, а Николай с Володей на “пишиге” должен был ещё заехать в деревню за рабочей силой. Я понимал, что таскать бредень будем как бы не мы, а мужики, но все же решил подстраховаться и спросил:

— Саша, я чего-то не готов лазать по осоке, и оделся я совсем не попляжному.

— Да не очкуй ты — не полезем мы в осоку. Ну, только если очень захочется. Есть тут, кому полазять в охотку. Нам с тобой по пятьдесят лет, мы с тобой в том возрасте, когда положено командовать. До сорока и после шестидесяти это выглядит не всегда красиво. Это очень короткий период, когда уже можно командовать и ещё позволяют командовать.

Первое озеро, которое наметил нам Николай и до которого мы пылили минут двадцать, представляло собой вытянутую тарелку, вроде селёдочницы, метров сто длиной и почти без кустов, только посередине заросли тальника подступали с обеих сторон почти к воде, зато “носки” были чистые. Шириной оно было в этом месте метров двадцать, и вдоль всего берега между островами стрелами осоки плавали в воде крупные болотные белые лилии.

“Пишига” подъехала почти вслед за нами. Мужики выпрыгивали из кузова, чуть смущаясь, не совсем уверенно, что приехали за делом, а их подруги, босые и в разноцветных сарафанах, с визгом и смехом. Мужики как по команде закурили, а бабёнки очень уверенно бросились к Сашкиной машине, открыли багажник, и через минуту уже был сервирован походный столик с бутылками, стаканами и закусками.

Мы с Сашей подошли к компании и поздоровались. Саша разлил водку по пластмассовым стаканчикам и чокнулся с каждым мужиком, а я отошёл в сторонку и уселся на надувное охотничье кресло, каковое тоже у Лопаты нашлось. Бабёнки тоже уселись на луговине невдалеке от меня и, пощёбетав меж собой, вдруг запели. Это все выглядело бы такой идиллией, прямо пырьевичина какая-то самая дешёвая, если бы не удивительные голоса этих совсем не пятнадцатилетних девчушек. Тысячи народных песен гуляют по нашим селам, и почти все они переписаны, но ценность и неповторимость их именно в исполнении.

Команду Сашину прибывшие не все выполнили и одеты были разнокалиберно, но это только украшало их компанию, делая её ещё колоритнее. Кто-то и действительно был в белых подштанниках, но кто-то уже оказался и в трусах, а кто и в тренировочных штанах. То же и с обувкой: кто в галяках, кто в драных кроссовках. Но двое, длинный, костлявый и лысый с жиденькой бородкой и другой, смешливый толстяк, оба лет по сорок, были одеты по форме: во всём белом и в лаптях. Я сразу как-то их заприметил и расслышал, что местные меж собой зовут их Жердяй и Крутлый.

Бредень раскатали по траве, к валькам были привязаны верёвочные тяги, крылья развели и мотню вытянули, но все ждали отмашки к началу. Саша подошёл к мужикам:

— Так, вы двое, — он указал на Крутлого и Жердяя, — берёте валёк с верёвкой и плывёте на тот берег. Ты, Жердяй, идёшь по траве и топишь валёк, а Крутлый тащит по берегу за тягу. Мотню Володя заведёт вплавать, — и Лопата кивнул Колиному сынишке, — а вы, девчонки, плывите тоже на тот берег, будете ботать: идти перед Жердяем и стучать ладонями или дощечками какими-нибудь по траве, рыбу выгонять. Посмотрим, если вдвоём они не протянут сеть, ещё кто-нибудь переплывёт к ним на подмогу — по траве сложно тридцатиметровую волокушу протянуть.

Всё получилось отлично, как и рассчитал Саша. В “носке” озера, заросшем травой, куда и втаскивали сеть, собралась вся компания: по двое тащили каждый валёк, проваливаясь то по пояс, а то и по горло, по двое за каждую верёвку тянули что было сил. Сеть была забита травой и надувалась

парусом. Было уже виден и улов: билось, трепыхалось что-то в этом мешке. Только мне уж больно не хотелось пока вязнуть в сизом озёрном иле. Вот уже и крылья бредня выползли на берег, и тут я увидел, как приличная щука килограмма на полтора, прямо извиваясь змеей, выползла на берег и норовит прошмыгнуть мимо валька назад в воду. Я бросился к ней и успел, упав в траву, схватить её обеими руками, пока она не ушла.

— Есть, не ушла! — заорал я. — А вы куда смотрите? Надо шкаторинки-то бредня прижимать к земле, а то вся уйдёт!

Улов был неожиданно приличный: четыре щучки, две из которых побольше килограмма, десяток царских линей, десяток карасей, а окуней мы уже и не считали. С одного заброда — полная корзина. Вторая попытка с середины озера в другой конец была также удачной. Во мне, с утра ещё полностью индифферентном и безразличном ко всему этому мероприятию, вдруг разыгрался азарт. Мне хотелось снова и снова лезть в эту воду с сеткой и ловить этих толстых красивых рыбин.

Лопата с удивлением смотрел на меня:

— Ты смотри — так и рыбаком станешь! Значит, надо и второй вариант испытать. Едем на реку, на пески.

Окские пляжи знамениты на всю Европу, тянутся они километрами и красотой невероятной. Мужики по отмелям таскали бредень: где по колёно, где по шейку, где вплавь, пока удача не улыбнулась нам: был пойман сомёнок на пять кило! У меня перед глазами стоит эта чудесная картинка, переходящая в кошмарную: молоденький паренёк в семейных трусах и белой рубашке, с водорослью, свисающей с волос на плечо, тащит к нам сомёнка, волоча его хвостом по песку. И вдруг он оступается, ойкает и садится почти перед нами, задрав ногу и обхватив её двумя руками. Из пятки на нас смотрит доньшко стеклянной пивной бутылки. Обколотое розочкой, оно плотно впилося в ногу мальчишке, и хлещет на песок кровь из пацана, как из дырявого ведра. У меня даже закружилась голова. А Лопата — хоть бы что, только показалось мне, уж больно как-то затянута всё у него, как в замедленном кино:

— Коля, — крикнул он, одновременно нажимая кнопки на своём резиновом водонепроницаемом и пуленепробиваемом мобильнике, — быстренько ко мне. Перетяни парню ногу ремнём и держи её сверху. Глава администрации у вас по-прежнему Сергей Евграфович? Хорошо. Я уже говорю. Серёга, привет, это Сашка. Какой Сашка! Платоныч, Платоныч! Неприятность тут у меня случилась, но в твоём районе, отвечать будешь. Да нет! Паренёк ногу повредил, быстро вышли сюда “скорую помощь” ко мне на базу. Вышли свою машину, докторов вызови, должен буду. Я тебе дам — нет больницы, нет врачей, нет оборудования! Твоя больница теперь моей подшефной будет, значит, всё у тебя будет, а сейчас давай пацана ремонтировать. Лады, до встречи, заезжай. Коля, ты чего ждешь? Засовывай пацана в мою машину и на базу. Да, мы тоже едем, я сам за руль сяду.

Жара всё же постепенно спадает, и оводы перестают жужжать, и на солнышко можно уже смотреть без рези в глазах, только воздух по-прежнему тяжёлый и горячий, хочется прожевать его и выплюнуть, и кузнечики продолжают настойчиво стрекотать. И уши не хочется. Мы сидим на той же самой скамеечке, что и утром, у Лопаты на базе.

— Александр Платонович, как насчёт ухи-то?

— Не хочется чего-то, Коль. Давай лучше окрошки, ты утром грозился. А рыбу всю отдай мужикам в деревню.

— Окрошка есть. А водки?

— Водки давай.

— Александр Платонович, а как там в больнице-то?

— Нормально всё, Коль. Завтра пацан дома будет. Вот такой подарок ты мне, старик, подарил, — это Лопата уже ко мне.

— Какой подарок? Бредень как бредень.

— Да нет — подшефную районную больницу ты мне подарил. Была самая задрипанная ЦРБ в области, а теперь я её должен сделать образцово-показательной.

ЖИТЬ РАЗУЧИЛИСЬ

С кухни доносятся девчоночьи голоса. Это к моей дочери пришла подруга. Познакомились на отдыхе в Египте, а оказалось, что живут в одном доме, только в разных подъездах. Теперь у них новая забава: в интернете разыскивают рецепты старинной русской кухни, бегут на базар и после вдвоём кулинарят. На мне в обед экспериментировать будут.

В открытое окно — солнце во всю силу, автомобильные шумы, запах прелых тополиных листьев. Почему-то под занавес жизни многие вещи перестаю понимать: зачем начало осени называть “бабьим летом”, если это уже осень? А то, что произошло вчера, — вообще, как кошмарный сон, будто в фантастической стране побывал.

В деревне у меня есть домик, который мы с семьёй используем летом для отдыха. Достался он мне от бездетной тётки по завещанию. Хотя и не больно-то он был мне нужен, теперь уже привыкли к нему. При домике небольшой участок в пятнадцать соток с яблоньками, вишнями, сливами да малиной. Есть и огородик, на котором лучок, укропчик, чеснок, морковка. А тут образовался у нас неожиданно сосед. Купил он соседний участок со сгнившим и развалившимся бесхозным пятистенком, хотя хозяева-то нашли, видно, раз купил.

Познакомились мы с ним. Оказалось, что он сам из Москвы, домишко собирается поставить на участке и ездить в наши глухие заповедные места на рыбалку да на охоту. Хотя, когда он стал размечать границу будущего забора, оказалось, что кадастровый план его участка совсем не совпадает с теми границами, которые показаны в моих бумагах. Возник некоторый конфликт интересов. Недолго думая, мы решили уничтожить на корню этот конфликт, чтобы наследники наши не мучились: надо вызвать официального землемера (или как он теперь называется), чтобы он нарисовал нам новые границы участков и выдал нам новые, не противоречащие друг другу документы.

Москвич, сосед мой, оказался мужиком очень активным и деятельным, и все заявления подал очень быстро, и все ответы получил моментально. В мои обязанности входила доставка на своей машине из райцентра в нашу глухомань этого инспектора кадастрового отдела, или по-простому — землемера, — и возвращение его “в первобытное состояние” — в родной райотдел.

Только надо учесть, что от нашей деревни до нашего райцентра — сорок километров, а до района, где этот земельный межрайонный кадастровый центр находится, — семьдесят. В общем, где-то я просчитался: и выехал поздно, и поехал не по той дороге, и навигатор вдруг заглохнул. И вот на незнакомой и разбитой — вся в ямах и колдобинах! — дороге я ещё вдобавок услышал, как под моей машиной, десятилетней и неубиваемой “Хондой ЦР-В”, что-то очень серьёзно и громко застучало. Я прижался, насколько можно было, к обочине, под которой холодно блестела болотной водой глубокая и нескончаемая канава. Заглянув под машину, я понял, что худшие мои опасения подтвердились: кардан оторвался и болтался, цепляясь одним своим концом за дорогу.

Настроение вконец у меня испортилось, и понятно, что не очень-то хочется в такой ситуации прибегать к тургеневско-бунинским изыскам и описывать малахитовые ели и золотые берёзки. Тем не менее, солнце садилось своим горячим брюхом на рельефный и острый гребень этих елей, растекаясь багровым закатом, в то время как с юга на небо очень быстро напозла чёрная грозовая туча.

Только тут я заметил, что впереди, ну, метров с пятьдесят, на обочине этой богом забытой трассы стоят две большие корзины с грибами и две маленьких — с ягодами. А чуть дальше, за корзинами, и лес кончился, и виднеется большая опушка, и крыши домиков просматриваются за последними деревьями.

Я уверенно зашагал вперёд и тут же разглядел рядом с корзинами сидящую на сосновом чурбаке маленькую старушку в сером, прямо-таки в каком-то мышинном зипуне, в валенках с галошами и в пуховом платке. В общем, одета была бабушка по погоде и по сезону. А что вы хотите? Сентябрь

в заволжских лесах — это время первых заморозков. В корзинах были рыжики, а они в наших краях не каждый год рождаются — раз в пять-шесть лет, а в маленьких — брусника и клюква. Смотрела она на меня с интересом.

— Как торговля, бабушка? — спросил я её, останавливаясь около корзины.

— Торговля — хорошо! Три корзины продала сегодня.

— А почему?

— По пятьсот. А ты так спрашиваешь или купить что-то хочешь?

Глазки у бабушки были умные, даже с хитрецей, и смотрели насмешливо.

— Да, нет, не до покупок мне, — для виду поломался я. — Что делать — не знаю. А это, бабушка, что за деревня и как тебя зовут?

— Зовут меня баба Нюра, а деревня — Быхово.

— А это твоя деревня?

— Моя.

— Баба Нюра, а нет ли у вас тут какого-нибудь мастера-умельца, который посмотрел бы у меня машину, а может, и оттащил бы её мне в город, если есть на чём?

— А как же — есть у нас мастер-умелец! Ваньки! — она так и произнесла: не “Ванька”, а “Ваньки”, и почему-то я воспрянул духом.

— Как бы мне его увидеть? Помогите!

— А чего я тебе помогать-то буду? Вон крыши — видишь? Второй дом по порядку — мой, а следующий, большущий с железным гаражом, его, Ваньки. Иди, дома он.

Я обнадёжился и уверенно пошагал к деревне, крыши которой виднелись из-за деревьев. Второй дом — дом бабы Нюры — был неказистый и покосившийся, зато следующий был не просто большой, но и выдающийся. Был он замечателен и огромным гаражом, скорее — ангаром, в который могли убраться два-три приличных трактора, и тем, что перед домом стояли, а скорее — валялись с десяток убитых легковых автомобилей всех годов выпуска и всех марок. Подойдя ближе, я увидел, что и на участке за домом в беспорядке скорее свалены, чем расставлены такие же останки разбитых машин, причём их не меньше там, чем перед домом. Тут были как ржавые без дверей и без колёс ни к чему не пригодные кузова, так и вполне пригодные, с первого взгляда, к ремонту приличные экземпляры. Хотя, честно признаюсь, небольшой специалист в этих железяках, чтобы кому-то что-то комментировать или советовать. Просто я с некоторым беспокойством представил свою “хонду” рядом с этими железными трупами.

Хозяин всей этой коллекции, по всей видимости, тот самый Ваньки, про которого говорила баба Нюра, стоял перед распахнутым ангаром почему-то с метлой в руках и курил. Был он не просто высокий, а даже длинный, ладони огромные, похожие на деревянные лопаты для снега, из-под распахнутого ватника торчит майка неопределённого цвета, голова лохматая, чуть-чуть подёргается, а взгляд... Как бы помягче сказать — ну, дауна что ли?

Он осторожно пожал мою протянутую руку

— Иван, — представился он и услужливо так спросил: — Случилось чего или в гости к кому?

— Случилось, Иван, случилось, — ответил я, — поломался я. Может, поможешь? Кардан отвалился у меня, и встал я рядом с бабой Нюрой.

— А какая машина-то у вас?

— “Хонда ЦР-В” десятилетняя.

— Ну, так мы кардан отключим, и ты на передке поедешь.

— Там, по-моему, всё хуже: его так завернуло, что он тяги погнул. Посмотрел бы ты?

— Да, пойдём, посмотрим.

Пока мы шли пешочком до трассы, начал накрапывать дождь, капли были редкие, но крупные. Попалась навстречу и баба Нюра с корзинками.

— Ваньки, поможешь человеку-то? — спросила она.

— Помогу, тёть Нюр, помогу, — ответил Иван.

Немного не доходя до моей старушки “хонды”, Иван спустился с обочины и подобрал большую суковатую палку. Что-то поворожив этой палкой под днищем машины, он отбросил её в сторону.

— Я сейчас в деревню схожу и вернусь, надо её в гараж оттащить, здесь я не смогу её оживить. А вы... Вы ждите меня здесь в машине, не мокните под дождём.

Довольно скоро из лесной просеки, ведущей в деревню, как-то прямо-таки выпрыгнул, покачиваясь с боку на бок и громко фыркая клубами дыма, трактор “Беларусь”. Дотащили мы трактором с грехом пополам мою доходягу до Иванова дома, а там вручную затолкали её под навес в гараж. И тут вместе с плотным и уверенным дождём наступила крошечная темнота.

В гараже у Ивана было уютно: лампочки светили каким-то оранжевым светом, и музыка симфоническая играла негромко через старинный радиоприёмник.

— Мил человек, — обратился ко мне Иван из ремонтной ямы, куда он сразу же залез, — шёл бы ты, посидел у тёти Нюры. У меня-то дома сарай — хуже, чем в гараже. Один живу, потому и не приглашаю, а тётя Нюра велела тебе передать, чтобы ты к ней заходил, если тут дела затянутся. А они затянутся. Часика через два я загляну к вам. Там на фланце болты срезать надо, заварились они, заржавели за десять-то лет... Пока я свою сварку раскочегарю...

Иван вылез из ямы, и мы закурили. Я опять обратил внимание, что у Ивана голова чуть-чуть вбок поворачивается и трясётся, и глаза посматривают исподлобья, как у дауна. Но я от кого-то слышал, что дауны до взрослого возраста не доживают. А тут...

— А что, баба Нюра одна живёт?

— Одна. Зайди, она рада будет, она женщина гостеприимная и грамотная, учительницей была. А вот судьба не сложилась: сын в тюрьме пропал, а дочка в районе в администрации работает, карьеру делает, замуж не идёт, юридический заочно закончила, к матери носа не кажет. Года три уже не была. Так что у бабы Нюры — ни детей толком, ни внучат. Разучились люди правильно жить.

— Так... А ты говоришь, что детей нет. А дочка?

— Такая дочка, что скорее она — не дочка! — Иван махнул рукой. — В прошлом году отец помер, дядя Коля, муж тёти Нюры, так эта дочка на похороны отца родного не приехала. Вы это можете понять? Тут тридцать верст до центра, где она живёт. Да разве в этом дело?

— Может, они конфликтовали? Поругались?

— Не-ет! Просто жить разучились.

— А сколько домов у вас в деревне?

— Домов пятьдесят хороших-то, а в тридцати дачники живут из города да из Москвы. Зимой-то у нас только десять домов тошилось, а в этом семь будет. Ты на меня не смотри — я инвалид детства, вот на пенсию инвалидную и живу да рукодельничаю чего-то. И остальные, кто здесь живёт, пенсионеры. Хотя, честно говоря, лес нас кормит. Вот тётя Нюра тысяч на тридцать, а то, может, и на пятьдесят уже продала грибов-то! Когда-то стадо деревенское было, ой-ёй коров-то, а сейчас ни одной. Вон тётя Нюра козу держит, и — всё! Ну, ещё курей у неё десяток.

— Ну, ладно, тогда я пойду к тёте Нюре, чайку попью. Я жду тебя, Иван.

Я выкинул докуренную сигарету, достал из машины коробку конфет, приготовленную для какой-нибудь барышни из районной администрации, и под хлеставшим дождём побежал от Иванова гаража до тёти Нюриной избы. Она меня ждала.

Да не просто ждала, а засуетилась, когда меня увидела: мокрые мои куртку, кроссовки да носки покидала на печку, которая уже гудела, дала мне какую-то стёганую ватную кацавейку-безрукавку и валяные опорки. Усадила она меня за стол, чайник уже вскипел, посередине стояла маленькая вазочка со свежим брусничным вареньем.

По телевизору что-то классическое играл симфонический оркестр. Я с улицы заметил телевизионную тарелку на коньке тёти Нюрино дома и напугался, что столкнусь с каким-нибудь “Камеди-клубом” в этой Богом забытой деревне. Но нет! Оказывается, для таких замечательных мест существуют и замечательные телеканалы.

Выпили мы с тётей Нюрой по паре чашек чая, съел я вазочку брусничного варенья, поговорили мы о детях: я — о своих, баба Нюра о своих рассказала. Сказала она, что сын её на заводе большом инженером работает, а дочка в администрации городской юристом, только жаль, что редко видятся. При этом смотрела баба Нюра куда-то в сторону, в угол, где на полочке три бумажных иконки стояли. А потом и вовсе ушла она к себе на кухню перебирать грибы, а мне наказала:

— Ты, мил человек, садись на кресло, смотри телевизор и жди Ваньки. Он придёт! Спать захочешь — ложись, спи! Раздвинь кресло, оно как кровать будет, одеяло стёганое я тебе приготовила, накроешься.

И заснул я сразу, и проснулся поздно, солнышко уже высоко стояло, и петух орал, как дурак пьяный.

— Ну, что проснулся, гость неожиданный?

— Тётя Нюра, ты уж прости, что пришлось загоститься.

— Гость неожиданный — божий подарок. Яшню я тебе сделаю?

— Да, не откажусь! Спасибо!

— Ваньки приходил два раза уже. Я не дала тебя будить.

Съел я яичницу из трёх яиц, выпил стакан козьего молока, зажав нос, — терпеть козье молоко не могу! — оставил пятьсот рублей на столе и пошёл к Ивану. Солнышко светило весело, на листьях и веточках вишни играли, поблёскивая, капли ночного дождя. Иван сидел на завалинке своей избы и курил.

— Ну, что, мил человек, аппарат твой я устроил, на пятьсот вёрст гарантию дам, а вообще-то в интернете на форуме я полазил и скажу, что надо срочно тебе в сервис: полную ревизию надо делать. А сейчас не торопясь на передке поедешь.

Расплатился я с Иваном, оставил ему тысячу, поблагодарил, пожал его огромную руку и поехал в район заканчивать свои кадастровые дела.

Инспекторшу из бюро инвентаризации, которая должна была ехать со мной замерять мой и соседский участки, звали Мариной. Была она лет тридцати, весёлая, смешливая и, если не толстая, то крепкая, сбитая, налитая, что ли. Глазки и губки у Марины подкрашенные, носик курносый кнопочкой — интересная женщина. Всю дорогу она мне рассказывала, как целый год ремонтировала свою однокомнатную квартиру, и вот — только что вернулась из Турции, где отдыхала от этого ремонта. Ехал я по той же вчерашней дороге, по тем же ямам и ухабам не торопясь и экспериментировать с маршрутом не хотелось.

Я издали увидел указатель со стрелкой “Быхово” и бабу Нюру, сидящую на чурбаке рядом со своими корзинами. Останавливаться специально я не стал: ну, чего — два часа назад прощались, обнимались. Пропылил мимо, приветно помахал рукой. И тут мой землемер Марина радостно как-то так говорит:

— А это моя мамка стоит, с грибами-то!

И тут я начал тормозить! Нет, не машиной, а в том смысле, как молодёжь теперь говорит. И торможу я уже второй день и ничего не понимаю, размышляю: правильно Иван из Быхово сказал, что разучились мы жить.

ЛЮДМИЛА ЩИПАХИНА

СКАЧЕТ ВРЕМЯ ПО УХАБАМ...

ОНИ И МЫ

Штампую решенья и даты,
С душой, провалившейся в ад,
ОНИ заседают, где надо,
Присвоив продажный мандат.

Карьерные эти везенья
Окутаны в денежный мрак.
Невидимой Орден презренья
Приколот на модный пиджак.

От них мы по-рабски зависим,
Хоть им наши беды не в счёт.
Дворцы их взмываются к высям
И нефть по карманам течёт...

Хоть ростом не больше напёрстка,
А духом — не выше тюрьмы,
Они лишь сплочённая горстка...
А Сила несметная — мы!

ЩИПАХИНА Людмила Васильевна родилась в Екатеринбурге. Юность прошла в Волгограде. Окончила Литинститут им. Горького. Поэт, автор около пятидесяти книг стихов и поэтических переводов. Лауреат ряда литературных премий, в том числе Всероссийской премии им. Александра Твардовского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

НА НОЧЬ ГЛЯДЯ...

Словно сизым окутанный дымом,
Трижды плюнув на наше крыльцо,
Ходит... Некто по землям родимым,
В телевизоре корчит лицо.

Ходит Некто с прищуренным глазом,
На мужчину похож со спины.
Пахнет в воздухе нефтью и газом.
А погодой рулят паханы.

Не в застенках, не в поле, не в гетто,
А у самых Кремлёвских ворот
Этот вечно незнаемый Некто
В секс-притон приглашает народ.

Он твердит про финансовый фактор.
Все слова его — ложь и подлог.
Этот Некто — и хитрый редактор,
И, конечно, отличный стрелок.

Но сегодня он спутал дороги
И вступил за последний предел...
Этот Некто не учит уроки.
Этот Некто уже надоел!

И Иван, светлородный Иваныч
Грозно крикнул в туманную даль:
“Ты молился ли, пакостник, на ночь?
Не молился, паскуда?!..
А жаль!”

ОЛИГАРХАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Как раздетым и распятым,
Неприлично и опасно
Быть несправедно богатым!
Быть богатым — безобразно...

То в макушку ворон клюнет,
То прохожий в личность плюнет,
То тебя покроют матом...
Неприлично быть богатым!

Отравляют миллиарды
Власть над “быдлом”, блеск богемы...
Лже-поэты и лже-барды
Даже сложат лже-поэмы...

Но грозой сквозь дни и мили
Всё равно придёт расплата.
Берегись автомобиля!
Гнева, взрыва, автомата...

Дорогие интерьеры
Сотрясаются от страха.
Гибнет бизнес и карьера,
Мокнет потная рубаха...

Всё опасней топорище
Над твоим плечом покатым...
Не жалейте братьев нищих —
Посочувствуйте богатым!

МЫ

Порой, как в преддверии ада,
Живём в перекрёстке проблем...
Мы, жалкие дети распада,
Не верим ни этим, ни тем...

В эпоху чужого насилья,
Когда расплзается тьма,
Обломаны бывшие крылья.
Оболганы наши слова.

И в этом распроданном мире
Не нужен наш праведный труд.
Кого-то замочат в сортире,
Кого-то в подъезде взорвут...

Живём осторожно, не ропщем,
Боимся послушаться власть.
...На торжище этом всеобщем
Мы самая лишняя часть.

КОМПРОМИСС...

Если слышен гром угроз,
Если нам утёрли нос,
Мы во всём покаемся...
Наш порыв замолк и скис.
Мы идём на компромисс!
Просто соглашаемся...

Компромисс — он “дипломат”,
Приоткроет двери в ад,
Где живут чудовища.
Страшно дать крутой ответ,
Страшно крикнуть слово “Нет!” —
Потерять сокровища...

Знает истину народ:
Смелость города берёт!
Гонит неприятеля!
Но над Родиной повис
Этот жалкий компромисс...
Нет подлец предателя!

МУЖЧИНАМ

Затянулись дни кручины...
Воровство, разбой, разврат.
Чем вы заняты, мужчины?
— Размышляем... — говорят.

Рассуждаем, убеждаем,
Говорим о том о сём...
Философию рождаем,
Миру истину несём!

А идти куда-то в массы —
Ну, уж это — западло!
Офицеры точат лясы,
А избранники — бабло.

Тяжкой жизни логарифмы...
С бодуна тошнит с утра.
И шушукуются в рифму
Пролетарии пера.

Скачет время по ухабам,
Хищным долларом звеня....
Неужели русским бабам
Останавливать коня?!

РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ

ТАК ДРАГОЦЕННО ВСЁ В РОДНОЙ СТРАНЕ

* * *

Конечно, судьба не щедра на подарки...
И всё же подарки — не главный вопрос.
Бывает, продрогнешь ты в полудень жаркий
и жаром горишь в самый лютый мороз.

Бывает, ты радостно молишься небу
за то, что стоит ясных дней полоса,
но вспомнишь, как тяжело деревьям и хлебу,
и молишь у неба, чтоб дождь пролился.

Бывает, от ветра сгибаешься вдвое,
дорога трудна, изнурителен путь,
но вспомнишь про парус над мёртвой водою —
и ветер желанен, и думаешь: “Пусть!..”

ВАЛЕЕВ Разиль (04.01.1947) — народный поэт Татарстана, прозаик, драматург и литературный переводчик. Окончил Московский Литературный институт имени М. Горького. Автор более пятидесяти книг, лауреат Государственной премии имени Габдуллы Тукая и Республиканской премии имени Мусы Джалиля. Многие песни, написанные на его стихи, вошли в репертуары ведущих татарских певцов, многие его пьесы с успехом идут в театрах республики. Стихи, рассказы и повести Разиля Валеева переведены на русский, казахский, киргизский, персидский, арабский, турецкий и другие языки.

Ты ночи грядущей боишься и хочешь
бегущему дню натянуть удила,
но вспомнишь влюблённых язычников ночи,
и просишь, чтоб ночь подлиннее была.

Бывает, что горе твоё — словно море,
и кажется, ввек его не переплыть,
но ты, забывая о собственном горе,
спешишь горе друга скорей разделить.

Перевод Д. Даминова

* * *

Я зеркала и окна разобью.
Меня в слезах за это не кляни.
А красоту нетленную свою
захочешь видеть — мне в глаза взгляни.

Пусть вдалеке окажется родня!
Пусть сердце учит голову добру!
И пусть друзей не будет у меня!
Тебе одной я сердце отопру.

Чтоб память успокоиться могла,
душа моя, о гордости забудь!
И так уже от гордости дотла
сгоревшим вижу даже Млечный Путь.

А ты всё ходишь где-то в стороне,
не слышишь разве, как тебя зову?
Я разбиваю зеркало во сне,
а вот осколки вижу наяву...

Перевод Н. Алешкова

РЕЛЬСЫ

Отходят и отходят поезда.
Так будет вечно, как и было прежде.
Они с собой уносят навсегда
Несбывшейся любви моей надежды.

В одном из них уехала и ты.
Гремит состав по дальним перегонам,
А я среди вокзальной суеты
Остался здесь отцепленным вагоном.

...Письмо твоё про звёзды, про цветы,
Про остров в одеянии зелёном...
В мечтах тот остров разыскала ты
И позвала меня стать Робинзоном.

Я в путь собрался, взяв с собой печаль.
Встречай меня приветною улыбкой.
Как поезд мчит в неведомую даль,
Прося прощенья за свою ошибку!..

Как жёлты придорожные цветы,
Они напились горького тумана.
Два рельса, две судьбы, как две мечты,
Вдали соединяются обманно.

Перевод Д. Даминова

В СТРАНЕ БУЛГАР

Великий Бу́лгар... Напрягая слух,
на тьму веков серчаю я жестоко...
Как предков гордый и бессмертный дух,
взмыл жаворонок в небеса высоко.

Вот человек — из древней старины
идёт и с песней переходит поле,
и как в десятом веке, скакуны,
узды не зная, скачут здесь на воле.

Всё, как тогда, — и солнце, и луна.
Закат, как прежде, ярк и малинов...
Оставила нам древняя страна
лишь черепки от глиняных кувшинов.

Так драгоценно всё в родной стране,
так всё полно надежд и откровений,
что звук любой и отзвук, мнится мне, —
как эхо стародавних песнопений.

Развалины, руины — злая быль;
угадывая прошлого приметы,
я вижу: жив ещё седой ковыль,
чтоб передать мне дедовы заветы.

Великий Булгар — древнее жнивье.
Тобой я счастлив, болен я тобою.
Насторожённо кружит воронье
над пеплом лет, над скорбной головою...

Перевод Р. Бухараева

СВАДЬБА В ДЕРЕВНЕ

Свадьба в деревне:
Ворота — настезь!
Светом окружённый,
Татарский туй выходит из ворот!
Сегодня тракторист весёлый
в жёны
Доярку чернобровую берёт!

Тесна сегодня для парней округа,
Поспорит с солнцем свет девичьих глаз!
Старуха тянет за рукав супруга:
“Стыдись!” А тот уже пустился в пляс!

Копытами постукивают кони,
И каждый конь — испытанный в бегах!

Сегодня широка душа гармонии —
Не жаворонки ли в её мехах?!

В деревне свадьба.
Слушают просторы
Парней запевки, звонкий смех девчат.
Пускай молчат железные моторы,
Пускай копыта конские стучат.

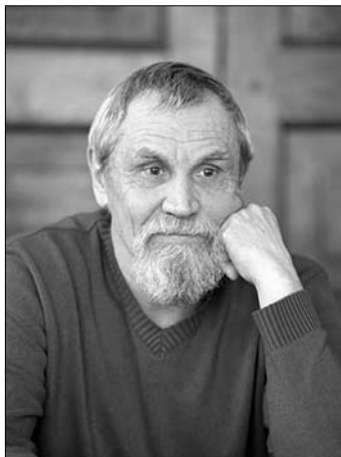
Приданое — достойное калыма:
Не пережиток то, не старина.
Принёс в калым он доброту и силу,
А красоту в приданое — она.

Вот-вот порвутся конские поводья,
Но не прервётся песенная нить.
И колокольцы, чтимые в народе,
Пусть не устанут радостно звонить!

Взлетают песни, день сияет ясный!
Раздайся шире, праздничный народ!
Ворота — настезь! Радостный, прекрасный,
Татарский туй выходит из ворот!

Перевод Д. Даминова

ВАСИЛИЙ КОЗЛОВ

В МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ НЕОБЪЯТНОГО НЕБА

* * *

Мне открылась с горы золотая река
И дорога вдоль дикого луга.
А над ними кочуют стада-облака,
Подминая боками друг друга

От деревни остался забытый погост,
Да обломок соснового прясла,
Да на скорые нужды разобранный мост.
Жизнь горела вовсю, да погасла.

На надгробии надпись не смог прочитать —
Ветер выел песчаную мякоть.
Видно, больше не ходит никто навещать,
Только ливень и может оплакать.

Но впустую старается молох-прогресс —
Не всеильна безумная воля.
Слава Богу, остались и речка, и лес,
И дурниной заросшее поле.

КОЗЛОВ Василий Васильевич родился в 1947 г. на ст. Оловянная Читинской области. Учился в Иркутском госуниверситете на филологическом факультете. Автор поэтических книг “Уроки доброты”, “Есть у меня на свете брат”, “Стихотворения” и др. Лауреат Всероссийской премии “Звезда полей” имени Николая Рубцова. Член Союза писателей России, поэт. Живёт в Иркутске.

ЗАСТОЛЬНЫЙ РАЗГОВОР

Альберту Гурулёву

— А что, может, выпьем? — спросил ты с улыбкой,
а мне не хотелось.
Но часто, о други, подводит меня мягкотелость...

И ты ненароком добил меня доводом веским:
— Писателей, глянь, как грибов расплодилось,
а выпить-то не с кем...

Не в смысле того, что им трезвость внушила уроки,
Душевности нет в разговоре, всё распри да склоки...

И так покатила по камушкам наша беседа.
Для строгости жанра пошли пригласили соседа.

Крутили, мутили остатние воды колодца.
А что остаётся? А то, что другим достаётся...

Нет с нами давно Ростислава, Бориса и Глеба...
Когда-то и нам распахнётся любимое небо.

Там млечные реки, там райские кущи. И много чего там...
Но мало чего там по нашим делам и заботам.

Не надо мне рая, не надо мне чуда на блюде,
Но хочется верить, что мы ж не последние люди.

Да хочется верить: за наши грехи и писанья,
Быть может, не смертное ждёт нас с тобой наказание,

И где-то в медвежьем углу необъятного неба
Мы встретим с тобой Ростислава, Бориса и Глеба.

И пусть не нальют там на радостях даже компота,
Мне встретиться с ними хотя б ненадолго охота.

Глеб выйдет навстречу в своей допотопной тельняшке.
Вовек не забудет свои молодые замашки.

Шагнёт Ростислав ироничный устало навстречу:
— Тут ходит такой анекдот про Ивана Предтечу...

Борису и в жизни была не знакома бравада —
Затеплится свет невечерний смиренного взгляда...

Всё будет не так, но хотелось бы верить, что будет...
А жизнь и без нас не убудет. Ты прав, не убудет...

* * *

Т. Т.

Сколько клятв произнёс я в ночи,
Сколько было любовного пыла!
Только ты мне сказала: "Молчи". —
И своими слезами омыла.

Оглянулся на юность свою,
Всё в ней прах — и уменье, и сила...
Только ты мне сказала: “Люблю,” —
И в ответ ничего не спросила.

* * *

Г. Г.

Чем я тебя утешу, брат?
Я не найду такого слова.
Не взял ты в руки автомат
В минуту боя рокового.

И я с картонных баррикад
Среди развала мирового
Кричал, что искреннее слово
Взрывоопасней, чем снаряд.

Не оказалось ни вождей,
Ни грозной воинской отваги.
На свежем гноище идей
Скулят приبلудные собаки.

И что? Лукавые враги
Вновь сотрясают основанья.
Как жизнь свою ни береги,
Нет за измену оправданья.

И мне отчизна дорога,
И жизнь в плену — не наше дело.
Блажен, кто видел грудь врага
На планке верного прицела...

1994

---

*Поздравляем талантливого поэта,
друга Валентина Распутина,
давнего автора нашего журнала
Василия Васильевича Козлова
с 70-летием!*

ЮРИЙ КОЗЛОВ

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

1. Куда летит стрела?

Мне кажется, что Сибирь — это последнее, что осталось у России. Как в плане природных богатств, так и в плане надежд на будущее. Поэтому высказываемые время от времени предложения (к ним, правда, относятся без должной серьёзности) перенести столицу из Москвы в какой-нибудь крупный сибирский город — Тюмень, Новосибирск, Красноярск или Иркутск — представляются мне весьма правильными, хотя и несколько запоздавшими.

Выломанная из СССР, предоставленная самой себе Россия вот уже четверть века теряет пространство и время для определения собственной судьбы. Судьбу народа можно уподобить выпущенной из лука стреле. Она летит в сторону выбранной цели и или достигает, или не достигает её. Устройство лука и натяжение тетивы можно уподобить идеологии: они обеспечивают дальность и точность полёта стрелы. Советская “стрела” не долетела до цели, упала в первоначальную грязь дикого капитализма. Российская же “стрела” и вовсе полетела не вверх — к вековечной русской мечте о правде и справедливости, — а буром устремилась вниз, к недрам, где нефть, газ и прочие дарованные Богом богатства. Эти, в основном, находящиеся на территории Сибири богатства сегодня преобразуются в сказочную жизнь для тех, кто “успел” или кто был назначен ими владеть. Таких счастливых и примкнувшей к ним обслуги — чиновников, адвокатов, силовиков, рекламно-медийных магнатов, топ-менеджеров государственных корпораций, прикормленных “деятелей культуры”, умельцев из шоу-бизнеса, — как свидетельствует статистика, в стране насчитывается примерно три процента от общего числа граждан. Журнал “Форбс” утверждает, что все богатства России контролируются представителями ста шестидесяти семей. Остальным девяноста семи процентам населения, миллионам прочих семей, то есть тем, кто “опоздал”, кого “не назначили”, говоря по-простому, всем нам уготовано унылое, на грани “прожи-

---

КОЗЛОВ Юрий Вильямович (1953 года рождения) — известный российский писатель, автор многих книг прозы, лауреат престижных литературных премий. После окончания Московского полиграфического института служил в армии на Чукотке. Затем работал в журналах “Юность”, “Огонёк”, газете “Россия”. С 1995 по 2001 годы работал в пресс-службе Государственной Думы. В 2005—2011 годах возглавлял пресс-службу Совета Федерации. В настоящее время главный редактор “Роман-газеты”. Автор романов “Колодец пророков”, “Почтовая рыба”, “Враждебный портной”, повестей “Геополитический роман”, “Коридор”.

точного минимума” существование в условиях перманентного экономического кризиса. Следует отметить, что природу этого кризиса народ не понимает. Да, цены на нефть и газ скачут, но почему при этом закрываются производства, сокращаются рабочие места, растут цены и тарифы ЖКХ, а зарплаты снижаются?

Нынешнее российское общественно-экономическо-политическое устройство можно сравнить с перевёрнутой пирамидой. Она не может не рухнуть в силу того, что, отнюдь не являясь “солью земли русской”, равно как и “умом, честью и совестью нашей эпохи”, самозванные три процента хотят владеть богатствами страны вечно, а девяносто семь процентов всё яснее начинают осознавать, что их жизнь внутри существующего порядка вещей бессмысленна и безнадежна.

Мне вспоминается уникальный дом в Иркутске, на стене которого сохранена фреска со словами “Интернационала” и суровыми иллюстрациями к нему. Я обратил внимание на молодых, явно родившихся после развала СССР юношей и девушек, с интересом и вниманием вчитывавшихся в каменный, казалось бы, давно утративший актуальность текст. А ещё там же в Иркутске запомнился рекламный предвыборный щит с хорошо известной людям старших поколений фотографией Ленина. В своё время она вдохновила Маяковского на строки: “Двое в комнате: я и Ленин // фотографией на белой стене”. Вождь мирового пролетариата как будто пронизывает взглядом смотрящего на фотографию, заглядывает ему в самую душу. Неплохо был сформулирован на щите и заданный от имени основателя советского государства вопрос: “Ну, как вам живётся при капитализме?”

Каждый, естественно, сам отвечает на этот вопрос, но в целом (об этом свидетельствуют многочисленные опросы социологических служб) народ отвечает: “Могли бы жить и лучше”.

Утвердившийся в России “периферийный” капитализм совершенно не учитывает глубинную психологию и трудовую мотивацию нашего народа. В самом деле, разве можно вообразить себе бригаду, работающую с такой же самоотдачей на принадлежащем какому-нибудь офшорному олигарху предприятти, как работала бригада Павки Корчагина на строительстве знаменитой узкоколейки? В русское сознание, наверное, со времени отмены крепостного права и начала промышленной революции вмонтирована ненависть к тем, кто (по Марксу) наживается на чужом труде, одним своим существованием (дворцы, яхты, миллиарды, семья за границей и т.д.) оскорбляет вековые народные представления о справедливости как мере всех вещей. Настоящей ненавистью к капитализму пронизана великая русская литература. О его “свинцовых мерзостях” писали Толстой, Достоевский, Чехов, Гаршин, Решетников, Успенский, Лесков, Некрасов. Внесли свою лепту и знаменитые сибирские писатели – Мельников-Печерский, Мамин-Сибиряк, Обручев, другие менее известные литераторы, именуемые в литературных энциклопедиях “областниками”. Во второй половине девятнадцатого века в России сложилось настоящее антикапиталистическое, антинигилистическое направление в литературе. Яркими его представителями были такие авторы, как Крестовский, Писемский, Клюшников, Авенариус, Маркевич. Они в своих произведениях показывали, как “низовая” Россия, ментально и экономически не воспринимающая капитализм как хозяйственную систему и либерализм, как основу общественных отношений, тем не менее, по воле “верхов” чахнет от язв капитализма и либерализма. Помимо этого, в русском варианте либерализма эти писатели обнаруживали мощнейшую антинациональную направленность. Тогдашняя “прогрессивная интеллигенция” объявила их мракобесами и ретроgrадами, но время показало, что они были правы. Не избежал этой участи и классик русской литературы недавнего времени – Валентин Распутин. Этого писателя, вынужденно воздавая ему официальные почести, по большому счёту не любили ни советская, ни, тем более, постсоветская власть. Я убеждён, что, встречаясь на берегах Байкала (красивая ТВ-картинка!) в канун выборов, российские руководители не могли понять, о чём, сбиваясь и волнуясь, говорит этот человек, чего он хочет? Это было видно по их лицам. И как я вынес из своих редких разговоров с Валентином Григорьевичем, он сам искренне тяготился невозможностью взаимопонимания с представителями “верхов”. Впрочем, этого взаимопонимания и не могло быть. Распутин нёс

“наверх” мысли зажатых русских “низов” о правде, справедливости, глубокой неудовлетворённости существующими реалиями. “Верхи” же в ответ скупающе кивали, в лучшем случае, предлагали оказать писателю материальное содействие в каком-нибудь умеренно-патриотическом культурном проекте. “И за это спасибо!” – обычно говорил в таких случаях Распутин.

Действительно, русский человек в силу каких-то особенностей своей психологии не хотел (и сейчас не хочет), даже не отдавая себе в этом отчёта, работать на неизвестно откуда появившегося собственника. Не склонен он и уважать допустившее появление подобного собственника государство. Народ постепенно теряет связь с государством и не принадлежащим ему местом работы – заводом, фабрикой, стройкой, лишается профессиональной квалификации, перестаёт видеть смысл в самом процессе труда, превращается в коллективного, живущего случайными заработками и подножным кормом “бомжа”. Кстати, процесс этого “перерождения” начался ещё в мнимо стабильном и могучем СССР, что тот же Распутин убедительно показал в пророческой повести “Пожар”. Не склонен русский человек и заниматься торговлей, практически повсеместно переуступив это право представителям иных, в основном, южных национальностей. Те же профессии, где русские были традиционно успешны, – преподаватели, учёные, врачи, инженеры – сейчас находятся под постоянным гнѐтом коммерческого реформирования. Вынужденная “заточенность” на немедленный финансовый результат вступает в противоречие с нравственными представлениями людей о смысле работы как оказании помощи ближнему и собственном вкладе в некое общее дело, поэтому многие хорошие специалисты уходят из профессии. Если “верхи” уверены, что “деньги решают всё”, то для “низов” это далеко не очевидно. “Низы” пока не могут внятно объяснить, чего они хотят, но совершенно точно, что то, как мы живѐм сейчас, им не нравится.

В СССР было бесклассовое общество. Предположение югославского коммуниста Милована Джиласа, что функции господствующего класса в СССР приняла на себя партийно-хозяйственная номенклатура, представляется спорным. Во-первых, “номенклатурщики” были ограничены во владении собственностью. Во-вторых, не могли передавать свои должности и, соответственно, доходы по наследству. В-третьих, они сами (особенно в сталинские времена) ходили под законом, точнее беззаконием, то есть могли в любой момент потерять не только пост, но и жизнь.

В постсоветской России классовое общество восстановлено в самой неприглядной и циничной форме. Объектом извлечения средств и преференций стали не только природные богатства страны и построенные в советское время промышленные и энергетические комплексы, но сама государственная служба. Дети высокопоставленных чиновников сплошь сидят на многомиллионных окладах в государственных корпорациях, рассекают, пугая не смеющее их задерживать ДПС, на “Бентли” и “Майбахах” по ночной, а в последнее время уже и по дневной Москве. Да не по проезжей части, а по тротуарам и парковым дорожкам! Зато в законодательных и исполнительных органах власти страны практически не представлено “трудовое сословие” – крестьянство и рабочий класс. Последним представителем пролетариата в Государственной Думе был колоритный коммунист Шандыбин – “доктор рабочих наук”, как он себя называл.

Каким бы энергичным, талантливым и умным ни был выходец из “девятиности семи”, ему никогда, ни при каких условиях и обстоятельствах не пробиться в заповедные “три процента”. Социальные лифты не поднимают наверх талантливых людей из народа, а наоборот, опускают вниз, на дно общества. Советская история знает великое множество случаев, когда ребята “от сохи”, “от станка”, из интерната или детского дома становились министрами, академиками и секретарями обкомов. В новейшей российской действительности такое изначально немисливо. Банковские, нефтяные, газовые, торговые и прочие “кормления” в стране отдаются сыновьям “отцов именитых”, а теперь уже и внукам. Остальным говорят: “Денег нет, но вы держитесь!” Сбылось пророчество Петра Верховенского из гениального романа Достоевского “Бесы” – “...всякого гения мы потушим в младенчестве”.

Сегодня этому гипотетическому “гению” не так-то просто вообще появиться на свет в российской глубинке, где успешно “оптимизируются” роддома

и больницы. Не говоря о том, чтобы получить образование в закрывающихся по всей сельской России школах. Вот почему нынешняя модель социально-экономического устройства, когда богатые с каждым годом становятся богаче, а бедные беднее, когда так называемой “элите” – всё, а остальным – закон, налог и “прожиточный минимум”, вряд ли способна вывести нашу страну в “мировые лидеры”, как обещают в программных выступлениях государственные люди. Вопрос лишь в том, смирился ли народ с тем, что его время “истекло”, что страна и её богатства более ему не принадлежат. Что он, народ, – расходный материал для *нового мирового порядка*, в который (на не сообщаемых народу условиях) мечтают вписаться те самые “три процента”. Или же нас ожидает некий всплеск народной инициативы, стремительное и неожиданное возвращение “девяноста семи процентов” из горестно-сонного состояния “внутреннего исхода”, “духовной эмиграции”. Писатель и общественный деятель, президент Аксаковского фонда Михаил Чванов сравнивал это с исходом из страны лучших русских людей в двадцатые годы прошлого века после поражения белого движения в гражданской войне.

Здесь-то мы и подходим к некоему сакральному значению Сибири для России. Сибирь дарована России, чтобы та не пропала. Чтобы она могла существовать в любых, даже самых неблагоприятных обстоятельствах, длить свою жизнь во времена исторических “пауз”, когда пребывающий в социальном и гражданском “смущении” народ думает свою потаённую “думку”, сокрытую за занавесом внешнего смирения перед властью и традиционного русского “одобрямс”. Зимой сорок первого года сибирские дивизии спасли Москву. Сибирским хлебом кормилась страна, пока главные житницы СССР были под немцами. Сегодня сибирские нефть, газ, лес, алмазы и другие природные ископаемые наполняют российский бюджет, позволяя власти обеспечивать обязательные социальные выплаты, а народу сводить концы с концами.

Кажущаяся прочность существующего порядка во многом иллюзорна. Запредельные рейтинги первого лица свидетельствуют о приближении общества к критической точке, которую оно хочет всеми силами от себя отодвинуть. Это тоже особенность нашего народа – прятаться за безоглядную веру, как за последний барьер перед решением, которое невозможно, но так хочется отсрочить.

2. Народная геополитика

Можно, конечно, возразить: а как же Крым? Увы, по прошествии времени стало ясно, что страна приросла территориально, но не идейно. Всколыхнувшая было сердца идея *Русского мира* так и не получила развития, споткнувшись на Донбассе, ушла, как вода в песок, в дипломатические словопрения, в череду неясных договорённостей, где позицию России представляли Зурабов, Сурков, Грызлов и прочие хранящие “тайну переписки” чиновники, не проявившие себя, скажем так, на патриотической ниве.

Оставаясь внутренне – законсервированно – советским (а как ещё можно было противостоять навязываемому “украинству”?), народ Крыма полагал, что и в России ещё до конца не изжито советское прошлое. Но это оказалось не так. Полуостров русской воинской славы не стал “свечой зажигания” для запуска новых смыслов в обретенной Родине. А сейчас и вовсе некоторые ответственные товарищи заговорили о том, что Крым для России “неподъёмная ноша”, не худо бы каким-нибудь образом её облегчить. Если за объединение с Россией на референдуме проголосовало чуть ли не сто процентов крымчан, то на последних по времени выборах в Государственную Думу явка составила немногим более пятидесяти процентов. Это очень тревожный симптом.

Страна в очередной раз упёрлась в неразрешимый во все времена для власти *русский вопрос*.

Есть некая злая мистика во всём, что касается этого вопроса, а точнее, жизни и судеб русских людей. Можно вспомнить результаты русско-турецких войн девятнадцатого века, когда дипломаты бездарно проигрывали то, чего ценой беспримерных подвигов и солдатских жизней добивалась русская армия. Или странную недееспособность русских патриотов в феврале и октябре тысяча девятьсот семнадцатого, когда революционные матросы под весёлую песню “Была Россия царская, а стала пролетарская” отправляли “в штаб к Духонину” (так тогда именовался расстрел без суда и следствия) своих командиров,

а потом и прочих не понравившихся им граждан. Как получилось, что русский народ, отказавшись от своей национальной сущности, увлекся идеей мировой революции, решил воевать не за собственную Родину, а “чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать”? Почему “народ-богоносец” взялся громить церкви, плевать в иконы, душить “буржуев, офицеров и профессоров”, свирепо реветь “Интернационал”, слова которого до сих пор украшают стену одного из домов в Иркутске?

Революционное неистовство обернулось для России обнулением цены человеческой жизни. Она, эта жизнь, ничего не стоила ни в гражданскую войну, ни в двадцатых и тридцатых годах. Немного стоила она и во времена Великой Отечественной войны, когда Сталин решил, что миллионы оказавшихся в плену советских солдат – предатели, и, следовательно, можно не интересоваться их судьбой. Судьбой немногих выживших в нацистских лагерях военнопленных, равно как и судьбой русских эмигрантов, не являвшихся гражданами СССР, но оказавшихся на занятых его армией территориях, советская власть действительно заинтересовалась позже, когда пришла пора репатриировать их на Родину, точнее в “родные” тюрьмы и лагеря. Да, в годы войны власть вспомнила о патриотизме и жертвенном величии русского народа. Сталин произнёс по этому поводу знаменитый тост. Но уже в сорок шестом году начался “откат” от патриотизма, обернувшийся тремя годами позже “ленинградским делом”, когда были расстреляны и репрессированы несколько тысяч русских по своей этнической принадлежности руководителей разного – от ЦК до райкомов – уровня. Никким образом не содействовала укреплению в обществе патриотизма и развернувшаяся в начале пятидесятых годов кампания против “безродных космополитов”.

Любая общественная инициатива, как в императорской, так и в советской, а сейчас и в постсоветской России непременно строго проверяется, можно сказать, “кастрируется” на предмет возможного “русского национализма”. Сталин, к примеру, обнаружил “национализм” в Сибири, когда посетил её в двадцать девятом году. “Национализм” заключался в том, что крестьяне отказывались продавать за бесценок государству хлеб, а самый наглый “националист” заявил: “А ты спляши, рябой, тогда, глядишь, я и насыплю тебе мешок хлебушка”. Вернувшись из этой поездки, Сталин принял решение о сплошной коллективизации, взялся ломать через колено хребет крестьянской России, ликвидировать кулачество как класс.

Это удивительно, но во все времена “русская тема” почему-то является неудобной и какой-то неприятной для власти. Ни один, начиная с Ленина, руководитель не обозначил чётко и последовательно своё к ней отношение. Хотя нет, Ленин считал “великодержавный русский национализм” главным врагом революции и призывал беспощадно с ним бороться. Сталин был прагматиком, использовал русский патриотизм сугубо технологично. Хрущёв как бывший троцкист ополчился на Православие, видимо, проницательно разглядев в нём уже религиозную разновидность национализма. Он закрыл тысячи храмов по всей России, обещал народу показать через несколько лет по телевизору “последнего попа”. Брежнев, бывший (по паспорту) то украинцем, то русским, отличился полнейшей индифферентностью к этой теме. Зато сменивший его Андропов, в бытность свою председателем КГБ охотно отпускавший за границу диссидентов, решительно боролся с так называемыми “русистами”, засевшими в журналах “Молодая гвардия”, “Человек и закон”, а также в Обществе охраны памятников истории и культуры. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, он, правда, переключился на укрепление трудовой и прочей дисциплины, видимо, желая “подтянуть” русский народ уже не столько идеологически, сколько административно. Черненко, помнится, разрешил писать слово “Родина” с большой буквы и снял наложенный Андроповым запрет на печатное употребление слова “русский”. Это слово везде следовало заменять на “советский”. Я сам был свидетелем, как две симпатичные редакторши в крупном столичном издательстве долго вымышляли, как бы поправить в тексте народной сказки фразу: “Старуха вытащила ухватом горшок из русской печи”. По тогдашним негласным правилам фраза должна была звучать так: “Старуха вытащила ухватом горшок из советской печи”. Но редакторши понимали, что их засмеют, и, в конце концов, остановились на варианте: “Старуха вытащила ухватом горшок из ободранной печи”. Смысловая близость двух определений – “русский” и “ободранный” – была для них очевидна.

Горбачёв и Ельцин управляли страной, не изнуряя себя размышлениями об особенностях русского народа, о том, какие реформы он примет и поддержит, а какие (в силу своей душевной организации и исторического, точнее, генетического опыта) отвергнет, даже внешне с ними смирившись.

Спору нет, с одной стороны, любые изменения курса государственного корабля в сторону здравого смысла и социальной справедливости (ведь именно этого алчут трудящиеся массы!) благотворны. С другой — вековой опыт России свидетельствует, что большинство судьбоносных экономических и политических реформ в ней оборачивались, мягко говоря, большим дискомфортом для народа, приводили к последствиям совершенно неожиданным для реформаторов. Можно вспомнить убийство народовольцами “царя-освободителя” Александра Второго. Или установление иностранного контроля над российской промышленностью, невиданные финансовые спекуляции на биржах после введения графом Витте свободного обращения золотого рубля. Или — применительно к современности — реформы девяностых, результатом которых стал “откат” страны практически по всем (за исключением числа миллиардеров) экономическим показателям, а также “ползучий” отказ государства от большинства социальных обязательств перед населением.

Особняком в ряду реформ стоят “сталинские” — индустриализация и коллективизация. На одной чаше весов — невиданный трудовой энтузиазм (Магнитка, ДнепроГЭС, Кузбасс, сотни построенных заводов и фабрик), на другой — безмерные страдания ликвидированного как класс крестьянства, голод и репрессии. О цене этих реформ до сих пор ведутся споры, но, думается, она за пределами любых научных (экономических и политологических) аргументов. Повторение такого рода реформ возможно только в исключительных исторических обстоятельствах и при совершенно ином психоэмоциональном состоянии власти и общества.

В сложившейся ситуации очень важно не повторить прежних ошибок. В истории России ведь были и примеры относительно удачных реформ. Например, реформа Столыпина. Можно сколько угодно идеализировать крестьянскую общину, но во многом благодаря реформе Столыпина Сибирь, в отличие от Украины, центральной России и Поволжья, смогла избежать страшного голода тридцатых годов. И это при том, что Столыпинская реформа так и не была из-за Первой мировой войны доведена до конца.

Правильно говорят, что реформы диктует жизнь. Но любая реформа может принести пользу только в том случае, если она опирается на вековые представления народа о жизни, если она доступна его пониманию и не вызывает нравственного и психологического отторжения. Реформы девяностых годов, плоды которых мы до сих пор пожинаем, активизировали худшие черты народа: жадность, вороватость, страсть к разбою и грабежу, анархии и обману. Вместо свободной конкуренции мы получили олигархический беспредел. Вместо социальной справедливости — бюрократический произвол и повсеместную коррупцию. Сейчас народ в массе своей прозрел, осознал, в том числе и собственные, ошибки. На невидимой повестке дня стоит вопрос о возвращении нагло украденной народной собственности, наказании проводивших “приватизацию” воров и мерзавцев. Но власть предпочитает этого как бы не замечать, рассуждая о некоем общенациональном консенсусе, всеобщем примирении. Договорились до того, что “примиряться” должны “красные”, “белые” и... “ельцинские”. То есть палачи, жертвы, грабители и ограбленные. Пока что история не знает случаев подобного примирения.

Если изменения в экономической политике опираются на лучшие представления народа, — в первую очередь, это касается уважения к человеческому достоинству и социальной справедливости, — то у этого курса есть шанс на успех. Иначе любые, даже с научной точки зрения абсолютно логичные и необходимые реформы заработают в обратном направлении и не достигнут поставленных целей. Экономика точно так же, как и идеология, не может существовать отдельно от народа. Она сильна, когда народ в ней, как “рыба в воде”, а не как бессловесное приложение к собственности олигархов. В противном случае нам останется утешаться словами известного исторического персонажа фельдмаршала Миниха. Он высказался в том духе, что Россия — это страна, напрямую управляемая Господом Богом, иначе объяснить существование такой страны попросту невозможно.

Вот почему правильно (без пафоса, но исходя из бесспорных исторических реалий) сформулированная высшим руководством страны и законодательно закреплённая позиция, разъясняющая место, роль и сегодняшнее положение русского народа в государстве, могла бы явиться тем “краеугольным камнем”, с которого началось бы постепенное формирование нового, отвечающего национальным традициям и предпочтениям общественного уклада. Такого уклада, когда во главу угла ставились бы не сиюминутные тактические, а долговременные, стратегические, главное же, понятные народу задачи и цели.

Россия и по сию пору, потеряв некогда союзные республики, остаётся самым большим государством в мире. Пространство удлинит мысль, делает её бесконечной. Русская философия – это философия вечной жизни и космического пространства. Если основа западной философии – Ницше, Шопенгауэра, Шпенглера, Кьеркегора, Хайдеггера, Бубера – энтропия, смерть как конечная точка бытия (в редких случаях смена сущности через насилие), то русский философ Фёдоров определил “общее дело” как воскрешение всех умерших, преодоление человеческой цивилизацией земного притяжения, свободную и счастливую жизнь на просторах Вселенной. Можно воспринимать это как наивную сказку. Но ведь был полёт Гагарина, и была всенародная, какую не обеспечить никакими “оргмероприятиями”, радость по этому поводу. Это был порыв к некоему надмирному идеалу поверх сиюминутного существования “здесь и сейчас”. Его трудно сформулировать словами, но тогда он, “заархивированный” в “коллективном бессознательном” народа, вырвался наружу. Вот почему не приживается в России, несмотря на старания правящей “элиты”, идея потребления как смысла существования. Потребление, как и человеческая жизнь, конечно во времени. Русскому же сознанию всегда были тесны рамки одной-единственной жизни. Русский народ не может полноценно существовать, если у него нет ОБЩЕГО ДЕЛА и если он не видит за горизонтом собственного существования ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ, сообщающей СМЫСЛ его ЖИЗНИ. Русский путь – это вечное движение, пусть даже к неведомой цели. Так русские первопроходцы осваивали Сибирь, Аляску и Калифорнию. Так казаки плыли по бесконечному Амуру навстречу солнцу, справедливо полагая, что один лишь Господь Бог “знает наш предел”.

Трудно предсказать, чем обернётся для России нынешняя геополитическая и идеологическая “пауза”. Исторический опыт свидетельствует, что, когда она чрезмерно затягивается, когда верхи “не могут”, но “хотят”, а низы “не хотят”, но “терпят”, пауза прерывается революцией. У русской революции, как у чемодана контрабандиста, двойное дно. Первое – очевидное и относительно бескровное. Так в феврале семнадцатого года покончили (национальный консенсус) с самодержавием, защищать которое отказались не только потребовавшие отречения генералы и думские депутаты, но и ближайшие родственники императора Николая Второго. Второе – поистине бездонное, поднимающее страну на дыбы. Это уже октябрь семнадцатого. Есть и другой – тоже по-своему революционный, но в негативном смысле, как в 1991 году, вариант. Началось всё вроде бы с правильных и хороших, главное, мирных лозунгов – больше демократии, гласности, экономической самостоятельности и гражданских свобод. Закончилось же распадом, ураганным разграблением страны, разрушением промышленности и сельского хозяйства, как если бы СССР потерпел жестокое поражение в войне и выплатил (кому?) невиданную в истории человечества (некоторые экономисты оценивают её в несколько триллионов долларов) контрибуцию.

Лично у меня нет никаких сомнений, что, не случись Октябрь, результат Февраля был бы точно такой же, как в 1991 году. Есть у меня и объяснение для метафизической революционной “ловушки”, куда снова, спустя сто лет, рискует угнаться Россия. Народ, переживший многовековое подавление своего национально-патриотического чувства, потерявший веру в себя, отучившийся брать ответственность за организацию повседневной жизни в собственной стране, интуитивно ищет выход своей обруганной и подавленной национальной энергии в крайностях, в альтернативных вариантах существования, таких как старообрядчество, мировая революция, военный коммунизм, православный социализм и так далее. А силы в нашем народе заключены немереные. Достаточно вспомнить Великую Отечественную войну, когда, внезапно осознав себя русскими патриотами, строители ДнепроГЭСа и Магнитки, “сталинские

соколы” и “двадцатипятитысячники” вместе с потомками лишенцев, кулаков, нетрудовых элементов и прочих обиженных революцией “прослоек” растёрли в пыль самую мощную и технически оснащённую армию тогдашнего мира. И ведь есть, есть ключ к отворению этой народной энергии, направлению её в созидательное русло. Но нет у властей предрасположенности рискнуть, честно назвать вещи своими именами. Хотя, казалось бы, так просто признать, что эксперимент не удался, страна не может развиваться в условиях государственно-олигархического капитализма и перманентного разрывания бюджетных средств теми, “кто должен их стеречь”, то есть чиновниками, губернаторами и “борцами с коррупцией”, у которых дома обнаруживаются тонны денег. Что народ опустил руки и не хочет работать, потому что ему не нравится капитализм. Что ещё несколько лет такой, как сейчас, национальной и миграционной политики, и место русских, не только в банках, корпорациях, прокуратуре и прочих хлебных местах, не только на заводах, стройках и рынках, а вообще везде и всюду займут представители других народов, уже сейчас активно осваивающих пустующие просторы вымирающей России.

Существует в этой ненормальной ситуации и ещё одна “скрытая угроза”. Понятно, что наш “истеблишмент”, хранящий деньги в западных банках, отправивший туда детей и прикупивший там недвижимость, крайне не заинтересован в конфликте между Западом и Россией. Но есть неподвластная желанию людей логика, заставляющая разные страны вести политику, казалось бы, вопреки интересам своих “элит”. словно какая-то незримая, сокрытая в глубине истории и психологии народа сила ведёт страну по невидимым рельсам... Куда? Туда, куда (спроси любого!) никто не хочет. Нечто схожее происходит сейчас с Россией. Душой, имуществом, банковскими активами наша “элита” там, на Западе. Но народ здесь, в России. И то, что происходит здесь, ему до того отвратительно и чуждо, что подсознательно он относится к возможной войне, как к событию, которое может изменить его жизнь, сломать существующий порядок вещей. “А пропади всё пропадом, хуже один хрен не будет!” – примерно так, не отдавая себе в этом отчёта, рассуждает народ, которому после приватизации, уничтожения бесплатного здравоохранения и образования, пенсионной и прочих социальных “реформ” воистину нечего терять. И эта невысказанная глубинная воля, как невидимая подземная река, ломает сопротивление “элиты”, определяет внешнюю политику государства. Отчасти это следствие глубочайшей дезориентации народа во времени и пространстве. “Когда не знаешь, что делать, соверши подвиг”, – учили древнегреческие философы.

Россия в очередной раз оказалась в лесу из “трёх сосен”: заговора “элиты”, революции и войны.

3. Сибирь как ОБЩЕЕ ДЕЛО

За годы журналистской юности я проехал её всю с запада на восток и с севера на юг. Сибирь сыграла в моей жизни огромную роль – дала ощущение страны и народа, приобщила к ОБЩЕМУ ДЕЛУ, без которого скучно жить русской душе. Сибирь – это не территория, это целый мир, уникальная цивилизация, где русский человек на практике реализовал свои представления о том, как надо жить.

Читая огромный очерк о Сибири в двадцать девятом томе дореволюционного (1899 года) Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, я удивился либеральным и, скажем так, непатриотичным взглядам авторов на историю этой важнейшей и богатейшей части Российской империи. Большинство цитат известных людей о Сибири там носят крайне негативный характер. К примеру, знаменитый реформатор Сперанский, оказавшийся в Сибири в двадцатых годах девятнадцатого века, писал, что не встретил на её необозримых просторах ни одного образованного человека. С каким-то мазохистским удовольствием далее в словаре повествовалось о запредельном мздоимстве и произволе сибирских чиновников, о кровавых бесчинствах “варнаков” и беглых каторжан.

Тем не менее, в Словаре Брокгауза и Ефрона неохотно признаётся, что в Сибири никогда не было крепостного права. Что люди на её необозримых просторах жили свободно и в экономическом смысле самодостаточно. Более того, именно в Сибири активно развивалось местное самоуправление, то есть народ хотел и умел решать любые организационные вопросы своими силами,

без неизбежной, как в советские годы, да и сейчас регламентации “сверху”.

Вообще, внимательно знакомясь с документами и общественно-политическим дискурсом тех лет, невольно приходишь к выводу, что “элита” императорской России изрядно тяготилась территориями, которые осваивал и присоединял к государству русский народ. Странная и необъяснимая уступка Аляски Северо-Американским Соединённым Штатам (так тогда назывались США) во времена царя-реформатора Александра Второго выглядит при таком раскладе вполне логичной. Широкий русский человек, писал, имея в виду духовный склад народа, Достоевский, не худо бы его и сузить. Российская “элита”, руководствуясь экономической и политической целесообразностью (главным принципом всех без исключения либеральных реформ), на практике “сужала” пространство, поднесённое ей “на блюдечке” русским народом. Подобные настроения, кстати, весьма сильны и в нынешней российской либеральной “элите”, рассуждающей о территориальной трансформации страны, которая должна, по их мнению, начаться с отделения Северного Кавказа, Калининградской области, Карелии и Дальнего Востока, ну, а далее – везде.

Во второй половине семидесятых годов прошлого века (звучит пугающе, как в другой жизни!) я, отслужив срочную в войсках ПВО на Чукотке, работал корреспондентом в отделе публицистики популярного в те годы молодёжного журнала “Юность”. Это был журнал либеральной интеллигенции, смягчённая и адаптированная для молодого читателя версия “Нового мира”. Сам “Новый мир”, правда, был к тому времени “переформатирован” в идеологически стерильный советский литературный ежемесячник.

“Юность” с начала семидесятых шефствовала над Всесоюзной комсомольско-молодёжной стройкой железной дороги Тюмень–Сургут. Потом рельсы пошли дальше, в Когалым, Уренгой, Новый Уренгой. Появилась даже станция под названием Юность Комсомольская. Помнится, я оказался на ней летом. Меня поразил абсолютно законченный – с перроном, семафорами, стрелками, вспомогательными службами и постройками – вид станции и полное безлюдье вокруг. Это была станция “на вырост”. И действительно, когда я снова попал туда через какое-то время, вокруг станции уже кипела жизнь, ударными темпами возводился коттеджный посёлок с прямыми улицами и центральной площадью.

Как я уже говорил, “Юность” была журналом отнюдь не “почвенническим”. На её страницах печатались творцы “исповедальной прозы” – Аксёнов, Гладилин, Кузнецов, поэты Евтушенко, Вознесенский, Окуджава. Многие авторы журнала впоследствии стали диссидентами, эмигрантами. Потом – “прорабами перестройки”.

Перестройка положила конец советскому сибирскому проекту. Но его мощь, его разбег (термин Солженицына) были таковы, что до сих пор Россия живёт уренгойским газом и тюменской нефтью. Освоение Сибири было поистине ОБЩИМ ДЕЛОМ всего советского народа.

В семидесятые годы даже такой, “с фигой в кармане”, журнал, как “Юность”, реально участвовал в этом общенародном проекте. Участие заключалось не только в публикации статей и репортажей, но и в хлопотах перед министерствами по нуждам стройки, целенаправленном “вывозе” в Сибирь журналистов и писательских “бригад”, встречах с читателями, на которых рассказывалось о том, как осваивается Сибирь, какие материальные и карьерные перспективы открываются перед теми, кто поедет туда работать.

Я помню, как главный редактор “Юности”, живой классик советской литературы Борис Полевой без шапки на сорокаградусном морозе обнимался на церемонии закладки очередного “золотого звена” или вколачивании “серебряного костыля” с начальником строительства железной дороги Тюмень–Сургут–Уренгой Дмитрием Коротчаевым. Они, не чинясь и не разбавляя, “приняли” с рабочими “питьевого”, как тогда писали на бутылках, спирта и закусили снегом. Это были разные люди, но их объединяло героическое прошлое страны – война (оба были на фронте) – и дело, которым они занимались сегодня.

Отдел поэзии в “Юности” возглавлял поэт Натан Злотников. Он был либералом, знался, хоть и числился редакционным парторгом, с диссидентами и “отказниками”, печатал в журнале стихи Варлама Шаламова, которые никто больше не хотел печатать. Но даже он никогда не отказывался лететь в Тюмень, Сургут или Нижневартовск читать стихи собравшимся в домах культуры,

а то и просто в бытовках или на стройплощадке строителям. Причём выступал всегда искренне, с чувством, и народ в телогрейках и валенках слушал его, аплодировал стихам.

Системно же занимались “шефством” над Западной Сибирью в “Юности” два замечательных журналиста – Алексей Фролов и Марк Григорьев. Сейчас их уже нет. Фролов умер несколько лет назад, а Григорьев погиб в начале девяностых во время пожара в Ленинграде в гостинице “Балтика”. Он был автором первой большой публикации о поджоге в Смольном, который будто бы устроил тогдашний помощник Собчака Юрий Шутов. От журнала “Огонёк” Марк снова поехал в Ленинград, чтобы продолжить журналистское расследование и трагически погиб в огне. На гражданской панихиде собрался весь цвет тогдашней российской журналистики. Одни не верили, что его смерть – это несчастный случай, другие видели роковую предопределённость в том, что человек, писавший о пожаре для журнала “Огонёк”, сам сгорел в огне. Сейчас уже нет ни Собчака, ни Шутова, да и кто помнит про тот пожар?

Алексей Фролов написал книгу “Человек и дорога”, где высказал две пророческих мысли. Первая: что будущее России – это Сибирь. Вторая: что этого будущего не будет, если даст слабину “человеческий материал”, если и дальше то, чего хочет, к чему стремится народ, и то, как управляют государством, какой пример подадут народу “верхи”, будет расходитьсь подобно неправильно проложенным рельсам. Он осторожно, чтобы не привлечь внимания цензуры, намекал, что “картонная”, лозунговая пропаганда уже не работает, что советскому обществу нужны новые идеи и смыслы. Надо ли продолжать тратить огромные средства на поддержку дружественных зарубежных стран и национально-освободительных движений, в то время как не хватает средств на освоение Сибири, когда большая часть России не газифицирована, а по весне и осени почти все сельские дороги в стране становятся непроезжими. Он полагал, что колоссальные природные богатства Сибири дают СССР уникальный шанс на создание своего собственного, альтернативного капитализму проекта. Надо только правильно распорядиться этими богатствами, а именно обратить их на пользу народа, сделать жизнь советских людей такой, чтобы весь мир им завидовал. Они это заслужили. Такая, обращённая на нужды страны и народа экономическая политика, а не бескорыстная (и, как выяснилось, безвозмездная) помощь странам Азии и Африки, могла бы вдохнуть жизнь в “развитой социализм”, дать простор и энергию народной инициативе.

Не менее по тем временам острой и интересную книгу под названием “Юность комсомольская” выпустил и Марк Григорьев. В ней он коснулся межнациональных отношений на комсомольско-молодёжной стройке. Эта проблема советской властью усиленно загонялась “вглубь”, но Григорьев уже тогда отмечал разницу в отношении к природе, сибирской среде обитания у молодых людей из различных республик СССР. Да, интернациональная дружба была крепка, но уже тогда ощущались попытки победительно-потребительского, с привнесением моментов физического и психологического доминирования над русскими и – особенно – над представителями коренных сибирских национальностей отношения “братьев” из Грузии, Азербайджана и с Северного Кавказа. Марк Григорьев отмечал повышенную социальную мобильность молодёжи с Юга, выражал опасение, что, закрепившись в Сибири, представители этих народов перейдут от трудовых к иным, более привычным для них – паразитарным – формам социальной организации. Журналист объяснял, что из советского общества ушла объединяющая идея, что кажущееся несокрушимым единство страны держится на очевидном перераспределении средств и природных богатств от России к национальным республикам. Он резко выступал против проекта поворота сибирских рек в Среднюю Азию, справедливо полагая, что столь масштабное вторжение в природу обязательно приведёт страну к катастрофе. Фролов и Григорьев даже подготовили аналитическую записку в ЦК ВЛКСМ, где предостерегали против намечающейся кампании по пропаганде проекта “Повернём реки вспять!”

Губительный для Сибири проект, действительно, положили под сукно, но исключительно потому, что с началом афганской войны у государства не стало необходимых для его осуществления средств.

Социализм в его советском варианте, как любая общественная социально-экономическая система, пережил ряд трансформаций, приведя СССР в конечном итоге (история всегда судит по результату, а не по неосуществ-

лёмным планам и намерениям) к полномасштабной государственной катастрофе. Политологи часто рассуждают о том, что главными государственными секретами в той или иной стране являются отнюдь не научные, военные и прочие технологии (хотя и они тоже), но сам механизм действий власти, обеспечивающий нормальное функционирование общества. Этот механизм должен удерживать общество в состоянии равновесия, способствовать поддержанию оптимального баланса между различными социальными группами, то есть, грубо говоря, наполнять не столь уж длинную человеческую жизнь смыслом и видимыми перспективами. Если власть справляется с этой задачей, государство достаточно успешно решает стоящие перед ним экономические и социальные задачи, общество развивается динамично. Процент “лишних”, не находящих себе применения людей в нём низок. Если нет – всё происходит с точностью до наоборот.

Социализм возник, как народное восстание против вековой несправедливости. Иначе советская власть так быстро и практически повсеместно не утвердилась бы в России. Об этом можно прочитать в мемуарах Керенского, который уже через несколько дней после Октябрьского переворота везде, где бы он ни оказался в поисках верных Временному правительству воинских частей, обнаруживал советы рабочих, солдатских и прочих депутатов, перепоясанных пулемётными лентами революционных матросов, а также неприкрытую враждебность со стороны простого народа. “Воцарившегося Хама”, так он писал. Пройдя через ряд кровавых – сталинских – трансформаций, через величайшее напряжение сил – победу в Великой Отечественной войне, – социализм вышел на пик своего развития в начале шестидесятых годов. Стратегический паритет с США, полёт Гагарина, беспрецедентный экономический рост, строительство жилья для народа, освоение целины, лучшие в мире системы образования и здравоохранения – это была “лебединая песня” социализма. Народ, настрадавшийся в годы постоянных репрессий и войны, искренне поверил в “очеловечивание” власти, был готов к созидательному труду на благо всей страны. Сколько талантливых учёных, режиссёров, архитекторов, писателей, инженеров появилось в то время! Но власть не сумела должным образом распорядиться народной инициативой. Расстрел рабочих в Новочеркасске, крах сельского хозяйства, отказ от любой модернизации, идеологический зажим, предельная бюрократизация повседневной жизни отвратили народ от власти, а следовательно, и от социализма. Страну стали олицетворять едва стоящие на ногах члены Политбюро, одним своим видом демонстрирующие ветхость и предельную изношенность советского режима. Кстати, после распада СССР нескольким научно-исследовательским центрам в Китае было поручено проанализировать и указать его причины. Одной из главных причин китайские обществоведы назвали нарушение преемственности поколений в управлении страной. Катастрофа СССР, по их мнению, объяснялась, во-первых, постоянным принятием руководством страны неправильных решений, во-вторых, непринятием в нужное время правильных решений, в-третьих, фактическим перехватом власти в стране “неправильными” людьми из окружения престарелых руководителей. “Утрата чувства времени и пространства” – так охарактеризовали китайские учёные процесс, приведший к исчезновению СССР. Именно поэтому смена поколений в руководстве сегодняшнего Китая осуществляется системно и неотвратно. И это, как мы видим, даёт неплохие результаты. Но сделает ли постсоветская Россия из этого необходимые выводы?

Последним судьбоносным, принесшим неоспоримую пользу стране действием советской власти явилось обустройство Сибири, создание в ней топливно-энергетической комплекса, который не только исправно пополняет список новоявленных российских миллиардеров, но и не даёт окончательно пропасть остальной (за вычетом членов “ста шестидесяти семей”) России.

Я верю в то, что у моей страны, у моего народа великое будущее. Оно, это будущее, помимо прочего, заключено в сохранении и развитии Сибири. Уже обозначены точки грядущего глобального противостояния. Это экологически чистые территории, природные ресурсы, вода, источники энергии. В переходные годы “идейной и экономической паузы” главной задачей русского народа становится сбережение Сибири как плацдарма грядущего развития, стартового комплекса для рывка в будущее. Других вариантов у нас нет.

ВЛАДИМИР ПОЗДНЯКОВ

*депутат Государственной Думы от КПРФ,
руководитель ВСД “Русский лад”*

“РУССКИЕ, РОССИЯНЕ?”

*Проблемы русского народа
и закрепление его законодательного статуса**

31 октября 2016 года в Астрахани состоялось заседание Совета по международным отношениям по обсуждению принятой в 2012 году Стратегии государственной национальной политики России. На заседании было высказано предложение “идти от стратегии к федеральному закону” о российской нации. Президент Владимир Путин эту идею поддержал.

Для нашей страны, исторически являющейся общим домом для сотен народов и этносов, международное согласие является важнейшим условием самого существования государства. Общественность страны активно обсуждает эту тему.

Естественно, что и “Русский лад” включился в этот процесс.

В Госдуме идёт разработка технического задания для закона о российской нации, исходя из которого станет понятно, чем наполнять федеральный закон. Определяется, будет ли этот закон прямого действия или это будет рамочная норма, некий политический посыл, а регулировать международную сферу станут специальные госпрограммы.

Обсуждаются различные варианты названия предполагаемого закона: “О российской нации и управлении межэтническими отношениями”, “О государственной национальной политике”, “Об основах государственной национальной политики” и др. Определяется, имеется ли противоречие между конституционным положением о многонациональном народе Российской Федерации и понятием российской нации. Что есть само понятие “российская нация”, “россиянин”.

Станислав Говорухин, председатель комитета Государственной Думы по культуре, пишет: “Россияне, россиянин” – слова отвратительные. Мы всё время были многонациональным русским народом. Теперь стали россияне. Хотя для всего мира – мы русские!”

Расул Гамзатов: “За границей – я русский, в России – я дагестанец, в Дагестане – я аварец”.

Четверть века тому назад в России не было названия “россияне”. Сегодня в России живут русские и россияне. “Россияне” – термин, ущемляющий русских. У русских нет своей именной территории.

В современной России необходимо решить проблему русских, русского народа.

---

* Выступление на “круглом столе” движения “Русский лад”.

Существует множество самых различных мнений, позиций, отношений к этому животрепещущему вопросу. Для начала надо отметить, что государствообразующая нация – русские – не имеет национального государства. Нынешняя Россия с юридической точки зрения не является русским национальным государством, в рамках которого русские осуществили бы право на национальное самоопределение. Это и делает национальный вопрос в РФ таким острым. Почему, собственно говоря, русские (великороссы) лишены своей государственности?

В Конституции Российской Федерации говорится, что Россия – это многонациональное государство. Но так ли это? На самом деле для того, чтобы страну можно было признать **мононациональной**, вовсе не нужно, чтобы все 100% её жителей принадлежали к одному этносу. Для этого вполне достаточно 67%. Так утверждает международное право.

Русских в России более 80%. Больше, чем казахов в Казахстане, латышей в Латвии, эстонцев в Эстонии...

Просто для примера: в Эстонии проживают представители 192 национальностей. 68,7% постоянных жителей Эстонии составляют эстонцы, на втором месте – русские (24,8%).

Латышей в Латвии 62,1%, четверть населения Латвии – русские, там проживает и много других национальностей, как и в Эстонии.

Казахов в Казахстане – 66,48%. Следующим крупным этносом, населяющим страну, являются русские (20,61%). Проживают там и узбеки, и украинцы, и уйгуры, и татары, и другие.

Но Латвия, Эстония и Казахстан являются национальными государствами эстонцев, латышей и казахов. Их называют мононациональными!

Таким образом, можно утверждать, что **Россия – полиэтническая, но мононациональная**, а не многонациональная страна. И об этом надо честно говорить!

Теперь посмотрим на административное деление России. И сразу увидим, что у национальностей, населяющих Россию, есть свои национальные образования. Например, республики имеют свои конституции, свои национальные языки, приравненные к государственному русскому языку. Орган судебной власти в республиках называется Верховным судом (в других регионах – краевые, областные, окружные суды).

После разрушения СССР Россия оставила своё административное, ассиметричное устройство. И определение “многонациональной страны” перешло к ней тоже от СССР. Но в составе СССР, действительно, были республики, в которых жили миллионы граждан других национальностей, а русские не были в большинстве.

Все бывшие АССР стали республиками, лишившись определений “автономных”, “советских” и “социалистических”. Их официальные названия зафиксированы в Конституции Российской Федерации 1993 года. Ещё четыре республики появились в составе России в результате повышения их статуса из автономных областей (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Республика Алтай и Хакасия).

Кроме того, ещё две республики возникли в результате разделения одной из “двудомных” национально-территориальных автономий Северного Кавказа. На месте Чечено-Ингушетии появились две республики – Чечня и Ингушетия.

И всё это при том, что Конституция 1993 года предполагает **равноправие** всех субъектов Федерации! Но на практике некоторые субъекты **равнее** других. Вот и получается, что равнее краёв и областей **именно республики** (22 из 85 субъектов)! Между тем, равноправие субъектов Федерации предполагает отсутствие существенных статусных различий. Однако, как только что было отмечено, различия есть.

При этом разница в статусе записана и в самой Конституции (ст. 66). В ней говорится:

“Статус республики определяется Конституцией Российской Федерации и конституцией республики” (п. 1);

“Статус края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа определяется Конституцией Российской Федерации и уставом, <...> принимаемым законодательным органом соответствующего субъекта Российской Федерации”.

При этом весьма распространена ситуация, когда титульный этнос не составляет большинства на территории соответствующей автономии.

Необходимо признать, в соответствии с международными стандартами, **Россию мононациональной страной русского народа, составляющего абсолютное большинство её населения.**

Необходимо признать и законодательно утвердить историческую роль и фактическое значение русского народа не только в качестве коренного и титульного, но и как единственной государствообразующей нации России.

Особо хочется отметить, что после уничтожения СССР в 1991 году и образования новых независимых государств, **25 млн русских оказались за пределами России.**

Кроме того, в ряде республик современной РФ среди представителей “титульных” групп по отношению к русским имеются проявления ксенофобских настроений и национализма. И мы сегодня наблюдаем отток русских, например, с Северного Кавказа. И не случайно в годы реформ появилось выражение “русский крест”: превышение смертности над рождаемостью именно в русских регионах. Сейчас власть утверждает, что, мол, в России начался естественный прирост населения. Однако речь идёт о росте рождаемости именно в республиках!

Итак, русская проблема состоит в том, что русский народ не имеет собственного государства. Это положение тем более парадоксально, если учесть, что русский народ является пятым по численности народом мира. Считаю необходимым принять закон о русском народе, в котором определить роль русского народа как титульного и единственного государствообразующего народа, а Россию – как мононациональное государство.

Русские, повторяю, составляют более 80% населения Российской Федерации и, тем не менее, это государство ни в своём целом, ни в своих частях не рассматривает себя и не является на деле государством русского народа.

Русский народ не упоминается в Конституции Российской Федерации, равно как и в уставных документах её субъектов.

Слово “русский” вытесняется из официального языка на территории Российской Федерации и заменяется словом “российский”. Более того, употребление слова “русский” рассматривается как некорректное. Многие деятели либеральных СМИ заявляют, что “никаких русских вообще нет, русский – не национальность, а просто прилагательное”.

Имеются преимущества в бюджетном финансировании. Так, **дотации** из федерального бюджета Чечне на 2017 год останутся на уровне 2016 года и составят 40,4 млрд рублей (без учёта различных субсидий и субвенций, которые ей полагаются наряду с другими регионами). Минфин России планировал снизить дотации Чечне, но Кадыров заявил, что предложенные Минфином на 2017 год сокращения расходов из федерального бюджета на Чечню неприемлемы для республики. И сумма была возвращена!

Всего в России 10 регионов, в которых половина бюджета – это безвозмездные поступления из федерального бюджета. Своими собственными силами местные власти просто не могут обойтись.

При этом русские жители наиболее экономически развитых регионов России сталкиваются с социальной напряжённостью, падением качества образования и медицинского обслуживания, ухудшением санитарно-эпидемиологической, экологической обстановки.

Такое противоестественное положение русского большинства является “миной замедленного действия” под российской государственностью, и ею попытаются воспользоваться внешние и внутренние враги России для её дестабилизации.

Мы, коммунисты, хотим, чтобы наша страна превратилась в единое целое. Но чтобы это произошло, нужна понятная всем идея, объединяющая всех.

При разработке закона или внесении поправок в Конституцию необходимо понятно и юридически выверенно изложить отношения между всеми народами, входящими в Российскую Федерацию, чётко обозначить положение самого русского народа. Только в таком случае закон может стать тем цементом, который сплотит мононациональную многомиллионную страну в единое целое.

Теперь назову несколько причин невозможности создания в современных условиях закона о так называемой российской нации.

Одной из главных проблем современного общества была и остаётся вопиющая **социальная несправедливость**. Социальное неравенство разрушают единство и солидарность народа. Соотношение доходов самых богатых 10% населения к доходам самых бедных 10% – коэффициент фондов – в России с 1992-го по 2015-й год возрос с 8 до 15,6 (с учётом теневых капиталов он может быть существенно выше). В царской России этот коэффициент равнялся 6, в СССР – 3-4. То есть даже по самым скромным оценкам сегодня в России разрыв между богатыми и бедными больше, чем в дореволюционной Российской империи. Если коэффициент фондов достигает 10, назревает революционная ситуация.

Граждан современной России разъединяет и **представление** о будущем России. Одни видят его в возрождении советского прошлого; другие – в построении какой-то новой формы демократии; третьи – в модели западного общества; четвертые – в хаосе и разрухе. И в зависимости от этих представлений они живут и действуют.

Необходимо вернуть народу бесплатное качественное здравоохранение, образование, возможность трудиться и получать достойную заработную плату.

Носитель власти – народ. Но законы подстроены под узкий круг (слой) олигархата.

Необходима общероссийская система ценностей, традиционных для нас, – это справедливость, взаимопомощь, взаимовыручка, сострадание.

Человек человеку – друг, товарищ и брат!

ГЕОРГИЙ ЦАГОЛОВ

ЛИКИ 17-ГО ГОДА

(РЕВОЛЮЦИЯ В ЛИЦАХ)

Нет, не стоит преуменьшать роль личности в истории. Не случайно всякая эпоха вызывает интерес к её творцам, эпоха великой русской революции — особенно. Кто же они — главные герои событий, оказавших столь беспрецедентное влияние на историю нашей страны и судьбу всего мира?

В советские времена одних из них замалчивали или предавали анафеме. Других же канонизировали, превращали в идолов. Их именами называли города и площади. О них писались восторженные книги, создавались фильмы, складывали стихи. Их статуи и бюсты стояли в красных уголках. А во время всенародных праздников демонстранты шествовали по центральным проспектам под гигантскими транспарантами с их портретами.

Однако в 1990-е годы произошло “великое прозрение”. Идеологи нового времени соревновались в очернении прежних кумиров.

Большое, говорил поэт, видится на расстоянии: минувшее столетие позволяет многое переосмыслить, правильнее расставить акценты, оценить значимость каждого актора, удостовериться в реалистичности или утопичности их планов и замыслов, правомерности действий, сверить с тем, что произошло позже.

Сохраняют ли актуальность идеи вождей революции для решения наших неотложных задач? И если да, то какие? Что не выдержало проверку временем? Что бы сказали они о дне сегодняшнем, том, где мы оказались и почему?

Попытка представить политические силуэты основных фигур того периода предпринята в небольших очерках, первый из которых выносится на суд читателя.

В ЧЕМ ОШИБАЛСЯ ГЕОРГИЙ ПЛЕХАНОВ?

Русская история ещё не смогла той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма.

Действия большевиков красноречиво доказывают, что горе от ума — не их горе.

Г. Плеханов

Недавно пытался купить в Доме книги на Новом Арбате что-нибудь из произведений Георгия Валентиновича Плеханова. Там их не оказалось. Поинтересовался — а были ли прежде? Осведомившись, ответили, что нет. Что же может знать нынешняя молодежь о человеке, оказавшем огромное влияние на историю страны? Разве лишь то, что в Москве есть экономический вуз, носящий его имя — “Плешка”. А ведь мы живём в год столетия двух русских революций XX века, надолго определивших судьбу нашего народа. Смею утверждать, что понять смысл тех событий и их истоки невозможно без знакомства с этой удивительной личностью. Без Плеханова не было бы и Ленина, а стало быть, и всей многострадальной, но в то же время величественной истории нашего государства. Тесный союз Плеханова и Ленина, правда, под конец уступил место противоборству. Чья сторона взяла верх, известно. А вот кто же был прав — до сих пор остаётся под вопросом.

Драма революционера

Судьба каждого революционера драматична. Г. В. Плеханов — не исключение. Выходец из дворянского рода, будучи студентом столичного вуза, он бросил вызов правящему монархическому режиму и стал одним из лидеров народников. Вначале он вступил в организацию “Земля и воля”, а затем возглавил “Чёрный передел” — тайное общество, включавшее почти 100 человек и имевшее целью экспроприацию крупной земельной собственности в пользу коллективного общинного владения, то есть построения крестьянского социализма.

Летом 1876 года мать Плеханова, опасаясь за судьбу сына, умоляла его одуматься. Георгий пытался объяснить ей, что его решение было логическим следствием той приверженности истине и справедливости, которую она сама ему внушила. Обескураженная таким ответом, она лишь прошептала: “Но ты же погибнешь...” На это он спросил её: “А что, если бы все так рассуждали?”

Его зажигательные речи (за ним тотчас же закрепилась кличка Оратор) и яркие обличительные статьи привлекли внимание царской охранки, и ему пришлось перейти на подпольное положение. Он спал с револьвером под подушкой, учился владеть кастетом и кинжалом, чтобы не сдаваться без боя в руки полиции, жил по чужим паспортам. Но слежка возрастала. В 1880 году двадцатитрёхлетний свободолюбец под угрозой неминуемой каторги был вынужден покинуть Родину.

Находясь в эмиграции, он постепенно переходит на позиции марксизма и в 1883 году в Женеве основывает первую российскую марксистскую органи-

---

ЦАГОЛОВ Георгий Николаевич родился в 1940 году. Окончил МГУ. Работал в Институте США и Канады АН СССР и в журнале “Проблемы мира и социализма” (Прага). Доктор экономических наук. Автор книг “Модель для России”, “Кризис и модернизация” и др. Живёт в Москве.

зацию “Освобождение труда”, создаёт “Союз русских социал-демократов за границей”. Теперь Плеханов исходит из того, что Россия уже стала на путь капиталистического развития, и теория Маркса вполне для неё подходит. Он ведёт гигантскую просветительскую работу и пишет ряд книг, излагающих теорию Маркса применительно к России. В их числе “Социализм и политическая борьба” (1883), “Наши разногласия” (1885). В последней, полемизируя со своими бывшими друзьями-народниками, он писал: “Всякий беспристрастный наблюдатель видит, что наша община переживает тяжёлый кризис, что самый этот кризис близится к концу, и первоначальный аграрный коммунизм готовится уступить личному и подворному владению”. “Личное и подворное владение” было тогдашним названием вторгавшихся в российскую жизнь начальных форм капитализма.

Плеханов доказывает, что передовой решающей силой грядущей революции будет не крестьянство, а пролетариат, выдвигает задачу создания рабочей социалистической партии. Эти и многие другие блистательные труды по философии, социологии, культуре и истории общественной мысли распространяются в России. Плеханов становится властителем дум прогрессивных и революционных демократов.

Он не раз встречается с Ф. Энгельсом, который высоко оценивает его деятельность по пропаганде марксизма и переводу ряда произведений на русский язык. В 1889 году с организацией II Интернационала Плеханов становится одним из его вождей. В число духовных воспитанников Плеханова входил и Ленин. Они вместе учреждают газету “Искра”, готовят II съезд РСДРП.

Плеханов думал, что покидает Россию на несколько недель или месяцев, а смог возвратиться с чужбины лишь спустя 37 лет – после Февральской революции. Он не принимает Октябрьскую революцию, считая её преждевременной. Отвергнутый новыми властями, Плеханов оказывается не у дел. Накопленные за годы странствий и чрезмерного труда болезни прогрессируют. 30 мая 1918 года в возрасте 61 года отец русского марксизма уходит из жизни.

Плеханова похоронили на Литераторских мостках Волкова кладбища в Петрограде, рядом с Белинским, приходящимся ему дальним родственником: мать Плеханова была урождённая Белинская. Гроб сопровождали не менее десяти тысяч человек. В траурной церемонии демонстративно отказались участвовать петроградские коммунисты во главе с их лидером Г. Зиновьевым. Ленина на похоронах не было. Ближайший друг покойного Лев Дейч, который входил в руководство группы “Освобождение труда”, прощаясь с ним у могилы, сказал: “У Христа был один только Иуда, а среди учеников Плеханова их было много. История покажет, кто был прав: Плеханов ли, который четыре года назад заявил о необходимости защиты России, или те, кто его за это называли изменником”*.

При всём неприятии Плеханова в последний период его жизни Ленин в 1921 году вынужден был признать: “Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать – именно изучать – всё, написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма”. А в 1922 году, когда Н. Бухарин однажды зашёл к Ленину, тот сказал ему: “А знаете, что я теперь читаю? Я теперь вновь перечитываю статьи Плеханова, которые он писал во время войны. **Интересно!** Они вовсе не были так глупы, как мы тогда думали”**.

Изменчивая слава

В советские времена имя Плеханова если и не предаётся забвению, то уж точно не пользуется прежней популярностью, а то и замалчивается. И все же в 1925 году были напечатаны сочинения Г. В. Плеханова, отчасти переизданные в 1956-м в связи со 100-летием со дня рождения. Его имя носят Институт народного хозяйства в Москве (1924), ныне Российский экономический университет, Петербургский государственный горный институт, где он когда-то учился. На базе национальной библиотеки в городе на Неве учреждён Дом Плеханова. В Липецке имеется улица Плеханова и его Дом-музей – там жили родители Георгия Валентиновича. Вот, пожалуй, и всё.

* http://www.plam.ru/hist/politicheskie_deyateli_rossii_1850_yh_1920_yh_gg/p8.php

** Там же.

Основная причина столь скудного воздаяния памяти великого сына России – разрыв его отношений с Лениным и большевиками. Коммунистические власти не жаловали меньшевиков и их лидеров, к которым относили и Плеханова. Его социал-демократизм также не встречал поддержки у идеологов той поры. Историки делили деятельность Плеханова на правильную и полезную – до раскола с Лениным – и ошибочную, даже “антипролетарскую” – после. И всё же Плеханов оставался одним из немногих уцелевших исторических авторитетов.

После развала СССР и краха социализма заслуженной им славе везло ещё меньше. Отвергшие марксизм руководители новой капиталистической России не желали признавать достоинства тех, кто способствовал распространению этого учения в нашей стране. Труды Плеханова не печатались. Небольшие конференции в связи с 150-летием со дня его рождения в конце 2006 года прошли тихо и незаметно. В 2002 году в Москве был основан Фонд Плеханова, президентом которого стал Г. Х. Попов. Первое время им были организованы интересные мероприятия, но затем деятельность Фонда не получила сколь-либо широкого размаха, а теперь и вовсе свёрнута. Из опрошенных мной шести студентов одного из столичных университетов ни один не мог толком ответить на вопросы, кем был Плеханов и когда он жил?

Главная ошибка?

В “Политическом завещании” Г. В. Плеханова (подлинность которого ставится под сомнение) говорится: “В своей жизни я, как и каждый человек, совершил немало ошибок. Но моя главная, непростительная ошибка – это Ленин. Я недооценил его способностей, не рассмотрел его истинных целей и фанатической целеустремлённости, снисходительно и иронично относился к его максимализму. Я ввёл Ленина в круг известных и влиятельных социал-демократов, опекал его, оказывал всестороннюю помощь и тем самым позволил твёрдо встать на ноги. Больше того, в 1903 году на съезде РСДРП в споре Ленина с Мартовым я поддержал Ленина, что в итоге привело к рождению большевизма. Тогда мне казалось, что постепенно я смогу смягчить позицию Ленина, повлиять в нужном направлении на Мартова и тем сохранить единство партии. Но очень скоро я понял, что единство невозможно, потому что всё, что не по Ленину, не имело права на существование.

Ленин был за единство, но под его началом, с его целями, с его тактикой, с его лозунгами. Однажды появившись, большевизм стал быстро набирать силу, отчасти по причине привлекательности его тактики и лозунгов для малоразвитого российского пролетариата, а отчасти по причине необычной настойчивости и титанической работоспособности Ленина. Исправить мою ошибку было уже, к сожалению, невозможно. Вот почему утверждение г. Чернова (один из лидеров эсеров. – Г. Ц.), что большевики – мои дети, и шутка Виктора Адлера (лидер австрийских социал-демократов. – Г. Ц.) по поводу моего “отцовства” в отношении к Ленину не лишены основания. Моя ошибка уже обошлась России очень дорого. Она оказалась роковой и для меня самого”*. В другом случае говорится, что на замечания В. Адлера Плеханов ответил: “Если и сын, то, очевидно, незаконный”**.

Будучи на 13 с лишним лет моложе Плеханова, Ленин познакомился с ним 25 лет от роду в Швейцарии в 1895 году. Вернувшись оттуда, он сразу же по совету Плеханова начинал работать над книгой “Развитие капитализма в России”. Позже Ленин не раз вспоминал свою прежнюю “влюблённость в Плеханова”, то, как он дорожил его мнением, огромное влияние на него “старика”. По словам Н. К. Крупской, “Плеханова Владимир Ильич любил страстно. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный подход, и потому Плеханов был долгое время окружён для него ореолом: всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно”.

Около десяти лет они были единомышленниками, но затем их взгляды и пути начинают расходиться. Ленин становится вождём большевиков, а Плеханов

* “Независимая газета”, 30 ноября 1999.

** Плеханов Г. В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 г. в двух томах. Том второй. С. 268.

переходит, хотя и не сразу, в лагерь меньшевиков. Ещё в 1907 году в одной из статей в газете “Искра” Плеханов, как и Ленин, призывал к вооружённому восстанию в России, к тщательной его подготовке, обращая при этом особое внимание на необходимость агитации в армии.

Их контакты не прекращаются ещё длительное время, они регулярно находятся в переписке. Так, 29 марта 1910 года Ленин из Парижа пишет Плеханову в Италию:

“Дорогой и многоуважаемый товарищ!

Вполне разделяя Вашу мысль, высказанную в № 11 “Дневника”, о необходимости тесного и искреннего сближения всех истинно социал-демократических элементов в борьбе с ликвидаторством и с отзовизмом, я очень хотел бы поговорить с Вами о положении дел в партии, создавшемся теперь. Если Вы тоже находите это полезным и если состояние Вашего здоровья позволяет, будьте добры черкнуть мне (или телеграфировать) пару слов, когда Вы могли бы назначить мне свидание в Сан-Ремо. Я готов приехать для этой цели.

С товарищеским приветом Н. Ленин
VI. Oulianoff. Rue Marie Rose. Paris. XIV”*.

Противостояние Плеханова с Лениным усиливается с началом мировой войны в 1914 году. Ленин ратует за превращение империалистической войны в войну гражданскую. Плеханов считает, что рабочему классу и крестьянству следует поддержать буржуазию и власти в борьбе с Германией и её союзниками. Он основывает социал-демократическую группу “Единство”, стоящую на диаметрально противоположной Ленину платформе. Большевики развёртывают критику политики “оборончества” и “социал-шовинизма”. Противоборствующая сторона называет их “пораженцами”. Со временем страсти накаляются до предела.

После Февраля...

Кульминационный момент в борьбе с Лениным наступает после Февраля 1917 года. Отречение от престола Николая II и приход к власти Временного правительства застаёт Плеханова и Ленина за рубежом. Они, как и сотни других политических эмигрантов, тотчас же решили вернуться в Россию. С разницей в несколько дней их обоих с почестями встречают на Финляндском вокзале в Петрограде руководители революционных партий и толпы людей.

31 марта первым прибыл Плеханов. Огромнейший человеческий поток сразу наводнил весь вокзал, платформу и даже ближайшую площадь. Здесь были рабочие, учащаяся молодёжь, общественные деятели, члены Совета рабочих и солдатских депутатов, члены Государственной Думы и Временного правительства. Делегации от заводов и фабрик несли знамёна и транспаранты. Поезд остановился, и оркестры грянули “Марсельезу”. Многотысячный поток рвался вперёд с возгласами радости и приветствиями. Кричали “ура”. Когда Плеханов с женой вышел из вагона, все потянулись к нему. У многих на лицах были слёзы и радостные улыбки. Его обнимали, прижимали к себе, целовали. Затем Плеханова подхватили и на руках донесли до вестибюля вокзала, где его приветствовала делегация Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Плеханов ответил небольшой речью.

2 апреля по старому стилю он выступил в Таврическом дворце на совещании делегатов Совета рабочих и солдатских депутатов, которые встретили его аплодисментами. Он сказал: “По своему происхождению я мог принадлежать к числу угнетателей. Я перешёл в лагерь угнетённых, потому что любил страдающую русскую массу, потому что любил русского крестьянина и русского рабочего. Я всегда был за освобождение русской трудящейся массы от ига её домашних эксплуататоров. Но когда я увидел с полной ясностью, что к числу Романовых, к числу их приспешников, к числу всех тех, которые стояли жадной толпой у трона, к числу угнетателей русского народа спешат присоединиться Гогенцоллерны, спешат присоединиться немцы, то я сказал: наша обязанность защитить весь русский народ от немцев, защитить от Гогенцоллернов. Мы должны помнить, что если немцы победят нас, то это будет озна-

* Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 47. С. 231.

чать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему надо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и против врага внешнего”*.

Прибывший затем Ленин, как известно, тотчас же выступил с “Апрельскими тезисами”, призывающими к перерастанию свершившейся буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. По этому вопросу в социал-демократической среде развернулась острая политическая борьба, в которой особо активное участие принял и Плеханов.

Он громил эти идеи как ересь. В статье “О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен” он писал: “Если капитализм ещё не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития её производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению. Если нелепо звать только что названные мной элементы к низвержению капитализма, то не менее нелепо звать их к захвату политической власти. Кто-то из наших товарищей, оспаривавших тезисы Ленина на Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, напомнил ему глубоко истинные слова Энгельса о том, что для данного класса не может быть большего исторического несчастья, как захват власти в такую пору, когда его конечная цель остаётся недостижимой по непреодолимым объективным условиям. Ленина в его нынешнем анархическом настроении, разумеется, не может образумить подобное напоминание. Всех тех, которые возражали ему в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, он оптом величал оппортунистами, поддавшимися влиянию буржуазии и проводящими её влияние на пролетариат”**.

Считая себя тогда уже главным теоретиком и продолжателем учения Маркса, Ленин исходил из концепции возможного прорыва капиталистической цепи в наиболее слабом её звене и полагал, что Россия в силу сложившихся обстоятельств является именно таким звеном. Время показало, что “бредовая идея” имела под собой немалые основания. Вначале “Апрельские тезисы” вызвали резкое противодействие как умеренных социалистов (эсеры и меньшевики), так и у части самих большевиков (Г. Зиновьев, Л. Каменев). Непонимание высказывали Ф. Дзержинский и М. Калинин. Однако Ленин развернул гигантскую разъяснительную работу и вскоре переубедил многих своих оппонентов и сомневающихся. Ленин действовал, как сметающее всё на своём пути цунами. На VII Всероссийской конференции РСДРП (24–29 апреля) его “Тезисы” получили поддержку большинства делегатов с мест и легли в основу политики всей партии.

Призывы Плеханова к созданию широкой коалиции советских партий и буржуазии, классовому миру на время войны, отсрочке обсуждения земельного вопроса до созыва Учредительского собрания не находили того отклика в массах, на который он рассчитывал. После закончившегося кровопролитием июльского восстания – антиправительственных выступлений, последовавших за военным поражением на фронте и правительственным кризисом – обстановка ухудшалась. Большевики вынуждены были перейти на нелегальное положение, но настроения менялись в их пользу. Большевистские лозунги: “Власть – Советам”, “Земля – крестьянам”, “Фабрики – рабочим”, “Мир – народам” – становились всё более понятными и привлекательными.

Плеханов клеймил Ленина как анархиста, бакуниста, “алхимика революции”. Он не жалел сил на то, чтобы дискредитировать большевиков и даже пустил в обращение сомнительный слух, ходивший в июльские дни в Петрограде, о том, что Ленин – агент Германии. Своего прежнего ученика теперь он называл не иначе, как “демагогом до кончиков ногтей”. Плеханов приветствовал действия Керенского, направленные на ограничение деятельности большевистской партии после июльских событий, а впоследствии даже подверг резкой критике Временное правительство за недостаточную решимость и энергию в подавлении “анархии”. Необходима сильная политика, заявлял он, такая, “где оружие критики уступает своё место критике посредством оружия”.

* Плеханов Г. В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 г. в двух томах. Том первый. С. 9.

** Там же. С. 28.

Позиция Плеханова расходилась не только с Лениным и большевиками. Ещё раньше по вопросу войны она вызвала охлаждение к нему и таких его соратников, как Мартов, Аксельрод и даже Засулич. Теперь же Плеханов стал резко высказываться против центристских политиков и групп, занимавших господствующее положение в Советах и пользовавшихся широким влиянием в массах. Таких меньшевиков и эсеров он называл “полуленинцами”. Всё это привело к тому, что Плеханов постепенно терял авторитет в революционном лагере. Большинство умеренных социалистов стали относиться к нему с недоверием. Он не без оснований сетовал: “Я здесь на обочине жизни”^{*}.

Корниловский мятеж в августе вызвал широкое народное сопротивление. Генерал Л. Корнилов полагал свергнуть Временное правительство и заменить его военной диктатурой. Власти сочли за лучшее обратиться за помощью ко всем революционным силам, включая большевиков. В результате совместных действий революция была спасена, что принесло им немалые политические дивиденды. На состоявшихся в сентябре выборах в Петроградский Совет большевики получили самое большое число голосов, а поэтому – мандат на последующее завоевание власти. Наблюдая за этим, Плеханов тогда писал: “Число сторонников ленинской тактики быстро увеличивается, по крайней мере, в Петрограде. Если события пойдут так, как этого хотелось бы ленинцам, то скоро затяжной кризис, переживаемый нашей революционной властью, получит весьма определённое решение: Ленин займёт место А. Ф. Керенского. Это будет началом конца нашей революции. Торжество ленинской тактики принесёт с собой такую гибельную, такую страшную экономическую разруху, что весьма значительное большинство населения повернётся спиной к революционерам”.

Однако туберкулёз, которым Плеханов страдал с 1887 года, приближал его к концу. Иногда ему становилось немного легче, но с сентября он окончательно слёг и проводил большую часть времени в постели, продолжая писать статьи, которые печатались в газете “Единство”, а также приветствия различным съездам и организациям. По мнению ряда аналитиков, болезненное состояние Плеханова было одной из причин, почему он не имел большого влияния на развитие событий после Февральской революции. Одной, но не главной.

Октябрь

С горечью встретив Октябрь, Плеханов через три дня после случившегося писал: “Октябрьский переворот вызвал гражданскую войну. В результате рабочий класс России и вместе с ним весь народ утратили те свободы, которые были завоёваны в феврале 1917 года”. Плеханов не исключал того, что большевики взяли власть надолго, и полагал, что при таком сценарии через пять лет это приведёт к монополии одной партии на власть, а через десять лет – к диктатуре одного человека. В “Открытом письме к Петроградским рабочим” Плеханов предрёк: “Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая заставит его отступить далеко от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года. А война, которую поневоле приходится вести России, страшно осложняя положение дел, она ещё больше уменьшает шансы социальной революции и ещё больше увеличивает шансы поражения рабочего класса... Вот почему, дорогие товарищи, меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде. Повторю ещё раз. Они огорчают меня не потому, чтобы я не хотел торжества рабочего класса; а наоборот, потому, что я призываю его всеми силами души и вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события”^{**}.

Плеханов предупреждал, что крестьянство, получив землю, не будет развиваться в сторону социализма, а надежда на скорую революцию в Германии нереальна. Один из лидеров эсеров Б. Савинков предложил Плеханову возглавить антибольшевистское правительство, но он отказался: “Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и я не буду его расстреливать даже тогда,

^{*} Бэрн С. Х. Г. В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб, 1998. С. 429.

^{**} Плеханов Г. В. Год на Родине. Полное собрание статей и речей 1917–1918 г. в двух томах. Том второй. С. 247.

когда он идёт по ложному пути”. Как-то он поделился с женой, глубоко, видимо, мучившим его вопросом: “Не слишком ли рано мы в отсталой, полуазиатской России начали пропаганду марксизма?”

Незадолго до Октября, гуляя по набережной Невы с известным бельгийским социалистом Де-Брукером, Плеханов, указывая на Петропавловскую крепость, где в царские времена содержались многие заключённые революционеры, заметил: “Через три месяца моя очередь быть там”. Захватившие власть большевики не заключили Плеханова в Петропавловскую крепость, но через несколько дней его газету “Единство” закрыли, а в его квартиру ворвались матросы с требованием: “Выдайте оружие, а то, если найдём его сами, убьём вас на месте”. Плеханов не растерялся и спокойно ответил: “Убить человека нетрудно. Но оружия вы все-таки не найдёте”. После этого они ушли. Негодование солдат и матросов по отношению к Плеханову было столь велико, что советское правительство было вынуждено издать распоряжение об “Охране личности и собственности гражданина Георгия Валентиновича Плеханова”.

В своей последней статье “Буки Аз — Ба”, написанной им в январе 1918 года, Плеханов писал: “Учредительное Собрание, которое разогнали на этих днях “народные комиссары”, обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России. Разгоняя его, “народные комиссары” боролись не с врагами рабочего класса, а с врагами диктатуры Смольного института (большевиков)... Захватывая власть в свои руки, они, конечно, не собирались отказываться от неё в том случае, если большинство Учредительного Собрания будет состоять не из их сторонников. Когда они увидели, что большинство это состоит из социалистов-революционеров, они решили: необходимо как можно скорее покончить с Учредительным Собранием. И со свойственной им энергией они осуществили своё решение... Их диктатура представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно поэтому им приходится всё более и более часто учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае, ни социализм, вообще, ни марксизм, в частности, тут совершенно ни при чём”*

Успех Ленина он связывал с недостаточной сознательностью пролетариата и пороками земельной реформы 1861 года. “Революция, — писал он, — переживаемая нами, не есть революция в европейском смысле этого слова, а кровавый эпилог реформы 1861 года. Солдат — это крестьянин, который пошёл в революцию только для того, чтобы получить помещичью землю, а до остальных завоеваний революции ему дела нет. Он истребляет и идёт на буржуев, так как, по его понятиям, — это те же помещики. Троцкий, Ленин и другие, двадцать лет шедшие с марксистами, в сущности, сделались народниками после Февральской революции. Они следуют совету Бакунина, который находил, что революционеры должны опереться не на организованных рабочих, заражённых государственностью, а на малосознательные массы, преступный элемент и т. д.”**

Пророчества сбылись, но...

Несколько лет назад на телеканале “Культура” прошёл фильм о Г. В. Плеханове под названием “Отвергнутый пророк”. В нём рассказывалось, как много веков тому назад татарский род Плехановых поступил на службу к московским царям. За подвиги на поле брани Плехановы получили имение в Тамбовской губернии. Отец будущего революционера Валентин Петрович Плеханов по семейной традиции связал свою жизнь с военной службой. Он участвовал в Крымской войне, а в 1863 году подавлял Польское восстание. Старый Плеханов был суровым человеком, убеждённым крепостником. Одна из его дочерей говорила, что он напоминал старого князя Болконского по прозвищу “пруссский король” из “Войны и мира”. Мать Георгия Плеханова — Мария Фёдоровна Белинская, — напротив, была мягкой и образованной женщиной, развивавшей у своих детей страсть к чтению и любовь к справедливости.

* Плеханов Г. В. Цит. соч. Том второй. С. 265–267.

** Бэрн С. Х. Г. В. Плеханов — основоположник русского марксизма. СПб, 1998. С. 439.

Молодой Плеханов желал пойти по стопам своих предков и стать военным. В 1868 году в возрасте двенадцати лет Георгий поступил во второй класс Воронежской военной гимназии, где проучился до 1873 года. В стенах этого учебного заведения он познакомился с творчеством радикальных литературных критиков – Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Затем Плеханов поступает в Константиновское военное училище в Петербурге, а позже – в Горный институт, считая, что наибольшие услуги своему Отечеству он может оказать, занявшись точными и естественными науками. Но жизнь распорядилась иначе. Плеханов знакомится с революционным студенчеством, читает нелегальную литературу и даже укрывает скрывающихся от правительства революционеров. Окончательное решение включиться в активную борьбу против самодержавия было принято Плехановым в 1876 году. Ему тогда не было ещё и 20 лет.

В фильме рассказывается о его увлечении той поры анархистом М. Бакуниным, затем о семейных драмах, нелёгком периоде длительного пребывания за рубежом, где ему приходилось в поисках заработка давать уроки французского, клеить марки и штамповать конверты. Повествуется и об острых политических баталиях с большевиками и их вождём. Но верна ли выраженная в названии ленты общая тональность?

Предсказания Плеханова в чём-то, действительно, оказались пророческими. За Октябрём последовали гражданская война, интервенция и голод, что заставило Ленина в 1921 году отступить от “военного коммунизма” к нэпу. Впоследствии *революция стала пожирать своих детей*, а общество стало превращаться в нечто подобное некогда существовавшему азиатскому строю, где государство-Левиафан на базе общественной собственности на землю подвергало эксплуатации своих подданных.

В книге “Преданная революция” Лев Троцкий подробно описал перерождение советской власти. Правда, он ни словом не обмолвился о том, что излагаемое им в значительной мере впервые было сказано Георгием Валентиновичем. Это и понятно. Прежде Троцкий был заодно с Лениным и Сталиным по отношению к меньшевикам и их лидерам, в том числе и к Плеханову. Из ниже приводимых фрагментов этой работы видно, как они напоминают мысли Плеханова: “... именно потому, что во многих отношениях ещё отсталый русский пролетариат совершил в несколько месяцев небывалый в истории скачок от полуфеодальной монархии к социалистической диктатуре, реакция в его собственных рядах неминуемо должна была вступить в собственные права”*.

Далее читаем: “Вместо ожидавшегося благополучия в стране надолго воцарилась зловещая нужда. К тому же наиболее выдающиеся представители рабочего класса либо успели погибнуть в гражданской войне, либо поднялись несколькими ступеньками выше и оторвались от масс. Так, после беспримерного напряжения сил, надежд и иллюзий наступил длительный период усталости, упадка и прямого разочарования в результате переворота. Отлив “плебейской гордости” открывал место приливу матадуши и карьеризма. На этой волне поднимался новый командующий слой”**.

Всё это так. Но ведь это лишь одна сторона медали. Есть и другая – грандиозные успехи. В кратчайшие сроки была произведена индустриализация страны, а по темпам роста промышленности Советский Союз шёл *впереди планеты всей*. И всё это происходило на фоне небывалого по своему размаху экономического краха капитализма. В нашей же стране были изжиты кризисы и ликвидирована безработица. Миллионы людей получили доступ к бесплатной медицинской помощи и образованию. Резко повысился культурный уровень населения. Проведя мобилизацию, СССР разгромил Гитлера и одержал победу в Великой Отечественной войне, а затем быстро восстановил народное хозяйство. Мы первыми запустили искусственный спутник Земли и первыми отправили человека в космос. Советский Союз стал одной из двух мировых супердержав. Граждане страны с уверенностью смотрели в будущее. Тот же Троцкий уже в середине 30-х годов не мог не признавать, что “социализм доказал своё право на победу не на страницах “Капитала”, а на хозяйственной арене, составляющей шестую часть земной поверхности”***.

* Троцкий Л. Д. Преданная революция. НИИ культуры. М., 1991. С. 77.

** Там же. С. 78.

*** Там же. С. 6.

В упомянутом фильме и в исторической литературе бытует мнение, что длительное нахождение Плеханова в эмиграции давало Ленину преимущества в знании ситуации в России и понимании необходимых практических шагов для завоевания политической власти. Плеханова именуют книжным марксистом, превосходящим Ленина в литературной, но не в деловой части. Эти рассуждения не лишены смысла. Ленин был авантюристичен, не боялся рисковать, не останавливался перед тем, чтобы подчинить каноны марксизма свершению социалистической революции в России любой ценой. И Ленин, конечно, обошёл и победил Плеханова. Другой вопрос – не оказалась ли его победа пирровой?

Так стоило ли ограничиться Февральской революцией и ждать, пока производительные силы в России достигнут уровня, достаточного для постановки вопроса о необходимости свершения социалистической революции? Представляется, что концепция “слабого звена” в цепи империализма не лишена глубокого смысла, и большевики, “штурмуя небо”, выражали и глубокие чаяния большинства обездоленного населения своей страны. Этим и объясняется их приход к власти и их успех. Временное правительство не имело ясной программы вывода страны из войны и экономического краха, проводило курс, не представлявший достойной альтернативы действиям большевиков и их харизматического и пламенного вождя. Но большевики не предвидели будущей угрозы перерождения власти в партийно-государственную номенклатуру, не подконтрольную народу и таящую в себе побеги будущей гибели далекого от идеалов марксизма строя.

Актуальность идей

В своих работах Плеханов, с одной стороны, решительно, глубоко и умело критиковал реформаторов и ревизионистов (Бернштейн, Каутский, Туган-Барановский, П. Струве, К. Шмидт), искажавших учение Маркса, а с другой – боролся и с Лениным, так как считал его подход левацким и ненаучным. Но он прекрасно понимал и то, что без развития идей Маркса они обречены на увядание. Позднее Плеханов высказывает мысль, что в связи с прогрессом производительных сил в будущем концепция диктатуры пролетариата утратит свою силу, наиболее передовой и многочисленной прослойкой общества станет не пролетариат, а интеллигенция. В связи с этим верх могут взять гуманистические начала, а классовые противоречия станут смягчаться.

Надо сказать, что эта мысль позже стала высказываться и другими исследователями. Полвека назад известный американский социолог и экономист Дж. К. Гэлбрейт в своей работе “Новое индустриальное общество” обстоятельно обосновал и развил этот тезис. Учёный пришёл к выводу, что именно “сословие педагогов и учёных” способно в будущем преобразовать мир в лучшую сторону. И произойдёт это потому, что развивающиеся производительные силы общества всё больше нуждаются в интеллектуальном труде. А интеллект многогранен и вполне может быть повернут на обеспечение гуманизации общества и преследование социальных целей.

С упомянутой идеей Плеханова соседствует и тезис о возможности эволюции капитализма в направлении смешанного общества “с развитой системой социальной защиты”. Он писал: “Я не вижу нужды в попытках предвосхитить конкретные черты последней стадии, на которой элементы капитализма и социализма могут долго идти рядом, в чём-то конкурируя, а в чём-то дополняя друг друга. В дальнейшем капитализм может умереть сам, медленно и безболезненно, но потребуются для этого, как минимум, столетие, а возможно, и не одно”*. Это ли не предтеча теории конвергенции или нового интегрального общества, получающей теперь всё большее признание?

Думается, что Плеханов увидел бы реализацию многих своих идей в Китае и Вьетнаме. В этих странах, проведших, в отличие от нас, грамотные реформы, компартии превратились в организации, проводящие преобразования не под лозунгами усиления классовой борьбы, а напротив, в привлекающие к социалистическому строительству все основные слои населения, включая и верхушку буржуазии**.

* “Независимая газета”, 30 ноября 1999.

** Подробнее об этом см. в кн.: “Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика”. Под редакцией Г. Н. Цаголова. М., “ЛЕНАНД”, 2016.

Если бы история развивалась по Плеханову, то не было бы братоубийственной гражданской войны, не было бы масштабного красного террора. Но история не знает сослагательного наклонения. И то, что случилось, несмотря на все издержки, всё же оказало и положительное влияние на весь мир. Капитализм под влиянием Октября и социалистических преобразований в нашей стране, какими бы жёсткими они ни были, социализировался, улучшил положение трудящихся и рабочего класса.

Хотя история социализма в нашей стране подтвердила многие из опасений Плеханова, “дело Ленина” продолжалось свыше семи десятилетий и подтолкнуло к революциям и другие страны, некоторые из которых продолжают идти социалистическим курсом. Нет, не зря поэт сказал, что “Ленин и сейчас живее всех живых”. Первое издание социализма дало богатейшую практику, которая многому учит. Попытки создания справедливого общества будут продолжаться и впредь. “Конца истории” быть не может. Опыт наших ошибок и достижений пригодится. Путь, предлагаемый Плехановым, остался альтернативой. Но он не был проверен экспериментально.

Реставрация капитализма в 1990-х годах у нас не была неизбежной. Можно было найти социал-демократический выход из ситуации, но верх взяли опять же радикалы. Первым мощным ударом по “делу Ленина” стало “разоблачение культа Сталина” Хрущёвым. История свидетельствует, что революционер Сталин в целом был продолжателем “дела Ленина”. Начатая с расшатывания политической системы “перестройка” Горбачёва нанесла ему уже нокаутирующий удар. Политика же Ельцина–Гайдара была, по сути, “большевизмом наоборот”. Заметим, что перестроечные процессы в Китае начались задолго до наших реформ, но не с политики, а с экономики. Критика Мао не дошла до его полной дискредитации. Его портреты и сегодня смотрят на нас с юаня и не только. Напомним и то, что китайские коммунисты в штывы встретили демарши и Хрущёва, и Горбачёва. И где теперь Китай?

Будь жив Плеханов, он, конечно, осудил бы “шоковую терапию” и переход к криминальному, а затем и бюрократическо-олигархическому капитализму. Плеханов необходим нам сегодня и для того, чтобы найти верный выход из сложившегося в России положения. Думается, что он указал бы на необходимость эволюционного перехода к новому социализму, сочетающему в себе плановое хозяйство, некоторые другие элементы социализма и определённые черты капитализма. Изучение гениального теоретического наследия Плеханова является ключом к тому, чтобы находить нить Ариадны в запутанных лабиринтах современной жизни.

Вражда между бывшими друзьями и единомышленниками никогда не приводит ни к чему хорошему. В порыве гнева люди начинают обвинять друг друга в том, чего они не заслуживают. Плеханов упрекал Ленина в утрате логики, что неверно. Ленин называл Плеханова “бывшим марксистом”. И это не так. Георгий Валентинович, или “Жорж”, как его фамильярно величали близкие знавшие его люди, не расставался с марксизмом до конца своих дней. Однако возможно, что это был *марксизм с человеческим лицом*. В своём труде “К вопросу о роли личности в истории” Плеханов писал: “В нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, “полагает душу свою за други своя”.

Пожалуй, так он и жил.

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

“ЖИВАЯ СОВЕСТЬ ЛИТЕРАТУРЫ”

Владимир Короленко и революционная смута

В год 100-летия событий 1917 года особый интерес вызывают малоизвестные страницы отношения к этим событиям мастеров русской литературы. К их числу относится замечательный русский писатель Владимир Галактионович Короленко (1853–1921), которому в последние годы жизни выпало жить в Полтаве и увидеть воочию все катаклизмы и коллизии революционной смуты в России. Смена не менее десяти властей в городе и на Украине, язвы красного и белого террора, расцвет украинского национализма, полный развал экономики, наступление страшного голода, повседневная заступническая деятельность ради спасения людей из застенков сменявшихся то и дело властей, помощь детям и военнопленным – всё это пришлось пережить уже пожилому писателю, которому судьба подарила возможность стать очевидцем новой смуты и с высот русской классической литературы описать и оценить её, оставив для нынешнего времени бесценные свидетельства. Совсем недавно увидела свет книга историка, поэта и издателя **Сергея Дмитриева “Владимир Короленко и революционная смута в России. 1917–1921”**, в которой подробно изложена трагическая одиссея автора “Слепого музыканта”. Предлагаем вниманию читателей отрывок из этой книги, посвящённый двум периодам 1919–1921 годов: первый – когда в Полтаве правили белогвардейские власти и когда в город вновь вернулись большевики, а второй – это последние месяцы жизни писателя. Эти периоды в биографии Короленко известны намного меньше, чем конкретная история знаменитых “Писем к Луначарскому”, охватывающая лето и осень 1920 года (см. статьи и книгу С. Н. Дмитриева “Завет терпимости. Ленин и “Письма к Луначарскому” Короленко”. “Наш современник”, 1990, № 4. С. 174–190; “Праведник” и нарком”. “Москва”, 1990, № 4. С. 138–152; “Письма совести и веры. История “завещания” Короленко”. М., “Молодая гвардия”, 1991. С. 1–68). Надеемся, что публикуемые ниже страницы исследования историка внесут дополнительные факты, аргументы и свидетельства для решения извечного вопроса: почему же в годы революции и гражданской войны все-таки победили красные?

“Верно, что Россия не погибнет, а расцветёт, хоть мы последнего и не увидим. Пережить предстоит, конечно, ещё очень много. Кризис будет тяжёлый и бурный, но Россия – страна не только большая, но и с великими возможностями”.

В. Г. Короленко (1919)

Белые в Полтаве и Короленко

Части Добровольческой армии под командованием генерала В. З. Маймаевского вступили в Полтаву в ночь с 28 на 29 июля 1919 года, открыв новую страницу в бесконечной череде смены властей. В статьях и письмах этого периода Короленко оставил целый ряд ярких картин, прекрасно иллюстрировавших происходившее. В статье “Новая страница”, написанной по горячим следам прихода новых властителей, Короленко писал: “Полтава пережила ещё один переворот. К вечеру 15/28 июля большевики спешно эвакуировались. Это было более похоже на паническое бегство, чем на отступление... Отошли от Киевского вокзала последние эшелоны... Потом – небольшая канонада по городу, трескотня ружейных и пулемётных выстрелов... И вот в истории нашего города, пережившего так много переворотов, открывается новая страница.

Начало её – нерадостно. Когда я, на второе утро после занятия города, писал эти строки, кругом шёл сплошной погром и грабёж... Сегодня (на третий день) вести опять нерадостные: сплошной грабёж ещё продолжается на некоторых улицах. Впрочем, появился приказ, воспрещающий грабежи и грозящий расстрелами грабителей на месте. Два случая таких расстрелов уже имели место на третий день.

Перед уходом большевиков они отпустили из тюрем 150 красноармейцев, конечно, сидевших за более или менее тяжкие уголовные преступления. Потом пришла какая-то загадочная повстанческая банда, разгромила тюрьму и арестантские роты и выпустила всех заключённых с самым мрачным прошлым. При этих условиях жители ждали скорейшего занятия города, надеясь на защиту войск. Надежда не оправдалась: военные отряды дают тон, а худшие элементы города идут навстречу погромному течению... Да, нерадостно началась новая страница местной истории, омрачившая первые дни того режима, которого, несомненно, многие ждали как начала эры твёрдой законности и устойчивого права. Права широкого, охватывающего одинаково все нации, все исторически сложившиеся классы, все слои существующего общества. Теперь и эти люди спрашивают себя: с этого ли должна начаться новая эра? Когда же рассеется эта туча узкого ненавистничества, погромов и слёз?” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. М., “Пашков дом”, 2013. С. 23–25*).

Короленко вновь и вновь напоминал о необходимости возвращения к заветам человечности: “...Вся жизнь проникнута уже и проникается всё более признаками озверения и несправия... Я уверен, что знамением власти, которой суждена конечная победа в этой ужасной борьбе, раздирающей нашу несчастную родину, будет обращение к человечности и праву.

И теперь я скажу тоже: вспомните великое “сим победиши”. Это указание, обязательное для власти, признающей себя христианской, было сделано тоже во время войны... Но оно напоминало, что и в самой войне нужно помнить великие заветы христианской любви и справедливости.

Да победит тот, кто скорее других вспомнит в наше жестокое время о лучших заветах, выработанных веками человеческой истории...” (*ОР РГБ, ф. 135/1, к. 17, д. 1000, л. 2*).

И как это всегда было свойственно писателю, он не остановился на абстрактном провозглашении заветов добра и нравственности, а вновь лично погрузился в дело борьбы с репрессиями. Уже в первый день власти белых 29 июля Короленко отправился в их штаб, где состоялся его показательный разговор с одним офицером: “Я не пускаюсь в споры и говорю только:

– Вероятно, вы согласитесь, что честь армии, которой вы являетесь представителем, требует прекращения грабежей и насилий.

– Это будет сделано. Уже набирается объявление, которое будет расклеено по городу. Мы восстановим “вашу думу” и милицию, но – нужно же время... Мы грабежей не допустим.

Спасибо и на том. Ухожу, вынося впечатление вроде того, какое испытывал при разговорах с петлюровцами...” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. С. 116–117*).

А 31 июля Короленко со своим зятем К. И. Ляховичем отправились в белогвардейскую контрразведку, и писатель красноречиво рассказал об этом посещении в своём дневнике: “...Мы идём с Константином Ивановичем в это “осиное гнездо”, у дверей стоит кто-то вроде жандармского офицера и гово-

рит нам, что коменданта видеть нельзя. Но откуда-то со стороны я слышу голос: “Это писатель Короленко”, — и нас пропускают. Мы входим во второй этаж, спрашиваем коменданта. Его нет, нам указывают комнату, где есть его заместитель.

Здесь нас встречают с шумной приветливостью. Прежде всего, кидается ко мне Миролубов, одетый в штатском. Он был арестован при большевиках. Я, а главным образом — Константин Иванович выручили его и его товарища. Он приходил к нам с благодарностями. Теперь он шумно приветствует нас обоих. Подходят ещё два-три офицера с такими же заявлениями... Тон, господствующий здесь, преимущественно юдофобский и проникнутый мстительностью к большевикам. “Мстить, расстреливать, подавлять, устрашать”... Когда мы сообщаем, что на улице до самого вечера лежал труп Ямпольского, расстрелянного по очевидному недоразумению, то некоторые изумлены.

— Как?.. Да ведь он был сегодня здесь?.. Я его знал. Безобиднейший человек...

Многие искренно возмущены. Среди других смущение... Эта искупительная жертва меняет настроение большинства. Они прислушиваются к тому, что мы говорим... Заведующий контрразведкой даёт слово, что больше бессудных расстрелов не будет и что он успокоит в этом отношении арестованных...

...Разнёсся слух, что последний (большевистский) эшелон не уехал... Началась канонада, и машинист сбежал. Все бросились с поезда врассыпную. Говорят также, что где-то под Яреськами или Сагайдаком перехвачен поезд с исполнительным комитетом. Алексеев и Дробнис будто бы повешены... У меня сжимается сердце... (так Короленко жалеет именно большевиков. — **С. Д.**). В числе последних, стремившихся на вокзал, когда мы оттуда уезжали, я увидел Дитятеву. Эта молодая девушка, искренно убеждённая большевичка, прекрасная натура, детски чистая и преданная. Это она несла ночью два миллиона из казначейства для детских колоний. Она совершенно забывала о себе, думая только о других и о деле... Что-то теперь с нею?.. Какая судьба постигла этого полурёбенка, созданного из того психического материала, из которого создавались святые, и кинутого теперь в эту дикую свалку?..” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. С. 120–125*).

В этом отрывке очень примечательны детали: и настроение денкинцев, и авторитет писателя даже в среде белых, и желание его заступаться за недавних противников — большевиков, с которыми Короленко совсем недавно конфликтовал, причём очень сильно. Писатель надеялся, что полтавский Политический Красный Крест сможет работать в городе, хотя бы так, как это позволяли большевики. Но он встретил со стороны денкинского начальства явное непонимание. Писатель красноречиво рассказал об этом в статье “Власть или шайка. Письма из Полтавы”: “Через несколько дней по занятии Полтавы Добровольческой армией я вместе с П. С. Ивановской, товарищем председателя Политического Красного Креста, отправились в контрразведку. Политический Красный Крест — учреждение, нелегальное при самодержавии, — у нас в Полтаве легализировался ещё до большевиков и часто служил посредником между населением и разными “чрезвычайными” учреждениями. Большевики в Полтаве признали это посредничество, и хотя Чрезвычайная Комиссия косилась порой и выражала нетерпение на “неуместное вмешательство”, но П. С. Ивановской и мне лично удавалось всё-таки поддерживать посредническую роль...”

...С приходом каждой новой власти нам предстояло, в сущности, делать то же дело. Страсти поворачивались теперь в другую сторону, объекты стали другие, но страсти оставались теми же страстями, часто слепыми и жестокими. Вопрос для нас состоял в том, пожелают ли эти новые власти прислушиваться к голосу “со стороны”, уже доказавшему своё беспристрастие и спокойное стремление к справедливости и смягчению жестокости? Труп учителя Ямпольского, весь день лежавший на улице, и, несомненно, расстрелянного “сгоряча”, “неизвестно кем”, — трагически красноречиво напоминал о необходимости такого нейтрального вмешательства. И мы с П. С. Ивановской пошли в контрразведочное бюро, чтобы определить новое положение Политического Красного Креста и знать, как нам отвечать на обращения местных людей, которых ураган междоусобия ударял теперь с другой стороны.

Нас принял начальник контрразведки, полковник Щукин, человек с видной жандармской выправкой. Я не стану воспроизводить всего разговора,

происшедшего между нами, укажу только на одну черту, на мой взгляд, очень характерную. Едва я упомянул о роли Политического Красного Креста “при смене разных властей”, как полковник, подняв голос, сказал:

– Позвольте вам заметить, что вы напрасно говорите о смене *властей*. Власти до сих пор не было... Были лишь шайки разбойников...

Я тоже “позволил себе заметить” строгому полковнику, что знаю употребление русских слов и знаю, что когда та или другая группа приобретает возможность издавать декреты, признаваемые на огромном пространстве отечества, когда она на этом пространстве устанавливает свои учреждения, свои суды, приговаривает и приводит приговоры в исполнение, то я называю такую группу властью и думаю, что я прав... Так было при гетмане, так было при Петлюре, так было и при большевиках” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. М., Пашков дом, 2013. С. 32–35*).

Однако все доводы писателя о том, что “при смене разных властей нам пришлось выполнять такую же роль посредников между этой властью и населением” и что это же самое следует делать и теперь, ни к чему не привели: “Сухо и довольно грубо он несколькими репликами дал понять, что пример большевиков ему не указ... Они наладили уже весь аппарат, который действует вполне беспристрастно и ничего больше ему не надо”, – записал писатель в дневнике 2 августа 1919 года. “Я ушёл с чувством, что через этого человека действительно ничего не сделаешь для смягчения дикого произвола”.

А уже 5 августа Короленко проиллюстрировал факты проведения в жизнь взглядов этого начальника Щукина: “Были только разбойники, а не власть. Кто помогал разбойникам, хотя бы в мирных и необходимых функциях, должен быть схвачен... Поэтому все должностные лица, бывшие при господстве разбойников, “сами разбойники”. На этом основании арестована целая группа земских служащих... И это в такое время, когда в городе действует шайка отпущенных из тюрьмы грабителей...” (*Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. Сост. В. И. Лосев. М., “Советский писатель”, 2001. С. 244*).

Добавим здесь, что Короленко посетил также в начале августа начальника Полтавского гарнизона генерала Непенина, а в последующие дни он неоднократно встречался и с другими представителями властей, в частности, с вице-губернатором, офицерами контрразведки, в том числе по поводу деятельности Лиги спасения детей.

Поясим также, что Прасковья Семёновна Ивановская (1853–1935), по мужу Волошенко, была сестрой жены Короленко. За активное участие в деятельности “Народной воли”, подготовке убийства Александра II она была приговорена в 1883 году “по процессу 17-ти” к смертной казни, заменённой ей бессрочной каторгой. Каторгу отбывала на Усть-Каре и в Акатуе до 1898 года, затем до 1903 года жила на поселении. Вступив в боевую организацию эсеров, участвовала в подготовке ряда террористических актов, в том числе против В. К. Плеве. В 1905 году была вновь арестована, но вскоре освобождена благодаря заступничеству Союза союзов. В 1907–1913 годах жила в эмиграции в Румынии. Вернувшись в Россию, поселилась в Полтаве, активно помогала Короленко в его заступнической деятельности, являясь его заместителем в качестве председателя Полтавского Политического Красного Креста. После смерти Короленко стала председателем этого общества. В 30-е годы подвергалась репрессиям. Переписка Ивановской с Короленко началась ещё в 1886 году (*см. Письма В. Г. Короленко к П. С. Ивановской. М., 1930*), а их личное знакомство состоялось в 1903 году.

А создание самого Полтавского Политического Красного Креста было официально утверждено в конце ноября 1918 года. Его почётным председателем тогда был избран именно Короленко. После октября 1917 года отделения Политического Красного Креста создавались и в других городах России, в частности, в Москве (председатель Е. П. Пешкова), Петрограде (С. П. Швецов), Харькове (Л. Б. Сандомирская), беря на себя защиту лиц, страдавших от политического насилия, к которому прибегали все противоборствовавшие стороны. В архиве Короленко сохранился набросок обращения писателя к советским органам Полтавы от имени правления Полтавского Политического Красного Креста, сделанный в начале 1920 года, когда в Полтаве вновь воцарились большевики. В нём Короленко так освещал историю этой организации: “Политический Красный Крест возник ещё задолго до революции и имел в виду помощь всем заключённым в тюрьмы противникам царского прави-

тельства. Тогда он существовал нелегально. Члены его нередко арестовывались и выслались.

В послереволюционное время, когда возникла гражданская война, вновь явилась необходимость в учреждении, которое, становясь посредником между разными борющимися партиями, смягчало бы остроту этой борьбы во имя человечности, обязательной для всех партий. Легальное признание Красному Кресту удалось получить ещё во время гетманства, когда окружной суд утвердил его устав. Учреждение действовало легально уже во время занятия Полтавы войсками Директории. Первыми клиентами Красного Креста явились на этот раз лица, обвиняемые в “большевизме”. Таким образом, представителям Красного Креста и его Почётному Председателю удалось в последние дни петлюровской власти в Полтаве добиться отмены казни над привезёнными уже для этого из тюрьмы четырьмя приверженцами Советской власти, которые и были спасены.

Значение Политического Красного Креста при этих обстоятельствах было так ясно, что советские власти тоже признали это учреждение, и представители Красного Креста всё время получали доступ в тюрьмы и в разные советские учреждения (17 марта 1919 года писатель получил специальный пропуск в ГубЧК, сохранившийся в архиве. Он был частым гостем также в ревтрибунале и губисполкоме. — С. Д.). Понятно, что состав клиентов Красного Креста не мог не измениться, и ему пришлось теперь заступаться по большей части за так называемых контрреволюционеров, причём советские власти признавали это посредничество, и нередко Политический Красный Крест оказывал услуги делу выяснения истины и делу справедливости, а значит, и делу самой власти.

С приходом денкинцев преследования опять обратились против приверженцев Советской власти, которые дали первые жертвы “контрразведки” и бессудных расстрелов. Представители Политического Красного Креста опять выступили в роли защитников сторонников Советской власти, и им нередко удавалось смягчить по отношению к большевикам и украинцам действие добровольческой мести.

Таким образом, ясно, что роль Политического Красного Креста во время междоусобия является по-прежнему необходимой и важной, внося в отношения различных борющихся и сменяющих друг друга партий смягчающее начало и посредничество, не имеющее в виду никаких партийных целей, и доказав разным властям и самому населению свой нейтральный и междупартийный характер, апеллирующий лишь к справедливости и человечности, которая особенно полезна при смене разных режимов” (ОР РГБ, ф. 135/1, к. 35, д. 2155, л. 1–1 об.).

Однако не всё шло так гладко. Деятельности Политического Красного Креста неоднократно чинились различные препятствия, причём всеми властями. К примеру, в конце июня 1919 года собрание членов общества было оцеплено чекистами, и у всех присутствовавших был произведён обыск, в том числе у П. С. Ивановской. Факты свидетельствуют, что и в 1920–1921 годах члены Полтавского Политического Красного Креста, в первую очередь, Короленко и Ивановская продолжали свой скорбный труд, находя определённый, хотя чаще всего слишком незначительный отклик у большевиков. Согласно сведениям ГПУ, Полтавский Политический Красный Крест как организация был окончательно ликвидирован в сентябре 1922 года (см. *Память. Исторический сборник. Вып. 3. М., 1978. Париж, 1980. С. 537*).

Тезис о признании большевиков всё-таки властью, а не шайкой разбойников, прозвучавший из уст писателя в ходе разговора с полковником Щукиным, Короленко повторил в своей статье “Власть или шайка”, датированной 5 августа. И при этом писатель снова руководствовался принципами нравственности и терпимости, не желая всех, кто сотрудничал с большевиками, записывать во врагов: “Если была большевистская власть, то и те, кто в это время исполнял те или другие официальные обязанности, являлись лишь агентами “существовавшей власти”, и их действия подлежат обсуждению с одной точки зрения: как они ей служили. Совершали или не совершали преступления по существу?.. Если же это не власть, а только “преступное сообщество” (слова другого приказа) или “шайка разбойников”, как говорил полковник Щ[укин], тогда является преступлением уже самый факт службы и исполнения известных обязанностей, потому что всякое содействие разбойникам, хотя бы

и косвенное, есть несомненное преступление... Даже музыкант, “по мобилизации” участвовавший в оркестре, услаждавшем слух разбойников, тоже подлежит ответственности. И я знаю случаи, когда музыканты, мобилизованные советскими властями, принуждены были скрываться, как красноармейцы, деятельно выступавшие против добровольцев...”

В этой же статье писатель ещё раз напомнил, что при большевиках у него вообще не было возможности публиковаться: “Большевики задушили независимую печать, оставив только официозы. Я никогда не работал в официозах, а некоторые приёмы “коммунистического органа” лишили меня всякой возможности прибегать к “Известиям” хотя бы с простыми письмами в редакцию. Значит, печать как орудие хотя бы местной гласности была у меня отнята. Оставалось “непосредственное воздействие” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 33–35*).

Об особой позиции писателя в качестве защитника заветов нравственности в тот период наиболее наглядно может свидетельствовать очень яркая статья Короленко “Трагедия бывших офицеров”, написанная им 3 августа 1919 года. В ней было рассказано о расстреле белыми поручика Николая Николаевича Тверитинова за то, что “будучи мобилизован советскими властями, он своей отменно усердной службой снискал доверие высших агентов большевистского правительства и благодаря этому занимал ряд ответственных должностей в Красной армии”, в том числе начальника штаба 4-й стрелковой Украинской дивизии. За все эти действия Тверитинов 29 июля был осуждён военно-полевым судом и расстрелян. Он просил о вызове свидетелей, которые могли бы установить обстоятельства, изменяющие картину его отношений с советской властью, но в вызове свидетелей ему было тогда отказано.

Как отмечал в своей статье Короленко, “этот пример характеристичен для истинно трагического положения бывших офицеров. Близкие к Тверитинову люди говорят мне, что он ждал прихода Добровольческой армии как избавителей от большевистского пленения. Он был “мобилизованный”. При отходе большевистских войск он и не подумал уйти с ними... Что же теперь делать другим офицерам, мобилизованным большевиками? Не придётся ли им после этого урока уходить с большевиками и продолжать драться с Добровольческой армией, если не по убеждению, то для спасения своей жизни, нужной для их семей (у Тверитинова 8 человек детей). Правильна ли такая политика?”

Почему Тверитинов не ушёл от большевиков ранее, я не знаю. Многие бывшие офицеры, мобилизованные в Красную армию или в другие учреждения, не уходят просто потому, что они не герои, готовые пренебречь всем для той или другой идеи. За отсутствие героизма наказывать нельзя. На одном героизме нельзя построить широких объединений. Между тем, всё бывшее офицерство у нас теперь на положении подсудимых и угрожаемых. Полтава то и дело видит на своих улицах целые отряды из бывших офицеров, которых гонят в тюрьмы, как арестантов. Ещё недавно они были на подозрении у большевиков. Их хватили, сажали в тюрьмы, грозили расстрелами и порой расстреливали. Теперь их опять сажают в тюрьмы и опять расстреливают”.

Короленко допускал, что “Тверитинов или другой мог примкнуть к большевикам, искренно увлечённый их лозунгами. Не надо закрывать глаза на истину: такие искренние люди есть и среди большевиков, и мне приходилось встречать их”. Однако это не оправдывает крайних мер и озверения сторон: “Я знаю, что при нравах и обычаях междоусобной войны обе стороны расстреливают пленных офицеров. Всякая война ведёт к озверению, а междоусобная война отбрасывает даже те смягчения, которые уже давно вошли в нравы войны международной. Я глубоко убеждён, что это вредно даже с чисто утилитарной точки зрения. Ко мне однажды пришёл со слезами на глазах солдат (всё равно какого лагеря). Он пошёл по убеждению, но увидел себя лицом к лицу с проявлениями озверения в виде расстрелов противника за убеждения и не мог помириться с этим: каждая казнь уже обезоруженного пленника, каждое убийство только за инакомыслие рождает новых противников, ослабляет энтузиазм со стороны лучших приверженцев”.

“Что же сказать о казни, подобной казни Тверитинова? Он был у большевиков, но он не ушёл с ними, а пошёл навстречу добровольцам. Может быть, он тоже разочаровался, а может, просто был “не герой” и не сумел вырваться ранее. И вот его казнили... Какие чувства вызовет это в других бывших офицерах? Не должна ли эта казнь вызвать реакцию после первого радостного

порыва? И мне действительно говорят уже о том, что в среде этих “бывших” начинается реакция: начинают снимать погоны, начинают даже дезертировать” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 27–30*).

Как видим, Короленко не боялся встать на защиту офицера, пошедшего по тем или иным причинам на службу большевикам, и он прекрасно понимал возможные причины такого очень массового явления (вспомним в связи с этим, что, по данным многих исследований, не менее половины офицеров, служивших в царской армии и в российской армии периода Временного правительства, оказались в итоге на службе у большевиков).

В день казни Тверитинова Короленко был у начальника Полтавского гарнизона генерала Петра Петровича Непенина (1872–1932), генерал-майора, участника Брусилковского прорыва, и там он узнал, что приговор уже приведён в исполнение. На все увещевания писателя генерал ответил, “что он не вправе пускаться в соображения политического свойства о последствиях того или другого закона. Закон ясен. Инструкции тоже ясны. Он их только применяет, хотя и со стеснённым сердцем. И конечно, генерал был по-своему, по-военному, прав. Но я думаю, что этот “ясный закон” и ясные инструкции вносят в кровавый туман, заволакивающий будущее нашего отечества, такую трагическую черту, которая только сгущает мрак.

Я считаю, что программа ген. Деникина, если её честно провести до конца, даёт приблизительно то, на чём могло бы, в конце концов, устояться разбушевавшееся море русской жизни для отдыха и нового движения. Но между всякой программой и её конечным выполнением лежит ещё преломляющая среда и, прежде всего, среда, проводящая эту программу. Важно поэтому, чтобы обозначились не только приемлемые цели, чтобы и средства применялись правильные. А то, что пережила Полтава в первые дни по занятии и что продолжает переживать теперь, кажется мне ведущим к результатам противоположным” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 29–30*).

Эти очень важные и принципиальные слова Короленко дают понять, что его отношение к личности генерал-лейтенанта А. И. Деникина (1872–1947) – главнокомандующего вооружёнными силами Юга России – не включало в себя лишь неприятие и отрицание данной исторической фигуры. То же самое говорят и дневники писателя. Так, 4 августа 1919 года Короленко записал: “Деникин в воззваниях и обращениях держится в разумных пределах... Но... вопрос, как будет проводиться эта умеренная программа”. 21 января 1920 года писатель вновь высказался на ту же тему: “Говорят, Деникин далеко не реакционер и есть среди добровольческих властей порядочные люди. Но весь вопрос в том, кто берёт перевес настолько, чтобы окрасить собою факты. Среди добровольцев такой перевес явно принадлежит реакции. Деникин пишет указы о том, чтобы аресты не становились орудием помещичьей мести и их счётов с населением, а офицерство в большинстве сочувствует помещичьим вождениям” (*Негретов П. И. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917–1921. Под редакцией А. В. Храбровицкого. М., “Книга”, 1990. С. 124–125, 137*).

Ещё один пример сочувственного отношения писателя к Деникину присутствует в его фактической поддержке приказа генерала от 10 июля 1919 года, в котором говорилось, что “воинские части не могут принимать на себя обязанности разбираться в спорных правовых взаимоотношениях”, а “власти обязаны впредь до установления законного порядка предупреждать новые захваты прав, не разрешая прежних споров и не допуская насилий с чьей бы то ни было стороны и во имя чего бы то ни было. Урегулирование этого вопроса принадлежит государственной власти... Иначе взаимное озлобление будет расти, вместо одного насилия появится другое, и авторитет армии будет падать”. Писатель прокомментировал этот приказ такими словами: “В этом и в некоторых других обращениях новой власти намечалась линия поведения, которой нельзя не сочувствовать. Не надо новых насилий, не надо классовой мести и преждевременных счётов”.

Интересно также отношение Короленко к А. В. Колчаку, о котором он упомянул в своём дневнике 11 апреля 1919 года после очень важных слов, что большевики “в военном отношении самая сильная партия, и России, очевидно, суждено пережить внутренний кризис под флагом большевистского правительства. Оно есть существующий факт. Теперь ему противостоит только какой-то загадочный для меня сибирский Колчак, бывший адмирал, противо-

стоящий Красной армии на Восточном фронте. Что за фигура эта бывший адмирал, что противопоставляет он заманчивым для масс лозунгам большевизма, я не знаю. Знаю пока, что он расстрелял несколько меньшевиков, в том числе нашего сотрудника по “Русскому богатству” – Майского” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. С. 42–43*).

Этот отрывок из дневника писателя очень показателен, он демонстрирует, что, находясь в отдалении от центра России и тем более от Сибири, Короленко намного лучше знал, что происходит на Украине, и должен был часто довольствоваться слухами о происходившем в других частях страны. Естественно, что это не могло не приводить к ошибкам и неточностям в восприятии писателем далёких от него событий. Так, упомянутого расстрела меньшевиков при Колчаке в тот период в действительности не было, а В. Майский (псевдоним И. М. Ляховецкого, 1884–1975), которого знал Короленко, на самом деле не был расстрелян, в 1921 году он стал большевиком и прожил ещё более 54 лет!

Что касается “загадочного” для Короленко адмирала, то в его сибирской эпопее, которая, пожалуй, лучше всего была описана в фундаментальном труде “Трагедия адмирала Колчака” (М., “Вече”, 2016) замечательного историка С. П. Мельгунова, которого мы уже не раз цитировали, как в зеркале отразилась трагедия белого движения, проявившего чудеса смелости и упорства, но оказавшегося не способным противостоять большевистскому натиску. Колчак попытался подняться над партиями и политическими распрями, объявив себя спасителем Отечества, но привести своих сторонников к победе он оказался не в состоянии.

Вступив в должность Верховного правителя России в ноябре 1918 года, адмирал в тот же день отдал приказ: “Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройтва государственных дел и жизни, объявляю, что я не пойду ни по пути реакции, ни по губельному пути партийности. Главной целью я ставлю создание боеспособной армии, победу над большевиками и установление законности и порядка”. Через несколько месяцев власть Колчака была признана в качестве всероссийской правительством А. И. Деникина на юге, Временным правительством Северной области во главе с Е. К. Миллером, Северо-западным правительством С. Г. Лианозова – Н. Н. Юденича, верховным уполномоченным на Дальнем Востоке Д. Л. Хорватом и несколькими почти полностью автономными казачьими атаманами (Иванов – Ринов, Г. М. Семёнов, А. И. Дутов и др.).

Дальнейшая одиссея адмирала разворачивалась в бушующей Сибири, которая испытала на себе всю тяжесть проклятия, висевшего над Россией. Колчак, любивший повторять: “Дисциплина есть основание свободы” и “Мы рабы положения”, никак не может восприниматься в качестве главного реакционера так называемой “русской Вандеи”, а, наоборот, должен расцениваться как человек, сдерживавший сползание режима в сторону “реставраторства”. “Колчаковщина” появилась задолго до Колчака, и он в ней был совсем неповинен.

Что касается союзников колчаковских сил, в особенности чехов, то их двусмысленная роль в развитии событий, оригинальная “нейтральность”, переросшая, в конце концов, в прямое предательство ими и самого адмирала, и его дела, показательна сама по себе. Истоки такого поведения интервентов Колчак определил как-то в одном доверительном разговоре: “Моё мнение – они (союзники) не заинтересованы в сильной России... Она им не нужна”.

Особую роль в приближении “сибирской катастрофы” сыграли эсеры, деятельность которых не позволяла часто определить, где кончались они, а где начинались большевики. Их дезорганизаторская работа в тылу армии, которая сражалась с большевиками, явилась едва ли не главной причиной крушения дела Колчака.

Признавая многие грехи адмирала, на которые намекал Короленко, необходимо снять с него надуманную вину в том, будто бы за все ужасы, творившиеся в Сибири, ответственен он сам. Гораздо больше для понимания как белого, так и красного террора даёт признание общей ответственности за ужасы гражданской войны, о котором, вспомним, не раз писал Короленко. На “военную сторону” поражения Колчака обратил внимание в своём дневнике ещё барон А. Будберг, исполнявший некоторое время обязанности военного министра в правительстве Колчака. Одну из основных причин крушения его власти

Будберг видел в том, что “какой-то злой рок” преследовал адмирала “в составе его главнейших помощников”. “Всё горе в том, — писал барон 11 мая 1919 г., — что у нас нет ни настоящего главнокомандующего, ни настоящей ставки, ни сколько-нибудь грамотных старших начальников. Адмирал ничего не понимает в сухопутном деле и легко поддается советам и уговорам... во всей ставке нет ни одного человека с мало-мальски серьезным боевым и штабным опытом; всё это заменено молодой решительностью, легкомысленностью... презрением к противнику и бахвальством”.

7 июня того же года Будберг дополнил эту картину новыми штрихами: “Адмирал, по-видимому, очень далёк от жизни и — как типичный моряк — мало знает наше военно-сухопутное дело... Между тем, по всему чувствуешь, что этот человек остро и болезненно жаждет всего хорошего и готов на всё, чтобы этому содействовать, но отсутствие знания, критики и анализа не даёт ему возможности выдвинуться на настоящую дорогу; личного и эгоистического у адмирала, по-видимому, ничего нет... По внутренней сущности, по незнанию действительности и по слабости характера он очень напоминает покойного императора” (*Гуль Р. Ледяной поход. Деникин А. И. Поход и смерть генерала Корнилова. Барон А. Будберг. Дневник. М., 1990. С. 233, 237, 238, 251-252, 272-274*).

Примерно такую же, но ещё более критическую оценку личности “верховного правителя” можно встретить в интересной книге генерал-лейтенанта Д. В. Филатьева (1866–1932), являвшегося в конце 1919 года помощником главнокомандующего колчаковской армии, под названием “Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца” (*Париж, 1985*). Отдав должное несомненным достоинствам Колчака (“благородный рыцарский характер”, “смелый и скромный” человек с “необычайной энергией, исключительным знанием дела” и т. д.), Филатьев отмечал, что исследователи минувшего никогда не найдут в деятельности адмирала одного: “злой воли или себялюбия. С этой стороны Колчак кристально чист; до конца своих дней он оставался чистым идеалистом и убеждённым рабом долга и служения Великой России”.

И можно только согласиться с генералом, что “не вина Колчака, если он — выдающийся моряк — оказался совсем несведущим в военно-сухопутном деле и вынужден был слушать советы других, которые оказались не на высоте задачи. Не его также вина, что на его плечи свалилось огромное дело, требовавшее большого и всестороннего опыта по гражданскому управлению, какового опыта у него быть не могло и не оказалось у его помощников. Он не искал власти, она сама к нему пришла вследствие ореола, которым было окружено его имя задолго до того, как он случайно оказался в Омске в момент избрания диктатора. Трагедия Колчака, а вместе с тем и трагедия России, — писал Филатьев, — явилась результатом чрезвычайно сложной и запутанной обстановки и совокупности самых разнородных сил, тянувших общее дело в разные стороны” (*указ соч. С. 16-17*).

В своей книге Филатьев, в сущности, вынес адмиралу очень суровый приговор. По словам генерала, дело, за которое взялся Колчак, “оказалось ему не по силам”, он его “бессознательно погубил”, сумев “растратить доставшееся ему богатое имущество без славы, без почестей и без ратных подвигов” и не сделав “ничего за недостатком знания, умения и твёрдости характера”. Думается, мы должны прислушиваться сегодня и к этим оценкам, доносящимся из среды русской эмиграции первой волны, чтобы не броситься из одной крайности безоговорочного очернения личности Колчака в другую крайность его безудержного возвеличивания. Вероятно, Короленко, относившийся к фигуре Деникина более взвешенно и объективно, чем ко всему движению белогвардейцев, точно так же мог бы отнестись и к Колчаку, если бы он не понаслышке знал, что же на самом деле происходило в Сибири.

Особый интерес для нашего повествования упомянутая книга Филатьева вызывает ещё и потому, что в ней автор попытался суммировать те ошибки и промахи адмирала и его помощников, которые привели к катастрофе белого движения в Сибири. Назовём лишь основные из них, понимая, что в той или иной степени они проявились и на Украине: разгул “атаманщины”, разлагавший армию и тыл, выбор неверных стратегических планов и направлений наступательных действий, череда различных более мелких военных упущений, несдержанные, “по линии наибольшего сопротивления”, отношения

Колчака с союзниками России по Антанте, внутренняя политика, вызывавшая зачастую появление “врагов в тылу” – среди рабочих и крестьянства, – разложение чешских и союзнических частей. . .

Короленко, отрицательно относившийся к белогвардейцам, ставил им в вину так же, как он это делал по отношению к большевикам, забвение заветов нравственности. Свою упоминавшуюся ранее статью “Трагедия бывших офицеров” он закончил призывом “вспомнить не только о стратегии и трофеях, но и о таких высших и более широких началах, как свобода и справедливость. . . Я уверен, что этот призыв уже носится в воздухе, рождаясь в глубине истерзанных и стосковавшихся сердец. И не следует говорить: “Сначала победа, а потом подумаем о справедливости, свободе, гуманности и тому подобных началах. . .” Это как раз та формула отсрочки, с которой погибла царская власть: сначала успокоение, а потом реформы! Нужно, чтобы сразу было видно, куда стремится новая власть. Если в её программу входит свобода печати, то нужно иметь мужество выслушать её свободный голос, хотя бы и в неприятном деле.

Говорят, в последние дни получена из южного центра телеграмма, чтобы смертные приговоры над офицерами не приводились в исполнение без утверждения главнокомандующего. Есть, значит, надежда, что эти ненужные расстрелы будут прекращены” (*Короленко В. Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика. 1917–1921. М., “Аграф”, 2002. С. 224*).

В начале августа 1919 года Короленко ещё надеялся на благоразумие белогвардейской власти, но далее улучшения так и не наступило. Наоборот, множились самые отрицательные примеры. И давала их не только Полтава, а приходившие из других мест новости о политике белогвардейцев. Ещё 17 (29) апреля 1919 года Короленко записал в дневнике: “23 апреля вечером приехала Дуня из Одессы. Рассказывает о безобразиях, которые происходили в Одессе при добровольцах и союзниках. В Одессу съехалось всё денежное и, наряду с большой нуждой, царит безумная роскошь. Тут собрались реакционеры со всей России. . . Происходили оргии наряду с нуждой, вообще Одесса дала зрелище изнанки капитализма, для многих неглубоко думающих людей составляющей всю его сущность” (*Неизданный Короленко. Дневники и записные книжки. 1919–1921. С. 52*).

Как видим, Короленко здесь не жалуется тот самый капитализм, апологеты которого победили в России в феврале 1917 года, но потом утратили свою власть. При этом у писателя нашлась ложка дёгтя и для “союзничков”, к которым он относился отрицательно, видя, что они ничуть не думают об интересах России, а лишь преследуют свои корыстные цели: “Союзники” довольно неблагоприятно поступили с добровольцами и своими приверженцами. Они, не предупреждая население, сдали Одессу без боя. Всё явно контрреволюционное, с большевистской точки зрения, наскоро кинулось на транспорты и пароходы. За места драли невероятные цены. . . Полное озверение. И каждая сторона обвиняет в зверстве других. Добровольцы – большевиков. Большевики – добровольцев. . . Но озверение проникло всюду” (*там же. С. 53*).

И писатель не был бы писателем, если бы к этим выводам не добавил яркую художественную зарисовку примеров белогвардейских “подвигов”, которая скажет читателю больше, чем все теоретические рассуждения: “Когда Дуня ехала из Севастополя в Одессу (ранее), ей пришлось сидеть в вагоне с добровольческими офицерами. Конечно, нельзя сказать, что это общий тон, но тон их разговоров был ужасен. Между прочим, один очень игриво рассказал, как был взорван мост вместе с поездом большевистского Кр[асного] Креста. Рассказчик игриво передавал, как в воздухе мелькали юбочки сестёр милосердия. И протестов против этого рассказа не слышалось. . . Другие поддерживали разг[ovor] в этом же роде. . .

Один рассказывал, как “он” убежал (большевик). “А сапоги на нём были хорошие, а на мне рваные. Нет, думаю, не убежишь. Целюсь. Хитёр, бестия: бежит всё зигзагом. Два раза выстрелил, не попал. За третьим разом кувыркнулся” (*там же*).

Короленко очень щепетильно относился к тому, чтобы его никак не связывали с белогвардейцами, и можно понять возмущение писателя, когда в середине августа 1919 года в газетах появилась дезинформация, что писатель якобы присутствовал на каком-то “парадном банкете” добровольцев.

“Я на банкете не был, — отметил писатель. — Должен прибавить, что я с давних пор не принимаю участия в публичных банкетах”. При этом Короленко упомянул “известные обстоятельства” белогвардейских бесчинств (*Летопись жизни и творчества. С. 127*).

Практика тех дней заставила писателя вспомнить о старой показательной истории: “Когда-то давно, ещё в 90-х годах прошлого столетия, когда я жил в Нижнем Новгороде, у меня был произведён обыск. Никакого резонного повода для него, очевидно, не было, и я к этому давно привык. Но всё-таки обыск в квартире, произведённый в присутствии понятых и привлечший внимание соседей, казалось мне, должен иметь какое-нибудь более или менее резонное объяснение. Я пошёл объяснить с жандармским генералом Познанским.

На мой негодующий вопрос генерал, по-видимому, всё-таки несколько сконфуженный, попросил меня пройти в соседнюю комнату и указал средних размеров сундучок, плотно набитый бумагами.

— Знаете, что это такое? — спросил он. — Это все доносы, анонимные и неанонимные. И доносы не от наших официальных агентов, а... от обывателей-добровольцев...

— Охота же вам обращать внимание на это негодяйство...

Он пожал плечами.

— Большую часть мы и оставляем без внимания. Но всего оставлять без внимания нельзя... Вот такой донос поступил и на вас, и я должен был произвести обыск... Мы сами во власти доноса...” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. М., “Пашков дом”, 2013. С. 40–41*).

Это отрывок из статьи Короленко “Власть доноса”, написанной им 7 августа для осуждения “подлой и безнравственной” практики доносительства, имевшей место и при большевиках (“чрезвычайка, в которой слонялись разные люди, порой, пожалуй, недурные, так до конца не освободилась от власти доноса”), и при белых: “Эта гнусность, этот доносительский яд составляет самостоятельную и очень вредную силу. Есть разные борющиеся стороны: большевики, петлюровцы, добровольцы. Есть махновцы и григорьевцы, ведущие свою особую линию. И есть ещё доносчики, перекидывающиеся со своим гнусным оружием то на одну, то на другую сторону. Это не борьба в пользу той или другой идеи. Это орудие сведения личных счётов.

У нас в Полтавщине был один разительный случай такого рода. Ссорились два брата, и ссора приняла, как это часто бывает, самый ожесточённый характер. Когда пришли большевики, один из братьев донёс на другого, что он — контрреволюционер... “Ну вот... Посиди-ка, дружок... Будешь знать...” Потом он образумился и пошёл в местную чрезвычайку, чтобы снять оговор... Оказалось, что уездная чрезвычайка не дремала: ему сообщили, что контрреволюционер уже расстрелян...

И всякая “перемена власти” ведёт за собой новую вспышку доносничества. Теперь у нас гуляет лозунг: “Вот комиссар... Лови комиссара”. Приказ о том, чтобы все, кто знает места пребывания “комиссаров”, непременно об этом доносили, особенно раздувает эту вспышку... Но рвение доносителей не знает пределов... В первые же дни, когда ещё не стихло впечатление канонады и перестрелки, когда не знающие местных обстоятельств добровольческие власти оглядывались по сторонам, опасаясь притаившихся врагов, охочие доносители, — часто те самые, которые прежде кричали: “Вот он, контрреволюционер”, — теперь принялись кричать: “Вот комиссар” (*там же. С. 41–42*).

Самый вопиющий случай такого рода произошёл в Полтаве с неким И. Ю. Немировским, на которого поступил донос, что он якобы был председателем революционного трибунала города и подписал более 100 (!) смертных приговоров. Слава Богу, что его не расстреляли “по-быстрому”: уже на следующий день выяснилось, как писал Короленко, “1) Что военно-революционный трибунал в Полтаве не вынес ни одного смертного приговора. 2) Что Немировский не был его председателем. 3) Что он сам судился в этом трибунале за то, что во время эвакуации, состоя членом военной инспекции, освободил всех политических заключённых, которые благодаря ему избежали “случайностей” замешательства при эвакуации и теперь живы и свободны...”

Берегитесь ядовитого и разлагающего действия, которое производит эта общественная язва... “Берегитесь попасть во власть доноса” — вот что могли бы сказать новой власти учреждения и лица, привыкшие служить посредниками

“при смене разных властей”, если бы захотели слушать их спокойные голоса. . .” (там же. С. 43-44).

Немаловажно, что писатель поставил в один ряд рвавшихся на Украине к власти силы махновцев и григорьевцев, к которым писатель не мог и не питал никаких положительных чувств. Напомним, что Нестор Иванович Махно (1889–1934) был руководителем широкого, преимущественно крестьянского движения, протекавшего на Украине под знаком “анархизма” в 1918–1921 годах. Махновцы периодически воевали и против петлюровцев, и против денкинцев, и против Красной армии. Три раза Махно заключал соглашения с большевиками, и каждый раз они нарушались. В 1921 году он эмигрировал во Францию, где написал трёхтомные воспоминания о своей жизни. Короленко резко отрицательно относился к “зелёным”, “повстанцам-разбойникам”, подобным Махно, который “заглядывал” во время круговерти властей и в Полтаву. Так, 15 июля 1919 года писатель занёс в свой дневник: “Чрезвычайно разгромил 8-й полк, стоявший в Беликах. Там он творил ужасные вещи. Перевели сюда. . . Говорят, при этом слышались лозунги: “Перебить жидов и коммунистов”, упоминался “батько Махно”. Вот на каких надёжных элементах стоит власть, взявшаяся преобразовать мир” (*Летопись жизни и творчества*. С. 118).

Григорьевцами же Короленко называл сторонников Н. А. Григорьева – бывшего штабс-капитана царской армии, с декабря 1918 года – петлюровского атамана, затем – командира бригады и дивизии Красной армии, поднявшего в мае 1919 года мятеж против Советской власти. Он был убит 27 июля 1919 года по приказу Махно. 18 мая 1919 года Короленко писал о Григорьеве в письме С. П. Мельгунову: “Бродит вокруг Полтавы Григорьев с заманчивыми для бедноты обещаниями. Тут и земля, и еврейские погромы, и антикоммунизм. . . Кажется, однако, что успеха иметь не будет. Кажется, большевизму предстоит самому разведаться в противуречиях между заманчивыми для масс обещаниями и их невыполнимостью. Всюду, где ещё нет большевиков, массы народа их ждут (лозунги!), но стоит им водвориться, и начинается реакция, потому что невыполнимость лозунгов становится очевидной” (там же. С. 107).

В эти месяцы Короленко все чаще и чаще задумывался над вопросом, почему же, казалось бы, крепкая и единая страна не только погрузилась в пучину всеобщего междоусобия, но и стала распадаться на части, причём не только по национальному принципу. И эту тему он затронул в статье “Еретические мысли о единой России”, датированной сентябрем 1919 года. Заметим, что сам термин “единая Россия” сегодня звучит более чем актуально, как будто современные единороссы, представляющие, по сути, правящую партию в стране, взяли не так уж давно название своей партии из публицистики Короленко.

Истоки распада страны писатель увидел в недостатках государственного устройства царской России: “Но вот над “единой великой Россией” грянул гром, и она сразу развалилась на части с такой быстротой, которая способна вызвать удивление. Очевидно, это единство было спаяно очень плохо. Чисто полицейская организация – плохой цемент, а действительный цемент, скрепляющий государства, – единство мысли и единство воли – не воспитывалось, не организовывалось, а только подавлялось и разрушалось. И вот, толчок – и единой России нет! Отдельные части нашего великого отечества потеряли связь со своим центром и зажили собственной жизнью, как тело червя, которое продолжает жить после того, как заступ разрежет его на несколько частей. . .

И нужно сказать – в этом ещё великое счастье и великая надежда. Великое счастье в том, что всё-таки самодержавный Петербург не успел централизовать и помрачить всех отправлений областной жизни. Великая надежда в том, что отдельные области не стали мертвы, а продолжают жить и действовать, группируясь около собственных центров. В этой деятельности многое ещё подлежит поправкам и координации, но факт состоит в том, что жизнь не прекратилась и что она не определяется всецело бюрократическими декретами из центра, ни самодержавного, ни большевистского.

Какой же урок следует из этого для тех, кто мечтает теперь о “единой России”, кто надеется восстановить этот великий государственный организм? Они должны признать факты и сделать из них последовательные выводы.

Факты состоят в том, что возрождающая сила находится не в центре, а на периферии. Не Петербург и не Москва возрождают единое отечество своими директивами, а наоборот, группировка областей стремится провести сознание единого отечества к центрам. Возможно ли и нужно ли, чтобы эти усилия привели опять к прежней централизации, подавляющей областную мысль и областную волю?

Очевидно, это и невозможно, и не нужно. Областная мысль и областные воли, показавшие свою жизнеспособность, должны действовать и в будущем по возможности свободно и самостоятельно. Для России возврат к прошлому немыслим. Если она будет жить, то будет жить только демократической свободной жизнью. Не подавлять самостоятельность областей, а вызывать её к жизни и координировать в единую сознательную государственную работу – вот истинная задача ближайшего будущего... Россия может стать единой в истинно демократическом смысле только путём децентрализации и автономии областей.

Задача трудная: сохранить меру областных самостоятельности и меру их сознательного взаимодействия в государственном смысле. Меру эту ещё придётся искать, может быть, с трудом и даже с частичными потрясениями. Но найти её необходимо... Факты несомненны: к современному кризису, к той анархии, которую мы видим кругом, привели нас крайности централизации и полное подавление самых законных и жизненных стремлений отдельных национальностей.

Вывод: нужно признать свободу национальных культур, полное проявление национальных особенностей. Отныне нельзя преследовать ни одного вероисповедания, ни одного языка, ни одного племени, ни одного национального сознания. Этот принцип должен лечь в основание предстоящей государственной деятельности...

Далее писатель фактически определил идеал общественного устройства своей родной страны: "Может быть, я ошибаюсь, но будущее великой России рисуется мне в виде своего рода федерации, наподобие американских штатов, с областными сеймами по вопросам местного законодательства и с общим сеймом по вопросам общегосударственным.

Да, может быть, в этом я забегая слишком далеко. Вопрос этот сложный и трудный, а я не считаю себя политиком. Назвать ли будущие отношения России и её областей федерацией или как-нибудь иначе, и в каких началах выльется, в конце концов, эта федерация – дело будущего. Гораздо ближе принципиальный вопрос о свободе национальных культур. Это начало необходимо признать сразу. Иначе государственная политика на местах может стать не русской в широком смысле, а только обрусительной и "русопетской". А это может привести к самым губительным последствиям вместо разумного и желаемого единства..." (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 49–52*).

Подчеркнём, что у Короленко ещё задолго до революции сложились свои особые взгляды на роль и значение областей, провинций и необходимость децентрализации в стране общественной жизни. (Об "областничестве" писателя см. подробнее: *Бялый Г. А. В. Г. Короленко. 2-е изд. Л., 1983. С. 95–102.*) Созвучие размышлений Короленко на тему сохранения единого государства с тревогами сегодняшнего дня не может не поражать, особенно учитывая тот непреложный факт, что СССР в 1991 году распался фактически на те же национально-государственные единицы, которые начали оформляться именно в 1917–1922 годах. В России ведь до сих пор не удаётся до конца "сохранить меру областных самостоятельности и меру их сознательного взаимодействия в государственном смысле". Думается, все эти размышления писателя могут помочь нам и сегодня. Например, весьма плодотворна его идея о том, что гармоничная федерация должна складываться не из образований, созданных по национальному признаку, а из многонациональных областных территорий, имеющих своё местное самоуправление. Ещё 15 декабря 1917 года Короленко записал в своём дневнике: "А силы у большевиков нет. Их "правительство" парализовано: убили общерусский патриотизм, вытравивли сознание отечества в рабочей и солдатской массе, и теперь областные патриотизмы одолевают их всюду... Россия теперь, как червь, разрезанный на куски. Каждая часть живёт собственной жизнью... А разумная федерация – это несомненное будущее свободной России" (*Летопись жизни и творчества. С. 46*).

Если вдуматься в концепцию писателя, то получается поразительный факт, что он в 1917–1921 годах как бы предвидел нынешнее федеративное строение России, в котором сочетаются национальные и областные территории, имеющие местное самоуправление. Правда, до гармонии всех этих федеративно-государственных отношений ещё далеко, и “подсказки” писателя могут нам ещё пригодиться.

Здесь следует ещё раз особо пояснить, что при белогвардейцах Короленко был лишён возможности публиковаться в Полтаве. Как свидетельствует ранняя редакция первой статьи писателя о белых “Новая страница”, он, приступив к её написанию, собирался включить её в цикл статей под названием “Мысли о разных предметах”, в котором, видимо, хотел сосредоточить своё внимание на критике новой, белогвардейской, власти, воцарившейся в Полтаве. Однако ни эта, ни последующие статьи не были опубликованы по цензурным соображениям в какой-либо полтавской газете. В этих условиях Короленко, объединив статьи в цикл “Письма из Полтавы”, отослал их в Екатеринодар своему старому товарищу по работе в журнале “Русское братство”, публицисту и общественному деятелю В. А. Мякотину. Последний редактировал газету “Утро Юга”, в которой и были опубликованы с первого по пятое письмо Короленко, которые мы выше широко цитировали: 1. “Новая страница”, 2. “Трагедия бывших офицеров”, 3. “Власть или шайка”, 4. “Власть доноса”, 5. “Еретические мысли о единой России”. Это было сделано соответственно в номерах за 28 августа (10 сентября), 30 августа (12 сентября), 1 (14), 4 (17) и 8 (21) сентября 1919 года. Пятое письмо под заглавием “Мысли о единой России” было напечатано также в харьковском “Южном крае” (1919, 1 (14) сентября).

Любопытно, что заведующим редакцией газеты “Утро Юга” был С. Я. Маршак, написавший Короленко письмо, в котором сообщал, что пять его писем увидели свет в екатеринодарской газете. В том же году в Екатеринодаре была издана книга “Перевал. Литературный сборник”, в которой были перепечатаны те же 5 статей Короленко (с. 78–99). Показательно, что Екатеринодар в те месяцы являлся “столицей” белых, и опубликование в нём статей Короленко, нацеленных против Добровольческой армии, не может не свидетельствовать о намного более уважительном отношении белых к свободе печати, нежели это демонстрировали большевики. 6-е “Письмо из Полтавы” под названием “О разрубании узлов и об украинстве” было напечатано лишь в харьковских газетах “Рідне слово” (1919, № 23, 16 (23) августа) и “Южный край” (1919, № 94, 29 сентября (12 октября)). Это письмо Короленко оказалось последней публицистической статьёй писателя, опубликованной при его жизни (“Русская литература”, 1990, № 4. С. 46–57).

И очень важно, что эта последняя прижизненная публикация писателя – за два с лишним года до его смерти – была посвящена вопросам национализма. Напомним в связи с этим, что Короленко выступал в 1918–1919 годах против самых разных форм национализма: если при гетмане и петлюровцах он вставал на защиту русского населения Полтавы и выступал против нападков на русский язык, то при белых он защищал от нападков уже украинцев и украинский язык. “Украинский вопрос – это тоже своего рода запутанный узел, который многие стремятся разрубить в угоду поверхностному и ложно понимаемому “русскому патриотизму”, – писал он тогда. – Эти стихийные склонности части добровольчества встречаются, к сожалению, с колебаниями и порой очень досадными обмолвками сверху. Так, в первом же обращении новой власти, расклеенном на улицах Полтавы... среди других распоряжений заключается короткий приказ: “Все вывески на галицийском языке должны быть немедленно сняты”.

Галицийский язык. Почему же он галицийский, а не украинский? Значит, на Украине нет своего особого родного языка, и Шевченко писал по-галицийски?... Неудобство таких официальных обмолвок состоит особенно в том, что заурядная практика придаёт им распространительное толкование. И вот на улицах Полтавы стали часто повторяться эпизоды в таком роде. К группе местных жителей подходит доброволец с винтовкой и приглашает помочь ему снять эту вывеску “на собачьем языке”. Оскорблённые жители не двигаются с места. Доброволец кое-как сбивает вывеску винтовкой...

Другой случай: по улице едут добровольцы-офицеры. По тротуару идёт компания, среди которой видны девушки-украинки в своих живописно расши-

тых сорочках. Офицерам приходит в голову желание позабавиться над этой “национальной особенностью”. Они спешиваются, один из них останавливает компанию и спрашивает девушек, что это у них за азиатские костюмы? Вот неудобство официальной обмолвки: украинский язык сначала обращается в галицийский, а затем... прямо в собачий. А распространённые по всей России украинские (малороссийские) костюмы квалифицируются прямо как азиатские и вызывают на дерзость” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 56–57*).

Короленко выступал за уважение к людям, которые любят “украинский язык и национальные черты украинского народа. Недостаточно ведь окрестить язык, на котором говорят миллионы людей, – язык Котляревского (Котляревский И. П. (1769–1838) – классик украинской литературы, которого Короленко очень высоко ценил как родоначальника украинского литературного языка. – **С. Д.**), Квитки (Квитко-Основаенко Г. Ф. (1778–1843) – украинский писатель, который писал и на русском, и на украинском языках, создав свои широко известные “Малороссийские повести”. – **С. Д.**) и Шевченко – языком галицийским, чтобы стало понятным его запрещение... Спрашивается, однако, позволил ли бы себе указанный выше офицер остановить девушек на Дону или на Кубани, если бы они были в подобных же местных костюмах?... Почему же он (да и не он один) позволяет это себе на Украине?

Ответ, мне кажется, ясен: потому что навстречу массовому национальному предрассудку на этот раз идёт неясность и колебание директив сверху... Тяжело думать, что и теперь, после стольких тяжких уроков, опять приходится доказывать, что материнский язык многих миллионов населения имеет право на признание в рабочей школе, в литературе, в обычном обиходе” (*Короленко В. Была бы жива Россия! Неизвестная публицистика. 1917–1921. С. 241–242*).

Понятно, что такое поведение белых властей не могло не вызывать недовольства и отпора у местных жителей. Дело дошло до того, что Короленко с депутатией от города пошёл по этому поводу к начальнику Полтавского гарнизона генералу Штакельбергу. “Штакельберг принял нас в Гранд-отеле, – записал писатель в дневнике 31 июля 1919 года. – Проходя по этим лестницам и коридорам, я вспомнил петлюровские времена, Чижевскую, Машенжинова, есаула Черняева... Теперь здесь тихо. “Контрразведка” помещается в Европейской гостинице, на Петровской...”

На встрече с генералом Короленко сказал, что “недостаточно окрестить галицийским языком язык... Шевченко, чтобы оправдать его гонение...” Штакельберг выслушал депутатию очень внимательно, и затем последовал приказ о запрете срывания вывесок: “Случаи вроде вышеприведённого стали значительно реже. Но они всё-таки были. Они успели оскорбить тысячи людей...” (*Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. С. 232*).

К “Письмам из Полтавы”, которые мы не могли не рассмотреть внимательно и обстоятельно, тесно примыкает статья Короленко “Опасная болезнь”, последняя из посвящённых им критике порядков, введённых белогвардейцами. Она была написана писателем 15 сентября 1919 года не в Полтаве, а в санатории доктора В. И. Яковенко под Шишаками Миргородского уезда. Эта статья так и не была опубликована при жизни писателя. Впервые напечатана в журнале “Советская литература” (1990, № 11. С. 10). “Главный отличительный признак болезни, – писал в ней Короленко, – пренебрежение и даже, можно сказать, пламенная ненависть к закону и, наоборот, преувеличенное восхищение собственной властью, доходящее до мании величия... Всякая реставрация имеет тенденцию идти дальше разумных пределов, и многие восстановленные “власти” думают, что восстанавливается не законность, а ничем не ограниченный произвол. Это и является почвой, на которой зарождается указанная болезнь, чрезвычайно вредная не только для безопасности мирных жителей, но и для общественного настроения. В населении, среди которого свирепствуют такие становые или иных рангов Наполеоны, внедряется беспокойство, раздражение и недоверие к устойчивости вводимого порядка. Необходимо поэтому по возможности широко и ярко демонстрировать силу закона и строгую подчинённость закону всякой власти” (*ОР РГБ, ф. 135/1, к. 17, д. 1009, л. 1–2*).

Можно констатировать, что в захваченной белыми Полтаве “неугомонный” Короленко переживал очень тревожное время и для себя, и для своих близких,

находясь на острие сумасшедших событий. И не далёкой от истины оказалась информация, опубликованная 25 сентября 1919 года в “Известиях” в статье “Полтава под властью денкинцев”. В ней сообщалось, что “В. Г. Короленко обвиняется денкинцами в продажности: проданся большевикам за четыре миллиона рублей... Не исключена возможность расправы с В. Г. Короленко со стороны денкинцев”. Позднее в тех же “Известиях” в сообщении упоминавшегося выше корреспондента РОСТА, взявшего интервью у Владимира Галлактионовича, отмечалось: “Писатель Короленко подвергался в Полтаве со стороны денкинцев всяким притеснениям... Попытки Короленко хлопотать за невинно арестованных и осуждённых политических встречали подозрительность и грубость жандармерии...” Всё было так или почти так...

И не мудрено, что властвованию белых Короленко подвёл весьма удручающий итог. В письме к С. Д. Протопопову уже 16 марта 1920 года он писал следующее: “То, что наделали, уходя, “добровольцы”, вы приблизительно знаете из советской прессы. Едва ли можно преувеличить гнусности, которые они произвели в виде погромов и в других формах. Пришли они с грабежом и насилием и ушли так же, оставив разочарование даже в своих приверженцах. Можно сказать — “партия порядка”!.. Первые три дня по их вступлении шёл сплошной грабёж еврейского населения. Говорят, Деникин не реакционер и человек не дурной. Но вопрос ещё в “преломляющей среде”, в орудиях, которыми ему приходится действовать. А это те самые военные, о которых мне приходилось писать во времена самодержавия. Только вдобавок озверевшие...”

Так мы и живём между двумя утопиями: с одной стороны, восстановление нелепостей и гнусностей прошлого, с другой — немедленное водворение социализма бюрократическими мерами...” (*Летопись жизни и творчества. С. 139*).

Писателю удалось вернуться из своих “сельских скитаний” в Полтаву только после окончания военных действий в той части Украины, где он находился. “Вернулся я из санатория... не особенно поправившись. Пожалуй, наоборот, сердечное утомление усилилось... Видел там, как денкинцы распоряжались в деревне. Бог с ними”, — писал Короленко 29 марта 1920 года Л. П. Белоконскому. А в начале января 1920 года он поместил в дневнике вот эти принципиально важные строки, оценивающие вклад белых в “русскую смуту”: “Во время нашего отсутствия в Полтаве происходили тревожные события: денкинцы бежали в панике... Смотришь кругом и не видишь, откуда придёт спасение несчастной страны. Добровольцы... отметили своё... господство, а особенно отступление, сплошной резнёй еврейского населения (особенно в Фастове, да и во многих других местах), которое должно было покрыть денкинцев позором в глазах их европейских благожелателей. Самый дикий разгул антисемитизма отметил всё господство этой не армии, а действительно авантюры. Между прочим, стало обычным явлением выбрасывание евреев с поезда на ходу. Достаточно было быть евреем, чтобы подвергаться неминуемой опасности, и в начале, пока евреи совсем не перестали ездить по жел[езным] дорогам, — за каждым поездом оставались трупы выброшенных так[им] образом и разбившихся. Вообще в этой “партии порядка” — порядка оказалось гораздо меньше, чем при большевиках...”

... Впечатление такое, что добровольчество не только разбило физически, но и убито нравственно. От людей, вначале встретивших их с надеждой и симпатиями, приходится слышать одно осуждение и разочарование...” (*Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. С. 252, 254–255, 256*). А в письме к А. Г. Горнфельду 30 марта 1920 года, кратко сообщая о “добровольческом правлении”, Короленко заключал: “С этой стороны ждать нечего, кроме дикой реакции...” Этому же адресату писатель признался 6 мая того же года: “Во время денкинского захвата Полтавы я, по старой памяти, не утерпел и послал 6 писем о безобразиях, которые здесь творили добровольцы. Здесь цензура запретила, а там провели. Теперь это добровольчество уже в прошлом. “Память его погиге с шумом”, и Бог с ним. Утопия, только обращённая назад” (*Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. Л., “Сеятель”, 1924. С. 141, 177*).

Нечего было ждать и от шнырявших вокруг Полтавы “зелёных”, “повстанцев-бандитов”, как называл их Короленко, “которые помогают всем, кто идёт

на смену, чтобы в этот промежуток пограбить”, и от интервентов под разными флагами (“У нас тут о союзниках думают без восторга. Надо, по-видимому, пережить эту болезнь без посторонних операторов...”), и от “польского нашествия”. Получалось, что “госпожа история” каким-то странным и необъяснимым образом вела к тому, что стране надолго суждено было оказаться во власти той силы, которая побеждала всех своих врагов, а именно большевиков.

Красные возвращаются в Полтаву

10 декабря 1919 года власть в Полтаве вновь перешла к большевикам, на этот раз окончательно. Короленко, как мы писали ранее, вернулся в Полтаву из деревни примерно 11 января 1920 года. В первой дневниковой записи этого года писатель записал красноречивые слова о том, что он пережил: “29 декабря (старого ст[илия]) прошлого года мы вернулись из Шишак. 28-го выехали оттуда на вокзал. Ночь провели в Ереськовском вокзале. Впечатление мрачное и своеобразное, вокзал неосвещённый. Мы устраивали светильни: бумажный фитиль и кусок сала. Вечером вокзал кажется мёртвым: всюду темно, только в одном окне виднеется тусклый свет: это у весовщика умерла дочь, и семья проводит печальную ночь... Служащие на вокзале истомились от неопределённости бездействия. Ветер налетает с снежных полей, пройдут по рельсам пешеходы в Миргород или Сагайдак, порой слышна канонада. Где-нибудь стреляют бандиты. И опять тихо. Когда порой раздастся какой-нибудь сигнал на перроне, то впечатление такое, будто это говорят какие-то призраки...”

До нас в Шишак доносились слухи о событиях в Полтаве. 4-го или 5-го окт[ября] со стороны Яковцев двинулись бандиты, а часов в 8-9 заняли часть города у Киевского вокзала и со стороны Монастырской улицы. У них были орудия и пулемёты. Скоро, однако, отступившие сначала добровольцы получили подкрепление и сами перешли в наступление, и вытеснили разбойников, которые, однако, успели совершить много убийств и грабежей (по первоначальному подсчёту, убитых свыше 30, раненых в больнице 19 человек)... Затем в течение нескольких дней (почти две недели) Полтава переходила из рук в руки, кажется, до 20-го, когда, вслед за бандитами, вступили в город большевики. Надо отдать им справедливость: они тотчас же прекратили грабежи и убийства и отослали банды на какой-то фронт. Бандиты не особенно охотно подчинялись этим мерам, и через некоторое время в “Известиях” появилось известие, напечатанное крупным заглавным шрифтом, что “Махно объявлен вне закона”. Вскоре после вступления большевиков порядок в Полтаве установился. Большевики уже второй раз отлично “вступают”, и только после, когда начинают действовать их чрезвычайки, их власть начинает возбуждать негодование и часто омерзение. Впрочем, в Полтаве и это было много умереннее, чем в Харькове и Киеве” (Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. С. 252–253).

Карусель нескончаемых переворотов, переваливших числом за десяток, остановилась. Впоследствии Короленко в письме к П. В. Мокиевскому следующими словами запечатлел прошедший через Полтаву бешеный хоровод властей: “Едва ли Вы в Петрограде представляете себе, как беспокойна жизнь на нашей Украине и сколько раз Полтава, например, переходила из рук в руки и от режима к режиму. Начиная с “Рады”, она переходила к гетманцам, к петлюровцам, к большевикам (три раза), была и в руках повстанцев (почти разбойников), заглядывал сюда и “анархист” Махно. Подвергался город и бомбардировке, и на нашей улице разрывались бомбы. Одним словом, обстановка, мало содействовавшая сердечному “успокоению”. Ну, да этого и нигде нет теперь” (*Летопись жизни и творчества*. С. 194).

Став свидетелем “безостановочной карусели” властей в Полтаве, Короленко как бы в миниатюре пережил все те коллизии, которые выпали на долю России в мятежное время двух революций, мировой и “самой страшной из войн” — гражданской. Трезвый взгляд на вещи, патриотические настроения убедили, в конце концов, писателя, что в создавшихся условиях никакой иной альтернативы власти большевиков в России просто не было, как бы “плохи и кроваважны” они ни были. Писатель сделал для себя указанный нами выше вывод, что со стороны денкинцев “ждать нечего, кроме дикой реакции”. Ещё в марте 1919 года он писал своему товарищу по работе в “Русском богатстве”

А. Г. Горнфельду: “По-видимому, определяется, что большевизм – самая сильная всё-таки военная партия в России, и, может быть, ему и суждено на некоторое время представлять собою “государство Российское”...” (*Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. С. 97*). Примерно в это же время, 22 февраля 1919 года писатель заметил в письме к С. Д. Протопопову: “Мы теперь “под большевиками”. Надолго ли? Бог весть. Не хочется как-то и думать о близости, может быть, новой перемены. Всякая смена несёт волну жестокостей...” А чуть позже Владимир Галактионович определил для себя: “Я не принадлежу к числу тех, которые бойкотируют большевистское правительство во что бы то ни стало”.

Понимание сути происходившего довольно ясно вырисовывалось ещё из письма Короленко своей жене от 11 марта 1919 года: “Чем больше я приглядываюсь, тем больше вдумываюсь в происходящее, тем больше утверждаюсь в мысли, что большевизм – такая болезнь, которую приходится пережить органически. Никакие лекарства, а тем более хирургические операции помочь тут не могут. Лозунг для масс очень заманчивый. До сих пор вы были в угнетении, теперь будьте господами. И они хотят быть господами... Была эксплуатация, теперь будет “господство пролетариата”. И массы верят, что это господство легко осуществимо, не представляя себе, что всё дело в производстве, которое всюду остановилось и не двигается ни на шаг. И только когда этот процесс, вернее, когда полное отсутствие процесса производства и невозможность при настоящем уровне культуры перевести его одними декретами и штыками на другие, социалистические рельсы станет для всех ощутительна и очевидна, – только тогда заманчивые лозунги получат в глазах массы настоящую цену. А иначе – всё будет казаться: вот, если бы не помешали, всё уже было бы устроено” (*Летопись жизни и творчества. С. 95*).

Важно, что, понимая неизбежность дальнейшего владычества большевиков, писатель говорил, прежде всего, именно о военной составляющей их победы и о Советском “государственном” строительстве, которые, действительно, имели место: именно выстраивание жёсткой вертикали власти и успехи Красной армии определили во многом победу нового строя. В конце 1919 года Короленко сообщил о своих настроениях: “Авось повеет откуда-нибудь и надеждой, хотя “со стороны” я и не жду и, пожалуй, не желаю. Авось встанет, наконец, сознание положения даже у его хозяев. А таковыми мне всё-таки представляются большевики”. И наконец, в мае 1920 года, за месяц до своей встречи с А. В. Луначарским, писатель уверенно заявил, имея в виду большевиков: “Вообще я всё более и более укрепляюсь в мысли, что Россия должна сама изжить свои невзгоды и ошибки без посторонней опеки. Нужно будет большое усилие и напряжение, чтобы признать свои ошибки и, по возможности, их поправить, но это – самое желательное. Возможно ли – покажет будущее, которого я, может быть, уже не увижу. А любопытно бы очень”.

В первой дневниковой записи 1920 года Короленко довольно точно определил, что “вообще теперь на русской почве стоят лицом к лицу две утопии. Одна желает вернуть старое со всем его гнусным содержанием”. Так писатель охарактеризовал белогвардейцев, а вторая утопия – большевистская: “Утопии реакционной противостоит другая утопия – большевистского максимализма. Они сразу водворяют будущий строй на месте капиталистического. Они объявили “власть пролетариата и крестьянства”, но это, конечно, только номинально. Фальсифицируя и усиливая выборы, они стремятся сделать всё декретами и приказами, т. е. приёмами мёртвого бюрократическими. Лозунг привлекает к ним массы, которые склонны, в общем, признавать “власть советов”. Но явные неудачи в созидательной работе раздражают большевиков, и они роковым образом переходят к мерам подавления и насилия. Им приходится сводить социализм без свободы. Они повторяют формулу самодержавия: сначала успокоение, потом свобода. Они задавали печаль и самоуправление (деникинцы признавали и то, и другое в большей степени), они чувствуют, что и рабочая среда теперь далеко не за них, и им роковым образом приходится брести всё глубже и глубже в заливающих их движение волнах насилия и себялюбия. Воровство в их учреждениях страшное” (*Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. С. 256–257*).

Согласно Короленко, тупик заключался в том, что большевики оказывались сильнее всех, побеждали на всех фронтах, но при этом приносили неисчислимы страдания народу, погружались во мрак массового террора

и безудержного экспериментаторства. В этих условиях оставалось надеяться, как отмечал писатель, лишь на “чудо”, на исцеление большевиков от кровавого дурмана и ошибочных схем. Короленко неоднократно выражал в 1919–1921 годах искреннее желание, чтобы большевики “опять не оплошали” в своей политике, чтобы у них пробудился “собственный здравый смысл”. Отсюда вытекало естественное стремление писателя высказать всё наболевшее на душе и указать вождям большевиков на те вопиющие ошибки, которые могли привести страну к полному краху.

“Я Вам пишу не для полемики, а потому, что не могу молчать... – сообщал Короленко Раковскому 11 июня 1919 года. – И, может быть, иное слово старика Короленка, сохранившего буржуазные предрассудки о свободе, о правосудии, о святости человеческой жизни, найдёт отклик и в большевистских душах” (“Вопросы истории”, 1990, № 10. С. 16). С этой же точки зрения следует оценивать и “Письма к Луначарскому” – самое крупное публицистическое произведение Короленко, ставшее своеобразным духовным завещанием писателя. Особое возмущение писателя вызывал “слепой, безоглядный красный террор”, который как “признак растерянности, возрастающей жестокости и страха” представителей новой власти воцарился при большевиках. В ответ на возражение переписывавшегося с Короленко председателя СНК Украины Х. Г. Раковского, что при оценке “красного террора” нужно принимать в “соображение ту погромную волну, благодаря которой могут пролиться реки крови”, Короленко писал своему оппоненту 20 июня 1919 года: “Да, я принимаю всё это в соображение. Вообще, я считаюсь с действительностью. Но я вижу её не с одной только стороны. Я учитываю также и то, что все эти тёмные расстрелы молвой приписываются большевикам из евреев, что создаётся легенда, что расстрелянных 8 июня вели будто бы только евреи из чрезвычайки и т. д. и т. д. Я не большевик. Одно время я думал всё-таки, что если большевизм сумеет удержаться в пределах спокойствия и самообладания, то весьма вероятно, что именно ему суждена победа в борьбе, и тогда ему же самому придётся стать лицом к лицу со своими основными огромными ошибками и бороться на мирной уже почве с их последствиями... Теперь, под влиянием “красного террора”, зложничества, бессудных казней это настроение исчезает. Вера в силу вашей власти теряется потому, что вы... теряете голову, начинаете гоняться за призраками и, уничтожая отдельных лиц, создаёте “бытовые явления”, которые сразу действуют на массы.

Да, я не большевик, но я и не петлюровец, и не денкинец, не верю в пользу внешнего вмешательства. Я не активный политик. Но я верю, убеждён, что есть всё-таки и моральная сила, которой стоит проснуться, и многое изменится. Поэтому я стараюсь пробудить человечность среди озверения, и я не только верю, но и знаю, что она не вредит, а помогает в самой борьбе. Мужество в открытом бою, человечность к побеждённым! – вот истинная формула человеческой, а не звериной борьбы” (“Вопросы истории”, 1990, № 10. С. 21–22).

А тем временем в январе 1920 года большевики, чувствуя свою силу, пошли на обнадёживающий шаг, который не мог не понравиться Короленко: “Казалось, являются признаки отрезвления, но, очевидно, это оптимистическая ошибка”, – писал он тогда. Речь шла о решении Москвы ограничить полномочия ЧК. 27 января Короленко обратил внимание на информацию из газеты “Власть Советов”: “Всеросс[ийский] Центр[альный] Исполнит[ельный] Комитет, констатируя полный разгром Контрреволюции на всех фронтах, постановил лишить В. Ч. К. и её местные органы права самостоятельно приговаривать к расстрелу всех тех, кто содействует контрреволюции”. Однако это решение вызвало резкую критику среди украинских большевиков на основании не тождественности “условий, в которых проходит гражданская война в России и на Украине”, где “бандитизм ещё продолжает жить; от него стонет и город, и, особенно, село. Его нужно искоренять безжалостной рукой”. В итоге, как отмечал в дневнике писатель, “Всеукр[аинский] Револ[юционный] Комитет, обсудив вопрос о применении высшей меры наказ[ания], т. е. расстрелов по приговорам Чека и Ревтрибуналов, нашёл, что в России эта мера вызвана победами над контрреволюцией и бандитизмом. Что этих условий на Украине ещё нет и что поэтому Всеукр[аинский] Рев[олюционный] Комитет “не может остановиться ни перед какими мерами, вплоть до применения системы “кр[асного] террора”. Кончается этот документ заявлением, что укр[аинский] рабочий народ должен знать, что тяжёлые репрессии навязываются исключит[ельно]

свергаемой буржуазией и её преемниками”. Короленко совершенно справедливо предвидел, что такое решение оставит “смертную казнь хотя бы для бандитов”, “и Ч. К., быть может, попытается смешать в иных случаях контрреволюцию с бандитизмом. Но всё же — это мера важная, и большевизм первый подал пример хотя бы смягчения смертной казни” (*Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921. С. 258–259*).

И почти как всегда в те годы, Короленко оказался прав. Уже 18 февраля он констатировал: “Начинается! Ко мне уже опять бегут с просьбами заступничества. Первая пришла родственница брата знаменитого Судейкина, арестованного Ч. К. . . Потом пришла Рашель Лазар[евна] Кудерман. У неё и у мужа реквизировали кварт[иру], “в 24 минуты”, не дав ничего вынести. . . Пожив у Яковенка в санатории, я убедился, как глубоко я поражён серд[ечной] слабостью, и мне ясно, что ходить чуть не ежедневно в Ч. К. мне прямо невозможно. За этими первыми ласточками последовали другие. Действует опять подлый донос. И, наконец, вчера пришла В. С. Фрейдин с сообщением, что трёх человек Ч. К. уже приговорила к см[ертной] казни! Полтавская Ч. К. постановила казнить, и приговор пошёл на утверждение в Харьковскую Ч. К.” (*там же. С. 265*).

29 марта — новая запись в дневнике: “Вообще в Москве опять свирепствует Ч. К. Расстрелы теперь после известного декрета не производятся. Но до его объявления (уже после того, как он состоялся) расстреляно несколько сот человек. . . Теперь приговаривают к бессрочной каторге или в концентрационный лагерь до окончания гражд[анской] войны” (*там же. С. 271*). И 22 апреля писатель вновь делает выводы о пагубности насилия большевиков: “Проклятие всякой власти, опирающейся на насилие, в том, что она начинает мыслить установленными шаблонами. Таков был шаблон о незыблемости самодержавия и о преданности русского народа царям до степени самоотверженного подчинения диктатуре помещиков по приказу царей. Теперь — такой же шаблон — якобы диктатура рабочего класса и крестьян, которая сводится на диктатуру штыка. И большев[истское] правительство уверено, что под этим шаблоном можно продельвать над народом всё, вплоть до прямого захвата плодов кровного труда. Теперь, по общим отчётам, — две трети земли останется незасеянной. Мужики сеют лишь для себя, чтобы самим быть сытыми” (*там же. С. 276*).

Однако всё, что видел Короленко в Полтаве, несмотря на резкую критику им действий большевиков, не отменяло у него искреннего желания, чтобы большевики “опять не оплошали” в своей политике, проявив “собственный здравый смысл”. Отсюда вытекало естественное стремление писателя высказать всё наболевшее на душе и указать большевикам на те вопиющие ошибки, которые могли привести их к краху. Именно с этой точки зрения и следует оценивать короленковские “Письма к Луначарскому”, помня, что писал их не отъявленный враг новой власти, как это затем иногда подавалось, а её негласный, очень умеренный, с множеством оговорок, и независимый сторонник, человек, говоривший неоднократно: “Я нейтральный. . .”

Существенно, что до конца своих дней идеал общественного устройства писатель продолжал видеть именно в социализме. “. . . Я совершенно искренне и горячо считаю себя социалистом, не считая себя ни большевиком, ни коммунистом, ни даже меньшевиком, ни “народным социалистом”, как наши товарищи, — писал он А. Г. Горнфельду, — считаю себя социалистом в том смысле, что признаю одну свободу без социальной справедливости неполной и неосуществимой. Но для меня свобода — необходимое осуществление социальной справедливости, а не наоборот, как для нынешнего коммунизма” (*Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфельду. С. 188*).

Фактическое, хотя и не публичное, высказанное только в письмах и дневниках, признание власти большевиков отнюдь не заглушило в Короленко протест против многих их действий, жажду справедливости, милосердия и добра. Резкое неприятие писателя вызывала практика “красного террора”, многие экономические и политические меры “военного коммунизма”. Хотя на “этот раз” в действиях большевистских комиссаров чувствовались “умеренность и большее спокойствие”, Короленко считал всё же своим долгом продолжать заниматься изнурительным трудом спасения человеческой жизни, прибегая к тем же “хождениям”, “уговорам” и уже не новому для себя жанру “докладных записок”. И делать это приходилось невзирая на то, что

такая тягостная для нездорового, пожилого человека ноша отрывала и время, и силы от главного творческого детища писателя – “Истории моего современника”, работа над которой не прекращалась до последних дней его жизни.

Судьба распорядилась таким образом, что Короленко и в последние годы жизни пришлось всё время быть оппозиционно настроенным к существовавшим режимам, в том числе большевикам. Он вынужден был сделать тогда для себя горький вывод: “Мне суждено стоять в оппозиции ко всем до сих пор сменявшим друг друга властям”.

Истоки этой стойкости и непоколебимости духа писатель черпал в убеждённости, что “лучше... проигрывать, чем торжествовать с теми, кто освящает и поддерживает бесправие”. Он всегда говорил об обязанности каждого делать “кто что может на своём месте”, повторяя французскую поговорку: “Делай, что ты должен делать, и пусть будет, что будет”. Писатель считал стержнем человека, позволяющим ему выдерживать любые испытания и превратности судьбы, веру, “такую, за которую стоят “даже до смерти”, которая не поддаётся софизмам ближайших практических соображений, которая говорит человеку своё “не могу”.

Такую “негнущуюся” веру писатель пронёс через всю свою жизнь, и стояла она в приверженности к вечно живым ценностям нравственности, справедливости и патриотизма...

Забегая вперёд, отметим, что к весне 1921 года, как это давно предрекал Короленко, политика большевиков завела их в тупик, обернувшийся голодом, восстанием тамбовских крестьян, кронштадских матросов, гонениями на Церковь и интеллигенцию. Назревало то, что и предвидел писатель, умудрённый опытом и знанием жизни: большевики медленно, с болью и кровью, но отказывались постепенно от своих самых оголтелых и жестоких установок. “Разруха идёт всё дальше и дальше, и правительству остаётся бороться с нею не по существу, а только с её обнаружениями. Это путь, который привёл к гибели не одно правительство. На это я смотрю с горем и печалью”, – отмечал Короленко в письме к В. Н. Золотницкому в конце марта 1921 года (*Летопись жизни и творчества*. С. 195), а чуть раньше, 15 января 1921 года, Короленко писал тому же адресату: “Я вообще считаю программу коммунистов ошибочной и невыполнимой, как попытку ввести социализм без свободы” (*там же*. С. 186).

9 августа в письме к Горькому писатель сообщал: “Вы обратились ко мне с предложением написать обращение к Европе о помощи голодающей России, и я принял это предложение. С этих пор у меня нет покоя. Это письмо я пишу среди бессонной ночи. Прежде всего, у меня нет цифровых данных. Я уже обратился к своим приятелям-статистикам, но на это нужно время. Значит, придётся подождать”. Однако этим сообщением писатель не ограничился. Он снова, пользуясь случаем, изложил Горькому своё видение будущего и оттолкнулся от книги “Россия во мгле” Герберта Уэллса: “Недавно Уэльс приезжал к Вам и после этого написал книгу. Я совершенно с нею согласен... но... его книгу не признали ни эмигранты, ни здешнее правительство. Редакция эмигрантов снабдила её отрицательным предисловием, здешняя цензура её просто-напросто запретила. Для эмигрантов он слишком благоприятно относится к господствующей в России партии, для большевиков вся книга проникнута презрением к России, которая, как известно, стоит во главе всемирной социальной революции. Я прочёл то, что писал Уэльс, и меня поразило, как этот англичанин мог так верно понять положение России. Правда, мне хотелось не однажды бросить книгу из-за её презрения к нашему отечеству” (*Летопись жизни и творчества*. С. 213).

Любопытно, что Уэллс находился в России с конца сентября до середины октября 1920 года, то есть примерно тогда, когда Короленко закончил (22 сентября) свои письма к Луначарскому, и нам сравнение их взглядов тем интереснее, что оба писателя высказывали свои взгляды примерно в одно и то же время. А познакомился Короленко с книгой Уэллса в мае 1921 года, причём прислал ему её специально Х. Г. Раковский, надеявшийся, что эта книга ещё сильнее примирит писателя с Советской властью. И “Россия во мгле” действительно произвела на Короленко сильное впечатление.

В восприятии писателем книги Уэллса смешались разные чувства: и критика Короленко его отношения к России, и частичное признание им уэллсовской оценки большевиков. Писатель сначала был настроен к этой книге более

негативно, но в итоге, суммировав свои размышления, подвёл итог: “Но, наконец, я понял Уэллса и примирился с ним. Дело в том, что всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет, пока, конечно, не свергнет его” (*Летопись жизни и творчества. С. 213*). Короленко отметил, что, свергнув царизм, “лишённый политического смысла”, российский народ “тотчас же подчинился первому, кто взял палку. Это были коммунисты”. Далее он привёл несколько ярких примеров ошибочных действий большевиков, приведших в стране к голоду, и ещё раз повторил тот вывод, который он сделал для себя к тому времени: “Я, как и Уэллс, думаю, что если нынешнее правительство не будет вследствие голода постигнуто каким-нибудь катаклизмом, то ему суждено вывести Россию из нынешнего тупика. Повторяю, всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет: русский народ заслужил своим излишним долготерпением большевиков (выделено мной. — С. Д.). Они довели народ на край пропасти. Но мы видели и денкинцев, и Врангеля. Они слишком тяготели к помещикам, и к царизму. А это ещё хуже. Это значило бы ввергнуть страну в маразм... Если возможен ещё выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе. Я на это указывал в своих письмах к Луначарскому. Теперь повторяю” (*Летопись жизни и творчества. С. 213–217*).

Эти ключевые, итоговые слова Короленко ещё раз показывают, что 1) писатель не видел возможности реставрации в стране ни царского режима, ни господства тех буржуазных сил, которые, что бы кто ни говорил, олицетворяли собой именно белогвардейцы; 2) он продолжал надеяться на трансформацию большевиков, на изменение их политики в сторону свободы, причём под свободой он понимал не только политические права; он писал, что большевики должны вернуться “прежде всего, к свободе торговли”, “затем — к свободе печати, свободе мнения” и к свободе личности: “не нужно хватать направо и налево (как схватили Ляховича)”; 3) он желал совместными усилиями всех заинтересованных сторон победить в стране голод и разруху, “вывести страну из тупика”, при этом он лично готов был участвовать в такой работе по мере своих сил, не боясь, что его обвинят в сотрудничестве с Советской властью (вспомним, что Короленко согласился стать почётным председателем Всероссийского комитета помощи голодающим, председателем которого являлся не кто-нибудь, а видный большевик Л. Б. Каменев).

Такая выстрадавшая писателем позиция могла не понравиться многим участникам той исторической драмы, может она не понравиться и многим сегодняшним исследователям прошлого или просто людям, интересующимся историей и имеющим свои представления о том, что раньше, по их мнению, было хорошо, а что плохо. Однако именно таковым было видение сложившейся тогда ситуации человеком, накопившим колоссальный человеческий опыт и являвшимся, по сути, “живым классиком” русской литературы, превосходившим в то время по своему авторитету и известности кого бы то ни было.

Приведём здесь те выводы из книги Уэллса, которые могли быть восприняты Короленко с пониманием и хотя бы частичным одобрением: “Я сразу же должен сказать, что это единственное правительство (большевики. — С. Д.), возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что её сплачивает”. У правительства большевиков “множество противников — всякие авантюристы и им подобные готовы с помощью европейских государств свергнуть большевистское правительство, но у них нет и намёка на какую-нибудь общую цель и моральное единство, которые позволили бы им занять место большевиков”. “Всякий, кто уничтожит теперешнюю законность и порядок в России, уничтожит всё, что осталось в ней от законности и порядка. Разбойничий монархический режим оставит за собою новые кровавые следы по всей русской земле и покажет, на какие грандиозные погромы, на какой террор способны джентльмены, пришедшие в ярость; после недолгого страшного торжества он распадётся и сгинет...” (*Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1959. С. 11, 79, 48*).

Однако Короленко никогда бы не согласился вот с этими высказываниями Уэллса, которые, по его словам, наполнены “презрением к нашему Отечеству”: “Огромная масса населения России — крестьяне, неграмотные, жадные и политически пассивные... Православный священник... типичный мужик, грязный и неграмотный, не имеющий никакого влияния на совесть и волю своей паствы. Ни у крестьян, ни у духовенства нет никакого творческого

начала. Что касается остальных русских... это пёстрая смесь более или менее культурных людей, не связанных ни политическими идеями, ни общими устремлениями. Они способны только на пустые споры и беспочвенные авантюры" (там же. С. 50).

И конечно, самые острые возражения Короленко вызывали слова Уэллса, фактически оправдывавшие репрессии чекистов и "красный террор": "Для того чтобы удержать власть, коммунистическое правительство создало Чрезвычайную Комиссию, наделив её почти неограниченными полномочиями, и "красным террором" подавило всякое сопротивление. "Красный террор" повинен во многих ужасных жестокостях; его проводили по большей части ограниченные люди, ослеплённые классовою ненавистью и страхом перед контрреволюцией, но эти фанатики, по крайней мере, были честны. За отдельными исключениями, расстрелы ЧК вызывались определёнными причинами и преследовали определённые цели, и это кровопролитие не имело ничего общего с бессмысленной резнёй деникинского режима, не признававшего даже, как мне говорили, советского Красного Креста" (там же. С. 37-38).

Да, уж Короленко-то своими глазами видел, насколько "честны" были чекисты и как часто в их деятельности проявлялись так называемые ничем не обоснованные "отдельные исключения", или, проще говоря, дикий произвол! И совершенно естественно, что подобные высказывания Уэллса не могли не вызывать у писателя отторжения. Данный пример показывает нам, какие реальные различия были между нравственными заветами русской классической литературы, которые олицетворял собой Короленко, и часто прагматичными, сиюминутными принципами, которые отстаивали западные писатели, в том числе и такие крупные, как Г. Уэллс.

Следует отметить, что Короленко не только постоянно следил за тем, что делал и писал в те смутные годы М. Горький, но и вёл с ним, хотя и не постоянную, переписку, встречаясь со многими, кто контактировал в то время с Горьким. И взгляды двух выдающихся писателей на происходившее часто совпадали, однако Горький был, конечно, намного ближе к большевикам (хотя он их жёстко критиковал, особенно в период октября 1917 – лета 1918 года, чем Короленко, сотрудничавший с большевиками преимущественно только в сфере защиты детей и борьбы с голодом и настроенный по отношению к ним более непримиримо. Горькому, фактически работавшему в нескольких советских организациях и входившему даже в состав Петроградского совета, в силу его характера уж очень льстило, что он был близок с вождями большевиков, переписывался с самим Лениным, мог решать множество вопросов и многим помогать, но ему часто не удавалось спасти тех, кого карал меч революции.

Большевики старались использовать Горького для повышения своего престижа и решения конкретных проблем. В этом отношении показательно обращение к Горькому А. В. Луначарского от 3 января 1919 года по поводу "доставки для русских детей некоторых продуктов питания американского происхождения": "Дело стоит за обращением к американскому народу о разрешении такого ввоза, причём вряд ли мыслимо, с нашей точки зрения, чтобы обращение это было подписано правительством или кем-либо из его членов. Но дело, пожалуй, наладилось бы окончательно, если бы такое обращение исходило от группы больших русских людей во главе с Вами" (*Летопись жизни и творчества*. С. 93). После этого последовало обращение Горького к Короленко, который и написал "воззвание к американцам", цитировавшееся нами в главе о Лиге спасения детей. Конечно, речь в данном случае шла о благородном деле помощи детям, но несомненно также, что участие в этой деятельности большевиков двух знаменитых писателей не могло не повышать авторитет новой власти.

Сохранилось 9 писем Короленко к Горькому, написанных в период с 19 мая 1920 года по 14 сентября 1921-го и опубликованных с комментариями В. И. Лосевым в сборнике "Короленко В. Дневник. Письма. 1917–1921" (М., 2001. С. 476–512). В этих письмах, которые носят всё-таки вторичный характер в общем публицистическом наследии Короленко, писатель повторил многие факты, соображения и выводы, которые звучали в его дневниковых записях, статьях и письмах, в том числе в "Письмах к Луначарскому". Он писал в них и о неготовности к социальной революции в России, и о пагубности павшего царского режима, и об ошибках белогвардейцев, и о разгуле "красного

террора”, и об экономических просчётах большевиков, и о надвигающемся страшном голоде. А Горький часто сообщал писателю о новостях и приметах жизни в Центральной России и столицах.

К нашему повествованию напрямую относятся два показательных фрагмента из писем Горького к Короленко. В первом из них от 28 февраля 1921 года Горький ответил на просьбу Короленко выделить “учёный” паёк его старому товарищу, журналисту и учёному, С. Д. Протопопову, работавшему в системе Наркомпроса, что это ему сделать совсем не удалось. Горький объяснил неудачу жёсткими условиями выделения пайков и их нехваткой: “Пайков за “Домом учёных” зафиксировано 2022, — разумеется, для Петрограда этого мало, — и у нас числится около 700 человек, кандидатов на пайки; всё это люди с крупными заслугами в области положительных и гуманитарных наук... Начальство не любит “Дом учёных”, считая его “белогвардейской организацией”... Вот каково положение. А жить всё труднее... Смертность среди людей науки ужасная... Ко всему этому здесь и в Москве начались антисоветские выступления рабочих — это в рабочем-то государстве! Пышно расцветает антисемитизм и — более отвратительный, чем всегда. Вообще — невесело!...” (Короленко В. *Дневник. Письма. 1917–1921. С. 480*).

Конечно, Горький, несмотря на его близость к вождям большевиков, был далеко не всемогущ, он прекрасно видел все язвы Советской власти, устал от постоянной борьбы с “ветряными мельницами” и именно в этот период стал проявлять желание уехать за границу. И уже 13 июля 1921 года в новом письме к Короленко Горький вынужден был вновь признаться в собственном бессилии решать “вопросы жизни и смерти” и в своём упадническом настроении. Речь шла о судьбе зятя писателя К. И. Ляховича, о смерти которого после заочения в ЧК Горький узнал из письма С. Д. Протопопова. И он сообщил при этом Короленко важные сведения: “... Об аресте, болезни и смерти К. И. Ляховича знал давно... По этому поводу я посылал телеграмму Ленину и Луначарскому; первый, очевидно, ничего не сделал, второй — бессилием сделать что-либо. Удар, Вам нанесённый, мне понятен, горечь Вашего письма я очень чувствую, но дорогой В. Г., если б Вы знали, сколько таких трагических писем читаю я, сколько я знаю тяжких драм! У Ивана Шмелёва расстреляли сына, у Бориса Зайцева — пасынка. К. Тренёв живёт в судорожном страхе, А. А. Блок, поэт, умирает от цинги, его одолела ипохондрия, опасаются за его рассудок, а я не могу убедить людей в необходимости для Блока выехать в Финляндию, в одну из санаторий. Не могу перевести из Крыма в Москву Тренёва, Шмелёва, Сергеева-Ценского, Дерентала — не могу уже третий месяц”. Далее писатель, вспомнив своё участие в суде против старого большевика С. Вольского, высказавшегося “неласково о своих старых товарищах по партии”, написал: “Я за три года много видел, ко многому “притерпелся”, но на процессе, выступая свидетелем со стороны защиты, прокусил себе губу насквозь. Плохо мы живём — будем жить ещё хуже” (там же, с. 486).

Да, Горькому не удалось спасти Ляховича, не удалось спасти Блока, умершего вскоре, 7 августа, а также Н. С. Гумилёва, расстрелянного 26 августа, всего лишь через полтора месяца после откровенного письма Горького к Короленко. А тут ещё грянул голод, Горький принял самое живое участие в деятельности Всероссийского комитета помощи голодающим, возглавив Петроградский областной комитет, и для него разгром этого комитета самими большевиками стал настоящим ударом, который, конечно, ускорил отъезд писателя за границу, состоявшийся 7 октября 1921 года.

Последние месяцы жизни Короленко

Тревожно и мучительно были прожиты писателем последние месяцы жизни. И не только потому, что обострялась неотступная болезнь. Сердце болело от неизвестности, которая покрывала будущее истерзанной, сдавленной клещами голода Родины. По сравнению с временами молодости писателя (“Какие это всё были ещё “мягкие” времена!” — писал он) теперь времена были “много жесточе”. Но и в эти “Богом забытые” времена, как бы передавая нам, сегодняшним, бесценный урок стойкости и веры в великое предназначение России, Короленко сохранил в себе никогда не затухавший в нём оптимизм и чувство надежды на счастливую судьбу своего Отечества. Поражает, что и в условиях открытого “умирания” страны, причины которого писатель

выводил, главным образом, из близорукой политики большевиков, он не видел другой власти, способной править страной, кроме Советской, и другого пути в будущее, кроме социалистического. И то была горькая, жестокая правда жизни.

14 июня 1921 года писатель написал очень интересные слова в своём письме к С. Д. Протопопову, вновь высказав обиду за “презрение к России”, которое проявлялось тогда повсеместно, и сожаление, что он не увидит то, как же все будет происходить дальше: “Недавно случилось мне прочитать Уэллса — “Россия во мгле”. К существующему правительству (у нас, конечно) он относится очень снисходительно, но из-за этого сквозит такое презрение к самой России, что можно не на шутку обидеться. . .

Мне тоже смерть не страшна, хотя хотелось бы “досмотреть до конца”. Кроме того, у меня есть семья, и мне не хотелось бы расставаться с ней преждевременно. Мы в особенности в эти мрачные дни стали очень дружны” (*“Вестник литературы”, 1921, № 10. С. 29-30*).

Любопытно, что фактически последнее отдельное публицистическое произведение (если не считать заключительных фрагментов “Истории моего современника”) Короленко написал в начале сентября 1921 года и назвал его “На Яммалахском утёсе”. Этот очерк, примыкающий по своему содержанию к короленьковской “Истории. . .”, писатель хотел опубликовать при помощи А. Б. Дермана в симферопольском “Южном альманахе” в 1921 году, однако он увидел свет только в первом выпуске этого издания в 1922 году, уже после смерти писателя. Хронологически события очерка описывают якутский период 1881–1884 годов, когда Короленко занимался земледельческим трудом и начал своё становление в качестве писателя. Как признавался Владимир Галлактионович, “Яммалахский утёс — это до известной степени мое profession de foi”, или кредо писателя. И он объяснил в этом очерке, как ему всё-таки выпало выбрать путь писателя, как он осознал, что сначала “во имя народной мудрости, таинственной, неопределённой, отказался от литературы, быть может, моего истинного призвания”, а затем пришёл к выводу, что у него есть лишь одно “орудие” жизненного служения — это литература.

“Теперь передо мной долгий путь, туманный, мгlistый, из которого мне, пожалуй, не выбраться, — писал Короленко о своих ощущениях того времени и задавался вопросом: “Действительно ли я революционер?” И сам себе ответил: “Одним словом, честность перед собой заставила меня сознаться, что я не революционер”, — и Короленко вскоре станет писателем, выбрав путь служения слову и нравственности. Показательно, что этот последний очерк в своей жизни писатель закончил вот такими словами с описанием пейзажа, который не зря всплыл в памяти человека, которому оставалось жить три с половиной месяца: “А я со своей пилой пошёл луговыми дорогами, и передо мной, на фоне всходившей луны, уже заливавшей ту сторону, рисовалась тёмным силуэтом острая колокольня амгинской церкви” (*Неизданный Короленко. Публицистика. 1919–1921. С. 310–311, 314*).

Смерть писателя 25 декабря 1921 года потрясла Полтаву, и эта новость быстро разлетелась по стране. “Три дня Полтава прощалась с Короленко, — вспоминала о тех днях Софья. — Двери нашего дома стояли настежь с утра до ночи. Не было ни распорядителей, ни почётного караула, никто не направлял движения непрерывного людского потока. Но тишина и порядок не нарушались.

Прощалось с отцом всё население Полтавы — от школьников до стариков из инвалидов домов, люди всех званий, профессий, возрастов, положений. По просьбе матери представители власти не вмешивались в руководство похоронами. Вместе с тысячами приходивших к гробу прошли и члены Полтавского исполкома, и приехавшие из Харькова представители Совнаркома и Наркомпроса Украины. Просьба матери о том, чтобы не произносилось речей, была исполнена.

Мы вернулись в опустевший дом, в кабинет, где всё полно им, но где уже никогда не будут написаны страстные строки, никогда не зазвучит его голос лаской и ободрением” (*Короленко С. В. Книга об отце. Ижевск, Удмуртия, 1968. С. 360–361*).

День похорон был объявлен в Полтаве траурным. Более ста тысяч жителей города и окрестных сел, приезжих из других мест провожали в скорбный путь любимого писателя и защитника. Как писал об увиденном А. В. Пешехонов к А. Г. Горнфельду, “похороны были гражданские. Вообще — никаких

панихид... Устраивал похороны комитет из профессиональных и рабочих организаций... Красноармейские части были без оружия. Народу на похоронах было бесчисленное множество. Музыка, которая шла впереди около гроба, совсем не было слышно. А с боков и сзади напирала такая масса, что сдерживать приходилось с невероятными усилиями.

Речей — по желанию семьи — на могиле не было... Гроб — дубовый, без обивки — поставили в цинковый ящик и запаляли оловом. Тут же на кладбище сделали надпись: В. Короленко” (*Летопись жизни и творчества*. С. 230).

Украинский Совнарком, как свидетельствовал Пешехонов, тогда постановил: издать сочинения Короленко на русском и украинском языках, устроить в Полтаве Дом писателей имени Короленко, поставить ему там памятник, присвоить его имя библиотеке и училищу слепых в Харькове, пожизненно обеспечить семью писателя. Парадокс, но власть, которую сильно и бескомпромиссно критиковал Короленко, не могла в силу его очевидных заслуг и невероятной популярности не увековечить память о писателе, хотя, как показало время, не всё оказалось исполнено, и главное, многие труды писателя, в том числе его “Письма к Луначарскому”, ждали почти 70 лет, чтобы дойти до россиян...

Значение смерти писателя лучше и точнее всего было оценено, пожалуй, в некрологе, опубликованном в петроградской писательской газете: “Русская литература осиротела. Умер последний из тех, кто, стоя в её рядах, стоял над нею... Для нас он больше, чем писатель: он был живой совестью литературы, воплощением её достоинства, её жизненной значительности, её чести... Каковы бы ни были испытания, легче было жить при мысли, что где-то вблизи на нашей земле жив этот брат, живёт и действует, и противится злу, не пророк, не возвеститель нового завета, не отвлечённый проповедник, а деятельный и деловитый поборник правды, всегда готовый встать на её защиту...” (*Летопись Дома литераторов*, 1922, № 1-2, 15 января).

Короленко суждено было прожить почти 68 с половиной лет, а около 8 последних лет его жизни совпали со временем невиданных потрясений, которые выпали России — мировая война, две революции, гражданская война, смены властей, экономическая разруха и голод. И все эти испытания писатель пропустил через свою тревожную душу, показав, что нравственные заветы русской классической литературы не только живы, но и действительны, если стараться воплощать их в жизнь собственным примером милосердия, жертвенности и заступничества.

Знакомство сегодня с публицистикой, дневниками и письмами В. Г. Короленко последних лет жизни, его активной общественной деятельностью на ниве милосердия и защиты интересов людей не может не поражать жизненным подвигом этого яркого представителя русской классической литературы и явной созвучностью его идей нынешней действительности. И дело здесь не только во всё более наглядной сопоставимости эпохи “социальных бурь” начала века и периода сегодняшнего переустройства общества, их схожести по драматическому накалу, ломке устоявшегося и опасности избранного пути. В созвучности публицистики писателя и современности многое объясняется также его удивительной прозорливостью и чрезвычайной точностью анализа исторических событий с точки зрения вечно живых ценностей нравственности, справедливости и патриотизма.

В своих статьях революционных лет Короленко, как бы перекидывая мостик в наше время, писал и о гласности, и о милосердии, и о горестных судьбах беженцев, разбросанных по просторам России, и о судьбах капитализма, и даже о... перестройке. В неопубликованной статье “Что такое революционный порядок” (1917), сравнивая общество с домом, он размышлял о ситуациях, когда “дом поздно уже чинить, а надо перестраивать до основания, а на его месте построить новый... Бывает и так, что перестройку приходится делать не в отдельном здании, а в целом городе, даже в целом обществе, правители которого своевременно не заботились об его обновлении и довели до того, что общественный строй начинает валиться сам собой. Тогда и приходит то, что называется революцией”. В другом месте той же статьи он писал: “Революция, если она действительно революция, а не простое буйство и мятеж, есть не что иное, как перестройка всего общественного здания” (*ОР РГБ*, ф. 135/1, к. 17, д. 989, л. 1-3).

Боль и скорбь вызывало у писателя происходившее в стране в те дальние годы разжигание межнациональной розни, особенно опасное на фоне роста “взаимной вражды”. Это разжигание, как и сегодня, протекло тогда часто в форме злонамеренных нападков на Россию и русский народ, повинных якобы в бедствиях других народов, и Короленко неоднократно вставал на защиту русских от явной клеветы. В одном из черновых вариантов статьи “Не раздувайте вражды”, выступая против признания на Украине государственным украинского языка и ущемления тем самым “права языков” меньшинства, он резко осуждал высказывания, будто “хлеба на Украине не стало потому, что Украину высасывает Россия”. Неправда, подчёркивал писатель, что “Россия, вся Россия, которая томится и голодает, непрошено, как паук или вампир, высасывает Украину и Сибирь... Не раздувайте вражды. Россия, охваченная большевизмом, <...> никогда не была баловнем политических судеб ни при царях, ни при большевиках и никогда не была пауком, высасывающим Украину-пасынка в пользу балованных якобы детей царизма... ”

Не раздувайте вражды между двумя братскими народами, триста лет делившими долгое горе рабства и радости кратких минут освобождения” (ОР РГБ, ф. 135/1, к. 17, д. 1003, л. 3).

Короленко повторял своим соотечественникам: “Не раздувайте вражды!” И этот призыв, как дальнее горное эхо, спасительным ветром надежды и успокоения доносится до нас сегодня, в период, когда страна только-только поднимается из пучины смуты, раздора и вражды. Писатель ещё и ещё раз напоминает нам, что выход из создавшегося положения есть. И заключён он в утверждении истинного патриотизма, в достижении простой, казалось бы, цели – “поставить интересы всего населения выше партийной борьбы”. “Когда этот здоровый и широкий истинно гражданский мотив, – писал он в одной из статей, – обобщится настолько, что станет не только местным, но и общим, то есть когда над партиями и их борьбой встанет идея общего отечества, просветлённая борьбой за свободу и тяжкими испытаниями; когда все классы научатся проверять свои требования и в случае надобности подчинять их мысли об общих интересах отечества, тогда можно будет сказать, что в России начинается выздоровление. Сознание отечества будет первым проблеском здорового революционного сознания, затемнённого бредовым кошмаром последних дней”.

И спустя почти 100 лет ключевая статья Короленко революционного 1917 года “Война, отечество и человечество” звучит весьма злободневно. Почти тот же загадочный “сфинкс глядит теперь в глаза русскому народу на дороге к его близкому будущему”, “глядит и задаёт вопросы, и говорит: “Разгадывайте сообща... а не найдёте общей разгадки, погибнете”. А вопросы эти всё те же: об удивительной одухотворяющей силе патриотизма, в условиях “подъёма” которого “народ способен творить чудеса”, о значимости общечеловеческих ценностей, которые не должны, однако, затмевать собою интересы Отечества и наносить ему урон, о необходимости всегда быть наготове к защите Родины, о недопустимости развала армии, заражения её бациллой “демократии раздора” и т. д.

И как тревожно нам, современникам нынешних изменений, перенесших не только “новые строительные леса”, но и новые “разломы” в нашем общественном здании, читать ныне заключительные строки статьи Короленко об исключительной опасности анархии, которая может обрушиться на нас сегодня почти так же, как она надвигалась на Россию в 1917 году. “В прямом смысле это – безвластие, – писал об анархии Короленко. – Это потеря страной того руководящего центра объединяющей всенародной воли, который придаёт стройность и живое единство всем отдельным стремлениям. Стоит ему исчезнуть окончательно, стоит утвердиться губительной мысли, что родина не нужна, что она не дело всего народа, а только дело каких-нибудь классов, – и жизнь всей страны повернёт назад. Вместо трудной и великой работы творчества новой жизни начинается простой распад. Сначала на области, потом на сословия и классы по отдельным, ничем не согласуемым интересам... За этим следует междоусобие, а за ним – простая разнузданность худших инстинктов, открытый взаимный грабёж и разбой”.

Непримиримая критика многого из того, что происходило в годы революционной смуты в России, объяснялась твёрдой позицией писателя в отстаивании идеалов нравственности и справедливости. Своему старому знакомому

по Нижнему Новгороду, доктору В. Н. Золотницкому Короленко писал 26 марта 1921 года: “Моё отношение к некоторым сторонам того, что теперь происходит, объясняется не моей излишней мягкостью и не моим слабодушием... а моим глубоким убеждением, что этим путём нельзя достигнуть поставленной цели...” (*Летопись жизни и творчества*. С. 194). “Вообще форма будущего общества ещё не готова, — писал Короленко С. Д. Протопопову 22 июня 1920 года, — и она будет результатом долгой органической борьбы, причём разные формы будут рождаться, бороться за своё существование, исчезать, заменяясь новыми, и т. д. И только в результате такой свободной борьбы человечество будет менять формы своей жизни. Что значит: нужно переродиться? Нужно не переродиться, а постоянно перерождаться, так как процесс этого перерождения бесконечен, по крайней мере, так же, как и сама жизнь. Кризисы и потрясения вызываются искусственной задержкой этого процесса...” (*Протопопов С. Д. Материалы для характеристики В. Г. Короленко // Былое*, Пг., 1922, № 20. С. 8).

Короленко выразил в этих словах свои взгляды на бесконечность движения жизни через борьбу различных устремлений и признание её величайшей ценности в каждый отдельный момент времени. С этой точки зрения человеческая жизнь имеет огромную самостоятельную ценность всегда, даже в момент самой ожесточённой борьбы. Эту ключевую мысль, как будто в предчувствии будущих грозных событий, он записал на в своём дневнике ещё в 1887 году: “Боритесь с идеями, но не осмеливайтесь забывать человека в вашем враге...” При этом Короленко постоянно говорил “о необходимости уважать народную веру, и что это уважение (веротерпимость) есть один из основных догматов и наших убеждений”.

Актуальность публицистики, идей и взглядов Короленко для дней нынешних вообще поражает. И не потому только, что писатель обращался к таким животрепещущим темам современности, как земельный вопрос, противостояние природной стихии, хлынувшей в брешь междуусобиц, укрепление федеральной власти, искоренение “социальных неурядиц”, сочетание интересов центра и интересов местных самоуправлений, экономический подъём. Главное заключается в уверенности писателя, что все невзгоды и трагедии можно перебороть, если видеть перед собой маяки истины, нравственности и служения интересам своего Отечества. “Для России возврат к прошлому немислим, — отмечал он в “Письмах из Полтавы”. — Если она будет жить, то будет жить только демократической свободной жизнью. Не подавлять самостоятельность областей, а вызывать её к жизни и координировать в единую сознательную государственную работу — вот истинная задача ближайшего будущего”.

Писатель был уверен, что выход из создавшегося положения — в “единстве” мысли, воли и веры народов, населяющих Россию, которая должна быть “прочнее и сильнее соображений ближайшей практической пользы...” “Русская душа жива, конечно, но это — жизнь беспозвоночных, это организм без костяка, мягкотелый и неустойчивый, без силы сопротивления вихрям психической непогоды”, — писал Короленко и призывал народы России к твёрдости и вере в великое будущее своей Родины.

Совокупность общественно-политических и экономических взглядов писателя, выраженных в его публицистических статьях 1917–1921 годов, свидетельствует, что В. Г. Короленко можно отнести к одной из самых малочисленных групп среди мыслителей России XIX–XX веков, которая отстаивала гармонию государственных интересов и демократических свобод, патриотизма и личных интересов граждан.

Писателю удалось избежать двух крайностей русской общественно-политической мысли, которые, по сути, определяли развитие России на протяжении нескольких веков: охранительно-консервативной мысли, не признававшей демократических устоев и свободного волеизъявления народа и ставившей любые интересы общества в подчинение интересам сильного государства, и революционно-нигилистической мысли, отвергавшей вековые устои, патриотизм и, в конечном счёте, экономические и демократические свободы.

К Короленко и его взглядам можно применить необычные для российской политики словосочетания: государственный-демократ, патриот-демократ, демократ-почвенник. Необычность таких сочетаний и определяет уникальность взглядов писателя, которые в упрощённом, схематичном виде можно было бы выразить следующим образом:

1) идея “общего Отечества”, интересам которого служит “всё население” страны;

2) демократические права и свободы граждан, которые не должны идти вразрез с задачами сохранения и укрепления единого и сильного государства;

3) широкое развитие местного самоуправления;

4) свобода экономической деятельности населения с регулированием её осов госуларством;

5) нравственное здоровье общества, свобода совести и вероисповеданий.

На сегодняшний день в России сложился довольно-таки устойчивый и опасный стереотип, что человек, которого по своим взглядам можно назвать патриотом, государственнымиком, не может быть сторонником демократии и политических свобод. Однако именно в гармонии этих устремлений, видимо, и заключается возможный выход России из затянувшегося кризиса. Совсем не мешало бы тем, кто сейчас находится у “руля” российского государства, обратиться к публицистическим произведениям В. Г. Короленко и почерпнуть оттуда спасительные рецепты того, как сохранить и укрепить Россию.

Мы и сегодня можем согласиться со словами писателя: “По-видимому, теперь много ошибок уже создано, и из них главная: непризнание важности Отечества”. “Загипнотизированные пошлостью расхожего “патриотизма”, мы отвергли и всякий патриотизм во имя будущего единого человечества. За это приходится всей России платиться”. И не случайно писатель сразу после раскатов Февральской революции вспомнил слова Петра Великого накануне Полтавской битвы: “А о Петре ведайте, что ему жизнь недорога. Была бы жива Россия”.

“Что будет впереди? – спрашивал писатель в те дни граждан Полтавы. – Над Отечеством мрачные тучи. Предстоит много трудностей. Но Родина теперь едина и сильна, и потому она справится со своими трудностями. Надо помнить одно: была бы жива Россия!”

Да, мы должны найти в себе силы не потерять окончательно единое, связующее всех нас начало, не скатиться в пропасть вражды и междоусобицы. Неужели недостаточно уже того, что “пройдено и пережито”, неужели мы опять не услышим те грозные предупреждения, которые приходят к нам сквозь ушедшие десятилетия? А ведь всех нас ждёт пока ещё не востребованная в полной мере “трудная и великая работа творчества новой жизни”, жизни во благо великого Отечества и его многомиллионных сынов и дочерей. . .

Последние годы жизни Короленко, совпавшие с самыми жестокими и трагическими испытаниями России в период революционной смуты, его смелое и бескомпромиссное поведение, проявленное во время бесконечной смены властей, его постоянное заступничество за жертв революции с самых разных сторон, в том числе с риском для жизни, его помощь военнопленным, детям и голодающим могут в своей совокупности свидетельствовать о том, что писатель совершил в эти годы, повторим это ещё раз, настоящий гражданский подвиг. Он высоко пронёс то самое “знамя милосердия и добра”, которое поднимала русская классическая литература, но которое на деле, в непосредственной жизни, при самых тяжких обстоятельствах и событиях, удерживали совсем немногие мастера слова. Короленко – один из немногих знаменитых писателей России, кто в годы революционной смуты не менял своих взглядов, не шёл на службу той или иной власти, критикуя все без исключения режимы, и не эмигрировал из страны, хотя имел такую возможность. Он всегда оставался независимым и непреклонным, не боясь даже того, что он мог быть арестован или стать заложником. Пример его жизни на склоне лет навсегда останется примером человеческой стойкости и верности высоким идеалам.

Знакомство с последними дневниковыми записями и письмами Короленко показывает, что и в последние месяцы своей жизни, несмотря ни на какие личные тяготы и происходившие исторические катаклизмы, писатель продолжал считать себя оптимистом, верил в счастливую судьбу своей родной земли. Это своё мироощущение Владимир Галактионович прекрасно выразил в письме к М. Горькому 18 сентября 1916 года, когда “грозное” будущее только надвигалось: “Да, жизнь стала очень трудна, говоря вообще. У каждого, конечно, при этом свои оттенки. Порой личные обстоятельства или скрашивают, или ещё отягчают общую атмосферу, но и над горем и радостью стоит одна туча, приглушающая радость, усиливающая горе. Когда-то, работая над старыми делами балахнинского магистрата, в архивной башне, я спрашивал

себя: как люди могли жить в это тёмное время, с дыбами, кнутами, пыткой и таким страшным правосудием. А вот – мы живём. И конечно, надо было жить тогда, надо жить и теперь, чтобы когда-нибудь, когда на нынешних моголах зазеленеют трава и цветы, люди опять спросили: как они могли пережить это ужасное время?”

Да, “надо жить и теперь”, жить, помня “ужасные времена” и не допуская того, чтобы новая “туча, приглушающая радость, усиливающая горе” вновь затмила собой небосклон. Для этого нужно, прежде всего, жить по законам “мудрости, любви и добра”, завещанным нам выдающимися деятелями отечественной культуры, пронесшими эти заветы, как негасимые свечи, сквозь ветра жизни. В числе наших духовных учителей должно светиться и имя Владимира Галактионовича Короленко. Как ни искажался его облик, он доходит теперь до нас в очищенном виде. И, пожалуй, нам придётся признать правоту предвидения, сделанного А. В. Луначарским сразу же после смерти писателя: “Тот дух великого миролюбия и братолюбия, которым был полон Короленко, он-то, конечно, переживёт всех нас, и ему отпразднуется триумф, когда придёт его время”. Время это приходит...

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

БЕЛОРУССКАЯ ПРОМАШКА ЛАВРЕНТИЯ БЕРИИ

В советское время белорусские газеты и журналы о том событии не писали, хотя о нём в своем кругу нередко судачили ветераны партийной и исполкомовской работы. Это была тема для разговоров под соответствующее настроение, однако отнюдь не для прессы, поскольку затрагивалась ситуация, связанная с невыполнением решения вышестоящего комитета, что никак не сочеталось с чуть ли не ежедневно звучащими требованиями строго блюсти партийную дисциплину. Тем более, речь в данном случае шла о выполнении постановления самого главного партийного штаба – ЦК КПСС. Но всплывала тема всё-таки довольно часто, ведь она касалась не кого-либо, а первого лица в партийном руководстве белорусской республики. Кроме того, интерес к ней невольно подогревало то, что к ней имел прямое отношение сам Лаврентий Берия, при упоминании о котором долгие годы ни у кого из аппаратчиков, да и не только аппаратчиков, отнюдь не улучшалось настроение.

В июне 1953 года – всего через три месяца и одну неделю после смерти И. В. Сталина – в Москве было принято решение заменить почти три года работавшего первым секретарём ЦК Компартии Белоруссии русского по национальности Н. С. Патолочева на белоруса М. В. Зимянина, недавнего второго секретаря ЦК КПБ, к тому времени переведённого в Министерство иностранных дел СССР. Николаю Семёновичу были предъявлены две серьёзные претензии. Одна из них заключалась в том, что Центральным комитетом и бюро ЦК КПБ и, конечно же, им самим были допущены серьёзные ошибки в проводимой в республике кадровой политике. Особенно если посмотреть на эту политику с национальной точки зрения. Вторая указывала на значительные промахи в руководстве сельским хозяйством. Но белорусский ЦК тогда не торопился взять под козырёк...

Со временем та история стала обрастать легендами, к чему приложили руку даже её участники и свидетели. В книге Н. С. Патолочева “Совестью своей не поступись”, вышедшей в московском издательстве “Сампо” в середине 90-х, сказано, что на Пленуме ЦК КПБ, который и должен был решить его судьбу, запланированный ход событий сломал руководитель Дзержинского райкома партии Л. М. Лемешонок. Выйдя на трибуну в ходе обсуждения доклада, он заявил: “На пленуме присутствует 154 первых секретаря районных комитетов партии. Они не будут голосовать за освобождение первого секретаря ЦК”. Один из отцов белорусской литературы Якуб Колас, который после Великой Отечественной войны вступил в партию и был избран членом ЦК, тоже не стал критиковать, а, наоборот, поблагодарил Николая Семёновича от имени белорусского народа “за хорошую работу в Белоруссии”, затем подошёл и демонстративно пожал ему руку, после чего зал взорвался аплодисментами.

Всё это сразу стало известно в ЦК КПСС, и вскоре оттуда раздался телефонный звонок: Москва не будет настаивать на освобождении Патоличева от должности первого секретаря ЦК КПБ.

Однако почётный гражданин Минска В. И. Шарапов, почти два десятилетия возглавлявший столичный горисполком и горком партии, в вышедшей несколько лет назад книге “Время расставляет нас по местам” нарисовал несколько иную картину. Василий Иванович, участвовавший в том Пленуме в качестве партийного руководителя Сталинского — теперь Заводского — района белорусской столицы, о выступлении Якуба Коласа даже не вспомнил. Главную заслугу, связанную с отстаиванием Патоличева, он отнёс всецело на счёт Л. М. Лемешонка, заявившего, что Николай Семёнович сделал очень много хорошего, что свой пост занимает вполне заслуженно, что в недостатках, которые есть, не меньше виноваты глава правительства и другие люди, ответственные за состояние дел в республике. Критику первого секретаря, которого многие уже стали называть бывшим, он квалифицировал как шельмование и напомнил участникам Пленума, что они собрались не для демонстрации молчаливого согласия с постановлением ЦК КПСС. Притом, подчеркнул В. И. Шарапов, такое смелое суждение он высказал уже после того, как председатель Совета Министров БССР А. Е. Клещёв поблагодарил ЦК КПСС за мудрое решение поставить во главе белорусского ЦК молодого белоруса, пусть уклончиво, но поддержал московскую установку Председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов, а председатель Госплана И. Л. Чёрный подверг Патоличева разгромной критике за состояние дел в экономике. После сказанного Л. М. Лемешонком “зал замер, а затем взорвался шквалом аплодисментов”. Все последующие выступающие выразили полную поддержку Николаю Семёновичу. Представитель ЦК КПСС побегал звонить в Москву. Спустя некоторое время объявили тайное голосование с вопросом “Надо ли проводить перевыборы первого секретаря ЦК КПБ”. За Патоличева высказалось 546 человек, против не проголосовал никто, воздержалось четверо. Результаты голосования были встречены овациями. О результатах тайного голосования, отметил В. И. Шарапов, участники Пленума догадались ещё до их оглашения, так как в президиум на сей раз первым вышел Патоличев, а не Зимянин, как это было при открытии Пленума.

Документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, в частности, стенограмма того самого Пленума, свидетельствуют, что уважаемых людей память всё-таки подвела. И Патоличева, и Шарапова. Впрочем, книга Патоличева вышла в свет через шесть лет после его смерти, составлялась, видимо, уже не им, и минские жизненные пертурбации Николая Семёновича, о которых в ней идёт речь, изложены, скорее всего, на основе чьих-то рассказов, семейных разговоров. Реальные же события развивались несколько иначе. Во-первых, секретарь Дзержинского райкома партии Л. М. Лемешонк о том, что 154 его коллеги не будут голосовать за снятие Н. С. Патоличева, не говорил и не мог говорить, так как не все первые секретари горкомов и райкомов были членами ЦК и имели право голоса на Пленуме. Во-вторых, Якуб Колас в своём выступлении Патоличева даже не упомянул. Не отмечено в стенограмме и то, что он демонстративно пожимал Николаю Семёновичу руку, хотя она фиксировала даже возгласы из зала по ходу дебатов. Впрочем, Якуб Колас умудрился не упомянуть даже постановление ЦК КПСС, ради выполнения которого собран был сам Пленум ЦК КПБ. В-третьих, председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов отнюдь не “высказал поддержку московскому решению”. В-четвёртых, глава тогдашнего белорусского правительства А. Е. Клещёв на Пленуме не выступал вовсе. В-пятых, тайного голосования не было, все решения принимались открытым поднятием рук, поскольку это был Пленум, а бюллетени и урны тогда предусматривались для отчетно-выборных партийных конференций и съездов. Право принятия решения имели только 111 прибывших на Пленум членов ЦК — именно эту цифру, открывая заседание, назвал секретарь ЦК КПБ Т. С. Горбунов, а не 550, как следует из воспоминаний Шарапова. Впрочем, судя по протоколу, в зале тогда находилось в общей сложности 518 человек. Помимо членов, кандидатов в члены ЦК и членов ревизионной комиссии ЦК, там присутствовали партийные секретари от районного уровня и выше, а также работники аппарата ЦК, начиная с заведующих секторами, министры и их заместители, секретари ЦК и обкомов республиканского комсомола, видные

представители науки, литературы и искусства, члены военных советов Минского и Барановичского военных округов, существовавших тогда на территории БССР, редакторы главных республиканских газет и журналов, начальники областных управлений МВД... По сути, были представлены все государственные и общественные структуры.

В то же время было ещё одно обстоятельство, от которого судьба Патоличева зависела не меньше, чем от волеизъявления белорусского партийного актива, хотя и находилось оно далеко за пределами зала, в котором заседал Пленум. Имя ему – первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр внутренних дел СССР Л. П. Берия. Вопрос о замене Н. С. Патоличева на М. В. Зимянина на посту первого секретаря ЦК КПБ перед Президиумом ЦК КПСС поставил именно он. По его записке 12 июня 1953 года Президиум принял специальное постановление “Вопросы Белорусской ССР”. И записка та появилась, конечно же, вовсе не потому, что Лаврентий Павлович вдруг озаботился должностным ростом Михаила Васильевича или даже ускорением экономического развития республики-партизанки. Берия, можно не сомневаться, руководствовался иными, сугубо собственными соображениями и опасениями, вызревшими у него в связи с кончиной Сталина, а Зимянину предстояло стать инструментом в достижении поставленных целей или жертвой в случае неудачи.

“Лубянский маршал”, как его тогда называли за глаза, похоже, к смерти “вождя всех народов” был готов лучше других сподвижников генералиссимуса, потому начал действовать немедленно, когда, как говорится, ещё не остыло тело того, кому недавно все поклонялись. Притом действовать весьма настойчиво, бесцеремонно обходя других. Впоследствии В. М. Молотов – уже на июльском Пленуме ЦК КПСС – в ходе рассмотрения вопроса “О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия” говорил, что позвонил Лаврентию Павловичу сразу после кончины Сталина и спросил, почему именно он решил назвать имя нового главы Совета Министров, “почему, собственно говоря, премьер-министра на сессии Верховного Совета, предложенного партией, рекомендует не секретарь Центрального Комитета Хрущёв?” Ответ был кратким: “Нет, я”. Речь с трибуны Мавзолея на похоронах Сталина произносил тоже Берия.

Надо полагать, Лаврентия Павловича больше всех тревожили грядущие изменения в государственной политике, которые должны были неизбежно произойти после ухода в мир иной того, кто руководил страной много лет. Ресурс закручивания гаек был почти исчерпан, маячила опасность “сорвать резьбу”, потому ослабление нажима во всех сферах жизни становилось попросту неизбежным, но при подобном повороте не исключалось, что встанет вопрос об ответственности и за ошибки и поражения, и особенно за репрессии. Будучи отнюдь не глупым человеком, Берия не мог не осознавать, что в таком случае именно он окажется в наиболее уязвимом положении, ведь важнейшим инструментом репрессий являлись наркоматы-министерства внутренних дел и государственной безопасности, к деятельности которых он уже полтора десятка лет имел непосредственное отношение. Притом, если до этого дойдёт дело, ему придётся ответить и за своих предшественников во главе НКВД, – к примеру, за Н. И. Ежова и его “ежовые рукавицы”. И такой исход устроил бы многих. На Берия с удовольствием всё свалил бы и Хрущёв, который, будучи первым секретарём Московского горкома партии, сам требовал наибольших квот на расстрелы, мотивируя это тем, что столица в борьбе с врагами народа не может отставать от какой-нибудь Калуги. Годы спустя и Зимянин подчёркивал, что, “подвергая критике Сталина за репрессии, Хрущёв тем самым в какой-то степени замаливал собственные грехи...”

Потому Берия предпочёл действовать на опережение. С одной стороны, он стал первым называть злоупотребления и перегибы в деятельности правоохранительной системы. Ситуацию для него здесь облегчало то, что с декабря 1945 года он уже не был непосредственным руководителем НКВД и НКГБ, преобразованных в 1946 году в МВД и МГБ, а лишь курировал их в качестве заместителя председателя правительства СССР, притом зачастую остро конфликтовал с теми, кто их возглавлял. С другой – под видом исправления ошибок на важных участках Берия начал расставлять верных ему людей, которым и предстояло поддержать его в продвижении к вершине властной пирамиды.

Лишь такой поворот событий мог гарантировать ему уход от ответственности и личную безопасность.

Почему 5 марта 1953 года на совместном заседании ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР Берия рекомендовал новым главой советского правительства именно Маленкова? Надо полагать, не только потому, что у него была договоренность с Георгием Максимилиановичем, согласно которой тот сразу же назовёт Берию своим первым заместителем и одновременно главой министерства внутренних дел, поглотившего уже министерство государственной безопасности. Были и другие, не менее значимые причины. Надо полагать, имеют резоны те, кто утверждает, что немедленный приход на высший пост в исполнительной власти ещё одного грузина на смену только что ушедшему грузину, столь долго руководившему огромной и многонациональной страной, выглядел бы не совсем красиво и объяснимо. Потому требовалась переходная фигура. Кроме того, формально Маленкова трудно было обойти, поскольку он ещё при Сталине стал в партийном и государственном аппарате фигурой номер два после самого вождя. Наконец, что ещё важнее, именно та формальная значимость была выгодна для Берии, так как он не видел в Маленкове серьёзного соперника в борьбе за власть. И не ошибся. Георгий Максимилианович, сразу заговоривший о коллективном руководстве, в самом деле, бойцом не был, что вскоре и подтвердилось со всей очевидностью. Через два года он стал обычным министром, а ещё через два — директором электростанции в далёком казахстанском Экибастузе.

Да и в целом вряд ли Берия считал кого-либо большим препятствием на своём пути к самой высшей власти, что в какой-то мере и может объяснить всплеск его активности. Из вновь назначенных первых заместителей председателя Совета Министров тот же Н. А. Булганин, хотя он одновременно возглавлял и военное министерство, решительностью не отличался. Склонный Л. М. Каганович не мог рассчитывать на широкую поддержку, поскольку с многими испортил отношения. Опаснее был В. М. Молотов — давний соратник Сталина, ведавший иностранными делами, до войны даже возглавлявший советское правительство, но он очень долго пробыл на вторых ролях, что не могло не отразиться на его характере и поступках. В этом Берия ещё раз убедился, дав ему краткий и резкий ответ на вопрос, кто должен назвать кандидата на пост главы правительства. И Вячеслав Михайлович, как и полагал Лаврентий Павлович, упираться не стал.

Кроме того, Молотову шёл уже седьмой десяток лет. Ещё больше — восьмой десяток — отсчитывал маршал К. Е. Ворошилов, занявший пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Был ещё секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв, но ему Президиум ЦК рекомендовал сосредоточиться “на работе в Центральном Комитете КПСС”. Сомнительно, что хитрого, но малообразованного Никиту Сергеевича Берия тоже принимал всерьёз в своих расчётах, однако, как потом оказалось, именно Хрущёв оказался организатором всех его будущих невезений. Впрочем, не только он. Дальнейшие события развивались так, что, в отличие от Лаврентия Павловича, ушедшего в мир иной с пулей во лбу в 54 года, все его соперники умерли своей смертью в почтенном возрасте: Хрущёв — в 77, Маленков — в 87, Ворошилов — в 88, Молотов — в 96, Каганович — в 98 лет.

Тогда Берия не знал, что 1953 год станет последним в его жизни, но, как свидетельствуют факты, руководствовался тем, что медлить нельзя. Уже на четвёртый день после похорон Сталина — 13 марта — он издал приказ по МВД о создании следственных групп для пересмотра дел арестованных врачей, а также бывших сотрудников МГБ СССР, работников Главного артиллерийского управления военного министерства, арестованных работников МГБ Грузинской ССР. Затем — 26 марта — о пересмотре дел по обвинению бывшего руководителя ВВС и министерства авиационной промышленности СССР, жертвой которого в своё время стали маршалы авиации А. А. Новиков, С. А. Худяков и министр авиационной промышленности А. И. Шахурин, а 4 апреля последовал приказ “О запрещении применения к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия”.

В те же дни одна за другой ушли специальные записки в Президиум ЦК КПСС: 26 марта — о проведении амнистии, 1 апреля — о реабилитации лиц, привлечённых по делу о врачах-вредителях, 2 апреля — о привлечении к уголовной ответственности виновных в убийстве в Минске С. М. Михозэла

и В. И. Голубова, 8 апреля — о неправильном ведении дела так называемой мингрельской националистической группы, 17 апреля — о реабилитации бывшего заместителя военного министра маршала артиллерии Н. Д. Яковлева, начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника артиллерии И. И. Волкотрубенко и заместителя министра вооружения И. А. Мирзаханова, 6 мая — о реабилитации застрелившегося в 1941 году наркома авиационной промышленности М. М. Кагановича, 13 мая — об упразднении паспортных ограничений и режимных местностей, 15 июня — об ограничении прав особого совещания при МВД СССР. Ещё 19 марта были смены руководители МВД во всех союзных республиках и в большинстве регионов РСФСР. В Минске с должностью министра внутренних дел расстался русский М. И. Баскаков, его сменил уроженец Петриковского района Гомельской области М. Ф. Дечко. В Могилёве с поста областного управления внутренних дел сняли полковника Почтенного, поскольку он был русским. Как потом утверждал Патолчиев, «Берия одним взмахом... без ведома ЦК Белоруссии снял с руководящих постов русских, украинцев... Готовилась такая замена до участкового милиционера включительно». Поначалу, казалось, всё идёт нужным для Берии чередом. Президиум ЦК КПСС 10 апреля 1953 года даже принял постановление, одобряющее «проводимые тов. Берия Л. П. меры по вскрытию преступных действий, совершённых на протяжении ряда лет в бывшем Министерстве государственной безопасности СССР, выражавшихся в фабрикации фальсифицированных дел на честных людей, а также мероприятия по исправлению последствий нарушений советских законов».

В то же время Берия не мог не понимать, что усилий, предпринимаемых только в рамках подчинённых ему ведомств, будет недостаточно. Потому по его же приказам Президиум ЦК КПСС принял специальные постановления по трём республикам: 26 мая — «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» и «О положении в Литовской ССР», а 12 июня — «Вопросы Белорусской ССР». Во всех трёх документах главной причиной недостатков были названы «извращения ленинско-сталинской национальной политики», выразившиеся в том, что на руководящую работу мало выдвигались местные кадры, а в деловых отношениях и системе просвещения господствовал русский язык. Малым числом местных выдвиженцев в органах партийной и государственной власти объяснялось даже продолжающееся существование бандеровщины на Украине и националистического подполья в Литве. Обстановка на той же Западной Украине, в самом деле, была весьма сложной. Бандеровцы продолжали нападения на органы власти, вели индивидуальный террор против военных и милиции, оставалась весьма накалённой атмосфера страха. Как отмечалось в постановлении, посвящённом Украинской ССР, дело дошло до того, что «около 8000 человек из молодёжи, подлежащей набору в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения, перешло на нелегальное положение». Тем не менее, девяти обкомам и руководству Украины была поставлена задача «добиться изжития огульного недоверия к западно-украинским кадрам» и «обеспечить их наличие в руководящем составе ЦК КП Украины и в Правительстве Украинской ССР». Первый секретарь ЦК КП Украины Л. Г. Мельников, русский по национальности, после принятия упомянутых постановлений был освобождён от занимаемой должности.

Первому секретарю ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечку тогда повезло. Он остался на своём посту, поскольку был литовцем, однако оценка положения дел в республике была такой же: «огульное недоверие к литовским кадрам». Главной задачей тоже названо их «выращивание и широкое выдвижение... во всех звеньях партийного, советского и хозяйственного руководства». Требовалось сразу же «отменить ведение делопроизводства во всех партийных, государственных и общественных организациях Литовской ССР на нелитовском языке... Заседания Совмина, бюро и пленумов ЦК КП Литвы, а также городских и районных комитетов партии и исполкомов Советов депутатов трудящихся проводить на литовском языке».

Постановление, касающееся БССР, было самым коротким. Его констатирующая часть состояла всего из двух абзацев. В первом тоже отмечалось, что и «в Белорусской ССР совершенно неудовлетворительно обстоит дело с продвижением белорусских кадров на работу в центральные, областные, городские и районные партийные и советские органы». При этом подчёркивалось, что «особенно неблагоприятным является привлечение на руководящую работу

в партийные и советские органы западных областей Белорусской ССР коренных белорусов – уроженцев этих областей, что является грубым извращением советской национальной политики”. Во втором было указано на наличие “серьёзных недостатков в колхозном строительстве”. Постановляющая часть гласила: “Освободить т. Патоличева Н. С. от обязанностей первого секретаря ЦК КП Белоруссии, отозвав его в распоряжение ЦК КПСС”, – а вместо него “рекомендовать первым секретарём ЦК КП Белоруссии т. Зимянина М. В., члена ЦК КПСС, быв[шего] второго секретаря ЦК КП Белоруссии, освободив его от работы в Министерстве иностранных дел СССР”. Третий пункт обязывал ЦК КПБ “выработать необходимые меры по исправлению отмеченных извращений и недостатков и обсудить их на Пленуме ЦК КП Белоруссии. Доклад на Пленуме ЦК КП Белоруссии поручить сделать т. Зимянину”.

В доступных документах не удалось пока найти готового ответа на вопрос, почему выбор Берии пал именно на Зимянина. Конечно же, делая ставку на недавнего второго секретаря ЦК КПБ, он руководствовался не только официальными политическими характеристиками этого человека. Разумеется, он хорошо изучил личное дело Михаила Васильевича и знал, что тот, в пятнадцать лет начав трудовую жизнь рабочим паровозоремонтного депо в Витебске, уже в двадцать шесть возглавил ЦК белорусского комсомола, во время войны долгое время провёл на оккупированной гитлеровскими территориями, занимаясь формированием подполья и партизанским движением, а после неё стал министром просвещения, затем секретарём, вторым секретарём ЦК КПБ. Берия не мог не заметить и того, что Зимянин обладает цепкой хваткой, умеет, “когда партия прикажет”, идти напролом и не очень-то церемониться с теми, кто оказывается на его пути. “Небольшого роста, щуплый, подвижный, как ртуть” – так характеризовал его известный дипломат и журналист, руководивший в 1988–1991 годах международным отделом ЦК КПСС, дипломат и историк Валентин Михайлович Фалин.

Было в его характере и ещё нечто, часто присущее людям невысокого роста, – обострённое самолюбие. Красноречивый в этом смысле случай произошёл в апреле 1947 года в Москве в кабинете Маленкова, который в ЦК КПСС в то время был ответственным за кадровую политику. Зимянина тогда выдвигали на должность секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Когда он вошёл в кабинет, Маленков воскликнул: “Какой же Вы маленький!” Зимянин мгновенно взвился: “Вы ошиблись адресом. Поищите кого-нибудь ростом повыше!” Развернулся и пошёл к выходу. Маленкову пришлось успокаивать потенциального выдвиженца: “Постойте, не горячитесь. Мы же оба понимаем, что не это главное”. Описание того, что произошло в кабинете Маленкова, привёл в своих публикациях Михаил Бублеев – под таким псевдонимом выступал в печати сын Зимянина. И добавил, что Маленков, поражённый такой реакцией, рассказал об этом событии даже Сталину.

Вряд ли можно сомневаться в том, что особенности характера Михаила Васильевича в полной мере учитывал и Берия. И не исключено, на них он во многом и рассчитывал. Он и его люди не могли не поинтересоваться тем, почему человек, работавший вторым секретарём республиканского ЦК, избранный членом ЦК КПСС на XIX съезде партии, проходившем под руководством самого Сталина, вдруг оказался на второразрядной работе в союзном МИДе. В воспоминаниях Патоличева на эту тему содержится лишь маленький намёк, на первый взгляд, даже косвенный. Он пишет, что по прибытии в Минск ему с первых дней “бросилась в глаза разобщённость в работе бюро ЦК... Председателем Президиума Верховного Совета работал В. И. Козлов, Председателем Совета Министров – Алексей Ефимович Клещёв. Оба коренные белорусы, опытные работники, Герои Советского Союза... Кто или что вносило разобщённость...” Ни одного плохого слова прямо в адрес Зимянина Патоличев, однако, не сказал.

Куда больше эмоций на сей счёт содержится в том, что рассказывал Зимянин. В большом интервью, публикация которого в белорусской республиканской газете “Звезда” в июле-августе 1992 года растянулась на дюжину номеров, он говорил о Патоличеве как об опытном партийном работнике, которого “в то же время отличала открытая самовлюблённость, склонность к авторитарному стилю руководства”. Михаила Васильевича “особенно настораживала его хитрость”. По его словам, “Патоличев был не из тех, кто говорил прямо”. Вот почему “я всегда работал с ним с определённой оглядкой,

хотя в целом отношения были в пределах нормы”. Зимянин не привёл ни одного примера паталичевской хитрости или непрямоты, но из его слов со всей определённостью следует, что его отношения с новым первым секретарём не складывались. Впрочем, не сложились они и с его предшественником Н. И. Гусаровым, которого Михаил Васильевич называл человеком, ничего не смыслящим в белорусских делах.

Надо полагать, Паталичев, до Минска успевший побыть во главе Ярославского, Челябинского, Ростовского обкомов партии, поработать секретарём в ЦК Компартии Украины и даже секретарём ЦК ВКП(б), вряд ли мог согласиться с тем, что он не способен по-настоящему вникнуть в белорусские проблемы и решать их, если даже ему на это намекали. Однако доводить дело до ещё одного конфликта он, похоже, не стал, решив, что лучше “выдвинуть” малосговорчивого Михаила Васильевича на работу в союзную столицу. А возможности убедить кого надо в том, что Зимянина лучше использовать на другом поле деятельности, у него были. Ведь он в 1946–1947 годах в ЦК ВКП(б) занимался именно кадровыми вопросами. Потому опыт, связанный именно с таким методом перемещения кадров, у него тоже был. Более того, он был обогащён уже в Минске. Буквально через год после прибытия в белорусскую столицу подобным образом Паталичев избавил (и избавил белорусскую республику) от министра госбезопасности Лаврентия Цанавы, имя которого вызывало у всех те же ассоциации, что и имя его тезки и самого известного земляка Лаврентия Берии. Николай Семёнович, как утверждают, внушил Москве, что Цанава созрел для выполнения куда более объёмных задач, чем те, которые он решает в маленькой БССР.

Деля ставку на Зимянина, Берия понимал, что в данном случае ему будут на руку и холодные отношения между Михаилом Васильевичем и Николаем Семёновичем. Его контакты с Зимяниным начались по телефону. Как следует из “Объяснения М. Зимянина Н. С. Хрущёву о содержании разговоров с Л. П. Берия”, датированного 15 июля 1953 года, их было два, а “первый телефонный разговор состоялся незадолго (за 3 или 4 дня, даты точно не помню) до принятия постановления Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 г. “Вопросы Белорусской ССР”. Я работал тогда в МИД СССР. Позвонил работник из секретариата Берия и предложил мне позвонить по кремлёвскому телефону Берия... Берия спросил, как я попал в МИД? Я ответил, что был в ЦК КПСС, что состоялось решение Президиума ЦК, в соответствии с которым я работаю в МИД СССР. Затем Берия спросил, знаю ли я белорусский язык. Я ответил, что знаю. После этого Берия сказал, что вызовет меня на беседу, и повесил трубку”.

Как показало время, Зимянин несколько лукавил, когда утверждал в своём объяснении, что не помнит точной даты первого телефонного звонка из секретариата Лаврентия Павловича. Михаил Бублеев в своей публикации об отце “Испытание властью”, помещённой в январском номере белорусского журнала “Неман” за 1992 год, вполне конкретен: “Вечером 8 июня 1953 года в кабинете заведующего Четвёртым Европейским отделом МИД СССР М. В. Зимянина раздался звонок. Звонили по городскому телефону: “Михаил Васильевич? Добрый вечер. Вас беспокоят из секретариата товарища Берия. Лаврентий Павлович просил Вас перезвонить ему по кремлёвской связи”. Через минуту Зимянин разговаривал с Берия...” Нетрудно догадаться, что эту дату ему называл отец.

Надо сказать, звонок из аппарата Берия изрядно встревожил Зимянина. Он сразу же доложил об этом своему самому главному начальнику – В. М. Молотову. Притом докладывал дважды. По телефону и устно. Предположив, что Берия намерен забрать его в структуры МВД, Михаил Васильевич сказал Вячеславу Михайловичу, что хотел бы остаться в его подчинении. Таким образом, он прозрачно намекнул, что переход под крыло “лубянского маршала” его не прельщает. Однако Молотов “дал понять, что речь идёт об ином предложении, против которого ему трудно возражать”. Бублеев в этой связи добавляет, по-видимому, тоже со слов отца, что ответ Молотова звучал сухо. Умолчал тогда глава МИДа, отмечено в объяснении, и о записке Берия, уже направленной в Президиум ЦК КПСС и касающейся БССР.

Второй телефонный звонок поступил 12 июня – в день принятия постановления “Вопросы Белорусской ССР”. Зимянину было предложено явиться на беседу “в понедельник, 15 июня 1953 г.”. Она состоялась вечером, длилась

около двадцати минут и вновь началась с уточнения, как Зимянин попал на работу в Москву. После этого Берия заявил, что “решение о моём назначении в МИД было ошибочным, неправильным, не мотивируя, почему”. Ответ по принципу “моё дело солдатское”, вопрос решал ЦК, а он, Зимянин, должен не рассуждать, “правильно ли это или неправильно, а выполнять решение, как и всякое другое”, вызвал иной вопрос “лубянского маршала”: почему “белорусы удивительно спокойный народ. На руководящую работу их не выдвигают – они молчат, хлеба дают мало – они молчат... Что за народ белорусы?” Зимянин, как он пишет, ответил, что “белорусы – хороший народ”, добавив при этом, что в то время он не знал, “с каким заклятым врагом партии и народа” имеет дело, потому “принял эти слова как произнесённые не всерьёз (так в тексте. – Я. А.)”. Затем ему последовал вопрос о том, как недавний второй секретарь ЦК КПБ оценивает Патоличева. Не дав сформулировать ответ, “Берия прервал меня, сказав, что я напрасно развожу “объективщину”, что Патоличев – плохой руководитель, пустой человек”. Затем он сообщил, что “он написал записку ЦК КПСС, в которой подверг критике неудовлетворительное положение дел в республике с осуществлением национальной политики, а также с колхозным строительством. Кратко пересказав содержание записки, Берия заявил, что надо поправлять положение, что мне предстоит это делать”.

А далее последовало весьма серьёзное предупреждение и не менее серьёзная рекомендация. Предупреждение, сообщал Зимянин, состояло в том, что на новой работе он “не должен искать себе “шефов”, чем, по мнению Берии, грешили его предшественники. Попытки отделаться общими словами, что “шеф” в партии есть один – Центральный Комитет”, не были приняты, “Берия вновь заявил мне, чтобы я не искал себе “шефов”. Притом, уточняет Зимянин, это уже прозвучало весьма резко, как явная угроза, потому пришлось ответить, что он учтёт этот совет. А рекомендация состояла в том, на кого должен будет опираться новый первый секретарь ЦК КПБ: “Надо поддерживать чекистов, у них острая работа, а долг чекистов – поддерживать Вас”. Притом Берия подчеркнул это дважды. Затем пересказал основные положения записки, посвящённой белорусским делам, о которой Зимянин ещё ничего не знал, сообщил, что уже назначен новый белорусский министр внутренних дел, в третий раз посоветовал не искать себе “шефов”. На этом разговор закончился. Подробно с той запиской Зимянина познакомили в секретариате Берии.

Зимянин не скрывал, что был не на шутку встревожен. Ведь даже записку ему показали не в ЦК КПСС, а в МВД, потому в Минске её “никому не оглашал, а после Пленума ЦК КП Белоруссии отправил её в Канцелярию Президиума ЦК КПСС”. В то же время можно не сомневаться, что он понимал, что выбора у него нет, тем более что принятое постановление Президиума ЦК КПСС уже делало его фактическим главой ЦК КПБ и БССР. Ровно через месяц ему пришлось пояснить: “После разоблачения Берия Президиумом ЦК КПСС я сознаю, что шаги, предпринятые Берия по отношению ко мне, были провокационными от начала до конца, а ознакомление с его запиской – попыткой подкупа или шантажа, разобраться в которой я вовремя не сумел. Глубоко сожалею, что оказался в таком положении. Но Берия я раньше не знал – никогда не был у него, не знал подлых повадок этого предателя, относился к нему, как к видному государственному деятелю. Только узнав, что Берия является злейшим врагом партии и народа, я понял, насколько подлым является этот иезуит, насколько подлым было и его отношение ко мне лично, раз и меня он пытался запятнать”. В завершение Зимянин заверил: “Заявляю Центральному Комитету КПСС, что никогда ничего общего с врагом партии и народа Берия не имел, честно боролся и буду бороться за дело нашей Великой Коммунистической партии до последнего дыхания”. А тогда, после вечерней беседы, он сразу же уехал в Минск готовить доклад и Пленум. Вслед за ним была почтой отправлена записка.

Через много лет Зимянин жаловался, что его “тогда просто загнали из Москвы в Минск” по партийному правилу “надо”. Но за дело он взялся довольно рьяно. Впрочем, иного пути у него и не было. Готовился доклад, проводились совещания с активом, в срочном порядке подбирались новые кадры для замены тех, кто должен был так же срочно уйти. Вопрос о том, качественной ли будет предстоящая замена, похоже, не всегда стоял на первом

месте. Важна была сама замена. Вот как уже на Пленуме об этом говорил первый секретарь Волковысского райкома партии А. Ф. Бурлаков: “Подобрано и утверждено в бюро райкома 6 человек из местных, в том числе два заведующих отделами. Новый состав аппарата будет иметь 65 процентов белорусов, 30 процентов русских, 5 – иной национальности”. При этом Бурлаков признал, что “мы взяли в аппарат молодых коммунистов, принятых в члены партии в 1953 году”, что “у них нет никакого опыта руководящей работы”. В этом же направлении “мы ведём работу по советским, сельскохозяйственным, заготовительным и финансовым кадрам”.

Местное происхождение стало считаться чуть ли не главным достоинством, уйти же предстояло русским, особенно тем, кто не сподобился изучить белорусский язык. Через много лет М. В. Зимянин в интервью газете “Звезда” для объяснения того, что происходило на самом деле, привёл слова Н. С. Хрущёва из его воспоминаний, изданных за пределами СССР, который писал, что “линия на выдвижение национальных кадров в руководстве союзных республик всегда была налицо. Но он (Берия. – Я. А.) поставил этот вопрос под резким углом антирусской направленности... Он хотел сплотить националов и объединить их против русских”. Первый секретарь ЦК Компартии Литвы А. Ю. Снечук ещё в советские годы тоже отмечал, что в Литве решение, принятое в Москве по записке Берия, националы восприняли с воодушевлением, по республике сразу же пошли разговоры о том, что лишь только уедут русские партийцы, “литовских коммунистов перебьём, как кроликов”.

В тоже время нужно сказать, что постановление Президиума ЦК КПСС для Патоличева не стало неожиданностью. Ещё до его выхода неприятную новость о предстоящем появлении этого документа ему сообщил министр госбезопасности БССР М. И. Баскаков. А Баскакову, как говорится в книге “Совестью своей не поступись”, по секрету рассказал его коллега П. П. Кондаков, который был министром госбезопасности Литвы, а до Литвы некоторое время работал заместителем министра госбезопасности СССР, так что связи в Москве у него оставались. Баскаков, получив такие сведения, проинформировал Патоличева о том, что “Берия разработал план разгрома руководящих кадров в республике”. Николай Семёнович не стал пассивно ждать, поехал в главную столицу к Маленкову и задал соответствующие вопросы. Тот ответил, что ничего не знает об этом, что такого разговора не было. Хрущёв тоже заявил, что украинское дело белорусского продолжения иметь не будет, мол, спокойно возвращайся в Минск. Патоличев пишет, что он звонил даже Берии и просил о встрече, но тот от неё уклонился. Значит, подумалось ему, события всё-таки развиваются в том направлении, о котором предупреждали Кондаков с Баскаковым. Получается, размышлял он в этой связи, секретари ЦК в самом деле не знают или делают вид, что не знают. А через неделю ему позвонил Хрущёв, пригласил вновь прибыть в Москву, где и сообщил о предстоящем освобождении. Никакие доводы Патоличева приняты не были. Тогда он попросил разрешения не присутствовать на Пленуме, где будет обсуждаться организационный вопрос, и даже уверенно рубанул: “Пленум меня поддержит”. Хрущёв возразил, что есть решение ЦК, которое надо выполнять. Патоличев ещё раз заявил, что Пленум поддержит его, а не Зимянина.

Вопрос “Об очередном пленуме ЦК КП Белоруссии” на заседании бюро ЦК КПБ был рассмотрен 17 июня без Николая Семёновича. Решено было “созвать очередной IV Пленум ЦК КП Белоруссии 25 июня 1953 года со следующей повесткой дня:

1. Постановление ЦК КПСС “Вопросы Белорусской ССР” и задачи парторганизаций КП Белоруссии.
2. Организационные вопросы.

На Пленум пригласить первых секретарей горкомов и райкомов партии и виднейших деятелей науки и культуры Белорусской БССР – членов КПСС”.

Зимянин был уже в Минске. Шли активные беседы с секретарями обкомов, горкомов, райкомов, деятелями культуры и искусства. На заседании бюро, на котором обсуждался доклад, подготовленный к предстоящему Пленуму, Патоличеву дали место на дальнем торце стола, поскольку, как вспоминал Николай Семёнович через много лет, “он должен был чувствовать себя уже в роли постороннего”. Похоже, он и сам готовился к тому, что с Минском ему придётся расстаться, о чём он потом и сказал во время выступления на Пленуме. Вот только ответ на вопрос, что будет означать отзыв “в распоряжение

ЦК КПСС”, вряд ли у него был. На том бюро, утверждал через много лет Николай Семёнович, один П. М. Машеров, возглавлявший тогда ЦК белорусского комсомола, задал вопрос, почему надо всё сваливать на Патоличева. Реакция была якобы бурной, и Патоличев сказал Машерову, что в создавшейся обстановке тот ничем помочь ему не сможет. К сожалению, в перечне заседаний бюро ЦК КПБ, который хранится, в Национальном архиве Республики Беларусь, специальное заседание с такой повесткой не значит, потому проверить достоверность утверждений, содержащихся в книге “Совестью своей не поступись”, пока не удалось. А некоторая необходимость в этом есть, поскольку Зимянин в упомянутом интервью газете “Звезда” утверждал, что “Машеров на пленуме 1953 года занял нейтральную позицию, не поддерживая ни Патоличева, ни меня”. Кто знает, не последовал ли он совету Патоличева и не тогда ли пробежал первый холодок между Петром Мироновичем и Михаилом Васильевичем. По крайней мере, на Пленуме Машеров в самом деле не выступал.

Как пишет в своей книге В. И. Шарапов, поначалу многое свидетельствовало о том, что всё пройдёт так, как и было предусмотрено в Москве. Первым в президиум вышел Зимянин, притом, подчеркнул Шарапов, по его походе и виду присутствовавшим в зале не составляло большого труда понять, кто на тот момент чувствовал себя хозяином положения. Собравшиеся почтили вставанием уход из жизни Сталина. При этом было подчеркнuto, что “умер наивеличайший человек нашего времени”. Кстати, в белорусском варианте стенограммы он назван “великим человеком нового времени”. Доклад прозвучал на белорусском языке. По-белорусски говорили и 23 выступивших в прениях из 27, на русском произносили свои речи только Патоличев, секретарь ЦК Горбунов, первый секретарь Молодечненского обкома партии В. Г. Доркин, первый секретарь Волковысского райкома партии А. Ф. Бурлаков, да и тот свою “дерзость” объяснил тем, что недавно работает в республике. Правда, Зимянин в ответ парировал, что “пользование русским языком не запрещается”.

В докладе после краткого пересказа истории БССР и напоминания о том, что “партия учит нас быть непримиримыми к любым отклонениям от советской национальной политики”, было сразу же подчеркнuto, что такие отклонения “должны рассматриваться как несовместимые с линией партии, потому что они наносят вред морально-политическому единству и дружбе народов Советского Союза, могуществу нашей Родины”. В качестве доказательства, что в республике дела обстоят именно так, прозвучали соответствующие оценки из постановления ЦК КПСС. А далее рисовалась совершенно негативная картина по тем аспектам жизни в республике, которые были затронуты в этом документе.

Руководство ЦК КПБ и Совета Министров, отмечено в докладе, оказалось не на высоте поставленных задач, допущенные ошибки в подборе кадров, особенно в западных областях республики, объясняются “определённым отрывом руководства ЦК КПБ и Совета Министров от масс трудящихся”. А констатация того, что “в работе бюро ЦК КПБ и Совмина БССР не было необходимой коллективности”, стала явным указанием на то, что главным виновным во всём является Патоличев, который, говоря иными словами, брал на себя слишком много. Потому ЦК КПСС “освободил т. Патоличева от обязанностей первого секретаря ЦК КПБ”. И это в то время, когда “великий советский народ самоотверженно работает над осуществлением решений XIX съезда партии, проведением в жизнь выработанной Партией и Правительством политики, доложенной в известных выступлениях товарищей Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, В. М. Молотова”. Слова о том, что эта политика была доложена народу именно названными государственными деятелями, вписаны в машинописный текст доклада рукой Зимянина. Хрущёв в приведённом перечне отсутствует. Не исключено, что на тот момент Михаил Васильевич не рассматривал его в качестве фигуры, способной вскоре стать главной на властном Олимпе СССР. Рукой Зимянина обозначена и дата прочтения доклада: 27.VI.53.

Завершился доклад при полном молчании зала. Да и вряд ли могли последовать аплодисменты после столь мрачной картины, нарисованной человеком, которому предстояло стать новым главой ЦК. Притом ожидать от людей, которые считали, что в целом они успешно преодолевают послевоенную разруху и ещё совсем недавно не раз слышали, в том числе от высоких представителей Москвы, иные оценки на сей счёт. Но вот представлен новый

политический и экономический пейзаж, а вскоре, не исключено, может начаться поиск и наказание виновных, в том числе и среди сидящих в зале. Не улучшало настроения участников Пленума и приглашённым на Пленум и то, что такая резкая критика прозвучала из уст человека, который ещё каких-то два месяца назад был в республике одним из руководителей и процесса хозяйственного восстановления, и определения методов дальнейшего подъёма экономики и культуры, и, конечно же, подбора кадров. Ещё на похороны Сталина Патоличев и Зимянин приезжали как белорусские партийные руководители, правда, у гроба вождя стояли по обе его стороны, лицом к лицу. Кроме того, трудно было сразу же принять на веру и то, что Патоличев, с которым они работали уже три года, замеченный и выдвинутый самим Сталиным, вдруг оказался столь неспособным.

Конечно, все понимали, что против такого, например, факта, что лекции в высших учебных заведениях читаются в основном на русском языке, не попрёшь, но не попрёшь и против того, что в Минске нет кадров, способных заменить всех преподавателей на белорусскоязычных. Например, на только что открытом архитектурном отделении Белорусского политехнического института, который ещё носил имя Сталина, читают лекции, ведут семинарские занятия в основном люди, приглашённые из Москвы и Ленинграда, поскольку своих преподавателей попросту нет. Они знали также, что в западных областях республики, где только после войны появились институты и техникумы, доморощенных кадров в достаточном количестве и не могло быть. В то же время вышедшее постановление главного партийного штаба следует выполнять.

Оказавшись между стенкой реалий и скамейкой требований, да ещё столь неожиданных и жёстких, собравшиеся в зале пребывали в некотором недоумении, что не могло не сказаться на содержании прений по докладу. Тем не менее, не отрицая положений постановления ЦК КПСС, они всё же не торопились валить всё на одного человека, хотя имя его уже было названо в том самом постановлении, подписанном главным начальством большой страны. Это стало очевидным с первых же выступлений. А обсуждение началось назавтра в полдень с 12 часов дня. Вечер, скорее всего, был использован участниками Пленума для приватного обсуждения свалившихся им на голову столь неожиданных обстоятельств.

Первым выступил В. Е. Лобанок – партийный руководитель существовавшей тогда Полесской области, центром которой был Мозырь, человек, известный всей республике, Герой Советского Союза, во время войны командовавший Лепельско-Полоцкой партизанской зоной, единственный из партизанских командиров награждённый полководческим орденом Суворова. Свою речь он построил на самокритике и констатации того, что ученики в Мозыре разговаривают по-белорусски, а учителя по-русски, белорусские школы – только на окраинах города. Предъявил претензии к писателям – они редкие гости, к управлению кинематографии министерства культуры – поздно прислали в область фильм “Павлинка” на белорусском языке, к Академии наук БССР – в области никакой работы она не ведёт. Отметил, что ЦК КПБ и Совет Министров республики “шаблонно” руководят регионами, что мало заботы об укреплении хозяйств кадрами специалистов. Патоличев в выступлении Лобанка не был упомянут ни разу.

Вторым к трибуне вышел первый секретарь Брестского обкома партии Т. Я. Киселёв и продемонстрировал тот же подход. В зале царит молчание.

А вот выступление выступление Якуба Коласа воспринято с живостью. Классик говорил о том, что на дорогах не увидишь надписей на белорусском языке, что белорусский язык изгнала даже Академия наук. Позвонил он как-то в издательство и спросил по-белорусски: “Гэта Дзяржвыдавецтва?”. В ответ услышал по-русски: “Нет, это Госиздат”. Существует разницей в белорусском правописании. Работников “Звязды”, которая тогда была главной газетой в республике, органом ЦК КПБ и Совета Министров БССР, по мнению классика, надо сечь розгами. Это у них “роковая любовь” при переводе на белорусский язык превратилась в “раковую”. В зале смех и бурные аплодисменты. О Патоличеве тоже ни слова. Не упомянул классик и о постановлении ЦК КПСС, из-за которого собрался Пленум.

Девятым на трибуну пошёл сам Николай Семёнович. Он не мог не понимать, что то молчание – за него. Признав, что постановление Президиума ЦК КПСС “правильно вскрывает в Белоруссии наличие крупных извращений

ленинско-сталинской политики нашей партии, недостатки и ошибки в работе Центрального Комитета и Совета Министров Белоруссии”, без чего обойтись было нельзя, кое о чём он всё-таки напомнил собравшимся в зале. Во-первых, о том, что отнюдь не он начал “практику посылки работников из восточных областей и других республик Советского Союза (в западные регионы республики. — Я.А.), сделав эту форму исключительной”, она “проводилась все годы, начиная с воссоединения Западной Белоруссии”. В этих словах — намёк и на то, что такая политика была одобрена на всех уровнях и появилась, как говорится, не от хорошей жизни. Других кадров там попросту не было. Иное дело, что и здесь допускались перехлёсты, например, “какая была необходимость даже низовой аппарат подбирать не из людей некоренной национальности”.

Во-вторых, Патоличев признал, что “национальный момент при подборе руководящих кадров, да и не только руководящих, потерялся и в расчёт почти никогда не принимался”, и если “в составе министерств, заместителей председателя Совета Министров, первых секретарей обкомов партии, председателей облисполкомов всё же большинство белорусов, в этом никакой заслуги Центрального Комитета нет. Это сложилось произвольно. У нас есть большая группа руководящих работников, о которых трудно сказать, если не посмотреть в анкетные данные, кто они по национальности — белорусы или не белорусы”. Он давал понять, что против сложившейся ситуации никто не возражал, поскольку она устраивала всех, делу не мешала, так как в расчёт принимались, в первую очередь, деловые, профессиональные качества.

В-третьих, “делопроизводство в государственном аппарате было переведено на русский язык... одни говорят... в 1936 году, другие, что в 1937”, а не по команде Патоличева. За этим “решающим мероприятием последовали другие... Преподавание в вузах стало вестись на русском языке, количество белорусских школ сократилось. Руководящие работники в этом деле показывали плохой пример — они своих детей учили не в белорусских школах”. Критику за это, сформулированную в докладе, он отнёс, конечно же, прежде всего, к себе, но заметил, что “к великому сожалению, ни в Центральном Комитете КП Белоруссии, ни в Совете Министров республики не оказалось среди нас такого человека, который бы хоть в какой-то степени, хоть в какой-то форме предостерегал Центральный Комитет от таких ошибок”. Притом Патоличев уточнил, что говорит “о работниках ЦК и Совмина, которые вместе со мной эти три года работали и возглавляли Компартию”. Здесь просматривался явный намёк и на Зимянина, который совсем недавно был его правой рукой в ЦК. Мол, почему не бил тревогу, если это так неправильно, ведь он, Патоличев, человек приезжий, как раз и полагался на то, что местные кадры лучше знают настроения населения.

Подчеркнув, “по воле партии я приехал в Белоруссию, по воле партии уезжаю”, Патоличев заявил, что “после трёх лет работы в Белоруссии, после того, что мы сделали положительного и что решением ЦК отмечено отрицательного как ошадки, извращения, тем не менее, мне, товарищи, не стыдно смотреть в глаза участникам настоящего Пленума”. Да, “нелегка роль первого секретаря во всех этих делах, тем более, на Пленуме могу сказать, что не всегда я находил нужную поддержку в выдвигаемых мною вопросах”. Да, прав Зимянин, отметив, что “в работе Центрального Комитета не было нужной коллегиальности”, так как “это в Белоруссии пока трудный вопрос”, но он “прилагал все силы, чтобы нормально и дружно работать, правда, на шею себе садиться не давал”. И добавил, что “таким я останусь до конца моей жизни, так буду поступать и впредь”.

Выступление Патоличева было встречено бурными и долгими аплодисментами, что стало важным намёком на то, в чью сторону клонятся настроения в зале. Был объявлен пятнадцатиминутный перерыв. Скорее всего, как раз во время того перерыва и подходил к нему Якуб Колас, жал руку, говорил добрые, уважительные слова.

Вслед за этим всё-таки произошло то, что планировалось. Председатель Госплана БССР И. Л. Чёрный, который был в ранге заместителя главы Совета Министров республики, выступил с прямой критикой Патоличева, свалив на него всю вину за недостатки, отмеченные в постановлении ЦК КПСС. И дальнейшие прения получили уже два направления. Одни ораторы продолжили концентрироваться на самокритике, внутренних проблемах своих ведомств

и территорий, а также на пожеланиях, адресованных ЦК, правительству, министерствам. Именно так поступили руководитель Союза писателей П. У. Бровка, высказавший пожелание литераторам больше помогать партии своими романами, повестями, поэмами, очерками; заместитель председателя Совета Министров В. Г. Кудряев, посетовавший, что республика не справилась с планами сева; первый секретарь Минского горкома КПБ И. Д. Варвашеня, пожаловавшийся на недостаток кадров в отделе культуры горкома; прокурор БССР А. Г. Бондарь, говоривший о незаконных штрафах, жалобах граждан; главный режиссёр столичного театра оперы и балета Л. П. Александровская, сетовавшая, что о театрах не пишут республиканские газеты, что даже премьеры спектаклей нередко проходят при полупустых залах. Патоличева никто из них опять не упоминал. А первый секретарь Минского обкома партии К. Т. Мазуров, которому через три года предстояло сменить Н. С. Патоличева на посту первого секретаря ЦК КПБ, а затем стать первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, говоря о виновных в искажении национальной политики, назвал сначала себя, лишь потом — Николая Семёновича.

Для других главным объектом критики стал именно И. Л. Чёрный. Притом остракизму он подвергся ещё на трибуне. Ему фактически не давали договорить, хотя упреки, высказанные Чёрным в адрес Патоличева, по большому счёту были не такими уж и острыми. Чёрный счёл неправильным сравнивать 1952–1953 годы с первыми послевоенными, а тем более с 1939 годом, когда были воссоединены белорусские территории. И по наличию кадров, и по оплате на трудодень. Ошибкой он счёл перевод в ЦК КПБ С. О. Притыцкого, который до этого был первым секретарём Гродненского обкома партии — единственным партийным работником столь высокого ранга из так называемых западников. А ещё, по его мнению, не стоило передавать некоторые предприятия в союзное подчинение. Некоторые его слова вызывали смех в зале. Раздался вопрос ему самому: “А где Вы раньше были?” Звучали выкрики: “Хватит!”, “Неправильно!”, “Регламент!”

После выступления И. Л. Чёрный стал для Патоличева своеобразным громовым ударом. Очень резко на выпады председателя Госплана отреагировал первый секретарь Могилёвского обкома партии С. И. Сикорский. Сергей Иванович слыл человеком прямым. Будучи во время войны командиром Брестского партизанского соединения, во время тяжёлых боёв вдоль Днепровско-Бугского канала весной 1944 года, когда народные мстители в течение месяца сдерживали напор нескольких гитлеровских дивизий на 60-километровой линии, он зачастую слал в Центральный и Белорусский штабы партизанского движения нелицеприятные радиограммы, потому, утверждали многие ветераны той войны, стал единственным из партизанских командиров такого ранга, не получившим генеральских отличий, хотя звание Героя Советского Союза был удостоен. Он и И. Л. Чёрному задавал вопросы, что называется, в лоб: “Ты не рядовой работник, тов. Чёрный, ты являешься председателем Государственной плановой комиссии, ты являешься заместителем председателя Совета Министров, так почему ты три года как будто сидел где-то на окраине, ничего не видел, что делается под руководством тов. Патоличева? А нам, секретарям, известно, что ты был у тов. Патоличева на лучшем счету и тебя неоднократно тов. Патоличев хвалил, что ты хороший работник, что ты часто вносишь ему вопросы. Так нельзя ли у тебя спросить, что, может, ты в заблуждение вводил тов. Патоличева, подсовывал ему такие цифры?” После этих слов в зале раздалось аплодисменты. А Сикорский продолжил: “Так чего же ты после того, как факт состоялся, ЦК КПСС сделал организационные выводы, ты только теперь набрался смелости и с этой трибуны льёшь всю грязь на тов. Патоличева? Нельзя так. Это не работник, который наживает себе какую-то конъюнктуру”. Аплодисменты повторились, по рядам прокатился смех.

С. И. Сикорского поддержал заместитель председателя Совета Министров БССР П. А. Абрахимов, заметив Чёрному, что “в погоне за эффектом он нацепил на Патоличева то, в чём он не повинен”. Коснувшись переподчинения предприятий, тоже заметил, что “сам Патоличев ничего не передавал”, более того, та “передача была правильной”, потому что “заводы получили финансирование и стали работать лучше”. Ещё нелицеприятнее выразился первый секретарь Гродненского обкома партии Н. Е. Авхимович: “Мы тов. Чёрного знаем 15 лет... Его сегодняшнее выступление было подобно тому, как он выступал, когда уходил от нас т. Пономаренко, когда уходил т. Гусаров...

(П. К. Пономаренко и Н. И. Гусаров возглавляли ЦК Компартии Белоруссии до Н. С. Патоличева. — Я. А.). В белорусской партийной организации есть люди, которые держат нос по ветру”. Эти слова тоже вызвали смех и аплодисменты. И совсем иначе было сказано о Патоличеве: “Никто не скажет, что партийная организация в Белоруссии к тов. Патоличеву плохо относится и что тов. Патоличев мало полезного сделал в партийной организации. Это не так, это было бы несправедливо, это нечестно. Тов. Патоличев много чего внёс нового в работу партийной организации нашей республики”.

В тот день прения по докладу длились до 11 часов вечера. Выступило двадцать человек. Никто, кроме Чёрного, Патоличева больше не критиковал. И никто не высказал одобрения, что на руководящую работу в Минск возвращается Зимянин. Почти все ораторы, говоря об “извращениях в национальной политике”, как было в сказано в постановлении, которое они обсуждали, а также о недостатках в организации сельскохозяйственного производства, в то же время настойчиво твердили о дружбе народов, о том, что она является движущей силой в большом государстве, о великом русском народе, об огромной помощи, которую он оказывает Белорусской республике. Как через много лет писал по этому поводу Патоличев, “исправление” национальной политики, предложенное тем постановлением, удивило, прежде всего, белорусов. И они не только не стали своё удивление скрывать, но и упорно повторяли то, что усвоили ещё с политических “пелёнок”. Под занавес дня была создана комиссия по подготовке проекта постановления Пленума. В неё вошло сорок человек, в числе которых были Зимянин, Якуб Колас и, как ни странно, Патоличев, о котором в постановлении ЦК КПСС говорилось, что он отзывается в Москву.

Разумеется, то, как идёт Пленум в Минске, тайной для Москвы не было. А в союзной столице тоже произошло весьма важное событие, и вечером оттуда последовало три телефонных звонка в Минск. Два — Патоличеву, от Маленкова и Хрущёва, один — Зимянину, от Маленкова. Патоличеву сообщили, что арестован Берия, однако рекомендовали не разглашать это до официальной публикации в прессе. И прямым текстом дали понять Николаю Семёновичу, что не будут настаивать на том, чтобы его сняли с должности первого секретаря ЦК КПБ. С Зимяниным разговор был несколько иным. Об аресте Берия ему сказано не было. Вот как о той телефонной беседе вспоминал сам Михаил Васильевич:

- Товарищ Зимянин, как идёт Пленум?
- Нормально.
- Какое отношение к Патоличеву?
- Нормальное.
- А к Вам?
- Нормальное.
- Слушайте, у нас тут обстоятельства складываются так, что что мы посоветовались и решили: а не оставить ли нам Патоличева в Белоруссии?
- Пожалуйста... Я сюда не рвался...

Даже через много лет Зимянин признавался: “Мне невдомёк было, что в этот день, 26 июня, арестовали Берия”. В самом деле, не так просто было представить, что всесильный Лаврентий Павлович больше не всесилен. Значит, ситуация изменилась в чём-то ином, полагал Михаил Васильевич. В любом случае, пришлось готовиться к ещё одному выступлению на Пленуме, притом сказать предстояло то, что ещё сутки назад ему не могло присниться и в кошмарном сне.

Назавтра, а это был уже третий день Пленума, председательствовал на заседании первый заместитель главы правительства П. А. Абрахимов. Собравшиеся в зале, по крайней мере, абсолютное большинство из них, пока ни о чём не подозревали, потому прения продолжались в прежнем ключе. Директор Института истории партии Ф. А. Новикова, начальник Минской железной дороги Г. И. Котяз, первый секретарь Барановичского обкома партии И. Ф. Климов, министр сельского хозяйства и заготовок С. С. Костюк, первый секретарь Молодечненского обкома партии В. Г. Доркин говорили о внутренних проблемах вверенных им сфер, отраслей и территорий. Правда, В. Г. Доркин и Ф. А. Новикова “прошлись” и по Чёрному, заметив, что любая критика должна быть своевременной. Доркин сказал, что участвует в пленумах ЦК КПБ с 1947 года, но “ни разу не слышал резкого выступления т. Чёрного,

хотя, как известно, у него сосредоточено много цифр по работе в целом по республике”. И добавил, что резкая критика из его уст звучит, как правило, тогда, “когда решаются организационные вопросы на Пленуме, вернее, тогда, когда они уже решены”, тогда-то “тов. Чёрный выступает очень решительно”. Ф. А. Новикова, назвав поведение Чёрного нечестным, отметила, что “у нас есть такие лица, которые в острые моменты думают: “Я себя сейчас покажу!” Упрекнула она и Патоличева: почему в бюро ЦК есть люди, которые не соответствую высоте своего положения, почему Патоличев не призвал их по порядку, и это стало мешать в работе.

Более резко говорил председатель Президиума Верховного Совета БССР В. И. Козлов, кстати, тоже Герой Советского Союза, во время Великой Отечественной войны командовавший Минским партизанским соединением. Признав, что “мы допускали много ошибок и недостатков”, что Патоличев мог рассказать о них более подробно, особенно о том, “как работали члены бюро и почему были допущены ошибки и недостатки со стороны бюро ЦК КПБ и лично тов. Патоличева в вопросах советской национальной политики, в подборе и расстановке кадров”, тем не менее со всей определённой он заявил: “Тов. Патоличев, работая первым секретарём ЦК КПБ, много прилагал энергии и сил для развития промышленности и сельского хозяйства. Мне кажется, товарищи, было бы ошибкой всё чернить и видеть только то, что чёрное. Это неправильно... Патоличев... много внёс положительного и в организационно-партийную работу, и в сельскохозяйственное, и в промышленное строительство, этого нельзя у него отнять”. Говоря об ошибках, признавая их значительность, Василий Иванович чаще всего употребляет местоимение “мы”, подчёркивая тем самым, что ответственность за состояние дел в республике несёт не только Патоличев, а всё белорусское руководство: мы работали много, но одновременно допускали и ошибки, эти ошибки весьма значительные, потому ЦК КПСС и вынес постановление. А “выступление тов. Чёрного было демагогическим”, Чёрный проявил “неуважительное отношение к тов. Патоличеву, который этого не заслуживает”. При каждом критическом выпаде в адрес председателя Госплана в зале снова раздались голоса: “Правильно!” — и вспыхивали аплодисменты.

В самом деле, дерзко прозвучала речь первого секретаря Дзержинского РК КПБ Л. М. Лемешонка. Отдав должное тому, что было сказано в постановлении ЦК КПСС, без чего ему и нельзя было обойтись, он сразу же съязвил, что “только теперь на этом Пленуме, когда нас сильно поправил ЦК КПСС, почти все стали разговаривать на своём родном языке”, хотя даже министр образования вряд ли “пускает своих детей в белорусскую школу”. Согласившись, что в “этом виноваты, главным образом, ЦК, в первую очередь, Патоличев, Зимянин, Горбунов”, он заявил, тем не менее, что Николай Семёнович “всё-таки много сделал для нашей республики, и мы за это его любим”. Эти слова вызвали аплодисменты. А Лемешонков затем стал спрашивать, где был в это время Чёрный, который является заместителем председателя правительства, почему раньше молчал о тех ошибках, о которых рассказывал с этой трибуны, почему на предыдущих Пленумах не выступал? И сам же сформулировал нелицеприятный вывод: “Значит, вы, т. Чёрный, держали камень за пазухой до последнего времени. Так коммунисты, т. Чёрный, не должны поступать... Я уверен, если ли бы в этом решении ЦК КПСС было бы написано и о т. Зимянине, и о т. Клещёве, как о т. Патоличеве, то он бы, т. Чёрный, видимо, ещё мудрее разложил бы т. Зимянина и т. Клещёва”. Несколько раз раздавался смех и рукоплескания. Ещё громче они вспыхнули после слов “с такими Чёрными пора кончать”. Их частота и звучность свидетельствовали о реальных настроениях в зале заседаний.

Завершал прения по докладу секретарь ЦК КПБ Т. С. Горбунов. По его выступлению трудно сказать, поделится ли с ним Патоличев главными новостями из Москвы — об аресте Берии и о том, что решение о его освобождении от должности первого секретаря ЦК КПБ может быть изменено. Похоже, Горбунов и сам позаботился о том, чтобы из его слов такая ясность не вытекала, даже если он что-то знал. Отметив “важное значение постановления для белорусского народа”, Горбунов подчеркнул, что Патоличеву от ЦК КПСС “досталось очень здорово, к нам же — членам бюро — Центральный Комитет подошёл милостиво, доверил нам исправление допущенных ошибок”. Немного уколол Николая Семёновича за то, что в своём выступлении он “должен был

глубже проанализировать отмеченные промахи”, Горбунов вдруг произнёс слова, трудно соотносимые с повесткой дня Пленума. Оказывается, Патоличев, которого “уходят” в связи с допущенными недостатками в работе, должен был “помочь нам наметить пути для дальнейшего подъёма организационно-партийной и политической работы”. Вслед за этим Горбунов сразу же сказал то, что вновь вызвало одобрение зала: “За три года работы товарища Патоличева в Белоруссии, за три года, когда он находился во главе Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии, сделано многое в области дальнейшего развития промышленности республики, строительства городов, развития культуры Советской Белоруссии. И теперь, когда товарищ Патоличев освобождается решением ЦК от обязанностей первого секретаря ЦК, чернить нам его работу – это было бы большим позором для Коммунистической партии Белоруссии”. Зазвучали голоса с мест: “Правильно!” Аплодисменты повторились после слов о том, что “мы все работали плечо о плечо с ним, знаем его, что он, не жалея сил, работал, чтобы сделать для расцвета Белоруссии возможно больше, возможно лучше... За ошибки, которые были в работе ЦК КПБ и Совета Министров БССР, несёт ответственность не только товарищ Патоличев, несём ответственность все мы – руководящие работники Белоруссии, в первую очередь, секретари ЦК и члены бюро ЦК. Было бы неправильно с нашей стороны всё возложить сейчас на товарища Патоличева”. Его можно упрекнуть в том, что “некоторых из нас – членов бюро и членов ЦК КПБ – он не призвал к порядку”, однако “товарищ Патоличев старался быть ближе к белорусской культуре, оказывал помощь писателям, артистам... Товарищ Патоличев – известный человек в партии, и мы к нему относимся с доверием и желаем ему успеха в той работе, на которую его пошлёт ЦК КПСС”. Пожелание тоже вызвало аплодисменты.

После двадцатиминутного перерыва на трибуну снова вышел М. В. Зимянин. Отметив, что “Пленум ЦК КПБ правильно воспринял критику своих ошибок”, он уже добавил, что “за ошибки несём ответственность все мы, ЦК, члены бюро, секретари”, в том числе “тов. Патоличев и тов. Зимянин, хотя последний два месяца не был секретарём ЦК КПБ, но это небольшой срок, чтобы уйти от ответственности”. Он выразил уверенность, что “белорусская партийная организация, боеспособная, сплочённая вокруг Центрального Комитета и Правительства СССР, сделает всё необходимое, чтобы с честью выполнить постановление ЦК КПСС и провести его в жизнь”. После этих в значительной мере ритуальных для того времени слов прозвучало главное: “В ходе прений выяснилось также, что, правильно понимая наши ошибки, правильно восприняв критику этих ошибок со стороны Центрального Комитета КПСС, члены ЦК КПБ, участники Пленума высказали и правильное отношение к первому секретарю Центрального Комитета КПБ тов. Патоличеву. Указывая на ошибки и недостатки, которые у нас имеются, участники Пленума ЦК КПБ оказали ему доверие, потому что тов. Патоличев, будучи направленным в Белорусскую партийную организацию Центральным Комитетом КПСС, провёл значительную работу по руководству партийной организацией, хозяйственным и культурным строительством республики и заслуживает правильного к себе отношения”. После этих слов Зимянин предложил “от имени бюро ЦК КПБ внести на рассмотрение Пленума следующее предложение: просить ЦК КПСС пересмотреть тот пункт постановления ЦК от 12 июня, который касается тов. Патоличева, и оставить его первым секретарём ЦК КПБ”. Предложение, отмечено в стенограмме, было встречено продолжительными аплодисментами. Зимянин пояснил также, что это мнение не только членов бюро ЦК КПБ, а тем более не его личное мнение: “С таким предложением, с такой просьбой мы можем обратиться к ЦК КПСС потому, что тов. Патоличеву и мне в ходе Пленума пришлось говорить с тов. Маленковым и тов. Хрущёвым, и они высказали такое мнение, что если Пленум посчитает целесообразным вынести такое пожелание, такую просьбу к ЦК КПСС о пересмотре пункта постановления ЦК КПСС от 12 июня 1953 года, который касается тов. Патоличева, то этот пункт Президиум ЦК КПСС считает возможным пересмотреть”.

Председательствующий П. А. Абрахимов предложил принять следующее постановление: “Просить Президиум ЦК КПСС пересмотреть пункт постановления Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза от 12 июня с. г. в отношении тов. Патоличева Николая Семёновича и оставить его

первым секретарем ЦК КПБ”. Его слова снова были встречены продолжительными аплодисментами. За такое решение члены ЦК проголосовали единогласно. Вот как о том моменте вспоминал сам Николай Семёнович: “Весь зал встал. Сижу я один. Сижу потому, что не в состоянии подняться”. Сразу после этого Абрагимов предложил “поручить председательствовать на Пленуме тов. Патоличеву”. Вновь, отмечает стенограмма, раздались “продолжительные аплодисменты, тов. Патоличев занимает место преседательствующего”.

Патоличев сразу же заявил, что “необходимо разрешить ещё ряд организационных вопросов. По поручению бюро ЦК КП Белоруссии вносится предложение в связи с необходимостью укрепления руководства Совета Министров БССР рекомендовать на должность председателя Совета Министров Белорусской ССР тов. Зимянина (продолжительные аплодисменты) и освободить от должности Председателя Совета Министров Белорусской ССР тов. Клещёва с командированием его на учёбу”. Внешняя логика предложения была проста: Зимянин приехал сюда исправлять недостатки, о которых говорилось в постановлении ЦК КПСС, пусть и берётся за дело, тем более что ситуация в республике ему знакома. С точки зрения партийных правил того времени облегчало для Патоличева именно такую постановку вопроса и то, что Зимянин оставался членом ЦК Компартии Белоруссии, ибо избран был в его состав съездом. Кроме того, формально он после перевода на работу в Москву продолжал числиться и вторым секретарём ЦК КПБ, поскольку освободить его от секретарской должности мог только Пленум ЦК КПБ, а во всесоюзную столицу отправлен он был в промежуток между пленумами. Правда, и на сей раз Патоличев не сказал, что Зимянин в связи с переходом на должность главы республиканского Совета Министров перестаёт быть... Кем? Вторым секретарём ЦК или сотрудником МИД СССР? Потому Николай Семёнович предпочёл то, что называется фигурой умолчания.

За то, чтобы М. В. Зимянин возглавил правительство БССР, члены ЦК КПБ тоже проголосовали единодушно. Единогласно был избран и новый второй секретарь ЦК КПБ, место которого после ухода Зимянина на работу в МИД СССР фактически оставалось свободным, а формально занятым. Им стал Н. Е. Авхимович. Потом состоялось ещё одно заседание, на котором была принята программа действий, касающаяся вопросов, затронутых в постановлении ЦК КПСС. О том, как события развивались дальше, со слов М. В. Зимянина рассказано в публикации в белорусском ежемесячном журнале “Неман”: “Поздно вечером захожу к Патоличеву. Поздравил его, а потом спрашиваю:

– Будьте добры, скажите, говорили ли вы с Хрущёвым? Что означают подобные повороты?

– А разве ты не знаешь? Берия арестован. В этом весь вопрос!

– Николай Семёнович, будем считать наш разговор законченным. Желаю вам успехов, а сам, с вашего разрешения, завтра уезжаю в Москву. Надеюсь, что здесь я с вами больше не встречу. Повернулся и ушёл”.

Приведённый диалог весьма красноречив, как минимум, двумя нюансами. Во-первых, Зимянин, рука об руку проработав с Патоличевым почти три года, оставался с ним на “Вы”, хотя разница в возрасте составляла только шесть лет. Не менее красноречиво и выказанное пожелание никогда больше не встречаться. Это значило, что приступать к обязанностям главы правительства БССР он не собирался, по крайней мере, пока в Минске будет оставаться Патоличев. В секретариате Хрущёва он попросил “доложить Центральному Комитету о моей просьбе: разрешить мне вернуться в Москву”. На состоявшемся через два дня заседании Президиума ЦК КПСС Молотов всё-таки спросил Зимянина, почему тот настаивает на том, чтобы не работать в Минске. Ответ был следующим: “Видите ли, товарищ Молотов, обстановка складывается так, что мы с Патоличевым будем напоминать двух медведей в одной берлоге. Прошу избавить меня от этого”. Вскоре Михаил Васильевич снова принял Четвёртый европейский отдел МИДа, которым в его отсутствие руководил Ю. В. Андропов. Тот сдал, по словам Зимянина, дела с удовольствием, сопроводив процесс словами: “Миша, это не отдел, а сумасшедший дом. Ни сна, ни покоя”. Буквально через неделю – 2–7 июля – Патоличев и Зимянин участвовали в работе Пленума ЦК КПСС, на котором по докладу Г. М. Маленкова рассматривался вопрос “О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия”.

Точку в рекомендации Зимянина на должность председателя Совета Министров БССР поставил очередной Пленум ЦК КПБ, состоявшийся 24 июля 1953 года и обсуждавший итоги Пленума ЦК КПСС, давшего оценку действиям “лубянского маршала”. Тогда ЦК КПБ принял два решения, касающихся Зимянина. Одно гласило: “Отменить постановление IV Пленума ЦК КПБ о рекомендации т. Зимянина М. В. на пост председателя Совета Министров БССР”. В протоколе содержится разъяснение: “О тов Зимянине. ЦК КПСС счёл нецелесообразным посылать тов. Зимянина в Белоруссию в качестве председателя Совета Министров БССР... и направил его на работу в Министерство иностранных дел”. Одновременно он был освобождён и от обязанностей второго секретаря и члена бюро ЦК, “поскольку это не было сделано на прошлом Пленуме”.

Тогда же “бюро ЦК КПБ рассмотрело вопрос о председателе Совета Министров БССР и решило рекомендовать на работу председателя Совета Министров т. Мазурова, нынешнего первого секретаря Минского обкома. Это предложение было внесено на рассмотрение Президиума ЦК КПСС...” Последовало единогласное решение: “Утвердить т. Мазурова Кирилла Трофимовича председателем Совета Министров БССР”. Ещё одним решением М. И. Баскаков, до этого отозванный в Москву, был восстановлен в должности министра внутренних дел БССР и избран членом бюро ЦК КПБ. Пробывший несколько недель министром М. Ф. Дечко стал его первым заместителем и был выведен из состава бюро “в связи с нецелесообразностью иметь в составе бюро ЦК КПБ двух руководящих работников МВД”.

Спустя много лет Зимянин стал говорить о том, что тогда он оказался игрушкой в руках не только Берии, но и Хрущёва. Хрущёву, по его словам, было не жалко Зимянина, ведь он являлся любимым учеником десять лет проработавшего в БССР первым секретарём ЦК и председателем правительства Пантелеймона Пономаренко, который как раз и заметил в Могилёве подвижного паренька. А с Патоличевым у Никиты Сергеевича, наоборот, мол, были хорошие отношения, вместе с ним они работали в Киеве, вместе интриговали против Кагановича. Направляя Зимянина в Минск, Хрущёв не случайно советовал ему не торопиться, вспоминал потом Михаил Васильевич в беседе в корреспондентом “Звезды”, тянул время, чтобы замена не состоялась до ареста Берии. А ещё рассчитывал подловить его на какой-нибудь интриге в борьбе за власть, но он, Зимянин, “не думал ни о чём ином, кроме добросовестного выполнения директив Центрального Комитета”.

Насколько сказанное соответствует тому, что на самом деле было, теперь уточнить вряд ли возможно. Конечно же, операция против Берии готовилась не один день, и жертвы в ходе неё не исключались. Тянул ли Хрущёв время? Не исключено. Ведь, если бы речь шла только о быстрой замене Патоличева на Зимянина, то это можно было сделать в первый же день Пленума и уже потом вести обсуждение задач, записанных в постановлении. И даже перенести обсуждение на следующий Пленум. Да и помимо членов ЦК, кандидатов в члены ЦК и членов Ревизионной комиссии ЦК приглашать ещё несколько сотен человек не было большого резона. Но здесь как раз тот случай, когда история сослагательного наклонения иметь не может. Несомненно, эти вопросы мучили Михаила Васильевича всю его оставшуюся жизнь, несмотря на то, что она продолжилась весьма успешно. Он долгое время работал Чрезвычайным и Полномочным послом СССР во Вьетнаме и Чехословакии, возглавлял главную партийную газету “Правда”, много лет являлся секретарём ЦК КПСС, был награжден пятью орденами Ленина, который являлся высшей государственной наградой в СССР, удостоился звания Героя Социалистического Труда.

Патоличев проработал в Минске ещё ровно три года. Воспоминания о себе он оставил только хорошие. Например, белорусские архитекторы в один голос твердят, что в его лице республике просто повезло на руководителя. Это при нём выполнены основные работы в рамках послевоенного восстановления и качественного переустройства столицы. В июле 1956 года Н. С. Патоличев был переведён в Москву и тоже в министерство иностранных дел, но на должность куда более высокую, чем та, которую тремя годами ранее получил Зимянин. Он стал заместителем министра. Ещё через полтора года Николай Семёнович был повышен до первого заместителя министра иностранных дел, а спустя несколько месяцев назначен на должность союзного министра внешней торговли, которую занимал в течение двадцати семи лет. Он был дважды

удостоен звания Героя Социалистического Труда, одиннадцать раз отмечен орденом Ленина – столько имел только его ровесник, член Политбюро и Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, который сорок три года из прожитых семидесяти шести провёл на высших должностях в ЦК КПСС и правительстве СССР.

Господь распорядился так, что и Зимянину, и Патоличеву для пребывания на грешной земле был отведён равный срок – 81 год каждому. Однако желание Михаила Васильевича никогда больше не встречаться с Николаем Семёновичем не сбылось. Трудно даже предположить, что посол Зимянин в своей работе не пересекался с заместителем министра иностранных дел Патоличевым. Так же маловероятно, что у главного редактора “Правды” и секретаря ЦК КПСС Зимянина не было контактов с министром внешней торговли Патоличевым. На пленумах, съездах, сессиях Верховного Совета, совещаниях. Однако вот что об этом написал Михаил Бублеев: “С Н. С. Патоличевым при встречах Зимянин держался предельно вежливо, но всегда соблюдал дистанцию и всячески избегал какого бы то ни было неофициального общения. Не скрывал своей антипатии к Зимянину и Патоличев. Хорошо знавший обоих журналист из “Правды” недоумевал: “Два умнейших человека так и остались непримиримыми, не смогли перешагнуть через личную неприязнь, глубоко засевшую в их сознании”. Сам Патоличев в своих воспоминаниях о работе в Минске, изложенных в упоминавшейся книге, о взаимоотношениях с Зимяниным не сказал ничего.

О белорусском периоде своего бытия Николай Семёнович говорил с исключительной теплотой. “Жизнь и работа в этой республике, – признавался он, – была для меня важнейшим событием, и я с благодарностью вспоминаю всех, с кем в те годы работал, кто в трудные дни активно поддерживал меня. В книге названы немногие, пусть простят меня белорусские товарищи и примут мой поклон за всё доброе, хорошее, что сделали для меня”. Он, конечно же, понимал, что во время Пленума ЦК КПБ, на котором предстояло лишить его должности, главную роль, возможно или скорее всего, сыграли вовсе не белорусские партийцы. Случись так, что Берия бы не арестовали, что он взял бы верх в борьбе за власть, вряд ли дальнейшая судьба Патоличева сложилась бы успешно. Да и тех, кто медлил с выполнением поступившей из Москвы установки или пытался возражать, по голове не погладили бы. Но Николай Семёнович был абсолютно уверен, что мало скрываемое сопротивление освобождению его на Пленуме от занимаемой должности у белорусских партийцев всё-таки наличествовало и сыграло важную роль. Ведь им проще, да и безопаснее было просто щёлкнуть каблуками: всем же прекрасно было известно, кто такой Берия. С многими из них проводились специальные беседы на тему, как следует поступить. По крайней мере, Якуб Колас признавался Патоличеву, что в нём такая беседа была.

Тот Пленум стал событием неординарным и для белорусских кадров. Как утверждал впоследствии В.И. Шарапов, “в республиканской парторганизации ещё не было случая, чтобы решение высшей инстанции ставилось под сомнение”. И вот... А Патоличев, возвращаясь к тому событию спустя многие годы, пришёл к весьма важному и даже лестному для тогдашнего белорусского партийного и государственного актива выводу: Берия во многом строил свой расчёт на том, чтобы сыграть на национальных чувствах, однако, “к счастью и великой чести белорусов, они никогда не страдали национализмом”. Тогда, по его мнению, победил не он, тогда устояли как раз участники Пленума. И хотя он всех называет белорусами, многие из них таковыми были только по территориальному признаку, а не по национальному. Но этот нюанс как раз и подчёркивает, что национальный признак так и не встал во главе угла в ходе длинной дискуссии, хотя именно того требовало обсуждаемое постановление. “Национальный аспект” в той ситуации присутствовал лишь как констатация при характеристике кадрового состава, раз уж того потребовала высокая инстанция. Но никто не упрекнул Николая Семёновича за его русскость, ни одна и ничья недоработка не была объяснена так называемой “пятой графой” в анкете.

Зимянин до конца своих дней так и не согласился, что его тогда в Минске не приняли, что отстояли Патоличева. По его мнению, просто так повернулись обстоятельства, о чём он и сказал в интервью газете “Звезда”. Впрочем, в том же интервью Михаил Васильевич сам себя и опроверг, отметив, что как только он сообщил участникам Пленума о готовности Москвы изменить

решение о том, кому быть во главе ЦК, те “проголосовали, естественно, за то, чтобы просить Центральный Комитет партии оставить товарища Патолочева...” Говоря иными словами, другого никто не предлагал, его возвращение в республику в новом качестве никто не потребовал.

Ещё раз он приезжал в Минск из Москвы, пожалуй, только раз, по крайней мере, официально, как человек должностной. Это было в 1980 году, после гибели в автомобильной аварии первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова. Зимянин в то время был секретарём ЦК КПСС. Уже в постсоветской белорусской прессе появились утверждения, что вдова Петра Мироновича тогда в сердцах сказала: “Как будто в Москве не знали, что у покойного были с ним “весьма сложные отношения”. Упоминается об этом и в публикациях Михаила Бублеева об отце. Люди, хорошо знавшие, что происходило в те дни в Минске, утверждают, что отношение к Зимянину у многих руководящих белорусских партийцев в самом деле было настороженным. Его приезд на похороны Машерова они восприняли как намёк на то, что Михаил Васильевич на сей раз всё-таки может занять кресло руководителя ЦК КПБ. В Москву полетели соответствующие сигналы. В результате в Минск возвратился Т. Я. Киселёв, который к тому времени работал заместителем председателя Совета Министров СССР, а до этого почти двадцать лет руководил белорусским правительством.

Вопрос, хотел ли покинуть советскую столицу сам М. В. Зимянин, остаётся без ответа. В упомянутом интервью газете “Звезда” Михаил Васильевич о том не обмолвился ни словом. Ничего не сказано на сей счёт и в записках Михаила Бублеева. В целом же отношение к Зимянину в Белоруссии у тех, кто помнит его и советское время, лишено крайностей. Воевал, многое сделал для развития партизанского движения и патриотического подполья в тылу оккупантов, в сложных ситуациях предпочитал действовать, а не юлить и дрейфить, в том числе тогда, когда работать приходилось по принципу “Надо!”...

ВЛАДИМИР ВЕЛИЧКО

ЖИЗНЬ, ПОЛНАЯ ИСПЫТАНИЙ

Судьба меня одарила знакомством с яркими, харизматическими личностями. Среди них выделяется самобытная, колоритная фигура Николая Никитовича Слюнькова. Имя его широко известно, вошло в учебники истории и энциклопедические издания. Он – крупный государственный и политический деятель БССР и Советского Союза, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный работник промышленности республики. Недавно с трибуны пятого Всебелорусского народного собрания Президент страны А. Г. Лукашенко тепло отозвался о руководителях трудного переходного периода, что прибавило симпатий главе государства за уважение к истории, явилось приятным сюрпризом для присутствовавших в зале Е. Е. Соколова, Н. И. Дементя и, конечно же, Н. Н. Слюнькова.

Никогда не забуду первой встречи с этим удивительным человеком. Произошла она давно и случайно. Для студентов журфака БГУ тогда ввели “творческую пятницу”. В этот день мы ехали в трудовые коллективы и окунались в реальную жизнь.

После моих милых и тихих Ружан, Пружан, не располагавших большой индустрией, для прохождения практики я избрал знаменитый МТЗ. Первым делом спешил в огромный, сверкающий огнями цех сборки тракторов. В нём по-особому ощущалось могучее дыхание завода-гиганта, где рождались и каждые три минуты сбегали с конвейера синекрылые “Беларуси”. Они придавали бодрости духа, и уже с хорошим настроением я приходил на утреннюю летучку в редакцию популярной в большом коллективе многотиражки.

Однажды в цеху соприкоснулся, как потом выяснилось, с генеральным директором. Он заметил мой изумлённый взгляд и, улыбнувшись, спросил:

- Нравится?
- Ещё бы!

Я отошёл в сторонку и наблюдал, как гендиректор с инженерами и мастерами сосредоточенно обсуждал какую-то проблему. Под его густыми бровями искрились лучистые, строгие глаза. Высок, косая сажень в плечах, крепко сложен, мужественен. В моём юношеском воображении он представлялся былинным богатырём.

Спустя годы, работая в ЦК КПБ, я был участником и свидетелем мероприятий, проходивших под руководством Первого секретаря Центрального Комитета партии Н. Н. Слюнькова. Всякий раз восхищался его целеустремленностью, глубокой компетентностью при определении путей выхода из нестандартных ситуаций. Мысли и подходы он излагал с дальним прицелом,

побуждал кадры действовать новаторски, активнее заниматься внедрением передовых технологий, ноу-хау. И решительно отмежёвывался от безликих “думальщиков” и “портфельщиков”, которые, словно в сказках Василия Белова, тянули невод удачи не с того конца. Вот они-то и грешили досужим вымыслом, у них не хватало ни ума, ни совести извиниться за свои постыдные деяния.

ИЗУРОДОВАННОЕ ВОЙНОЙ ДЕТСТВО

Богатая на таланты Рогачёвская земля (неслучайно нынче здесь проводится республиканский праздник письменности!) стала колыбелью многих поэтов, прозаиков и публицистов. На этой земле в отдалённой от райцентра деревне Городец в 1927 году, в пору весеннего обновления природы, в крестьянской семье Слюньковых родился четвёртый ребёнок. Назвали его святым именем Николай. Цветущие сады и палисадники, падающие с неба золотые солнечные лучи вызывали светлые чувства. Свояки приходили в отведки и предрекали младенцу большое будущее.

– Пусть растёт здоровеньким! – отвечали родители.

Городец был тогда местечком. В дружбе и согласии тут жили белорусы, украинцы, поляки, евреи. Трудились в поле и на сеножатях, занимались подсобным промыслом, проводили ярмарки.

У Слюньковых земли-кормилицы было мало, испытывали горькую нужду. Отец Никита Тарасович имел начальное образование, считался грамотным человеком. Когда началась коллективизация, сельчане избрали его первым председателем колхоза. Бесконечные заботы и хлопоты подтачивали здоровье, и в 40-летнем возрасте он скорострительно скончался. На попечении матери Ксении Васильевны остались малые дети. Николаю едва исполнилось шесть лет, братьям Володе и Виктору соответственно 8 и 10, сестрёнке Соне – 12 лет. Вместе с ними он не чурался никакой работы. Жили впроголодь, очень трудно.

– Я преклоняюсь перед мудростью матери, – рассказывает Николай Никитович. – Она обладала невероятной жизнестойкостью, всё смогла выдержать, сберечь и воспитать нас. Всей своей жизнью я обязан ей.

В 1940 году в Ленинграде открыли ремесленное училище, и брат Володя уехал учиться. Там его застала война. Мы её встретили в Городце.

В районе шли ожесточенные бои. Красноармейцы с участием народного ополчения сдерживали вражеское наступление на восточном направлении. Отличился батальон капитана Фёдора Баталова, в результате дерзновенного контрудара очистивший от оккупантов железную дорогу и ряд населённых пунктов. Отважный командир в 1941 году был удостоен звания Героя Советского Союза. Полтора месяца на днепровских рубежах доблестно сражались воины 63-го стрелкового корпуса. 13 июля они форсировали реку и освободили Рогачёв. Это была одна из первых побед Красной армии в той суровой войне.

Гитлеровцы свирепствовали, подтягивали свежие силы. 15 августа налетели фашистские стервятники и сбросили на Городец бомбы. Улица запылала. Огненное пламя перебросилось и на дом Слюньковых. Мать с детьми укрылась во дворе в окопе. Выбрались оттуда на второй день. Дымились обугленные бревна от построек. Воздух пронизывал едкий запах от сгоревшего скота.

Встал вопрос: куда пойти, куда податься. Увидели уцелевший колхозный сарай, ставший местом их приюта. Собирали кое-какую ягоду на гнилом болоте, откуда вытекала речка Ржовка, в поле искали картофелины. На этом “корме” и держались.

Подошла осень с проливными дождями, потянуло морозцем. Вскоре налетели снежные завей. Пришлось оставить продуваемое холодным ветром “жилище” и податься в деревню. Великодушные, отзывчивые люди пускали переночевать кто на одну-две ночи, кто – на неделю. Удивляло их чувство сострадания, неисчерпаемая и потрясающая сила добра. Делились последним. Так и пережили военное лихолетье.

После изгнания немецких оккупантов из района шурин матери разобрал в лесу партизанскую землянку без окон и сложил из неё на прежней усадьбе избушку. Перекопали вручную и засеяли огород. Мать работала в колхозе, по сути ничего не получая на трудодни, дети учились в школе. Николай с несколькими сверстниками решил поехать в Минск. Восемнадцать километров шли пешком до железнодорожного полустанка и товарным поездом добрались до столицы.

РАБОЧИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

“Та заводская проходная, что в люди вывела меня...” Слова из популярной советской песни имеют самое непосредственное отношение к Николаю Никитовичу Слюнькову. Окончив автомеханический техникум (причём во время учёбы он подрабатывал себе на жизнь), он получил распределение на МТЗ. Трудолюбивому, смекалистому парню доверяли выполнять сложные задания. С ними он успешно справлялся. Особую гордость он испытал, когда своими руками выточил коленчатый вал для первого трактора. Прошёл все ступеньки рабочей карьеры – от наладчика до начальника моторного цеха. Убедившись в его лидерских способностях, Слюнькова избрали председателем заводского профсоюзного комитета.

Обязанностей многократно прибавилось. Ведь предприятие строилось как самостоятельный городок с населением в 100 тысяч человек. От профсоюзного руководителя требовали чёткой работы коммуналного хозяйства, социальной сферы и многое другое. Николай Никитович оправдал доверие. К тому же заочно окончил Белорусский институт механизации и электрификации сельского хозяйства (ныне Аграрно-технический университет), получил диплом инженера-механика.

В 1960 году по соседству с МТЗ возвели завод шестерён. В должности директора побывали три человека, но никто из них не смог запустить предприятие. В горкоме партии судили-рядили: кому доверить бразды правления? Выбор пал на Н. Н. Слюнькова. Николай Никитович быстро вошёл в курс дела: устранил технические и технологические недоработки, определил “точки роста” и вывел завод в число лучших в отрасли. О нём много писали в прессе, ставили в пример другим.

В 1965 году 38-летнего Слюнькова уже как опытного руководителя и умелого организатора производства Бюро ЦК КПБ утвердило директором МТЗ. После создания производственного объединения его переутвердили генеральным директором. На родном предприятии, давшем путёвку в жизнь, он трудился с новой энергией: сформировал могучую команду из числа инженерно-технической интеллигенции, взрастил толковые, мастеровитые кадры рабочих. От сотрудников управленческих служб и отделов не требовал не перекладывать бумаги из папки в папку, а профессиональной эрудиции, проявления творческой инициативы и активности. Сугубо делового стиля, выработанного на МТЗ, Николай Никитович будет придерживаться во всех инстанциях, где ему придётся трудиться.

Слава о Минском тракторном заводе, обеспечивавшем агрокомплекс СССР надёжными, энергонасыщенными машинами, перешагнула границы Беларуси. На предприятие зачастили зарубежные делегации, побывали главы государств и правительств, представители бизнеса. Они высоко отзывались о достижениях тракторостроителей. Работники получали достойную зарплату, занимались в спортивных секциях, отдыхали в пансионатах, посещали кружки по интересам при заводском Дворце культуры.

Приезжая в Минск, с прагматичным Н. Н. Слюньковым встречался Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. Вынашивая планы экономической реформы, Алексей Николаевич дорожил мнением гендиректора тракторного завода, который среди 13 родственных предприятий, функционировавших в стране, имел наилучшие показатели хозяйственно-финансовой деятельности.

Слюнькову стали предлагать солидные должности. Он согласия не давал, говорил, что ещё не воплотил все замыслы по развитию МТЗ. Кремль настаивал на переводе его в союзное министерство сельскохозяйственного машиностроения в качестве заместителя министра. Тогда состоялась полуторачасовая беседа Слюнькова с руководителем республики П. М. Машеровым. Пётр Миронович выдвинул встречное предложение:

– Если нет желания ехать в Москву, изберём в Минске первым секретарём горкома партии. Или уже ничем я не смогу помочь. Ведь кадровые вопросы решает ЦК КПСС.

На том и порешили. По ходатайству белорусской стороны Президиум Верховного Совета СССР заслуженно присвоил Н. Н. Слюнькову звание Героя Социалистического Труда.

Ехать в Москву Николаю Никитовичу всё же пришлось. Через два года Политбюро ЦК КПСС назначило его заместителем председателя Госплана СССР, где он «отпахал» девять лет. В главном экономическом штабе страны он курировал машиностроение, распределял министерствам и союзным республикам новое оборудование. Много сделал для Беларуси: «посадил» ряд высокотехнологических производств, спрос на продукцию которых по-прежнему высок на мировом рынке.

“САМАЯ БОЛЬШАЯ ПОЛИТИКА – ЭТО ЭКОНОМИКА”

Белорусское руководство трижды обращалось в союзный Совмин и в ЦК КПСС с просьбой о переводе Н. Н. Слюнькова в Беларусь. Но безрезультатно. Мотивировали тем, что Николай Никитович возглавляет важный участок работы, на который подобрать замену непросто. А в республике много хороших кадров, решайте вопрос на месте.

И вот 11 января 1983 года Слюнькова пригласили на заседание Политбюро, состоявшееся на Старой площади, и сообщили:

– Сегодня ночью умер Киселёв. Будем рекомендовать вас партийной организации Беларуси для избрания Первым секретарём ЦК КПБ.

Материалы протокола, с которыми мне как инструктору орготдела ЦК КПСС пришлось ознакомиться, свидетельствуют, что Николай Никитович высказал сомнение, сославшись на недостаточный опыт партийной, политической работы:

– Мне близки промышленность, машиностроение, экономика.

Андропов ответил:

– Вам, наверное, лучше других известно нынешнее положение в стране. И вы должны понимать, что сегодня самая большая политика – это экономика. Езжайте и займитесь этой политикой в республике.

13 января 1983 года Слюнькова избрали Первым секретарём ЦК КПБ. Наследие ему досталось тяжёлое. Республика теряла темп развития. Под угрозой оказалось выполнение пятилетнего плана. Многие кадры расслабились, не отдавали огонь души делу.

Особенно ощутимый откат произошёл в сельском хозяйстве. Недавно один из лучших агропромышленных комплексов Советского Союза не мог обеспечить потребности населения в продуктах питания. Образовался долг в государственные поставки молока, мяса, картофеля, льноволокна.

Сельское хозяйство подкосили крайне неблагоприятные погодные условия в три предыдущих года. В Беларуси “засухі і завеі” встречались и раньше. Об этом писал Якуб Колас в повести “Дрыгва”, когда в знойное лето приходилось сельчанам заготавливать веточный корм.

В 1979 году выгорали от палящего солнца посевы. На глазах гибли сеяные травы, зерновые, пропашные культуры. Возникла угроза кормопроизводству. Зимняя бескормица угрожала общественному и личному поголовью крупного рогатого скота. Центральный Комитет КПБ и правительство республики забили тревогу. Все людские силы, техника, шефствующие предприятия были брошены на заготовку дикорастущих трав, осоки, мелкого кустарника на силос, хвой для переработки на муку. На болотные просторы, а их было достаточно много, вышли тысячи людей.

В следующем, 1980 году в июньские дни ударили заморозки, нанешие урон посевам и травам. Большие площади пересевали поздними яровыми культурами.

Из-за невыполнения плана товарооборота несбалансированным оказался бюджет республики. Эмиссия денег в 1982 году достигла 500 млн рублей.

Застыла отдача основных производственных фондов. Материальные затраты на 1 рубль едва достигали 57 копеек. Более половины объектов сдавалось с нарушением нормативных сроков.

Обдумывая стратегию выхода из сложившейся ситуации, Слюньков учитывал положительный опыт своих предшественников. Как экономист, путём глубокого, всестороннего анализа работы отраслей вскрывал пласты неиспользованных резервов, которые необходимо задействовать.

Первое. Предстояло повысить темпы роста промышленного производства в 1,5 раза. Для Николая Никитовича, имевшего богатый управленческий опыт, эта проблема считалась разрешимой.

Второе. Понадобилось создать новый экономический механизм в капитальном строительстве, не имевший аналога в СССР.

Третье. Надо было вернуть утраченные достижения в сельском хозяйстве, придать ему мощную динамику развития и вывести на рентабельную работу. В оставшиеся три года пятилетки следовало увеличить среднегодовую продажу молока на 22%, массы скота и птицы – на 36%. Перед такими цифрами дрогнуло правительство, не говоря уже о кадрах АПК. Для Слюнькова же эти рубежи стали кредо всей его деятельности. Он действовал жёстко, но в тех условиях оправданно. Его отличали потрясающее трудолюбие, безоглядная целеустремлённость, настойчивость и решительность.

Руководителей исполнительных, дисциплинированных, умевших результативно работать, высокий спрос не пугал. Те, кому предстояло подтянуться, почувствовали персональную ответственность за порученное дело.

Николай Никитович требовал от властных структур без бюрократических проволочек избавляться от недостатков и упущений, содержащихся в критических и аналитических выступлениях прессы. Мэтр журналистики, шеф-редактор “Юридической газеты” Леонид Юнчик в статье “Тоска по реагированию” писал:

– Н. Слюньков на заседании Бюро ЦК поинтересовался у председателя Совета Министров М. Ковалёва, читал ли он в “Советской Белоруссии” статью А. Градюшко “Загадки белого цветка”.

– Ну, читал, – неуверенно ответил тот.

– Если через “ну” – значит, не читал, – сделал вывод Н. Слюньков. – Рекомендую почитать, всё тщательно выверить и принять по поднятым проблемам решение Совмина. В трёх номерах, в которых опубликован материал, есть всё, что необходимо для такого решения, – заключил он.

Сотрудники аппарата правительства абзац за абзацем проверили три части публикации и не нашли ни одной ошибки или неточности, технологического несоответствия или иного заблуждения. В результате 25 апреля 1986 года появилось постановление Совета Министров БССР “О мерах по увеличению производства и продажи государству зерна гречихи в республике”. Этот документ сыграл свою прогрессивную роль: многие хозяйства Беларуси увидели перспективы выращивания ценной культуры и стали активно поддерживать данное направление.

Экономика была жёстко регламентирована. Для её структуризации республика не имела прав. Тем не менее, Слюньков, одержимый руководитель с напористым характером, решился на крупномасштабные экономические эксперименты в промышленности, строительстве, на железнодорожном транспорте, в агрокомплексе, жилищно-коммунальном хозяйстве. Замысел? Резко повысить качественную составляющую экономики и на этой основе обеспечить дальнейший рост жизненного уровня людей.

Экономические преобразования начались с сельского хозяйства. ЦК КПБ и Совет Министров БССР приняли совместное постановление о работе партийных, советских, хозяйственных органов по росту производства грубых и сочных кормов, мерах по экономии зерна на фуражные цели, сокращении затрат кормов при хранении, повышению качества, сбалансированности. В соответствии с этим постановлением разработали программу ежегодного прироста грубых кормов не менее чем на один миллион тонн кормовых единиц.

Не дожидаясь согласия союзного правительства, внесли изменения в структуру посевного клина, занимавшего 2,5 млн гектаров земли. Площадь под бобовыми зерновыми культурами увеличили на 80%; клеверов, промежуточных трав – в два раза. Посевы кукурузы расширили на 72%, корнеплодов – на 18–20%. Гораздо больше стали высевать гороха, вики, люпина, рапса. Занялись улучшением естественных кормовых угодий, созданием высокопродуктивных пастбищ вблизи животноводческих ферм, залужением и перезалужением трав.

Использовали опыт США, где на пастбищах получали 52% кормов и расходовали на 1 кг производства мяса 5 кг зерна. (В СССР – соответственно 20% и 10 кг). Стали ускоренно формировать продуктивное стадо.

Пришлось перестраивать психологию кадров, вселять уверенность в реальности намеченных планов. Приезжали сначала в самые убыточные хозяйства, затем – в отстающие районы и сообща определяли перечень мер, позво-

лявших выйти на более высокие рубежи. Вместе со специалистами и руководителями в этой работе самое непосредственное участие принимал Слюньков.

Возникло много вопросов, требовавших неотложных решений. Так, в колхозах и совхозах предостаточно было тракторов, автомобилей. Но каждое второе хозяйство не имело самоходных кормоуборочных комбайнов, комплекса машин для заготовки сена. Недоставало хранилищ для сенажа, силоса.

Не высказывая просьб к Центру, не надеясь на его помощь, Николай Никитович пошёл по пути принятия конкретных мер на республиканском уровне. Подключили промышленные предприятия для выпуска недостававших средств механизации. Селу оказывали помощь в строительстве дорог, сооружении объектов для надёжного хранения кормов. Внедряли коллективный, семейный и личный подряд, позволявший увеличить заработки, стимулировать труд. За счёт повышения его производительности обеспечили 100% прироста молока, 69% – говядины и 55% – свинины. В течение двух лет (1983–1984) все убыточные хозяйства стали работать прибыльно.

Не выпадали из поля зрения частные подворья, производившие 33% всей валовой продукции. В них содержалось 1119 тыс. голов крупного рогатого скота, 1800 тыс. свиней, 20 млн штук птицы, 274 тыс. овец. На содержание поголовья выделялось до 1 млн тонн сена, 330 тысяч тонн комбикормов. Отладили подворный сбор излишков молока, мяса, овощей, картофеля, фруктов по твёрдым ценам.

Обращали внимание на развитие садово-огороднических товариществ. Количество дачных наделов достигло 165 тысяч, заняв 10,3 тысячи га земли.

Кадры работали вдумчиво, изыскивая резервы и обеспечивая высокие показатели. Они и впрямь вдохновляли. Судите сами. **За четыре года (1983–1986) производство валовой продукции сельского хозяйства увеличилось на 30%, себестоимость её снизилась на 18%, производительность труда возросла на 34%. Прибавка в реализации молока составила 1 млн 368 тысяч тонн с ростом на 36%, скота и птицы – на 506 тысяч тонн (+41%). Рентабельность АПК поднялась с 3 до 36%. Исчезли очереди за продуктами в магазинах, население стало потреблять мясомолочную продукцию выше рекомендованных медицинских норм.** Рассчитались со всеми долгами государству, в том числе и по поставкам продукции в общесоюзный фонд.

Окрепло финансовое положение аграрного сектора, обеспечившего пятую часть национального дохода. Как следствие, зарплата у тружеников деревни увеличилась в 1,5 раза, достигнув 93% от средней зарплаты по республике. Велась реализация крупных проектов. И никакого самообольщения или бахвальства не было.

Сельские поселения предстояло обустроить инфраструктурой. Для этого требовались огромные средства. Зарабатывали их за счёт эффективного хозяйствования. Согласно расчётам, к 2000 году урожайность зерновых и картофеля предусматривалось увеличить в два раза, валовое производство мяса и молока – в 1,6 раза. Значительно сокращались затраты кормов на единицу продукции.

Вкратце скажу о строительном комплексе. ЦК КПСС разрешил ввести дополнительно должность секретаря ЦК КПБ, курировавшего эту отрасль. На новое место назначили высокопрофессионального Юрия Колоколова, сумевшего обеспечить всем необходимым вверенный ему участок работы. Во главе министерств, трестов и управлений стояли известные в республике руководители Иван Жижель, Николай Архипец, Станислав Бриль, Леонид Плечко, Пётр Прокопович, Николай Карнилович и другие.

Но модель, существовавшая годами, изнасилась. Она базировалась на объёмах строительно-монтажных работ, включая овеществленную, то есть заранее произведённую продукцию. От их величины зависели размеры прибыли, рост зарплат, премии. При этом беречь, рационально расходовать материалы, трудовые ресурсы не было смысла.

Противозатратный экономический механизм ставил своей задачей снижение ресурсоёмкости и опирался на стабильные, неизменные в течение пяти лет цены. Объекты подешевели на 30%, возводились под ключ в нормативные сроки. Забыли слово “долгострой”. Произошла настоящая революция в капитальном строительстве!

Об этом Слюньков говорил с трибуны XXVII съезда КПСС. Политбюро приняло три постановления по белорусскому опыту. Однако прогрессивное начинание не получило поддержки. Председатель Совета Министров СССР Николай Рыжков, секретарь ЦК, заведующий отделом строительства ЦК КПСС Борис Ельцин придерживались старой схемы. В результате незавершёнка в стране удвоилась, и весь национальный доход вкладывался в неё.

В Беларуси в промышленной сфере количество научно-производственных объединений довели до 231. В их обязанности входили разработка и освоение инноватики не любой, а “своей”, то есть применительно к данной отрасли, региону, крупным трудовым объединениям. В этом проявилось глубокое понимание важности более прочного соединения теории и практики, где традиционно наблюдался разрыв, стремление оказывать существенное влияние на обеспечение национальной технологической безопасности.

Удачные экономические эксперименты провели в машиностроении, электротехнической, лёгкой, пищевой и мясомолочной промышленности, в министерствах автомобильного транспорта, связи, на Белорусской железной дороге... Освоили выпуск 1760 новых изделий. Благодаря повышению производительности труда высвободили десятки тысяч человек. К этому подталкивала усложнившаяся демографическая ситуация, недостаток рабочих рук. За пятилетку валовой общественный продукт вырос на 26,5%, национальный доход – на 30%. Построили 23 млн м² жилья. Это больше, чем за предыдущие 30 лет (1951–1980). Справили новоселье Государственный театр музыкальной комедии Беларуси в Минске, драматические театры в Гомеле и Гродно, НИИ травматологии и ортопедии в столице, областная больница в Витебске, районные – в Ивье, Мяделе, Наровле, Октябрьском, Ельске, Мстиславе, Борисове, Узде, многие школы, клубы и кинотеатры.

На Беларусь, которая признавалась победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании в 1983–1987 годах, снова стали смотреть как на эталон развития, движения в будущее. Ей на вечное хранение оставлено переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Высокие темпы развития сохранялись до разрушения СССР. В республике не было ни стагнации, ни пресловутого застоя.

ПУТИ-ДОРОГИ СВЕЛИ С ГОРБАЧЁВЫМ

Горькую досаду доставляет разочарование в человеке, в которого верил, на которого надеялся. А если этот человек наделён властными полномочиями, охватывает психологическое потрясение от сознания того, что ничего святого не осталось в его душе и сердце.

Нечто подобное пережил Слюньков при более близком знакомстве с Горбачёвым. Ещё работая в Госплане СССР, Николай Никитович по долгу службы сталкивался с Михаилом Сергеевичем, который до начала “генсекства” в качестве секретаря ЦК КПСС отвечал за аграрную политику. Положение дел в сельском хозяйстве страны вызывало тревогу, и он задумал подготовить Продовольственную программу СССР. Но вместо детальной проработки всех её составляющих впал в иллюзию. На одном из совещаний Слюньков при рассмотрении вынесенного на обсуждение варианта выступил с возражением. Более того, свое мнение изложил в записке. В ней обосновал необходимость направления в АПК до 30% капвложений. Механизация сельхозтруда уже была на высоте. Узким местом оставались сохранность и переработка продукции. Нужно было незамедлительно создавать материально-техническую базу. Были другие весомые и конкретные предложения.

Партийным чиновникам такого уровня обычно никто не возражал, и Горбачёв вспикел, не стесняясь грубых выражений.

Другой бы спасовал, но Николай Никитович был не робкого десятка. Здравомыслящий, объективный, уверенный в своей правоте, он настаивал на принципиально иных подходах. Горбачёву эта дерзость не понравилась, и он холодно пригрозил Слюнькову увольнением без какого-либо трудоустройства в Москве.

После совещания Николай Никитович зашёл к председателю Госплана СССР Н. К. Байбакову и открылся ему, как на духу. Умудрённый шеф внимательно его выслушал. Зная повадки Горбачёва, резюмировал:

– С ним такое бывает. Успокойся. Утро вечера мудренее.

Николай Никитович сказал:

– У меня есть запасной аэродром – Минский тракторный завод. Там работа для меня всегда найдётся.

Действительно, на следующий день с утра пораньше по кремлёвской спецсвязи позвонил Михаил Сергеевич и попросил прощения за нетактичный вчерашний разговор.

Уже без участия Слюнькова Горбачёв, окруживший себя некомпетентными подхалимами, протолкнул оторванную от жизненных реалий Продовольственную программу, которая блистательно провалилась.

Медлительность, верхоглядство, нерешительность в “пограничных” ситуациях, требовавших воли, поступка, повторялись и впредь. Так было и в час аварии на Чернобыльской АЭС.

“Ядерные сюжеты”, предвестники украинской техногенной катастрофы, в СССР случались и раньше, но о них нигде не писали. Да и видные физики внушали, что обуздали грозный атом. Помню, на Всесоюзном совещании лекторов в Москве президент Академии наук СССР, трижды Герой Соцтруда Анатолий Александров (его “детищем” и был чернобыльский реактор) успокаивающе говорил: “Мы можем построить атомную станцию на Красной площади и гарантируем её полную безопасность”.

В тревожные поставрийные дни Киев и Москва хранили молчание. Либерал-фаворит, кумир и поклонник Горбачёва Дмитрий Волкогонов, которому в данном случае в правде не откажешь, в книге “10 вождей: от Ленина до Путина” засвидетельствовал:

“Зампредседателя Совета Министров СССР на Политбюро рассказывал, что 26 апреля в Чернобыле до вечера играли свадьбы...”

По мнению 3-го Главного управления при Минздраве СССР, принятие специальных мер, в том числе эвакуация населения из города Припяти, не требуется” (с. 652).

И совсем обескураживающий факт. По утверждению того же Волкогонова, “Михаил Сергеевич на заседании 5 мая подарил своим коллегам фразу, которая, сохранив КПСС, могла быть занесена в книгу афоризмов великих: “Паника – роскошь подчинённых, а не Политбюро и правительства” (с. 653).

Только 14 мая генсек выступил по телевидению. Говорил в убаюкивающей манере, и трудно было понять, насколько произошедшее опасно для здоровья людей, можно ли дальше жить на загрязнённой территории.

Первую тревожную информацию Слюньков получил 28 апреля от белорусских учёных, специалистов по ядерной энергетике. По его указанию на места срочно выехали руководители министерства здравоохранения, других республиканских ведомств.

Принимая во внимание показания созданных радиационных постов, прекратили полевые работы в Брагинском и некоторых других прилегающих к Чернобылю районах. Снимали с пастбищ скот и укрывали животных в помещениях. Людям, почувствовавшим непривычную сухость во рту или лёгкое недомогание, оказывали медицинскую помощь.

В Гомель приехал Н. Н. Слюньков. С его участием было принято юридическое решение об отселении. Производить его самовольно без санкций ЦК КПСС и Совета Министров СССР считалось противозаконным.

Специалисты не исключали на станции второго, более мощного взрыва, предположительно 7-8 мая. Если бы это случилось, то пришлось бы спасать всех жителей Беларуси. Накануне ночью Н. Н. Слюньков экстренно собрал Бюро ЦК КПБ. На нём присутствовали представители всех регионов республики. Рассматривались меры, связанные с возможной эвакуацией населения из 250-километровой зоны от АЭС, 100 км из которых – с очень высоким радиусом поражения. Но ликвидаторам удалось подвести жидкий азот под реактор, в котором, как теперь известно, хранилось более 160 тонн ядерного топлива, и остановить подъём температуры. На душе отлегло.

В республике развернулась колоссальная работа по ликвидации последствий аварии, о чём обстоятельно, со знанием дела, рассказал академик Иосиф Богдевич в журнале “Белая Вежа” (2016, №4).

Однако шумливые оппозиционеры, чья нога в то время не ступала на усыпанную невидимым пеплом землю, спустя многие годы, чтобы заявить о себе, вылили на Н. Н. Слюнькова и первого секретаря Гомельского обкома А. С. Камая немало грязи. Настало время защитить их репутацию. Как это

ещё раньше сделал настоящий журналист Николай Щербаченя в серии своих правдивых и искренних очерков о горячем апреле 1986 года, опубликованных в “Белорусской ниве” (ныне “Сельская газета”).

Будучи избранным членом Политбюро и секретарём ЦК КПСС, Николаю Никитовичу пришлось уже вплотную работать с генсеком Горбачёвым. Он испытывал горечь и убеждался: ему не были присущи государственная мудрость и историческая дальновидность китайского реформатора Дэн Сяопина. Зато риторики, поверхностных суждений – хоть отбавляй. Как следствие – склонность принимать решения без глубокой научной проработки и оценки их последствий.

Так было и с приснопамятным антиалкогольным указом. Экспроприация вино-водочных запасов обошлась государству в 50 млрд рублей. Даже ведущий здоровый образ жизни Егор Лигачёв (с ним у Слюнькова сложились товарищеские отношения) в шутку предлагал учредить два ордена – “За мужество” для тех, кто бросил пить, другой – “За отвагу” для тех, кто на досуге не отказался от кружки пива или бокала вина. Позиция очевидна: всему своя мера.

Николай Никитович, курируя экономический отдел, в котором трудились высококлассные специалисты, солидные учёные, досконально прорабатывал с коллегами волнующие общество проблемы. Встречался и имел содержательную беседу с американским экономистом, лауреатом Нобелевской премии Василием Леонтьевым. Затем тратил немало сил и нервов, раскладывая всё по полочкам, с цифрами в руках аргументируя важность принятия оптимальных сценариев развития самодостаточной державы. Михаил Сергеевич слушал, вроде бы соглашался. Выйдя из кабинета, тут же всё забывал. Страна взрывалась изнутри под изумлённое подхихкивание зарубежных “коллег”, щедро осыпавших его завалированной разрушительной лестью и всевозможными наградами.

Странную позицию занимал председатель правительства Н. И. Рыжков. Он юлил, изворачивался, подстраивался под Горбачёва, которого из-за непродуктивной, провальной политики перестройки в народе нарекли двуликим Янусом, князем тьмы, политическим импотентом.

Тягостные мысли одолевали Слюнькова. Видя всю абсурдность ситуации, он добровольно сложил с себя полномочия. Это был демарш честного и негибаемого белоруса.

По прошествии трёх десятков лет у бывшего генсека-президента наступило запоздалое прозрение. В только что в вышедшей в Москве объёмной книге “Горбачёв в жизни” он на странице 720 признаёт, что предлагаемые Слюньковым решения были правильными. Вот так! А прислушался бы к ним в своё время облечённый огромной властью Михаил Сергеевич, и глядишь, великая страна пошла бы по созидательному пути, стала бы благополучной и привлекательной в экономическом и социальном отношениях.

СРЕДИ РОДНЫХ И ДРУЗЕЙ

По возвращении в Минск Николай Никитович поселился в обычной трёхкомнатной городской квартире. Наконец-то у него появилось больше времени побыть с семьёй. Она у него, можно сказать, идеальная. С женой, Лидией Павловной, кстати, землячкой, жизнь прожили душа в душу, даже ни разу в спор не вступили. Вырастили троих детей.

Старшая дочь Светлана окончила инженерно-строительный факультет БПИ и бесменно трудилась во Всесоюзном институте автоматизации промышленного производства.

Вторая дочь, Инесса, обосновавшаяся в Москве, доктор архитектуры, член-корреспондент РАН. Многие годы она посвятила изучению монастырского зодчества России и Беларуси. Написала несколько уникальных книг и стала лауреатом премии Союзного государства.

Сын Серёжа был прекрасным архитектором. По его проектам возведено немало современных зданий. В 49 лет неожиданно он скончался по дороге на работу.

Из жизни ушла супруга Николая Никитовича. Сам он перенёс несколько сложных операций. Заботу об отце взяла на себя благородная Светлана. Их можно видеть гуляющими по парку.

Иногда к ним присоединяюсь и я. Несмотря на почтенный возраст, Николай Никитович обладает феноменальной памятью. У меня сложилось сильное впечатление от бесед с ним по различным вопросам государственного строительства, образования, воспитания, культуры.

Слюньков любит читать, тем самым постоянно совершенствует себя. Занимая высокие посты, он выкраивал время, чтобы пообщаться с литераторами. И ему есть что вспомнить.

– Очень уважительное отношение, – отмечает собеседник, – у меня сложилось к Василию Быкову. Полагаю, что никто лучше него и Юрия Бондарева не описал войну. Они смогли глубоко раскрыть состояние души и психологию фронтовика-солдата. Для этого надо было иметь огромный дар, писательский талант. Познакомился я с Василём Владимировичем, когда он уже был классиком. В общении оказался на удивление простым, открытым и душевным человеком. Тогда шли разговоры о том, что идеологи “давят” писателей. Выкроил время и поговорил с Быковым о работе, о литературе, что называется, с глазу на глаз.

– Конечно, – сказал он, – есть такое. – И стал приводить оценки.

– В таком случае я поручу секретарю ЦК по идеологии Кузьмину снять туманные несуразицы.

– Наверное, не надо, – возразил Василь Владимирович. – Дай Бог другим иметь такой идеологический центр, как у нас.

Направляясь с визитом в Молдавию, я пригласил в поездку Василя Быкова. В товарищеской обстановке обменивались мнениями, проясняли позицию. Речь заходила и о творчестве. Василь Владимирович говорил, что свои повести, рассказы переводит на русский язык сам. Только автор может наиболее точно передать эмоциональное настроение произведения.

Приближался 60-летний юбилей Быкова. Бюро ЦК КПБ высказалось за представление Василя Владимировича к присвоению звания Героя Социалистического Труда.

Еду в Москву. Захожу к секретарю ЦК КПСС Михаилу Горбачёву. Говорю по существу. В присущей ему манере ни во что серьёзно не вникать, он уклонился от рассмотрения вопроса.

От Горбачёва я вышел удручённым. Походил, подумал и решил переговорить со вторым секретарем ЦК КПСС Константином Черненко. Выслушав меня, он попросил ускорить оформление наградных документов.

Вскоре появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Быкову почётного звания.

Хорошо зная белорусскую и русскую литературу, Николай Никитович советует внукам прочитать то или иное произведение. Рассказывает им и о достижениях советской цивилизации, давшей миру блестящую плеяду учёных, деятелей литературы и искусства.

Слюнькову не присущи “звёздность”, высокомерие, чванство. Он ценит дружбу с верными товарищами, не порывает связей с тракторным заводом. Когда позволяет самочувствие, приезжает на предприятие, встречается с рабочими и ИТР, интересуется моделями будущих машин. При этом подчёркивает: “Без обновления нет развития, движения вперёд. Такова диалектика жизни”.

ВИТАЛИЙ МАЛЬКОВ

МАРХАБА, СИРИЯ!

Делегация Союза писателей России в Сирии

Приглашение

Поездка в Сирийскую Арабскую Республику явилась для меня полнейшей неожиданностью. Я не мог даже представить себе, что однажды окажусь в этой древней восточной стране, да ещё в то время, когда там идёт война. . .

А началось всё с того, что в 2013 году сирийский переводчик Айяд Еид прочёл мой рассказ “Ильич” на сайте журнала “Наш современник”. Рассказ понравился не только Еиду, но и его друзьям. Позже Айяд отправил мне электронное письмо, в котором об этом сообщил. Но, конечно, я тогда никак не предполагал, что “Ильича” и ещё несколько моих рассказов переведут на арабский язык, и вслед за этим меня пригласят в Сирию. . .

Известие о включении в делегацию Союза писателей России грянуло, как гром среди ясного неба.

Конечно, сначала была растерянность. У меня ведь даже не было загранпаспорта – турецкие и прочие заморские курорты я посетить не спешил, а официальные поездки за границу мне, казалось, и вовсе не грозили. И вот – приглашение в Сирию! В страну, больше половины которой захвачено боевиками. . .

Узнав о моей проблеме с загранпаспортом, Айяд Еид написал мне: “Виталий, ничего страшного, оформляйте, мы подождём”.

Через месяц я получил загранпаспорт, а окончательную дату вылета сирийцы назначили на середину июня.

Признаться, было немного не по себе. Вспомнились многочисленные жуткие кадры по телевизору и в интернете со зверскими казнями и расправами, которые совершали радикальные исламисты. Человеческая жизнь для этих нелюдей ничего не стоит. Они убивают и женщин, и детей. Причём убивают запросто, без малейших колебаний.

Конечно, мать пыталась меня отговорить.

– Ты что, с ума сошёл? – охала она время от времени. – Куда ты собрался? Там же головы режут! Сдалась тебе эта Сирия. . .

Отец сдержанно молчал, но по его хмурому лицу было понятно, что и он не одобряет мою затею. Друзья и знакомые тоже приходили в ужас и едино-

---

МАЛЬКОВ Виталий Олегович родился 9 июля 1972 года в городе Артёмовске Донецкой области. Окончил Сибирскую государственную геодезическую академию. Публиковался в журналах “Наш современник”, “Роман-журнал XXI век”, “Подъём” и др. Автор двух книг прозы: “Продавец книг” (2011) и “Срок” (2015). Живёт в Белгороде.

душно убеждали не ехать. Тем более, как нарочно, чуть ли не каждый день про Сирию стали сообщать в выпусках новостей. Боевики там резко активизировались сразу в нескольких провинциях и кое-где даже теснили армию.

В общем, все последние дни перед отлётом прошли в нервной атмосфере. Немного только успокаивало общение по “скайпу” с Айядом Еидом. Он говорил, что обстановка в Дамаске нормальная и опасаться нам особо нечего. И всё же, понятное дело, волнение не проходило...

Но отказаться от такой поездки я не мог. Просто не имел права! Что подразумевают обо мне сирийцы? Скажут, что русский писатель испугался?..

Вылет

Рейс в Сирию отправлялся в воскресенье 14 июня из столичного аэропорта Внуково, а вернуться в Москву мы должны были через неделю.

Наша делегация оказалась невелика – всего четыре человека. Возглавил её председатель Иностранной комиссии и секретарь правления Союза писателей России Олег Митрофанович Бавыкин. Также в неё вошёл заместитель главного редактора журнала “Наш современник”, замечательный публицист и мыслитель Александр Иванович Казинцев. Третьим был писатель и журналист из Вологды, постановщик уникальных народных праздников и хранитель деревенской культуры Анатолий Константинович Ехалов. Я же стал четвёртым “мушкетёром”, так сказать, д’Артаньяном (как самый молодой). Конечно, оказаться в одной команде с такими людьми было для меня весьма почётно. Одним словом, повезло...

Таможенный и пограничный контроль в аэропорту мы прошли без всяких затруднений. Проверявшая загранпаспорта совсем молоденькая девушка-прапорщик поинтересовалась целью поездки, на что Бавыкин ответил ей, что мы – делегация Союза писателей России.

Услышав это, девушка удивлённо спросила:

– А почему именно в Сирию?

Олег Митрофанович пожал плечами.

– Ну, пригласили туда.

Его ответ вызвал на лице юной пограничницы недоумение, но больше она уже ничего не спрашивала. Конечно, её можно было понять. Наверное, мы казались этой девушке не совсем нормальными. Добровольно лететь туда, откуда люди бегут!..

И вот, с часовой задержкой, мы поднялись в воздух, направляясь в тревожную неизвестность пылающего Ближнего Востока.

Перелёт длился пять часов, и всё это время висящие в салоне мониторы показывали нам, как проходит маршрут. Наш самолёт А-320 компании “Сирийские авиалинии”, обогнув Турцию, с которой у Сирии сложные отношения, пролетел над Ираном и уже над Ираком повернул на запад. Таким образом, в Сирию мы влетели над районами, захваченными боевиками так называемого Исламского государства.

Пожалуй, этот этап полёта был самым напряжённым. В голову упорно пробирались нехорошие мысли: “Мало ли что...”, “А если собьют?..”

Наконец, около одиннадцати вечера, мы благополучно приземлились в Дамаске, и пассажиры дружно зааплодировали экипажу. В аэропорту нас радушно встретил Айяд Еид со своими коллегами. Накануне вылета я общался с переводчиком по “скайпу”, но вживую, естественно, видел его впервые. Это высокий, подтянутый мужчина лет пятидесяти пяти, в очках и с аккуратными усиками. Его некогда чёрные волосы изрядно были тронуты сединой. Позже Айяд рассказал нам, что сам он христианин и женат на русской женщине, которую привёз сюда из Советского Союза. У них трое детей – дочь и два сына. Старшему из сыновей уже двадцать пять.

Сирийцы сами занялись оформлением наших документов, а мы в ожидании выдачи багажа посидели в “зале для важных персон”, где отведали по чашечке вкусного и ароматного арабского кофе и узнали, что нам предстоит завтра...

Пригородное шоссе, к нашему удивлению, в ночное время было освещено, и вокруг мелькали вполне мирные пейзажи. Но при въезде в Дамаск мы миновали несколько блокпостов, напомнивших, что в этой стране идёт война.

Только к половине первого ночи мы добрались до конечного пункта – роскошного 15-этажного отеля “Дама Роза”, в котором нас и поселили.

Первый день в Дамаске

Первое утро в столице Сирии показалось мне каким-то необыкновенным, пожалуй, даже немного волшебным. Встав в половине шестого, я сразу вышел на балкон и несколько минут любовался открывшимся мне с высоты пятого этажа видом. Почему-то вспомнились сказки “Тысяча и одна ночь”. Глядя на утренний Дамаск, который уже пробудился и кипел жизнью, я с трудом верил, что сейчас нахожусь здесь, в одном из самых древних городов на планете. Первые упоминания о Дамаске относятся к 2500 году до нашей эры, но археологические раскопки показывают, что люди жили здесь ещё за десять тысяч лет до того.

В полдень нас привезли на торжественные проводы на пенсию местных писателей, в которых участвовал лично министр культуры Сирии Исам Халиль. Здесь мы поняли, какое важное место занимает в этой стране литературное ремесло. Сирийские писатели получают неплохие зарплаты и пенсии, то есть имеют официальный статус. В России же такой профессии, как писатель, увы, не существует.

Затем мы ездили и гуляли по Дамаску, наблюдали и снимали жизнь на его улицах, восхищались красотой и архитектурой древних зданий и слушали пение муэдзинов на минаретах. Айяд Еид всюду сопровождал нас, взяв на себя роль экскурсовода и опекуна. Он рассказал нам, что в Сирии президента России Владимира Владимировича Путина уважительно называют “Абу Али”, что переводится как “Отец Али” и образно означает “достойный человек”.

Прохожие и продавцы магазинов, видя наши “неместные” лица, часто спрашивали:

– Руси?

На наш ответ, что мы из России, сирийцы приходили в восторг, улыбались нам, как лучшим друзьям, и пытались с нами говорить по-русски. Конечно, было очень приятно видеть такое доброжелательное отношение к нам и нашей стране.

Многие женщины и даже девочки в Дамаске ходят в хиджабах (традиционных исламских платках), а у некоторых вообще видны одни лишь глаза. Но зато эти глаза так сильно накрашены, что кажется, будто арабки таким образом стараются привлечь к себе внимание мужчин. Да, воистину, Восток – дело тонкое...

Впрочем, далеко не все сирийки носят хиджабы, есть и те, что одеваются вполне по-европейски. Вообще, эта страна до гражданской войны была светской и сильно тяготела к европейской культуре. Теперь же радикальные исламисты стремятся превратить Сирию в государство, где царили бы чуть ли не средневековые нравы.

На одной из площадей находились десятки сидящих на лавочках и на траве газонов бедно одетых людей (взрослых и детей). Айяд пояснил нам, что это беженцы, которые живут прямо здесь. Зрелище, конечно, невеселое.

Издали видели президентский дворец “Каср аш-Шааб” (“Дворец народа”), который расположен на горе Касьюн, возвышающейся над городом.

Зашли в мечеть Омейядов, для чего нам, согласно исламским традициям, пришлось разуться. Это одна из самых больших и старейших мечетей в мире. Во времена древнего Рима сооружение было храмом Юпитера, но построили его ещё раньше.

Возле мечети находится могила Саладина – великого арабского полководца и султана Сирии и Египта, жившего в XII веке и успешно воевавшего с крестоносцами. Правда, могилу мы так и не увидели, но зато видели павильон-гробницу, где, как утверждают сирийцы, хранится голова (либо только её часть) Иоанна Крестителя (Предтечи), почитаемого как христианами, так и мусульманами.

На площади возле мечети в это время проходил “праздник музыки”. Здесь собралась приличная толпа, слушавшая игру духового оркестра. Люди выглядели радостными, и казалось, что в Сирии вовсе нет никакой войны. Но среди зрителей было много военных.

А вечером, когда мы ужинали в отеле, где-то вдалеке начали раздаваться взрывы. Дамаск обстреливали...

Кстати, за ужином я впервые в жизни попробовал арак – анисовую водку, которая имеет крепость 52°, сладковатый вкус и резкий запах. Нет, всё-таки, наша родная русская водка гораздо приятней и привычней.

Пожалуй, первый день в Дамаске был для меня самым волнительным. Он подарил мне массу ярких впечатлений и положительных эмоций. Я узнал много нового для себя и интересного. Оказывается, с этим городом связаны многие библейские сюжеты. Так, например, через город протекает речка Барада, на берегу которой, по преданию, Бог слепил Адама из глины, взятой со дна. А в пещере горы Касьюн, которая возвышается над городом, Каин убил Авеля, и это было самое первое в истории человечества братоубийство. Кроме того, Апостол Павел принял христианскую веру, когда шёл в Дамаск.

Вообще, по сути, в Сирии и зародилось христианство. Тем не менее, примерно 85% сирийцев являются мусульманами, подавляющее большинство из которых – сунниты. Так уж сложилась история страны.

В этот день я выучил два слова на арабском: “мархаба” (“привет”) и “шукран” (“спасибо”). Перед сном, выйдя на балкон номера, я взволнованно произнёс:

– Мархаба, Сирия!..

Встречи

Погода в Сирии стояла вполне обычная для этого региона с субтропическим климатом и для местного июня. Днём температура поднималась до +35–36°C. Как сказал Айяд, летом здесь практически не бывает дождей. Правда, жару мы особо не ощущали, потому что по Дамаску постоянно дул свежий ветерок со стороны Средиземного моря.

Ежедневно мы встречались в Дамаске с разными официальными лицами, со своими коллегами по перу и с общественностью.

Первым делом, естественно, посетили Союз арабских писателей Сирии. Там нас встретили очень тепло и радушно, угостив арабским кофе. Президент Союза, профессор Дамасского университета Хусейн Джума сказал нам, что его страна ведёт справедливую борьбу с агрессией международного терроризма. За этой агрессией стоят главные враги Сирии: США, Англия и Франция, Катар, Саудовская Аравия и Турция. Кроме того, ещё ряд стран Ближневосточного региона стремится свергнуть президента Башара Асада. Это Иордания, Бахрейн, Марокко, Тунис и Объединённые Арабские Эмираты. Они помогают террористам всеми возможными способами: финансируют и обучают их, поставляют им оружие и наёмников, ведут против Сирии информационную войну. На страну, по сути, идёт мощное информационное давление, в котором задействованы 137 телеканалов. СМИ враждебных государств нагло и цинично врут о том, как живёт Сирия. Все события сильно искажаются. Но маленькая, двадцатимиллионная Сирия уже несколько лет мужественно сражается и не сдаётся. По словам Джумы, большинство сирийского народа поддерживает мудрую государственную политику своего лидера Башара Асада.

Политический же строй в Сирии можно назвать частично социалистическим. То есть правительство не препятствует малому и среднему бизнесу, но в то же время ограничивает большой капитал, что исключает появление олигархии. Именно в этой политике кроется одна из главных причин войны. Но, конечно, не менее важная причина – это нефть, приносящая во всём мире огромный доход. В сущности, из-за нефти и были свергнуты режимы Саддама Хусейна в Ираке и Муаммара Каддафи в Ливии. Видимо, пока в недрах нашей планеты есть нефть, в мире будут идти войны.

Кроме того, США сильно не нравится, что Асад не желает “плясать под их дудку”. Америке бесит независимая политика непокорного президента Сирии, который хочет дружить с нашей страной.

Ещё Хусейн Джума сравнил нынешнюю войну в Сирии с Великой Отечественной. Что ж, в чём-то он, пожалуй, прав. Поэтому сирийцы с особенной надеждой смотрят на Россию и верят, что наша страна окрепнет сама и поможет Сирии победить.

А ведь в Сирии, по сути, идёт война и за Россию, потому что если правительство Башара Асада будет свергнуто, то затем многие боевики могут оказаться на нашем Северном Кавказе...

После этого каждый из нас высказал слова поддержки сирийскому народу. Здесь я понял, какая большая ответственность лежит на нашей делегации. Ведь прилетев сюда, мы тем самым показали, что Союз писателей России разделяет позицию правительства Сирии, а значит, мы автоматически стали врагами США и его чудовищного порождения – Исламского государства.

А я от себя добавил, что мне особенно близко всё то, что происходит с Сирией, так как я родился в Донбассе, который сейчас подвергается агрессии со стороны армии другого жуткого детища американской политики – киевской хунты, возглавляемой олигархом Порошенко. Более того, часть моих родственников живёт в столице ДНР Донецке, а часть – на территории, занятой в данный момент ВСУ и батальонами украинских нацистов.

– Несомненно, Сирия и Украина – это звенья одной цепи, – согласился со мной Хусейн Джума. – Обе страны обязаны своими бедами США.

Тут же, в Союзе писателей, Аяяд Еид вручил мне свежий номер журнала “Научная литература”, где был опубликован (естественно, на арабском) мой мистический рассказ “Угрюмый ангел”. Это стало для меня приятной неожиданностью.

Затем нас повезли на приём к вице-президенту Сирии Наджах аль-Аттар. Эта 80-летняя женщина выглядит намного моложе своих лет и активно занимается политикой. Она тоже говорила о том, что Сирия противостоит агрессии. Мы, в свою очередь, сказали, что все прогрессивные люди России сочувствуют мужественному сирийскому народу и верят в его победу над врагами.

Позже мы посетили Дамасский университет, в котором обучаются около 40 тысяч студентов. В университете есть отделение гуманитарных наук, где изучается и русский язык. Мы увидели много молодёжи, жаждущей знаний, и это хорошо. Это значит, что воюющая страна думает о своём будущем.

А вечером мы побывали в Российском культурном центре. Его директор Вячеслав Овсянник любезно принял нас в своём кабинете. Он сказал нам, что когда мы шли сюда по улице, то миновали место, где днём взорвался снаряд, выпущенный боевиками по резиденции губернатора провинции Дамаск.

Бавыкин рассказал, что работал директором этого центра в последние годы СССР – с 1988 по 1991-й.

Следующий день мне запомнился встречей с министром культуры Сирии Исамом Халилем в его кабинете. Наша беседа длилась примерно полтора часа, и говорили мы об укреплении культурных связей между нашими странами.

– Культура выше политики, – произнёс Исам Халиль, и его фразу можно смело назвать крылатой.

К слову, наша поездка финансировалась министерством культуры Сирии и Союзом арабских писателей в Дамаске. Воюющая и истекающая кровью страна сумела найти средства, чтобы полностью оплатить наше пребывание на сирийской земле. Думаю, это говорит о многом.

Во время беседы я и Бавыкин рассказали Исаму Халилю о Белгороде и о том, что Белгородская область является одной из самых экономически и культурно развитых в России.

После этого нас вновь привезли в Союз писателей, где состоялся разговор с редакцией журнала “Литературная позиция”, опубликовавшего мои рассказы “Ильич” и “Дом”. Казинцев разъяснил суть политики “Нашего современника” – ведущего российского литературного журнала.

Сирийские писатели сказали, что стремятся расширять литературные связи со своими коллегами из России. Они хотят переводить на арабский язык и публиковать в Сирии наших современных писателей и ждут от российских переводчиков и издателей взаимности...

Вечером мы поехали в Джараману – пригородный район Дамаска. Там нас уже ждала местная интеллигенция. Мы отвечали на самые разные вопросы и высказывали своё отношение к тому, что происходит в Сирии и вообще в мире. А потом вместе с сирийцами мы пели русские песни “Катюша” и “Подмосковные вечера”.

Всё завершилось ужином в одном из ресторанов района. Кстати, этот ужин организовал молодой владелец издательства и сети книжных магазинов по имени Руслан. Он хорошо говорит по-русски, прекрасно образован. Во время ужина он сказал, что в Сирии идёт сразу пять войн: религиозная – между суннитами и остальными (алавитами, христианами и друзами); классовая; террористическая; региональная – за экономические интересы стран Ближнего Востока; и глобальная – между США и Россией. Так что Сирия, по сути, превратилась в клубок всех возможных противоречий, и клубок этот был умело зажжён...

Но самая важная встреча произошла на четвёртый день, в четверг. Мы посетили штаб-квартиру правящей партии “Баас” (Партия арабского социалистического возрождения), где нас принял у себя заместитель секретаря (то есть

самого президента Башара Асада) Хиляль Аль-Хиляль. О важности этой встречи говорило присутствие на ней телевидения и журналистов – её показывали по сирийским новостям и освещали в газетах.

Хиляль Аль-Хиляль заявил, что отношения между Россией и Сирией основаны на взаимоуважении и взаимопонимании и поэтому они всегда будут крепкими. Также он сказал, что политический режим в стране ориентирован, в первую очередь, на интересы простого народа. Поэтому Хиляль Аль-Хиляль уверен в скорой победе Сирии над врагами, которые стремятся раздробить и уничтожить страну.

Сирия, по его словам, в течение всей своей истории никогда не подчинялась чужой воле и всегда имела собственное мнение. Так будет и впредь.

Он высказал удивление по поводу того, что память 17 жертв террористических актов во Франции почтили лидеры 50 стран. В Сирии же много лет идёт война, унёсшая уже тысячи жизней, но почему-то ни один из этих глав государств не выразил сочувствия и возмущения, что говорит о лицемерии этих людей.

Естественно, мы полностью согласились с Хилялем Аль-Хилялем.

В этот же день, взяв с собой необходимые вещи, наша делегация покинула Дамаск...

Поездка в Тартус

Тартус – портовый город на берегу Средиземного моря с населением в 150 тысяч человек, большинство из которых алавиты. Находится он примерно в 250 километрах к северу-западу от Дамаска. Туда-то мы и направились в сопровождении писателя-переводчика Малека Сакура, так как Айяд Еид на два дня уехал по делам в Ливан.

По пути Сакур сообщил, что он держал в тайне от всех, во сколько мы выедем из Дамаска и по какой дороге поедем, так как опасался засады. По словам Сакура, слишком многие знали о предстоящей поездке, и кто-нибудь мог “слить” боевикам номера нашей машины, маршрут и время. Примелькался наш серый микроавтобус в Дамаске, обратили мы на себя внимание. Ведь о нас уже прошла информация по сирийскому телевидению и в газетах.

Его опасения были не беспочвенны, потому что до этого в засаду попала делегация писателей из Иордании. Никто не погиб только по счастливой случайности – писателей спасли пачки книг, сложенных в конце салона.

Кроме того, Сакур повёз нас по объездной, южной дороге, поскольку на северной буквально за день до того боевики обстреляли несколько машин, ранив четырёх человек.

Сначала ехали по автотрассе Дамаск–Хомс, которая проходит по живописным местам, вдоль невысокого горного хребта Каламун и среди пустынных долин с редкими зелёными оазисами. Периодически встречали армейские заставы: траншеи с укрепленными огневыми точками, вкопанную в землю бронетехнику, артиллерийские батареи. Дорога охраняется, потому что является стратегической, соединяя столицу с крупным промышленным центром. В некоторых районах территории, подконтрольные боевикам, находятся очень близко от этой трассы.

Проезжали селения и городки, сильно пострадавшие от войны, закрытые заправочные станции, владельцы которых были запуганы.

В пути нас обогнала небольшая военная колонна: два автобуса с бойцами сирийской армии и “пикап”, на котором между двумя бронешитами был установлен крупнокалиберный пулемёт. Такие машины часто показывают в новостях, приходящих из этого региона. Они получили у боевиков название “джихад-мобили”.

Да, поездка определённо была рискованной, но зато мы повидали красивые места и уникальные исторические памятники, и ради этого, пожалуй, стоило рискнуть. Так, по дороге Хомс–Тартус, мы заехали в крепость “Крак де Шевалье” (“Крепость всадников”), которая потрясает своим величием. Это одна из наиболее сохранившихся в мире крепостей крестоносцев Ордена госпитальеров. В XI веке ею владели курды, но в 1099 году, во время Первого крестового похода, крепость захватил Раймунд IV, граф Тулузский. Крестоносцы достроили “Крак де Шевалье”, и она превратилась в неприступную твердыню.

Крепость действительно впечатляет своими размерами, толстыми стенами и мощными башнями. Она состоит из двух частей, разделённых рвом

с водой. С её стен и смотровых площадок открывается прекрасный обзор окрестностей. Кстати, в 2003 году именно здесь снимался российский телесериал “Баязет” по одноимённому роману Валентина Пикуля, хотя действие в нём происходит на Кавказе.

Мы бродили по коридорам и дворам крепости около часа, и всё это время меня не покидало особенное ликование. Ещё бы, ведь здесь каждый камень пропитан древностью и историей. Я даже пытался представить себя одним из обитавших здесь девять веков назад крестоносцев. Видимо, на меня подействовала мощная аура этого грандиозного сооружения.

Когда в Сирии запыхала гражданская война, “Крак де Шевалье” захватили боевики, и жители близлежащего городка (мусульмане-сунниты) поддерживали их. А в марте 2014 года сирийская армия отбила крепость, и местное население бежало в Ливан.

Мы видели этот разрушенный городок – ни одного уцелевшего дома...

Сразу по приезду в Тартус (было уже шесть вечера) нас ожидала дружеская встреча с местной интеллигенцией в городском Центре культуры, директор которого – молодая и очень симпатичная поэтесса по имени Линда. Вход в Центр охранял улыбчивый парень с автоматом Калашникова.

На этой встрече мы познакомились с доктором технических наук Мохаммедом Арусом и психологом и переводчиком Ибрагимом Истанбули (оба неплохо говорят по-русски), и они пригласили нас на следующий день к себе в гости...

В Тартусе мы жили в отеле, название которого переводится как “Сокол”. С балкона номера открывался чудесный вид на берег Средиземного моря. Слава Богу, здесь не было обстрелов, и мы чувствовали себя, как на курорте. К тому же присутствие в этом городе российской военно-морской базы придавало нам уверенности.

Кстати, Тартус – более светский город, чем Дамаск. Женщины в хиджабах на его улицах встречаются гораздо реже.

А потом был единственный за всю неделю день отдыха, без всяких официальных встреч. С утра пораньше мы втроём, кроме Казинцева, съездили на городской пляж и искупались в Средиземном море. Посмотрели, как местные рыбаки ловят сетями рыбу. Правда, улов был совсем слабеньким: маленькая акулка, такой же скат, сардина размером с ладонь и жменя крохотных рыбёшек. Самой крупной была рыба длиной сантиметров тридцать, которую рыбаки называли “бури”. Оказалось, что это кефаль.

После завтрака Малек Сакур и Мохаммед Арус повезли нас в Сафиту – небольшой городок, населённый преимущественно христианами. Над этим городком, на горе, возвышается средневековый бастион Кастель-Блан (“Белая Башня”) высотой 27 метров. Первый этаж бастиона занимает греческая православная церковь, внутри которой для удобства прихожан стоят скамейки.

С крыши этого сооружения открывается удивительный вид на Сафиту и на долину, в которой находится городок. Красотища! Бескрайние плантации оливковых деревьев, выстроившихся стройными рядами, создают впечатление, что Сирия – страна оливок. А ведь так оно и есть на самом деле – чёрные и зелёные оливки всегда присутствуют в изобилии на шведских столах отелей. Кроме того, здесь растут мандарины и гранаты, виноград и прочие фрукты. Воистину райское место! Если бы не война, здесь могли бы быть курорты, ничем не хуже турецких или египетских.

Затем мы побывали на даче Мохаммеда Аруса и познакомились с его семьёй. Жена у Аруса русская, и жена его шурина тоже русская. Все родственники дома общаются только на русском языке – даже шестилетний внук профессора. Арус, который учился в Советском Союзе, сказал нам, что он объездил почти весь мир и уверен – самые душевные и открытые, самые лучшие – это русские, советские люди. Слышать такое, конечно же, было очень приятно.

Вечером мы заехали в элитный посёлок на берегу моря и погостили у Ибрагима Истанбули, который, как и Арус, выставил на стол отменный домашний арак. В тот вечер небо заволочли тучи, что было удивительно, ведь летом здесь дожди крайне редки.

Следующим утром мы покинули Тартус и отправились обратно в Дамаск, хотя, честно говоря, ехать той же дорогой нам не очень хотелось. А когда мы выезжали из Тартуса, начался сильный ливень, ничем не отличающийся от наших российских. Похоже, это мы привезли его с собой из России...

“Шейх дорог”

Хочу отдельно рассказать о человеке, который всю неделю самоотверженно возил нас по Сирии.

Это начальник гаража Союза писателей, пожилой темнокожий араб с седой бородкой по имени Хасан.

В первый же день мы были буквально потрясены тем, как он водит машину. Надо отметить, что движение в Дамаске очень интенсивное, напоминает московское. Все едут, практически не соблюдая никаких правил: на красный свет, пересекая сплошные линии, по обочине. Так вот, Хасан умудрялся проезжать любые автомобильные пробки, а один раз даже проехал навстречу движению по плотно забитой дороге. Это был самый настоящий цирковой номер!

Но что самое удивительное, Хасана всюду пропускали и приветствовали, как будто весь Дамаск его знает. На перекрёстках сирийские “гаишники” тоже улыбались ему, махали рукой и что-то кричали.

Олег Митрофанович Бавыкин под впечатлением увиденного придумал Хасану прозвище “Шейх дорог”, и мы его между собой так и называли.

Везде на блокпостах, предъявляя специальный пропуск, он обращался к военным и ополченцам не то в шутку, не то всерьёз:

– Здравствуй, красавчик!..

Сам он родом из какого-то йеменского племени. У него семеро детей, а у его отца было целых тридцать детей от семи жён! Хасан сказал нам, что знает своё родовое древо аж на тысячу лет, чем сильно гордится.

Но есть у него своя драматическая история войны... Раньше Хасан жил в городе Хомс, но когда в Сирии началась смута, пришли бандиты и отобрали у Хасана квартиру, а затем предложили ему выкупить у них свою же мебель. Хорошо ещё, что не убили.

Вообще “Шейх дорог” – истинный мусульманин. Когда начался священный месяц Рамадан, Хасан неукоснительно соблюдал пост, запрещающий мусульманам до захода солнца не только есть, но даже и пить воду. В то время, как мы ели и пили в гостях, Хасан сидел в сторонке хмурый и молчаливый, и на него было жалко смотреть.

Вот такой он, “Шейх дорог” – сильный, волевой и добродушный человек. Желаю ему удачи и всех благ...

Маалюля

Нам необычайно повезло – мы побывали в Маалюле, святыне сирийских христиан. Это небольшое горное селение, жители которого говорят на одном из древних арамейских языков, почти не сохранившихся в наши дни. Само название селения переводится с арамейского как “Высокое место”.

В Маалюле находятся две достопримечательности: католический монастырь святых Сергия и Вакха и женский православный монастырь Святой первомученицы Фёклы Равноапостольной, ученицы самого Апостола Павла. По легенде, в этом месте произошло чудо – когда Фёклу, которой к тому времени было уже 90 лет, преследовали языческие жрецы, намереваясь убить её, святая обратилась к Христу, моля его о спасении. И тогда перед ней раздвинулась гора, которая, пропустив Фёклу, затем закрыла её от врагов. Над пещерой, где умерла святая, и был возведён монастырь...

В конце 2013 года селение захватили боевики группировки Джебхат ан-Нусра. В монастырях бандиты устроили погромы и пожары, сломав или ukrav многие иконы и церковную утварь. Монахини и послушницы монастыря Святой Фёклы, вместе с игуменьей Пелагией, были захвачены и пробыли в плену более трёх месяцев, но потом их выкупили сирийские и ливанские спецслужбы...

Заехать в Маалюлю Бавыкин предлагал ещё по пути из Дамаска в Тартус, но Малек Сакур наотрез отказался, сказав, что это может быть опасно. Хотя боевиков и выбили из Маалюли несколько месяцев назад, по словам Сакура, в окрестных горах очень много пещер, и не исключено, что там ещё скрываются недобитки.

На обратном же пути нас никто не сопровождал, и Олег Митрофанович, взяв на себя командование, попросил Хасана свернуть в Маалюлю.

На повороте в селение нашу машину остановили на блокпосту, и Бавыкин долго уговаривал старшего офицера пропустить нас. В итоге офицер позволил какому-то генералу, и тот, после телефонного разговора с Олегом Митро-

фановичем, разрешил нам проехать. Более того, нам выделили трёх сопровождающих: лейтенанта и двух ополченцев.

И вот – свершилось! Мы оказались в Маалюле!..

Побывав в обоих монастырях, мы воочию увидели там последствия страшного варварства: закопчённые стены и потолки церквей, сломанные иконы и пустые ниши иконостасов. Сейчас монастыри постепенно восстанавливаются после погромов, но на полный ремонт пока не хватает денег.

К сожалению, во время нашего визита монахинь и игуменьи, которую Бавыкин знает лично, в монастыре не было. Как нам сказали, их держат где-то в другом месте и скоро сюда привезут.

Зато в монастыре Святой Фёклы сириец-сторож, который также занимался ремонтом, поведал нам необычную историю. По его словам, когда в святую обитель ворвались боевики, произошло чудо. Самые древние и ценные иконы по необъяснимой причине попали на пол и таким образом уцелели. Бандиты не поняли, что топчут дороге святыни, приняв их за доски и хлам. Такое вот случилось чудо, которое вряд ли можно объяснить простой случайностью.

Само селение тоже сильно пострадало от войны – всюду виднелись разрушенные дома. Таким образом, пребывание в Маалюле стало для нас как радостным, так и грустным событием. И всё же здешние красоты произвели на меня незабываемые впечатления. . .

Мир и война

Конечно, сирийцы устали от войны и мечтают о нормальной, мирной жизни. Четыре года кровопролития – это не шутка. . . И всё же жизнь в Сирии идёт своим чередом. Люди за годы войны не разучились радоваться и смеяться. Они влюбляются и женятся, растят детей и строят планы на будущее. Они не забыли свою родную культуру, и это верный признак стойкости духа народа. Вообще я думаю, что народ, который даже в самую лихую годину думает о культуре, уже на полпути к победе. Такой народ нельзя сломить.

Мы видели новостройки в Дамаске, и это хорошая примета. Там даже строятся новые отели, а это значит, что руководство Сирии уверено в скором возрождении своей страны. Дай Бог, чтобы эти отели были полны туристов и тех, кто приехал сюда с деловой целью.

Но пока что в Сирии продолжается война, и её близость мы ощущали каждый день. Помимо блокпостов, противотанковых ежей (точнее, они больше предназначены для защиты от машин смертников) и бетонных заграждений по всему Дамаску, о войне напоминали ежедневные обстрелы города, которые обычно происходили вечером.

Особенно сильный обстрел был на второй день. Сначала один взрыв мы слышали во время обеда, и позже выяснилось, что снаряд угодил в резиденцию губернатора провинции Дамаск, мимо которой мы вечером проходили.

Ужин же вообще проходил под настоящую канонаду. Мы сидели во дворе ресторана отеля, рядом с нами звучала страстная латиноамериканская музыка, а в стороне один за другим раздавались взрывы. Причём они становились всё громче и громче, явно приближаясь к нам. Даже официанты, привычные к таким обстрелам, в какой-то момент стали с тревогой вглядываться в гремящую темноту.

Пока мы ужинали, насчитали около полутора десятков взрывов. Ночью тоже периодически где-то бухало. Как мы узнали на следующий день, самолёт сирийской армии “накрыл” позицию боевиков, с которой они вели обстрел города.

Да, Сирии сейчас очень нелегко, но каждый день пребывания в этой стране всё больше вселял в нас уверенность, что сирийцы выстоят. В Тартусе мы видели висящие на стенах домов и на бетонных оградах фотопортреты погибших солдат и офицеров сирийской армии и бойцов ополчения. Они отдали свои жизни за то, чтобы их родная страна была независимой и процветающей, и память о них живёт в сердцах сирийцев. Как нам сказал Малек Сакур, это и есть настоящие шахиды, то есть те, кто погиб на войне за родину, веру, честь и семью.

А ещё мы видели юношей и девушек, стоящих с автоматами на блокпостах. Они тоже готовы погибнуть за счастье родной страны. Сирия не сдаётся, Сирия сражается! Побывав там, я теперь твёрдо убеждён, что она победит, как победил в Великой Отечественной войне Советский Союз.

И вот что я хочу сказать ещё. Здесь, в этой воюющей стране, вдали от России, я вдруг лучше понял своё отношение к ней и разобрался со многими сомнениями. Произошло, так сказать, упорядочение мыслей и чувств. Только здесь я до конца осознал, насколько мне дорога моя Родина, насколько она для меня значима. Я по-настоящему начал гордиться тем, что я живу в России и что я русский человек. Спасибо за это сирийцам!..

Обратный вылет задержался почти на полдня. Не знаю, что именно было тому причиной, возможно, военные действия. Наконец, самолёт взлетел, увозя нас на Родину, по которой все мы успели изрядно соскучиться.

Мы пробыли в Сирии всего лишь неделю. Конечно, этого времени недостаточно, чтобы хорошо узнать страну. Кроме того, из-за войны там сейчас недоступны многие исторические памятники и красивые места. Но за время поездки я понял главное – между нами и сирийцами очень много общего. Так, например, мы узнали, что 36000 сирийцев окончили вузы СССР и России, и чуть ли не каждый четвёртый сирийский студент вернулся с русской женой. Так что в Сирии всюду ощущается сильное влияние русской культуры, и мы неоднократно в этом убеждались. Сирия была и по-прежнему остаётся главным союзником России на Ближнем Востоке. Сирийцы верят в нас, и предать эту их веру мы не имеем права! Россия не должна бросить Сирию в беде, как поступил президент Ельцин с Югославией!

От всей души желаю Сирии мира и процветания и надеюсь, что когда-нибудь ещё раз побываю здесь, чтобы сказать:

– Мархаба, Сирия!

Я верю, что это будет уже совсем другая страна...

Послесловие

26 мая 2017 года в Национальном центре управления обороной Российской Федерации (г. Москва) прошло награждение членов Союза писателей России, побывавших в июне 2015 года в Сирийской Арабской Республике: Бавыкина Олега Митрофановича, Ехалова Анатолия Константиновича, Казинцева Александра Ивановича и Малькова Виталия Олеговича.

Приказом министра обороны от 23 марта 2017 года писатели награждены медалями “За укрепление боевого содружества”. Медали вручил начальник Национального центра управления обороной РФ генерал-полковник Мизинцев Михаил Евгеньевич. Награждение проходило в присутствии генералов и офицеров вооружённых сил РФ.

ПЁТР ТКАЧЕНКО

ЧТО БЫЛО ВПЕРЕДИ?

Тридцать лет назад был опубликован роман Василия Белова “Всё впереди” (“Наш современник”, № 7, 8, 1986; “Роман-газета”, № 6, 1987). Теперь, по прошествии времени и ввиду свершившихся событий – происшедшей в России новой, очередной, на этот раз “либерально-демократической” революции – можно уверенно сказать о том, что роман этот занимает особое место в русской литературе второй половины XX века и в русской литературе в целом, в её непрерывном временном развитии. Занимает он особое место и в творческом наследии выдающегося писателя.

Прежде всего, это роман *мировоззренческий* и даже *идеологический*. А значит, и должен быть оценён именно с этой точки зрения. Роман с претензией на предсказание будущего, что было замечено даже его непримиримыми критиками, точнее – его отрицателями. Это и определило его читательскую судьбу.

А потому не только юбилей романа Василия Белова “Всё впереди” явился поводом и причиной снова обратиться к нему, но и то обстоятельство, что предсказанное в нём сбылось: в России произошла очередная революция, причины и, скажем так, “механика” которой и были представлены в романе. Воплощён тип сознания людей, получивший преобладание в обществе, непременно приводящий к социальному нестроению и революционному анархизму.

Кроме того, Василий Белов в своём романе коснулся извечного противоборства *цивилизации и культуры*. И только России присущего, нигде более в таком виде не встречающегося соотношения народа и интеллигенции, конфликта между ними. Автор романа “Всё впереди” изобразил новую интеллигенцию, так называемых “шестидесятников”, которые потеснили, можно сказать, пришли на смену “советской интеллигенции” как образованной части общества. Это же была идеологически озабоченная, революционно настроенная, переполненная критицизмом к власти, государству и народу часть интеллигенции, дерзнувшая на мировоззренческое и идеологическое водительство народа помимо государства.

По сути, эта часть интеллигенции вернулась к своей прежней дореволюционной природе, когда их предшественники подготовили и совершили революцию начала XX века. Она вернулась к своему феномену, не встречающемуся в других странах и обществах. Ведь “говоря о русской интеллигенции, мы имеем дело с единственным, неповторимым явлением истории... Как известно, это слово, то есть понятие, обозначаемое им, существует лишь в нашем языке” (Г. Федотов). И она, эта интеллигенция, опять превратилась в “особого рода соединение”, которое вступило в весьма знаменательные “отношения с “народом”, со “стихией”, именно – отношения борьбы (А. Блок). Но почему

произошло такое перерождение интеллигенции в “шестидесятничество”? Ведь “революционная Россия изжила противоположение интеллигенции и народа. Правда, в значительной мере ценой уничтожения интеллигенции” (Г. Федотов).

Такое перерождение интеллигенции в советский период истории стало возможным потому, что в обществе нашем к тому времени сложилось уникальное положение, когда реально происходившие духовно-мировоззренческие и социальные процессы не соответствовали их идеологическому обеспечению. Образовался, по сути, вакуум идеологии, брешь, в которую хлынули обломки былых и случайных воззрений... Идеологическая дорожка к новой революции, либерально-демократической, буржуазной, была протоптана. Что было впереди? Впереди была новая, очередная революция в России. Так можно понять название романа Василия Белова “Всё впереди”.

В своём романе писатель и представил то, какую систему ценностей предлагала эта часть радикально настроенной интеллигенции. То есть Василий Белов коснулся проблем, со всем трагизмом обнажающихся в революционные периоды нашей многотрудной истории. Ведь ко времени выхода романа в свет в нашем обществе была уже провозглашена “революционная перестройка”. Именно революционная... Иными словами, была предпринята революция сверху. Хотя декларировалось всё происходящее как реставрация. И тут был сокрыт главный обман творцов новой революции нашего времени. Ведь реставрационные процессы в нашем обществе в смысле создания нового типа государственности начались где-то с 1934 года, но никак не в 1991–1993 годы.

Но новая революция была представлена как реставрация, то есть как якобы установление справедливости, порушенной революционной катастрофой начала XX века, семьдесят лет назад, в 1917 году... Произошла отмена коммунистической идеологии, но сопровождалась она революционным, “чёрным” переделом собственности и возвращением к варварству классового буржуазного общества с его социал-дарвинизмом, звериным “естественным отбором”. И в то же время декларировался якобы выход из советского “тупика” с его семидесятилетним “падением” и возвращением к “исторической России”. Такая мировоззренческая невнятица вызывала полную протрацию в умах и душах людей, родившихся, выросших и состоявшихся в советский период истории. Впрочем, эта идеологическая манипуляция в “демократической” революции нашего времени требует более пристального анализа. Мы же касаемся её лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания романа Василия Белова “Всё впереди”.

Это роман о том, как и почему люди, являющиеся продуктом советского образа жизни, доставшегося нам такой дорогой ценой, не приспособленные жить ни в каких иных условиях, кроме этих, оказались неистовыми, непримиримыми противниками этого образа жизни. Но тут нет ничего нового. Это вытекает из самой природы всякой революции, которая является не столько социальным феноменом, сколько духовно-мировоззренческим, психологическим и даже психическим. Во всякой революции в результате духовного насилия люди впадают в невменяемость: “Что делать, ведь каждый старался свой собственный дом отравить” (А. Блок).

Роман Василия Белова “Всё впереди” был встречен не критикой даже, а почти единодушным неприятием и отрицанием. Трудно, в самом деле, принять за литературную критику то, что вменялось в “вину” писателю. Скорее, творцы “демократической” революции нашего времени узнали себя в этом романе, и их пишущая обслуга повела с ним беспощадную борьбу.

Это был целый вал статей, удивительно однообразных, с предельной критикой не только романа, но и самого писателя. Причём авторы этих статей были исключительно либерал-революционных воззрений. Кажется, только статья Вячеслава Горбачёва “Что впереди?” противостояла этому какому-то самодовольному и разнузданному критиканству. (“Роман-газета”, № 7, 8, 1986; “Молодая гвардия”, № 3, 1987). Становилось совершенно ясно, что такой тип сознания – либеральный и революционный – получил в нашем обществе к тому времени абсолютное преобладание. Но как теперь припоминается, не верилось в то, что это может привести к столь печальным, даже трагическим последствиям. Причём не верилось всем. И, как видно по всему, прежде всего, этим самонадеянным критикам романа “Всё впереди”.

Но зададимся вопросом: а ново ли это для такого рода мировоззренческих, пророческих романов? Не только не ново, а можно сказать, абсолютно

неизбежно. Припомним, что уже роман “Некуда” Н. Лескова крайне не понравился либеральной общественности из-за своего “направления”. Д. Писарев поставил Н. Лескова в ряд “свирепых истребителей будущего”. Но примечательно ведь, что прозрение будущего, того, что впереди, названо его противоположностью — “истреблением будущего”... Был ведь ещё у Н. Лескова пророческий роман “На ножах”. Однако писателю так и не простили его пророчеств. Либеральный сыск оказался для него пострашнее всякого иного. До такой степени, что Н. Лесков, в творчестве которого “был слышен голос народной России”, и до сих пор остаётся, по сути, “прозёванным гением”, хотя М. Горький ставил его рядом с Л. Толстым и Ф. Достоевским.

По сути, то же произошло на наших глазах и с романом Василия Белова. Начали, кажется, сразу с “тяжёлой артиллерии”, с выступления заведующего кафедрой теории литературы МГУ П. А. Николаева на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук. Вооружённый, разумеется, “передовой” теорией, заведующий кафедрой обвинял писателя в некомпетентности в рассуждениях “о таких понятиях, как цивилизация и культура, интеллигенция, нравственность, христианство, город и деревня”: “А ведь это чревато творческими поражениями (среди них я бы назвал роман “Всё впереди” В. Белова, только что опубликованный журналом “Наш современник”). Нашим писателям-деревенщикам не следует слишком торопливо судить о городе. Конечно, из деревенской избы видно многое, но не всё” (“Московская правда”, 4 октября 1986).

Почему Василий Белов, с юности и по образу жизни, и в творчестве являющийся городским жителем, теоретика литературы представлялся в “деревенской избе”? Да потому, что лучшая часть отечественной прозы была обозвана “деревенской”, сельской и якобы ниже рангом, чем вся остальная, “решающая проблемы”. А лучшая поэзия обозвана “тихой лирикой”, не в пример “эстрадной” поэзии, не удержавшейся ни на площадях, ни в душах...

Словом, писателю отказано в праве размышлять о том, что дозволено лишь избранным, стоящим на страже “скинии откровения”...

“Городских людей, московских жителей, попытался написать Василий Белов в романе “Всё впереди”... Трудно узнать тут Белова, признанного мастера литературы, прекрасно разрабатывающего “деревенскую” тему” (“Странная литература”, Ольга Кучкина, “Правда”, 2 ноября 1986). И опять-таки, как аргумент, как высший довод выдвигается принадлежность писателя к “деревенской” теме. Забавляет ирония критикессы о “наличии дьявола” в романе. Того, что персонажи его говорят о дьяволе. Что тут скажешь? Это диковинное племя, отрицающее духовную природу человека, для кого он лишь “материальная скотина” (Н. Гоголь), не ведает ни о Боге, ни о дьяволе.

Прямо-таки писатель якобы изменил самому себе, обратившись к городской теме. Не станешь же признавать, что это роман мировоззренческий и идеологический, даже если автор его — “писатель-деревенщик”. А потому и обозвано его семейно-бытовым, городским. Да к тому же он явно отличается от всего, созданного писателем ранее. А значит, роман “не удался”. “Роман “Всё впереди” В. Белова к удачам этого талантливого писателя не отнесёшь, даже если очень того захочешь” (Ю. Суровцев, “Огонёк”, № 11, 1987). Какое там “хотение” при столь всеобщем негодовании на писателя, дерзнувшего, посмеявшегося изображать “дичающую” интеллигенцию, ведущую людей туда, где никого ничего хорошего не ждёт. В том числе и эту интеллигенцию, точнее — “интеллигентшину” (Н. Бердяев).

Василий Белов, “как это уже знают все” (примечательный аргумент!), “сделал назад не шаг и даже не два, а ещё больше” (Дмитрий Иванов, “Огонёк”, № 2, 1987).

“И это — Белов? Таким вопросом задаёшься почти на каждой странице его последнего романа. Неужели это он, Василий Белов, признанный мастер языка, замечательный художник, одним существованием которого гордилась — и не без оснований — наша словесность, неужели он написал это?” (“Вопросы литературы”, № 9, 1987). И уже не текст анализировал критик, а выносил приговор самому писателю: “смута, чёрные, нечистые чувства овладевают душой писателя”.

“Да что же это такое? В чём тут дело?” — весь этот гвалт вокруг романа “Всё впереди” — мог бы спросить простодушный и доверчивый читатель. А. Мальгин это “откровенно” объяснил. Оказывается, один из персонажей

романа Миша Бриш – не того, как следовало бы, роду-племени... И новейший идеолог от литературы разразился демагогической, дежурной для такого рода суждений тирадой, разумеется, не имеющей никакого отношения к тексту романа “Всё впереди” уже хотя потому, что ничего подобного в романе нет: “Скажу откровенно, называя вещи своими именами: мне, русскому человеку, стыдно, горько было читать те страницы романа, на которых когда намёками, а когда и впрямую поощряется национальное высокомерие, утверждается рознь между представителями разных народов и народностей нашей страны. Нет, никогда не сеяла великая русская литература рознь между народами, никогда не играла на тёмных инстинктах читателя, никогда не унижала представителей других национальностей. Подлинный патриотизм не имеет ничего общего с шовинистической спесью...” (“Вопросы литературы”, № 9, 1987).

И с угрозой, что, дескать, о русском “шовинизме” – “такой разговор ещё впереди”... Печально, что эту русофобскую демагогию разделил журнал “Вопросы литературы”, претендовавший на некоторую академичность, в приписке “От редакции”: “Что касается статьи А. Мальгина, то надо прямо сказать: редакция разделяет общую оценку критика и считает этот роман явной творческой неудачей одного из наших ведущих прозаиков”.

Такими ещё совсем недавно были литературные нравы. Теперь, когда никакие обсуждения литературы невозможны по причине того, что литература изъята из общественного сознания, когда вместо литературно-художественного процесса в наличии премиально-фуршетный дурман, и писатели с ног сбились, сшибая гранты и премии, невольно думаешь о том, что, может быть, и лучше, что подобная демагогия не отравляет души образованной части общества, следившего за литературой и её обсуждениями...

Ну, писала же вполне серьёзно “прогрессистка” Наталья Иванова о романе Василия Белова, что “сама авторская позиция носит в романе черты мещанской растерянности перед движением времени” (“Знамя”, № 1, 1987). Каким оказалось это “движение времени”, теперь уже вполне ясно. Очередная трагедия крушения страны и общества, исход которой ещё не вполне ясен, оказалась далеко не оптимистической... Да и могло ли быть иначе, если идеологическое обеспечение нового потрясения строилось на обмане – откровенная апология революции выдавалась за *эволюцию*. Ведь предлагались не реформы, и уж тем более не новое, демократическое обустройство государства, а *слом народной идентичности*, перековка человека, столь памятная по предшествующей революции начала XX века: “Слом традиций привычного образа жизни... Россия сегодня имеет уникальный шанс сменить свою социальную, экономическую, в конечном итоге, историческую ориентацию, стать республикой “западного” типа” (Егор Гайдар. “Государство и эволюция”, М., Евразия, 1995). Неужто это – *эволюция*, а не *революция*?..

Да, роман “Всё впереди” непривычен для писателя. Во всяком случае, он явно выбивается по своему стилю из ряда его предшествующих произведений. Но это не даёт никаких оснований считать его неудавшимся, как почти в один голос твердили его критики. Это общее свойство таких мировоззренческих, идеологических романов, в которых изобразительность, “объективированность” уступает место их “философичности”. Ф. Достоевский отмечал, что в его романе “Бесы” тенденция преобладает над художественностью. А потому общее свойство такого рода романов выставлять в качестве их недостатка просто несправедливо.

Даже название своему роману “Всё впереди” Василий Белов взял из романа “На ножах”. Именно так называется одна из главок в романе Николая Лескова. Казалось бы, непримиримые и неистовые ниспровергатели романа В. Белова “Всё впереди” должны были бы скорее упрекать писателя в том, что он слишком уж покорно следует за классиком, чем уверять читателей в том, что писатель в своём романе якобы потерпел неудачу. Есть и другие переключки Н. Лескова и В. Белова. Можно даже сказать, что роман “Всё впереди” написан как бы с оглядкой на роман “На ножах”. Но это как раз и не было замечено. А это значит, что в романе “Всё впереди” было нечто такое для критиков неприемлемое, что они напрочь отвергли его без всякого анализа с точки зрения литературной традиции. *Бесы и духи эволюции*, действительно, узнали себя в этом романе и повели с ним непримиримую борьбу как с якобы консервативным, только мешающим торжеству их “передовых”

и “прогрессивных” идей, которые таковыми, как теперь уже совершенно ясно, не являлись.

В самом деле, в романе “Всё впереди” есть такие и сюжетные, и смысловые переключки с романом “На ножах”, которые уж никак нельзя считать случайными. Скорее всего, Василий Белов тем самым указывал на то, какой именно традиции в русской литературе в данном случае он придерживается, — традиции мировоззренческого, идеологического, социального романа, которая с наибольшей силой и невероятной прозорливостью сказалась в творчестве Н. Лескова и Ф. Достоевского.

И само это понятие — “всё впереди” — несколько неопределённый, романтический порыв в неведомое будущее как уход от прошлого и неумение жить настоящим, и в романе “На ножах”, и в романе “Всё впереди” связано с женщинами.

В романе В. Белова это Люба Медведева, учительница музыки одной из московских школ, которая “всегда жила завтрашним, вернее, послезавтрашним днём, думая только о будущем, не замечая настоящего и совсем не вспоминая о прошлом”. Не обременённая ни прошлым, ни настоящим, погружённая в романтическую мечтательность, она, естественно, считала, что самое прекрасное у неё впереди. В романе Н. Лескова это Лариса Платоновна Висленева: “Вся жизнь Ларисы ещё впереди”.

В романе “Всё впереди” как некое видение появляется белая лошадь. Наркологу Иванову она показалась *цыганской*: “Увидел белую, скорее всего, цыганскую лошадь”. Такое определение можно понять как некую неприкаянность. И этот образ, это видение лошади связано с Любей Медведевой.

В романе “На ножах” “Ларка роковая” сравнивается с лошадью *калмыцкой*: “Её, как калмыцкую лошадь, один калмык переупрямит”.

Поразительно, что как в романе “На ножах”, так и в романе “Всё впереди” есть похожая неприглядная интрига. Бодростина говорит Горданову, подбивая его соблазнить Ларису Висленеву: “Ударь за Ларой — она красавица и, будь я мужчина, я бы сама её в себя влюбила.

— Потом?

— Потом, конечно, соблазни её, а если не её — Синтянину или обеих вместе — это ещё лучше! Вот ты тогда здесь нарасхват!”

В романе “Всё впереди” Миша Бриш, одноклассник Любы Медведевой, а потом её второй муж, после того, как Медведев попал в тюрьму за халатность, допущенную в научном эксперименте, подбивает своего друга Аркадия соблазнить свою будущую жену:

— Если бы ты наставил рога этому жлобу Медведеву, я бы только приветствовал, — сказал Михаил Бриш. — Но это исключено.

— Хочешь пари? — ответил весело голос.

— Говорю тебе, ты проиграешь. А что ставишь?

— Бутылку лучшего виски.

— Я согласен на “Белую лошадь”.

Примечательные сюжетные совпадения в романах, говорящие о том, что они находятся в единой литературной традиции. А потому вовсе не случайно упоминание о “шестидесятничестве” в романе “На ножах”. В исповеди Александры Синтяниной: “Попала под колёса обстоятельств, накативших на моё отечество в начале шестидесятых годов... Без всякого призвания в политике я принуждена была сыграть роль в событиях политического характера”.

В этих романах, отстоящих друг от друга так далеко во времени, представлен тот тип сознания, та система ценностей, какую люди принимают в своё оправдание, тот образ жизни, который неизбежно приводит к революционному анархизму. В том и в другом случае — это средство показать то, что “полоса смятений на Руси ещё не прошла: она может быть, только едва в начале” (Н. Лесков).

Как в романе “На ножах”, так и в романе “Всё впереди” является Париж, эта родина переворотов и революций. Является как некое безусловное мерило, как испытание и проверка человека на духовный стоицизм.

В романе В. Белова Люба Медведева отправляется в туристическую поездку во французскую столицу. Париж в её душе живёт в расхожем, романтически-мечтательном смысле, свойственном натурам неглубоким и несамостоятельным: “И так радостно билось сердце: Париж! Город, о котором столько сказано и написано всеми людьми земли. И это её, Любу Медведеву, ждёт

удивительная, теперь уж такая близкая встреча с Парижем. Неужели это не сон?”

Потому-то она стыдится своего, родного: “За границей Любе всё время было стыдно. Ей казалось, что на них оглядываются, что москвичи многое делают невпопад. Она то и дело краснела”. Это психология лакея Яши из “Вишневого сада” А. Чехова: “Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость. Здесь мне оставаться положительно невозможно... Сами видите, страна необразованная, народ безнравственный... Насмотрелся на невежество – будет с меня”.

Поездкой в Париж и поверяется истинная натура Любы Медведевой: “Поездка за границу только проявила её всегдашние, коренные свойства. Обычная заурядная баба...”

В романе “На ножах” нет романтически-мечтательного восприятия Парижа, свойственного временам последующим. Но есть констатация его беспощадной экспансии: “Париж играет, а Петербург пляшет под звуки волшебной флейты”. Но не только в таком значении предстаёт он в романе, но и в более глубинном, как извечное соотношение *цивилизации и культуры*, причём, в довольно неожиданном ракурсе:

“– Наплевать на такую волю, чтобы петь да дышать только: мне больше нравятся звуки “Марсельезы” в рабочих улицах Парижа, – ответил Форов.

– Париж! Город! – воскликнул с кротким предостережением Евангел. – Нет, нет, не ими освятится вода, не они раскуют мечи на орала! Первый город на земле сгородил Каин; он первый и брата убил. Заметьте: создатель города есть и творец смерти; а Авель стадо пас, и кроткие наследят землю. Нет, сестры и братья, множитесь, населяйте землю и садите в неё семена, а не башень стройте, ибо с башен смешенье идёт”.

Не только в таком значении соотношения *цивилизации и культуры* предстаёт город в романе “Всё впереди” В. Белова, но и в значении некоего фантома. “Вышедший из человеческого подчинения, гигантский город расширялся по зелёной земле, углублялся в её недра и тянулся ввысь, не признавая ничьих резонов”.

А потому является непростительным упрощением сложнейшее соотношение *цивилизации и культуры* сводить к урбанизации нашей жизни. А то и вообще происходит какое-то оглупление проблемы. Будто бы в художественном мире Василия Белова город – это *исчадие зла*, а деревня – *всегда добро*.

“Белов посягает на такое противопоставление, как противопоставление культуры и цивилизации”, – несколько высокомерно писал Игорь Золотусский (“Знамя”, № 1, 1987). И тут же: “Но я не могу принять его нелюбви к городу вообще, как и не могу признать, что деревня – это “лад”, а город – гнездо бесовства”. Ну, не так же всё у В. Белова! “Насилие над природой выходит из-под нравственного контроля”, а город живёт “по своим законам, созданным им же самим и лишь для себя”.

Соотношение же *цивилизации и культуры* не такое простое, во всяком случае, далеко не сводящееся к урбанизации. Это два соперничающих миропонимания, находящихся друг к другу вовсе не в альтернативном, взаимоисключающем положении. По логике, они должны уравнивать друг друга, но далеко не всегда они находят это необходимое равновесие.

Цивилизация предлагает парадигму прогресса: развитие от простого к сложному, от несовершенного к более совершенному. Но человек не подчиняется такой парадигме. И мы видим, что он не становится ни лучше, ни совершеннее. Культура контролирует цивилизацию, не даёт человеку сгореть в огне цивилизации...

Цивилизация не объясняет мир, но загромождает его. Она мстит культуре за то, что по самой природе своей бессильна постичь целостное многообразие этого мира. Она не может смириться с неразрешимыми тайнами мира и человека, не может простить культуре конечную непознаваемость этого мира. “Не жди последнего ответа. // Его в сей жизни не найти”, – писал А. Блок. А потому, может быть, цивилизация невольно покушается на духовную природу человека, отрицая и подавляя её до такой степени, что в наше время человек остановился в некоторой растерянности, видя, что блага, даваемые цивилизацией и прогрессом, соизмеримы с теми потерями для духовного здоровья человека, которые они приносят. Именно на этом пути признания непознаваемости мира Дмитрий Медведев из романа “Всё впереди”

и находит равновесие и примирение с этим миром: “Уже несколько лет он жил в том новом для себя состоянии, когда ум, оскорблённый и принижённый неизбежностью смерти, перестал задавать вопросы, на которые — Медведев знал это — никогда не будет ответа. Уважение к великим человеческим тайнам стало нормальным медведевским состоянием. Оно избавило от изнурительных дум о бессмысленности существования. Для Медведева стало личным открытием то, что гордая ненасытность голого рационалистического ума, казалось бы, призванная служить свободе, парадоксальным образом закрепила ещё больше...”

И, наконец, ещё об одной переключке в романах “На ножах” и “Всё впереди” — о соотношении мира вещного и незримого, в коем и совершается брань духовная как неперемнное условие человеческого бытия. О добре и зле.

Есть в романе “На ножах” глава “Тёмные силы”, в которой Н. Лесков пишет, как видно по всему, с некоторой иронией: “В этом романе читателям уже не раз приходилось встречать сцены, относительно которых, при поверхностном на них взгляде, необходимо должно возникнуть предположение, что в разыгрывании их участвуют неведомые силы незримого мира, тогда как учёным реалистам нашего времени достоверно известно, что нет никакого иного живого мира, кроме того, венцом которого мы имеем честь числить нас самих...”

Современное же позитивистское сознание не усомнилось отвергнуть само понятие о добре и зле. Оно переводит представления духовно-мировоззренческие в область социальную, и они становятся для него неразличимыми. Тут поизгалялся над романом “Всё впереди” Андрей Мальгин в статье “В поисках “мирового зла”, демонстрируя всё убожество позитивистского разума: “Итак, существует тайная дьявольская сила”, — иронизирует он, насколько не сомневаясь в том, что никакой дьявольской, тайной, незримой силы зла не существует. Она-де “использует в нашей стране” порочные наклонности человека... Да не “в стране”, а в душе человеческой...”

В комментарии “От редакции” журнал “Вопросы литературы” дал прямо-таки убийственную характеристику “козням дьявола”, причём в качестве некой общепризнанной нормы: “Идея эта ложная и совершенно непродуктивная, поскольку и полезнее, и нравственнее не на дьявола пенять, а на себя оборотиться”.

Надеюсь на то, что приведённое мной сопоставление романов “На ножах” и “Всё впереди” убеждает в том, в какой именно традиции создан роман Василия Белова. Именно в такой последовательности и преемственности он понятен и злободневен в своём пророчестве: “На ножах” Н. Лескова, “Бесы” Ф. Достоевского, “Всё впереди” В. Белова. Ну, а то, что роман Василия Белова “Всё впереди” был атакован так же, как и романы великих его предшественников, свидетельствует о том, что автор не творческое поражение потерпел, а одержал победу. Духи новой, “демократической” революции узнали себя в нём. Единообразное, абсолютно демагогическое, вне литературной традиции, а лишь с точки зрения идеологии и политики отрицание романа является тому подтверждением.

Возможно, переключки с романом “На ножах”, которые мы находим в романе “Всё впереди”, не являются некой преднамеренностью. Вполне возможно, что, работая над своим романом, В. Белов вовсе не думал о романе Н. Лескова. Скорее тут сказалась закономерность как условие истинного литературного творчества, о которой говорил сам В. Белов: “Все русские писатели испытывали влияние своей национальной классики” (“Литературная учёба”, № 6, 1985).

Но когда сопоставляешь “шестидесятничество” XIX века, подготовившее революцию в России начала XX века, с “шестидесятничеством” нашего времени, идеологически обеспечившее “демократическую” революцию, становится как-то жутковато от того, насколько они сходны и неизменны, словно мы не движемся вперёд сквозь метафизические провалы, а кружим на месте по какому-то топкому болоту...

Александр Блок в статье “Герцен и Гейне” писал о “шестидесятничестве” XIX века. Но это полностью, без каких-либо уточнений относится и к “шестидесятничеству” века XX-го: “Эти далёкие и слабые потомки Пушкина одиноко дичали, по мере того как дичала русская интеллигенция. Шестидесятничество и есть ведь одичание; только не в смысле возвращения к природе,

а в обратном смысле: такого удаления от природы, когда в материалистических мозгах заводится слишком уж большая цивилизованная “дичь”, “фантазия” (только наизнанку) слишком уж, так сказать, “не фантастическая”.

Теперь даже и такие дискуссии, как вокруг романа “Всё впереди”, немислимы и невозможны. Дискуссий о литературе теперь вообще нет. Их вести стало некому и негде, так как великая русская литература, по сути, изъята из общественного сознания. В извечном противостоянии и противоборстве цивилизации и культуры, кажется, окончательно победила цивилизация. Надменная цивилизация отомстила – таки культуре. В полном согласии с либерально-демократической идеологией, которой культура вроде бы и ни к чему. Декларативная борьба, вроде бы, за человека, забота о его правах и свободах обернулась своей противоположностью – умалением человека, уничтожением его.

Это невообразимое и, казалось, немислимое у нас в России, самой литературоцентричной стране, бедствие, чреватое трагическими для народа последствиями, только подтверждает пророческую правоту и злободневность романа Василия Белова “Всё впереди”.

ЛЮДМИЛА КАЛИНИНА

“Я ТАКОЙ ЖЕ, С НАДЁЖНОЙ УХВАТКОЙ...”

К 110-летию со дня рождения Бориса Корнилова (1907—1938)

Из Нижнего Новгорода в заволжский городок Семёнов дорога лежит через Волгу по наплавному мосту, который поддерживает буксир, на борту которого написано “Борис Корнилов”. Словно сам поэт зовёт за собой в дорогие ему места, “в синь семёновских лесов”. По сторонам дороги – вековые сосновые боры, заболоченные низины. Здесь когда-то укрывались гонимые старообрядцы, их потомки и сейчас живут в окрестных деревнях, по берегу реки Керженец, а центром старообрядчества всегда считался Семёнов.

На одной из центральных улиц краснокирпичном усадебном доме купца-старообрядца П. П. Шарыгина (о чём свидетельствует мемориальная доска) ныне располагается районный краеведческий музей. Гордость музея – большая экспозиция, посвящённая поэту-земляку Борису Петровичу Корнилову. В интерьере жилой комнаты семьи учителей Корниловых – этажерка с книгами, на столе – шахматная доска с самодельными фигурками (любимая игра отца и сына), ягодный туюсок, семейные фотографии, открытки, письма – всё завещано и передано в дар музею матерью поэта Таисией Михайловной Корниловой (1884–1979).

На фотографии Борису пять лет, в руке книга – подарок отца на день рождения. Вот праздничная открытка, старательно написанная восьмилетним Борей Корниловым: “Евгению Ивановичу Самоскому, 1915 год: Дорогой кока! Поздравляю с Днём Вашего ангела. Бабу Лизу с дорогим именинником и желаю быть Вамъ здоровым. Боря”. Здесь, в заволжском крае, до сих пор в народе крёстного отца и крёстную мать называют так: “кока”.

Кто же он, этот уважаемый именинник, выбранный родителями крёстным отцом своего первенца? Евгений Иванович Самоский – уездный врач, почитаемый семьей Корниловых человек.

Он был ангелом-хранителем семьи Корниловых, к нему обращались за поддержкой, за житейским советом, врачебной помощью. Свет высокой духовности, щедрости этой личности вольно или невольно распространялся на окружающих, конечно, и на детей Корниловых. О нём мы узнаём от самой Таисии Михайловны.

В музее хранятся написанные ровным учительским почерком две школьные тетради в линейку “Воспоминания Корниловой Т. М.”, мать поэта написала их по просьбе музея в последние годы жизни. Таисия Михайловна рассказывает о семейных нуждах, с какими трудностями они, сельские учителя, строили дом в г. Семёнове, много о муже, детях, о Борисе, меньше всего – о себе. Она как бы рассуждает: а чего особенного, родилась в семье служащих

мануфактурного магазина в Семёнове, учительскую профессию получила здесь же, в родном городке, была направлена на работу в начальную школу села Покровское Семёновского уезда. Неподалёку, в селе Безводном, тоже в начальной школе учительствовал Пётр Тарасович. “В 1906 году поженились, в 1907, 16 июля по старому стилю, 29 по новому, родился Борис. Елизавета – в 1909, Александра – в 1910”.

Пётр Тарасович Корнилов (1884–1938) – один из пяти сыновей сельского батрака, своим трудом пробивал он себе жизненную дорогу. Успешно учился в церковно-приходской школе в селе Перелаз Семёновского уезда. Старательного паренька-книгочех восьми лет приметил уездный врач Евгений Иванович Самоский и взял в семью. Он платил за учёбу своего воспитанника в Семёновском городском училище и на двухгодичных курсах учителей начальной школы в Нижнем Новгороде, которые Пётр Тарасович окончил в 1903 году.

В селе Покровском семья молодых учителей жила при школе, которая не уцелела во время пожара; здесь первые полтора года жизни провёл их первенец Борис. Село стоит на берегу реки Керженец, из-под крутого берега подаёт голос родник, не замерзающий и в лютые морозы. Поёт, не умолкая. Бережно относятся к своему роднику сельчане, смотрю, подновили сруб, мостки, вокруг чистота. А на скамейке – берестяной рожок, чтоб воды зачерпнуть, утолить жажду, набраться сил.

Дважды дотла выгорало Покровское, это участь многих окрестных лесных сел, проходит год-два, и эти села отстраиваются на том же месте. Испокон веку живут здесь старообрядцы, а они, как известно, меняли родные места только в лихие годы гонений. В ранней юности Б. Корнилов пишет: “Мы на Керженце, на реке, // Где моя непонятная родина, // Где растут вековые леса, // Где гуляют и лось, и лиса, // И на каждой лесной версте, // У любого кержачьего скита // Русь, распятая на кресте, // На старинном, на медном прибита”. Всё так же, как многие годы назад, несёт свои бурные воды правый приток Волги Керженец; течёт, меняется жизнь, а родник в Покровском поёт себе, воркует, дарит людям свою чистоту и прохладу. Так и стихи Б. Корнилова живут, несмотря на бурные перемены.

В пять лет Борис научился читать. В начальной школе села Дьяково, куда переехала семья, учился у отца и учился успешно. Из “Воспоминаний” Т. М. Корниловой: “К 1925 году у него имелась тетрадь со стихами. В детстве любил природу, реку, рыбную ловлю. Часто с товарищами уходил на рыбалку на реку Санохту, что в полукилометре от Семёнова, а то и на Керженец, за 8 километров. Книга всегда была его спутником. У нас в хозяйстве имелась лошадь, за которой ухаживал Борис, уводил её в ночное и приводил утром домой. Любил торжественно приехать верхом, а то и вскачь, чтоб я видела”. Вспоминаются ранние стихи семёновского периода жизни Б. Корнилова, которые своей теплотой покорили ленинградских поэтов: “Дни-мальчишки, // Вы ушли, хорошие, // Мне оставили одни слова, // И во сне я рыженькую лошадь // В губы мягкие расцеловал...”

“Муж вернулся с войны в 1920 году после тифа. Был очень слаб, стройка дома не двигалась. В Дьякове у нас была своя полоска земли, которую засеяли рожью. всей семьей работали не покладая рук, дети трудились не отставая. Урожай получили хороший, и стройка сдвинулась”.

Из Дьякова семья переехала в уездный городок Семёнов. Сначала жили на съёмной квартире на улице Сластюнинской. Неподалёку на Верхнебазарной площади стоит приземистое кирпичное здание школы, сейчас около входной двери висит мемориальная доска: “Здесь с 1918 по 1924 год учился поэт Борис Петрович Корнилов”.

Свой небольшой домик строили долго (сейчас улица имени Бориса Корнилова). В этом доме стала собираться вся уличная детвора. Как рассказывала мне младшая сестра поэта Александра Петровна Козлова (Корнилова), в их семье была большая библиотека, вечерами устраивались семейные чтения вслух, детям на дни рождения дарили книги. В их доме ставились детские спектакли, заводилой всегда был Борис, энергия его была ключом. Он хорошо учился, много читал, сочинял поздравительные куплеты, сценарии праздников, позднее спектакли вместе с доморощенными артистами переместились в районный клуб.

Судьба даровала матери поэта долгую жизнь – Таисия Михайловна Корнилова прожила 96 лет, словно вобрав жизни дорогих людей: мужа, сына, рано умершей дочери Елизаветы. Она так и не узнала всей правды о гибели

своих родных. В марте 1937 года был арестован Борис, и долгие годы о нём не было ни слуху, ни духу. Вскоре забрали Петра Тарасовича и ещё нескольких семёновских учителей, потом сообщили, что муж умер 10 июня 1939 года в тюремной больнице. Тогда же в Ленинграде были арестованы младшая сестра Таисии Михайловны Клавдия Михайловна и зять, у них некоторое время жил Борис.

Таисия Михайловна верила, что сын обязательно вернётся домой. Доходили до г. Семёнова слухи, что видели его в пересыльном лагере, что в тюрьме передавали из рук в руки тетрадку с его стихами. Ждала, хранила всякую дорогую сердцу вещицу, связанную с сыном. По-семёновски круто окая, желающим слушать наизусть читала стихи, где сын обращался к ней: “Ну, одену я одежду – // Новую, парадную, // Ну, приеду... Что скажу, // Чем тебя порадую?” Жизнь матери и жены репрессированных складывалась непросто. В доме она осталась одна, младшая дочь учительствовала в селе. Было время, когда с ней не здоровались, не говоря уж о том, что не отмечали никакими поощрениями за долгий учительский труд..

В комнатах дома купца Шарыгина, где находится краеведческий музей, в 20-е годы располагался Семёновский уездный комитет союза молодёжи (уком РЛКСМ), кипела комсомольская жизнь, здесь работал юноша Борис Корнилов. Вот на музейных стендах его фотографии вместе с друзьями – вдвоём с Павлом Шляпниковым, в группе с Василием Молчановым, Кузьмой Краюшкиным (стал учителем, в 1929 году убит “кулаками”), Алексеем Егоровым. В архивных списках есть документы о рейдах “особого назначения” семёновских комсомольцев, где мелькают эти фамилии, в них нигде, как свидетельствуют музейные работники, не значится имя Б. Корнилова, скорее всего потому, что в укоме он отвечал за другие участки работы (вожак пионерии, делопроизводитель). В музее хранится ходатайство Семёновского укома комсомола перед Ленинградским губкомом комсомола о принятии на учёт комсомольца Корнилова Бориса, “едущего туда к родным на место жительства”.

Стихотворение “Открытое письмо моим приятелям” написано Б. Корниловым в 1931 году в Ленинграде, оно навеяно лирическими воспоминаниями о семёновской молодости. Удивительно складно “ложится”, казалось бы, протокольная тема: “Все мои приятели – // Всё бюро райкома – Лёшка Егоров, // Мишка Кузнецов, // Комсомольцы Сормова – // Ребята – иже с ними. // Я такой же аховый – // парень – вырви гвоздь... // Точка. – Снова вижу вас // Глазами косыми // Через пятилетие насквозь...”

Природная одарённость брала своё, удивительно, как самые, казалось бы, заданные темы у Б. Корнилова одухотворены, мелодичны: “И вот опять секретари в райкомах // Поют переживания свои”, “Кипит вода, лаская // Тяжёлые суда, // Зелёная, морская...” И разговорные словечки: “ать-два”, “амба”, громоздкие, “неотёсанные” обороты у него всегда к месту. Очевиден необыкновенный, редкостный песенный дар Б. Корнилова, умение самую, казалось бы, “сухую” тему приподнять и высветить.

Первые публикации юношеских стихов Б. Корнилова под псевдонимом Борис Вербин стали появляться в губернской газете “Молодая рать”. В Нижегородской писательской организации узнали и запомнили его имя. Казалось бы, всё складывалось хорошо. Александра Петровна, сестра, помню, как-то обронила: “Его из дома увели стихи”, – и, наверное, это единственно верный ответ. “Из газет тогда мы узнали, что Сергей Есенин переезжает жить в Ленинград, и Борис загорелся желанием ехать туда, чтобы познакомиться с поэтом, стихами которого бредил. Мама отпустила его скрепя сердце и то потому, что в Ленинграде жила её сестра, наша тётя Клава, и жили они вдвоём с мужем, инженером одного из заводов, обеспеченно и в хороших условиях. Борис поехал к ним. Предварительный билет был куплен в середине декабря на 5 января 1926 года, Есенина уже он не увидел”. Мечтал поступить “в институт журналистики или в какую-нибудь литературную школу”.

Как пишет близко знавший поэта писатель и редактор К. И. Поздняев, “сумел попасть лишь в Высшие курсы искусствознания при Институте истории искусств (да и то не сразу), но уже в 1928 году выпустил первую книгу стихотворений – “Молодость”...” В литературном объединении “Смена” под руководством Виссариона Саянова он с первых выступлений произвёл на всех неизгладимое впечатление. Уверенный в себе, с уже сложившимся поэтическим взглядом, он читал первые свои стихи, в которых было нескрываемое подражание Есенину. Подкупали неподдельная искренность, открытость, знание

быта русской уездной жизни, темперамент. Русская поэзия ждала заполнения искусственно создаваемых пустот – и Борису Корнилову рукоплескали.

Встреча Б. Корнилова с начинающей поэтессой О. Берггольц произошла в литобъединении “Смена”, вскоре они решили создать семью. Позднее Ольга Фёдоровна писала: “Вот там и увидела я коренастого низкорослого парнишку в кепке, сдвинутой на затылок, в распахнутом пальто. Глаза у него были узкого разреза, он был слегка скуласт и читал с такой уверенностью в том, что читает, что я сразу подумала: “Это Он”. Это был Борис Корнилов – мой первый муж, отец моей первой дочери”.

В одном из вариантов автобиографии О. Берггольц так описывает события своей жизни в эти годы: “Строить фундамент социализма я поехала с Николаем Степановичем Молчановым, любовью моей всегдашней. Если говорить правду, мы сбежали из Ленинграда в 1930 году после окончания филологического факультета университета. Мы с Колей отправились в Казахстан”.

В музейной экспозиции г. Семёнова можно увидеть семейную фотографию, запечатлевшую молодую семью Бориса Корнилова и Ольги Берггольц в один из приездов из Ленинграда к родителям. Пётр Тарасович бережно держит на коленях маленькую Ирину. Помню, как сестра поэта Александра Петровна, которая многие годы жила и учительствовала в деревне Беласовке Семёновского района (на местном кладбище похоронена Таисия Михайловна), рассказывала о том, как горько переживали Корниловы, получившие известие о семейной драме Бориса, о смерти его дочери. В одном из писем домой, в Семёнов, Борис сообщил о предстоящей длительной командировке и просил кого-нибудь приехать в Ленинград и забрать дочку из семьи Берггольц. Спешно собравшись, поехала за внучкой Таисия Михайловна. Вернулась домой расстроенная, ведь семья сына распалась, а мать Ольги Фёдоровны оставила Ирину у себя и не отдавала даже на время.

В свидетельстве о рождении Ирины Борисовны Корниловой значится: родилась 13 октября 1928 года в Ленинграде, в графе “сведения о родителях” обозначено: “отец – Корнилов Борис Петрович, мать – Корнилова Ольга Фёдоровна”. Примечательно, что Ольга Фёдоровна везде подписывалась девичьей фамилией и только в свидетельстве о рождении дочери она подписалась “Корнилова”.

У маленькой Ирины обнаружили болезнь сердца. В свидетельстве о смерти значится: “Ирина Борисовна Корнилова умерла 14 марта 1936 года”. Вот газета “Известия” от 18 марта 1936 года, в траурной рамке извещается: “Борис Корнилов с глубокой скорбью сообщает о смерти своей единственной дочери Ирины Борисовны Корниловой”. Единственной... Нам остаётся только догадываться о глубине переживаний молодого отца, оставшегося сначала без жены, без семьи и дома, и вот ещё удар – не стало единственной дочери. Как тут не вспомнить его строки: “Меня ни разу не встречали // Заботой друга и жены...”

Он понимал литературную работу как ежедневный труд, полную самоотдачу, участие в кипении буден. Помню, на одном из поэтических праздников в Семёнове однокурсник поэта Д. А. Левоневский (ему посвящён цикл “Апшеронский полуостров”) вспоминал: “Корнилов, к удивлению нас, истинных пиетерцев, выделялся своей начитанностью, глубиной филологических знаний и тогда уже очевидным поэтическим талантом”.

Смело шагнула в бурный литературный поток конца 1920-х годов поэзия Б. Корнилова. Критика того времени нещадно обвиняла его в “есенинщине”, “ремизовщине”, называла “кулацким подпевалой”. В то же время он был постоянным автором солидных изданий, газеты “Известия”, журнала “Новый мир”. Б. Корнилову не отказывали в длительных командировках по стране, свою поэму “Триполье” он читал на бюро ЦК ВЛКСМ в присутствии А. Косарева. Его воспринимали как поэта “с надёжной хваткой”, уверенного в своих помыслах, своём слове.

Были и есть литературные критики, упрекающие Б. Корнилова в политической недалёковидности. Разве поэт обязан быть тонким политиком? А вот поэтическое сердце его было восприимчивым, чутким. “Отрезвляющей” действительностью для него всегда оставался Семёновский край, где “Старики умирают за делом // И не любят, что тракторы есть, // Жеребцы с металлическим телом”. Немало поэтов – его ровесников – не удержались в водовороте дней, “утонули”, забылись.

Б. Корнилов остался, потому что был “сентиментален, оптимистам липовым назло” (“Ёлка”, 1934). Ну, и попало ему за эту строчку от пишущей братии!

Да, стремился идти в ногу со временем, словно запевала, выводил свои знаменитые “Песню о встречном”, “Краснофлотскую”, “Интернациональную”. Но вновь и вновь являлся ему сокровенные мгновенья, чаще всего связанные с памятью детства, юности, юношеской любовью к семёновской красавице Тане Степениной, когда хотелось петь не хором, а один на один, от сердца к сердцу: “Моя девчонка верная // Опять не весела, // И вновь твоя губерния // В снега занесена...” (“Лирические строки”, 1927), “Гуси-лебеди пролетели // Чуть касаясь крылом воды, // Плакать девушки захотели // От неясной ещё беды” (“Вечер”, 1934). Сколько же в нём было потаённой, подспудной силы, до конца так и не раскрытой, никем не познанной! Он ушёл тридцатилетним, оставив нам мелодию родниковой чистоты, голос, узнаваемый в каждой строчке в хоре поэтических голосов.

И всё-таки в его оптимистической, уверенной песне последних лет нет-нет да пробьётся тревожная нота: “Сосны падают с бухты-барахты, // Расшибая мохнатые лбы, // Из лесов выбегая на тракты, // Телеграфные воют столбы...” (“Прадед”, 1934), “Злая осторожность добермана // До конца похожа на мою...” (“Собака”, 1936).

Что мы находим в стихотворении “Ёлка” (1934) при сегодняшнем прочтении? Осознанную картину окружающего: “Здесь всё рассудку незнакомо, // Здесь делай всё, хоть не дыши, // Здесь ни завета, ни закона, // Ни заповеди, ни души...” Для Б. Корнилова такой мир – “тёмный и пустой”. Как в мире пустоты не потерять себя, устоять?

“А я пророс огнём и злобой, // Пропитан пеплом и золой, Широколобый, низколобый, // Набитый песней и хулой. // Ходил на праздник я престольный, // Гармонь надев через плечо, // С такою песней непристойной, // Что Богу было горячо...”

Таланту подлинному даётся дар предчувствия, так было и с Б. Корниловым – он видел близость конца. В “Прадеде” рисует свой портрет с прадеда Якова, укрывшегося в дремучем лесу со своими единомышленниками, которые не хотели жить по общим правилам: “Я такой же, // С надёжной хваткой, // Мутным глазом // И песней большой, // Вашим голосом, // Вашей повадкой, // Вашей тягостною душой”. Поэт называет себя “последним из вашего рода” и предрекает таким свободолюбивым людям, как прадед: “Вас потом поведут под конвоем // Через несколько лет в Соловки”. Сбылось, но с одной поправкой – не “вас”, а “нас потом поведут...”

Его триумф – поэма “Триполье” (1933) – о трагической гибели комсомольского отряда. Б. Корнилов к этому времени выбыл из комсомола и не стал, как друзья его юности, партийцем. Это отмечено в графе “партийность” следственного дела по обвинению Корнилова Б. П. № 23229. Из тайников Белого дома, как ленинградцы называют управление КГБ, поднято это следственное дело с пометкой “Хранить вечно”. Недоступность документов опровергло время. Перелистаем эти всего вероятнее заведомо составленные документы.

Документ один – постановление от 19 марта 1937 года: “Занимается активной контрреволюционной деятельностью, является автором контрреволюционных произведений и распространяет их, ведёт антисоветскую агитацию... Постановление: гражданин Корнилова Б. П. привлечь в качестве обвиняемого по статье 58 пункт 10 и избрать мерой пресечения содержание под стражей в ДПЗ по первой категории”.

Документ два – ордер под номером 940 от 19.03.1937 года на обыск и арест. Документ три – протокол от 20 марта 1937 года, и в нём: “Проведён обыск и арест в доме № 9, кв. №123 по каналу Грибоедова. Согласно данным задержан Корнилов Б. П. Взят для доставки в управление НКВД по Ленинградской области: паспорт, военный билет и разная переписка и стихи, принадлежащие Корнилову Б. П.” Синими чернилами резолюция: “Взятая в отдел разная переписка уничтожена 13.03.1938 г.” Так погибли почти все рукописи поэта. В Пушкинском доме хранится лишь немного из уцелевшего.

В дело подшита типовая анкета, заполненная со слов арестованного. В графе “состав семьи”: “Жена – Борнштейн Ципа Григорьевна, род занятий – домохозяйка”. Под этим именем вторая гражданская жена Б. Корнилова, кажется, мало кому была известна. Поэт и друзья семьи называли её Люся. Он жил после развала первой семьи в гостиничном номере, на пороге которого однажды и появилась 16-летняя Люся. Вскоре они стали жить в гражданском браке. Люся бойко читала наизусть его стихи, выполняла все поручения. Об этом вспоминали старые нижегородские писатели, побывавшие

в гостях у молодой четы в номере нижегородской гостиницы. Борис всегда извещал их о своём приезде. В этот раз было заметно, что он стал прикладываться к рюмке, чего не было раньше, при этом становился шумным и запальчивым, а совсем юная Люся смотрела на него покорно, беспрекословно выполняла все его поручения. Наверное, Б. Корнилов намеревался побывать в Семёнове, но почему-то раздумал. Он так и не представил своим родителям и сёстрам Люсю, а ведь они вместе прожили не менее семи лет.

Получив большую квартиру в писательском доме, жили открыто, принимали друзей. Здесь часто бывали родной брат Люси и его товарищ по Академии художеств Яков Басов. В последние годы жизни Б. Корнилов, что называется, “уходит в себя”, уединяется. В его стихах этого периода можно уловить исповедальный, как в “Прадеде”, “Ёлке”, или прощальный, как в обращении к ящику письменного стола, мотивы.

Через несколько месяцев после ареста Б. Корнилова у Люси родилась дочь Ирина, в свидетельстве о рождении её записывают как Борнштейн Ирину Борисовну. Сохранилось письменное обращение в Ленинградский союз писателей с просьбой о выделении материальной помощи в связи с рождением дочери Бориса Корнилова. Вскоре она выходит замуж за художника Якова Басова и после регистрации брака становится Людмилой Григорьевной Басовой, а её дочь – Ириной Яковлевной Басовой, потом у супругов рождается сын.

Молодая семья Басовых спешно покидает Ленинград, они поселяются в Киеве. Семья живёт счастливо, Людмила Григорьевна никогда не рассказывала Ирине о Борисе Корнилове, о том, что он её отец, Ирина узнаёт, уже сама будучи матерью, из письма Таисии Михайловны после смерти Людмилы Григорьевны.

В день ареста 20 марта 1937 года состоялся первый допрос Б. Корнилова, который вёл оперуполномоченный, младший лейтенант госбезопасности Лупандин, он же 19 марта арестовывал поэта. От протоколов допроса (их восемь) остаётся ощущение преднамеренной заданности. Мог ли Б. Корнилов так оговорить себя? “Кроме того, я являюсь автором контрреволюционных литературных произведений, к числу которых относятся: “Ёлка”, “Чаепитие” “Прадед”. Во всех этих произведениях я выражал сожаление о ликвидации кулачества, давал контрреволюционную клеветническую характеристику советской действительности, воспевал кулацкий быт. Эти контрреволюционные произведения я читал среди писателей, артистов, художников. Ответы записаны с моих слов верно и мною лично прочитаны. Борис Корнилов”.

Протокол допроса от 7 марта. Вопрос: “С кем из участников контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации поддерживали отношения?” В перечне значится фамилия семёновских приятелей Б. Корнилова Александра Клинова и его жены Антонины, с ними вместе он работал в уездном комитете комсомола (их портреты хранятся в Семёновском краеведческом музее, оба в кожаных куртках, весёлые...). Младшая сестра Александра Юрьевича Клинова Лидия жила в семье брата, ей тогда было четырнадцать лет. Краевед К. В. Ефимов нашёл Лидию Юрьевну в г. Дзержинске Горьковской (Нижегородской) области. Немало интересного она рассказала о ленинградской жизни. А. Ю. Клинов сделал блестящую военную карьеру, ему было всего тридцать, а он уже занимал должность начальника кафедры Ленинградской военно-политической академии. Б. Корнилов часто бывал в доме своих семёновских друзей. Хозяйку дома, Антонину Семёновну, он по старой привычке называл Антанта, друга – Сашка, не иначе. Клиновы умели ценить по-мальчишески открытый, ершистый характер не забронзовевшего поэта. Детская память Лиды сохранила, как шумно веселился “дядя Боря”, какие устраивал сюрпризы. С получением гонорара за сказку “Как от мёда у медведя зубы начали болеть” удивил всех: принёс чемодан конфет, все наелись до отвала.

Убийство Кирова в Ленинграде, как известно, повлекло за собой волну арестов, забрали и Клинова. Семья нищенствовала – двое маленьких детей, Лидя – третий ребёнок. Знакомые отвернулись, а Борис Корнилов приходил каждый день с неизменным чемоданом с продуктами. Однажды сказал, что его выследили, проверили чемодан, пригрозили, приказали забыть этот дом. Он стал приходиться ночью.

Не миновала Клиновых участь ссыльных, их срочно, не дав собраться, отправили в Казахстан. Новое поселение стало для семьи Клиновых вечным, горькая участь миновала лишь Лидию Юрьевну, которая смогла вернуться в родные места.

Рискованно было показываться на вокзале перед составом отъезжающих переселенцев. Лидия Юрьевна рассказала: “Борис появился неожиданно со своим неизменным чемоданом, передал на дорогу 200 рублей со словами: “Купите фруктов Сашке”, – ещё какие-то продукты и тёплую одежду нам, которая очень пригодилась”. Верилось, что где-то там, в неведомом далеке, семья будет вместе. . .

19 февраля в 13 часов собралось закрытое судебное заседание выездной сессии Верховного суда. Без вызова свидетелей, без участия обвинения и защиты.

Непродолжительное заседание вынесло свой приговор: “Приговорить подсудимого Корнилова Бориса Петровича к высшей мере наказания – расстрелу – с конфискацией всего принадлежащего ему имущества. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит на основании Постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 года и подлежит немедленному исполнению. Председатель: корпусной военный юрист Матулевич, члены: Мазюк, Ждан. Секретарь: Костенко”.

Представляет интерес квитанция, подшитая в дело. В ней перечислены вещи, изъятые при определении заключённого в камеру: рубашка, запонки, галстук. Отправиться на “чёрном вороне” при параде? Думаю, это была своего рода бравада, вызов; он рассчитывал на непродолжительный арест, думал, что скоро вернётся домой.

Под № 92 в деле подшита справка: “Приговор о расстреле Корнилова Б. П. в городе Ленинграде 20 февраля 1938 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в особом отделе архива 1 специального отдела НКВД СССР”.

К делу приложены документы 1955 года, предшествующие реабилитации Б. Корнилова: письмо-ходатайство Ленинградской писательской организации за подписью Холопова и Чивилихина и заявление О. Ф. Берггольц – первой гражданской жены Б. Корнилова. Она чистосердечно берёт на себя вину за развал семьи, признаёт талант и добрые человеческие качества мужа и отца.

Наконец, документ, подводящий черту в деле, гласит: “Приговор военной коллегии Верховного суда СССР от 20 февраля 1938 года в отношении Корнилова Бориса Петровича в связи с открывшимися обстоятельствами отменить, дело прекратить за отсутствием состава преступления...”

В старом городке Семёнове, как и прежде, несуетный, размеренный быт. Здесь свои радости – открылся музей истории хохломы, семёновские сувениры представляли Россию на Сочинской олимпиаде. . . Действует старообрядческий приход, чего давно добивались верующие. В Доме культуры отремонтировали большой зал, где проходят выставки художников и читают стихи поэты.

Каждый год 29 августа, в день рождения Бориса Корнилова, городок Семёнов заметно оживает – из распахнутых окон Дома культуры звучит ставшая воистину народной песня “Нас утро встречает прохладой. . .”, пышные букеты цветов – у подножья памятника поэту, в библиотеке – книжная выставка и встреча с писателями, в музее – обновленная экспозиция.

На одном из праздников поэзии я познакомилась с близкими родственницами Бориса Корнилова, жителями г. Семёнова, – его племянницей Фаиной Васильевной Козловой-Смирновой и её дочерью Светланой Геннадьевной Гудковой, она продолжает учительскую традицию семьи, сейчас директор Семёновской школы № 2.

Улыбается хохломской раскраской магазинная витрина, мимо школы, где учился будущий поэт, мимо памятника Борису Корнилову спешат юные мастерицы местной профтехшколы в фабричные цеха. Не иссякла здесь тяга к древнему ремеслу. К окраинам городка подступают хвойные леса, одна из лесных дорог, возможно, заманит вас в село Покровское, где родился замечательный русский поэт, так вдохновенно прославивший семёновскую землю. Здесь неустанно летом и зимой напевает свою песню родник. Как встарь, в Покровском пекут ватрушки с черникой, ставят для чаепития самовар, воду берут из певучего родника.

Богата земля талантами, но дар поэта – особый, редкостный. Поэзия Бориса Корнилова – голос из голосов, сгусток энергии, эмоциональности. . . И одновременно – хрупкость, незащищённость. Талант природный, подлинный, ищущий – нет, не тепличного благоденствия, а внимания. Здешние сказочные, а в чём-то загадочные, таинственные места во все времена ждали и ждут своего поэта. И явление его состоится, но это будет другое время и другой поэт.

Нижний Новгород

“ЕГО ВПОЛНЕ ДОПУСТИМО СРАВНИТЬ С ЛЕРМОНТОВЫМ...”

Осенью 2014 года ко мне в дом привезли архив Сергея Александровича Поделкова. Довольно большой архив, некоторые папки хранились в лоджии и были запорошены пылью и песком, какие-то бумаги, письма хранились без всякой упаковки и были запущены, заломлены. Много газет, фотографии, подготовка сборников стихов, вырезки из газет, подготовительный материал к стихам... Архив я сдала в РГАЛИ. “23.12.2015 г. (протокол ЭПК РГАЛИ № 88) состоялось заседание экспертно-проверочной комиссии, на котором было принято решение о создании в нашем архиве личного фонда № 3493 “Поделков Сергей Александрович (1912–2001) — поэт”. Часть архива С. А. Поделкова я задержала, чтобы лучше с ним ознакомиться, — это бумаги, связанные с именем Павла Васильева).

Текст этой записи повторен мной с экземпляра А. С. Ипольнова.

С. Гронская

Александр Сергеевич Ипольнов родился в 1947 году. Учился в Полиграфическом институте, затем перешёл в Литературный институт им. М. Горького, окончил его с отличием. Первая книга “Мёд великанов” издана в 1981 году. Параллельно с литературной работой он читал лекции по русской и всемирной поэзии в Педагогическом институте им. Н. К. Крупской. Член Союза писателей СССР. Погиб в декабре 1993 года “при невыясненных обстоятельствах”. Через год ему была присуждена премия им. Андрея Платонова. “Поэт успел сказать далеко не всё, что мог, но тому, что им сказано, суждена долгая жизнь”, — так сказал о нём поэт С. Золотцев.

А. С. Ипольнов унаследовал любовь к поэзии Павла Николаевича Васильева и трепетное отношение к его судьбе от своего отца, С. А. Поделкова. У него было несколько встреч с людьми, дружившими с поэтом или знавшими его. Этот материал должен был войти в его диссертацию о Павле Васильеве. Одна из таких встреч состоялась с Николаем Алексеевичем Минхом, сохранившим в опасные времена два автографа поэта.

Минх Николай Алексеевич (1899–1985) — специалист по эфирно-масличным культурам. Автор воспоминаний о Н. А. Клюеве.

Разговор А. С. Ипольнова с Н. А. Минхом (13 декабря 1983)

А. И.: Николай Алексеевич, сначала скажите, пожалуйста, о том, как вы познакомились с Павлом Васильевым и какое впечатление он на вас произвел. Как я понял, вы не были его близким другом?

Н. М.: Да, я не был его близким другом.

А. И.: И тем не менее, как вы сейчас мне сказали, он на вас производил впечатление человека достаточно доброго и вовсе не с тяжёлым характером?

Н. М.: Нет, такого я никак не могу сказать...

А. И.: Значит, то, что у него с моим отцом не было конфликтов, одной дружбой объяснить нельзя?

Н. М.: Конечно.

А. И.: Значит, он сам по себе был не так плох?

Н. М.: Нет, на меня он производил впечатление такое: хороший, простой человек. И с теми, к кому он хорошо относился, он был очень искренен. Вот у него не то, что дружба, а у него были очень хорошие отношения с моим большим другом – с художником Егоровым¹. Они были в очень хороших отношениях. Паша считал Михаила Дмитриевича просто гениальным человеком, и надо сказать, что Егоров тоже считал Пашу очень талантливым. Так же, как и Клюев. Клюев говорил: “Этот тигрёнок себя ещё покажет”. Я познакомился с Пашей у себя дома. Я жил тогда на Ленинградском шоссе.

Как-то раз прихожу домой, это было вскоре после моего знакомства с Клюевым, когда Клюев жил у меня в 1929–1930 году. Я прихожу домой с работы, а тогда приехал из Саратова Егоров. Егоров сидит, Клюев сидит, Паша и Клычков. Тут меня с ним и познакомили. И с первого же часа у нас установились с ним добрые отношения. Мы стали сразу на “ты”, “Коля”, “Паша”. Ну, а с Клычковым так и осталось “Сергей Антонович”.

А. И.: Ну да, Клычков ведь был старше вас...

Н. М.: Да.

А. И.: Я рад, что моя догадка о характере Васильева получила ещё одно доказательство того, что он не только с друзьями был хорошим и добрым. У меня складывается такое впечатление издали, по чужим рассказам, что он был другом, скорей, внимательным и даже нежным, чем каким-то бесцеремонным хамом, каким его пытаются изобразить.

Н. М.: Безусловно.

А. И.: Отец мне рассказывал, например, о такой детали: тогда ещё начинающий поэт Дрёмов² встретился Павлу Васильеву в одной из редакций, и тот тут же, на подоконнике или на чужом столе стал ему править стихи, чтобы он уже в выправленном виде их отдал редактору, хотя – что ему был начинающий поэт?! И, не унижая, очень внимательно, чутко всё выправил, помог. Поступить так, конечно, не мог человек, склонный от природы или из-за воспитания к хамству.

Н. М.: Да, конечно.

А. И.: А вот его биограф П. Косенко постоянно повторяет: “Павел Васильев не был ангелом...”, возмущается кем-то, кто якобы пририсовывает ему ангельские крылышки, а во втором издании своей книги о Павле Васильеве даже хвалит Ал. Михайлова за то, что тот “не скрывает тёмного и уродливого” в его биографии³. Мне кажется, он попросту несправедлив, настолько это всё не похоже на то, что приходилось слышать мне. Ну, а что касается случая, рассказанного Коваленковым о собачке, которую он якобы выбросил в окно... Вы знаете?

Н. М.: Нет, я не знаю.

А. И.: Подобный случай, действительно, был, но Павел Васильев не имел к нему ни малейшего отношения. Это сделал поэт Сергей Алымов, когда был в гостях у актёра А. Дикого, а Коваленков приписал это Павлу Васильеву⁴. То, что это сделал именно С. Алымов и именно у актёра А. Дикого, рассказывал моему отцу Михаил Светлов. Он был свидетелем этого случая. А Косенко берёт это на веру и даже замечает, что поступок этот малопохвальный.

Н. М.: Паша не станет такие вещи делать.

А. И.: Судя по его стихам, он с нежностью относился к животным...

Н. М.: Да.

А. И.: То есть вы считаете, что это просто не в его характере?

Н. М.: Нет, это не в его духе.

А. И.: То есть это был заведомый обман читателей, которые ничего не знали и не могли знать?

Н. М.: По-моему, да. Не такой был человек Паша. Наоборот, он был очень добрый человек. Он относился к животным хорошо. Я видел это, это не такой человек, чтобы собаку выкидывать в окошко, не будет он этим делом заниматься.

Иван Дрёмов жив или нет?

А. И.: Жив. Недавно он перенёс инфаркт, но вот вернулся домой.

Н. М.: Может быть, я путаю, давно ведь это было, но, по-моему, это он мне говорил... Я с ним очень мало был знаком, но как будто он мне сказал, что Паша был арестован в тот день, когда у меня ночевал.

Он поздно вечером пришёл ко мне, спрашивает: “Миша приехал из Саратова?” Я говорю: “Нет”. Ну, посидели, выпили, закусили.

“Знаешь, – говорит, – я куда не пойду. Можно у тебя переночевать?”

Я говорю: “Конечно, ночуй”. Он у меня переночевал. Утром мы с ним встали... Это был, по-моему... какой-то нерабочий день, напился чаю, и он пошёл... Сказал, что куда-то ему... надо идти.

Часа через три-четыре я с ним встретился на Кузнецком мосту – угол Кузнецкого моста и Петровки. Он шёл с какой-то очень красивой женщиной. Он её оставил на минуточку, подбежал ко мне и говорит: “Коля, у тебя деньги есть?” Я говорю: “Есть”. – Дай мне, пожалуйста. Надо её в ресторан вести, а у меня гроши с собой...” Ну, то, что у меня с собой было, я ему дал, он: “Спасибо!” Пожал мне руку. И будто бы в тот же день он был арестован вечером... Это была моя последняя с ним встреча.

А. И.: Но это было не тогда, когда он написал у вас эти два стихотворения – “Прощание с друзьями” и “Я полон нежности к мужичьему сну...”?

Н. М.: Нет, это было написано у меня раньше. Это лежало у меня. Я ему не раз даже говорил: “Что ты не возьмёшь их? – Да, возьму, возьму, – говорит, – когда-нибудь...”

А. И.: Вот что я ещё хотел спросить. П. Косенко, который Павла Васильева не знал, утверждает, что он был очень похож на Сергея Есенина и гордился этим сходством. Ни один человек из тех, кто знал его, мне этого не сказал. Более того, один человек сказал мне, что это чушь.

Н. М.: Это, конечно, неправда, он не был на него похож, и не гордился... И никогда об этом не говорил. Он сам был интересный человек – этого у него нельзя было отнять. Я помню, у Паши шевелюра была очень богатая, так Егоров всё его по голове гладил и говорил: “Какие, Паша, у тебя волосы жёсткие, ты очень твёрдый, – говорит, – человек...”

А. И.: Он был рыжеватый? У него волосы были цвета красной меди, судя по его дочери?

Н. М.: Да, да.

А. И.: А при этом кудри... И, значит, он восхищался как художник его волосами?

Н. М.: Как художник, да. И ещё он говорил: “Когда я буду писать одного персонажа, я с тебя буду списывать”. У Паши такая высокая причёска была, и он (Егоров) всё давил его волосы, а они у него пружинили...

А. И.: Он вам что-нибудь говорил о своём казацком происхождении?

Н. М.: Нет. Он говорил вскользь о том, что отец его учитель...

А. И.: Преподаватель математики. А вы никогда за Павлом Николаевичем не замечали склонности к математике?

Н. М.: Нет.

А. И.: Опять-таки его биограф Косенко пишет, что нередко он, садясь писать стихи, вместо этого покрывал лист бумаги формулами, то есть кровь учителя математики брала своё. Этого вы никогда не видели?

Н. М.: Никогда не замечал.

А. И.: Но в вашем присутствии он работал, во всяком случае, написал те два стихотворения?

Н. М.: Он скажет, бывало: “Дай-ка мне бумажки, я напишу...”

А. И.: Значит, он много раз писал при вас?

Н. М.: Да, несколько раз.

А. И.: А вы его наблюдали, или он просил выйти?

Н. М.: Нет, я тут валялся, что-нибудь читал.

А. И.: Его даже не стесняло присутствие другого человека?

Н. М.: Нет.

А. И.: Он очень уходил при этом в себя? Ничего не замечал?

Н. М.: Да, ничего. А напишет, бывало, и говорит: “Ну, давай... слушай”. Ещё он меня заставлял, они вместе с Ключевым меня всё заставляли читать им Цезаря и Овидия.

А. И.: По-латыни?

Н. М.: Да, по-латыни. Я довольно хорошо знал латинский язык, потому

что окончил классическую гимназию. Теперь уж я это всё перезабыл, и то вам сейчас прочту, что хотите.

А. И.: Я понимаю: тогда это было просто чем-то само собой разумеющимся...

Н. М.: Их очень поражал стиль этого самого “De Bello Gallico”. Они тогда всё говорили: “Вот, Пушкин так “Капитанскую дочку” писал, даже лучше...” И стихи Вергилия и Овидия они тоже заставляли меня читать... Не понимаю их... но они вот что делали. Иногда Паша говорил: “Ну-ка, дай-ка это...” Тогда ведь были всякие “ключи” и всевозможные переводы... И Паша в русском переводе читал “Записки о галльской войне”.

А. И.: А Клюев знал французский язык?

Н. М.: Нет.

А. И.: А Павел Васильев хотя бы немного, но знал?

Н. М.: Нет, по-моему, они его совершенно не знали.

А. И.: Я так думаю, потому что у него в поэме “Принц Фома” есть вкрапления французской речи и оперирует он французскими словами довольно свободно. Из чего я понял, что от матери он всё-таки набрался французского языка – его мать ведь тоже окончила гимназию.

Н. М.: Не знаю, на меня они не производили такое впечатление. Кто-то говорил о том, что Клюев будто бы знал немецкий язык...

А. И.: Это написал Георгий Иванов в своих мемуарах⁵. Когда он пришёл к Клею, то увидел его “при воротничке и галстук”, читавшего в подлиннике Гейне. Заметив удивлённый взгляд Г. Иванова, Клею сказал ему: “Маракую малость по-басурманскому. Маракую малость. Только не лежит душа. Наши соловьи голосистой, ох, голосистой”. Иными словами, он говорит, что Клею скорее прикидывался мужичком из народа, чем был им на самом деле.

Н. М.: Он был артист до известной степени, это безусловно, но что он именно прикидывался, этого я не могу сказать. Нет, он был совершенно естественен, так привык, видимо, в этих сапогах своих, в рубашке, в брюках не навывпуск... Николай Алексеевич такой и был. И он не то чтобы гордился этим или рисовался, нет. Игры у Николая Алексеевича не чувствовалось, он был совершенно естественным. К тому же и привычка – он ведь привык, с детства так одевался.

А. И.: А как вы считаете, какой была степень влияния Клею на Павла Васильева?

Н. М.: В отношении чего? В отношении его поэтического творчества или как человека?

А. И.: Как человека на человека, потому что его поэтическое влияние Павел Васильев, силой своего таланта, перемолол настолько, что там абсолютно ничего нет от Клею.

Н. М.: Да.

А. И.: Вот его “Тройка” списана с клеювской “Тройки”⁶, но их даже сравнить нельзя. Они не похожи – только тема общая.

Н. М.: Паша мне сказал: “Тройку”, – говорит, – я написал не в пику; Кутя свою “Тройку” писал, а я – свою”.

А. И.: О! Как здорово! Вы знаете, у меня была такая догадка! Есть мнение, что “Тройка” написана под влиянием Клею, а когда я прочёл оба стихотворения, у меня возникла мысль, что он решил Клею показать, как он сам обрабатывает эту тему или даже как надо обрабатывать эту тему.

Н. М.: Это, конечно, правильно.

А. И.: Да?

Н. М.: Да.

А. И.: Прекрасно! Я очень рад, что вы подтвердили мою догадку, потому что я дошёл до этого, как Холмс, “методом дедукции”, и у меня не было никаких фактов. И я очень рад, что вы это подтверждаете...

Н. М.: Безусловно, только так.

А. И.: А в жизни влиял ли Клею на Павла Васильева?

Н. М.: Паша был слишком сильная натура сам по себе, чтобы на него можно было как-то влиять. Даже, может быть, он как личность, которая может влиять на людей, он выше ставил Егорова. Если он к Клею относился несколько, может быть, по-панибратски, то в его отношении к Егорову этого совершенно не было.

А. И.: Кажется, мне понятно, в чём тут дело, и любопытно, насколько вы

это подтвердите или опровергнете. Может быть, как представитель смежного искусства Егоров имел на него влияние, потому что не мог быть с ним на равных, так как представляли они разные искусства. А здесь уже нечто совершенно иное. Такие же отношения были у Есенина с Конёнковым. Есенин был человеком гордым, самолюбивым, а Конёнков его совершенно подавлял, когда критиковал его стихи, причём яростно. А Есенин покорно всё выслушивал. Все удивлялись. Может быть, здесь что-то подобное?

Н. М.: Может быть, да.

А. И.: Николай Алексеевич, очень много существует спекуляций на якобы или действительно имевших место (в жизни Павла Васильева) скандалах, дебошах и пьянстве. Поэт Михаил Скуратов⁷ сказал мне вот такую любопытную вещь, что, по его наблюдениям, а он дружил с Павлом Васильевым, причём их особенно сближало здесь, в Москве, то, что они оба сибиряки и их когда-то отметил Антон Сорокин, которого старшее поколение сибирских писателей очень почитает. Так вот, по его мнению, пить спиртное и быть пьяным ему, Павлу Васильеву, не доставляло особого удовольствия. Он сказал: “Мне кажется, он делал над собой даже некоторое насилие, просто ему хотелось быть похожим на Есенина”. У вас не было такого впечатления?

Н. М.: Нет, наоборот. Всегда, когда мы встречались, — а большей частью мы встречались у меня, — Паша с удовольствием пил. Он всегда хвалил: “Вот это водка!” Я ещё делал всякие настойки, и он этим всегда восхищался: “Молодец ты, ты бы этого самого...” Как его, водочный король был?

А. И.: Смирнов?⁸

Н. М.: Смирнов, да... “Ты бы, — говорит, — Смирнова за пояс заткнул”.

А. И.: Да, Смирнов до сих пор — фирма, во всяком случае — процветает...

Н. М.: Когда я в Париже был... По-моему, это на Итальянском бульваре, недалеко от Гранд Опера, был магазин “Смирновская водка”.

А. И.: Значит, Павел Васильев ещё помнил Смирнова?

А. И.: А кофе он пил, когда писал?

Н. М.: Кофе? Нет.

А. И.: А крепкий чай?

Н. М.: Крепкий чай он любил.

А. И.: Именно вот когда писал?

Н. М.: Нет, не тогда, когда писал. Не тогда, когда он у меня записывал все эти вещи. Вообще он любил чаю выпить. После водки и хорошей закуски он это любил.

А. И.: Но в качестве стимулятора он крепкий чай не употреблял?

Н. М.: Нет. Я не знаю, как было, когда он дома этим делом занимался, но у меня... Он случайно так сел и написал.

А. И.: То есть ему одного вдохновения было достаточно?

Н. М.: Да, да.

А. И.: Ну, конечно, если случайно пишутся такие шедевры, как “Прощание с друзьями”, то... Сказать просто нечего.

Н. М.: Да, он сел как-то вечером и написал... Никого не было... Клюева не было, Егоров был в Саратове тогда... Паша вот и написал “Прощание с друзьями”...

А. И.: Видно, что он очень спешил, что рука его поспевала за мыслью. Некоторые слова у него не дописаны и можно только угадать...

Н. М.: Ну, раз вы сами этим делом занимаетесь, вы, наверно, и по себе это знаете... Я тоже, когда пишу, так тоже не дописываю... А потом, понимаете, не разберёшь, что ты тут хотел сказать...

А. И.: Ну, с прозой, конечно, сложнее, чем со стихами. Тут все укладывается в ритм, тут догадаться легче...

Н. М.: Легче, да.

А. И.: Ещё, Николай Алексеевич, я хотел вас расспросить о том случае... Да, да, про баритона Головина⁹... Можно ли это назвать поступком злого человека?

Н. М.: Нет.

А. И.: При желании можно. Он, Павел Васильев, был, скорее, просто обижен.

Н. М.: Да, действительно, так это и было. Паша, наверно, с час читал ему свои вещи, все мы это слушали, уже кончилась еда вся... А тот из себя корчил какого-то барина: “Нет... А что... Я... Я не в голосе.. Я не буду...” —

так это... А Павел Васильев взял скатерть, как дернул – все это и полетело к чертям...

А. И.: И он ушёл после этого?

Н. М.: Да. “Пойдём, – говорит, – нечего с этим фоном-бароном разговаривать”. Мы встали тут и ушли.

А. И.: Ну, что ж, Головин сам виноват.

Н. М.: Конечно.

А. И.: Если он просил, и ему пошли навстречу, за это, конечно, как-то надо было поблагодарить...

Н. М.: Паша ведь хорошо читал свои стихи.

А. И. А часто он при вас читал чужие стихи?

Н. М.: Я не помню такого случая, чтобы он когда-нибудь читал чужие стихи.

А. И.: Ну, а Есенина, например? Или Пушкина?

Н. М.: Пушкина иногда читал, но Есенина – нет.

А. И.: А Клюева, Клычкова? Или кого-то из других своих друзей, Забелина¹⁰, например?

Н. М.: Нет.

А. И.: Вы не помните такие стихи: “Тюрьма, тюрьма, о камень камнем бей...”? Он никогда не читал вам эти стихи? Это стихи Забелина, его друга...

Н. М.: Нет, не помню.

А. И.: Так вот, Коваленков приписал эти стихи Павлу Васильеву. С этой строчки стихи начинаются, а Коваленков написал, что это – последняя строчка, то есть он этих стихов не знал совершенно. Ладно, что о нём говорить... А часто такие случаи, как с Головиным, происходили?

Н. М.: Вот один случай только и был...

А. И.: Один... Значит, в то, что это был чуть ли не профессиональный дебошир, поверить нельзя никак?

Н. М.: Нет.

А. И.: Дело в том, что в письме, которое было опубликовано в 1935 году в “Правде” с двадцатью подписями, говорится о “систематическом хулиганстве”, несмотря на “суровое предостережение М. Горького в статье “Литературные забавы”¹¹. Вы подтвердили, что он любил выпить, но вот насчет “систематического хулиганства” было, конечно, сочинено для того, чтобы его убить...

Н. М.: Может быть... Да.

А. И. И, по-видимому, это была долгосрочная программа его убийства – три ареста.

Н. М.: Может быть... Да.

А. И.: Они, очевидно, действовали количественно: не убьют в третий раз, так убьют в четвёртый...

Н. М.: Может быть...

А. И.: Вы с ним часто бывали в гостях?

Н. М.: Нет, я с ним был в гостях вот только у Головина и один раз – у Садовой¹², такой был артист Большого театра, Анатолий Николаевич...

А. И.: И ещё я знаю один случай, когда он был у возвратившегося бывшего белогвардейца Туган-Барановского¹³, у которого был настоящий салон – у него собирались по несколько десятков человек, и Павел Васильев там рассматривал фотографии белогвардейцев и спрашивал о знаках различия, и причём... Понятно, что это был интерес чисто профессиональный – он ведь много работал над темой гражданской войны... Но находившийся при этом М. Скуратов всё время тянул его за рукав, он боялся, что среди гостей может оказаться осведомитель, который донесёт о его “пробелогвардейских настроениях”. Тогда ведь это было просто...

Н. М.: Да.

А. И.: Вы сами ведь помните, наверно, тогдашнюю критику... Как Тарасенков написал, что “внешне проклиная кулаков, П. Васильев ими, несомненно, любитесь”¹⁴?

Н. М.: Да.

А. И.: Ведь если так подходить к литературе, то любую тему можно истолковать как преступление...

Н. М.: Да, конечно.

А. И.: Почему я спрашиваю о хождении в гости. Дело в том, что некото-

рые люди утверждают, что он часто бывал в “салонах” или “салончиках” (это не мои слова, я цитирую), где хозяйками были женщины типа Элочки-Людоедки, где он скандалил, но это и создавало ему славу... Ничего похожего вы за ним никогда не замечали?

Н. М.: Никогда не замечал. Он не говорил, где бывает, чтобы он хвалился... Никогда этого (не было).

А. И.: Этого не было?

Н. М.: Не было.

А. И.: А ведь ходят-то по таким “салончикам” в поисках славы именно для того, чтобы потом самому рассказывать и чтобы другие рассказывали. Это же логично?

Н. М.: Конечно.

А. И.: А от него вы таких рассказов не слышали?

Н. М.: Нет, не слышал. Никогда он не хвалился: вот я был там-то, я был там-то. Этого никогда я не слышал от него.

А. И.: Теперь мне остановится окончательно ясно, что многие просто сводили <с ним> личные счёты. Коваленков, например, написал, что Павел Васильев выкинул из окна собаку в чьем-то чужом доме, где ему были очень рады и где ему даже преподнесли торт с вензелем “П. В.”. И вот, у П. Косенко тоже фигурируют торты с вензелями “П. В.”. Я думаю, он это просто перетачил к себе от Коваленкова... Вы ни о чём подобном не слышали?

Н. М.: Ничего не слышал.

А. И.: Скорее всего это чушь. Я думаю, Коваленков когда-нибудь увидел пасхальный кулич с буквами “Х. В.” и его осенило, что это можно использовать в мемуарах.

Н. М.: Конечно.

А. И.: Вы тоже так полагаете?

Н. М.: Возможно. Да. Паша никогда не хвалился и не говорил, что там-то он был, у таких-то был, о каких-то приёмах... Я ни разу от него не слышал.

А. И.: Какого-то повышенного самолюбия, о котором...

Н. М.: (прерывая) Да, этого у него абсолютно не было!

А. И.: Как интересно! А некоторые его характеризуют как человека с исключительным самолюбием.

Н. М.: Что он был самолюбив, это, конечно, безусловно, но что это самолюбие распространялось на то, чтобы, как только он придёт, всё внимание было бы сосредоточено на нём, – этого не замечалось совершенно.

А. И.: То есть самолюбие, скорее всего, творческое, чем бытовое?

Н. М.: Да.

А. И.: Вот это очень интересно, потому что недруги стараются представить его именно как человека самолюбивого именно в бытовом отношении, который скандалил для увеличения своей славы любыми средствами, даже самыми негодными.

Н. М.: Конечно, нет.

А. М.: Значит, вы только один раз были свидетелем того, что до некоторой степени можно назвать скандалом, и то – что это было скорее вынужденным, чем для какого-то внешнего эффекта?

Н. М.: Да.

А. И.: И вот что ещё я хотел спросить. Я опять-таки чисто умозрительно пришёл к выводу (анализируя немного, что было мне известно), что это был человек, которого характеризовала, прежде всего, повышенная энергичность.

Н. М.: Да.

А. И.: И это подтвердил знавший его Михаил Скуратов. Он сказал, что это был настоящий вулкан. Его друзья-литераторы не понимали, когда и как он успевает набираться знаний с такой скоростью. Он очень много знал, как сказал мне М. Скуратов. Я ни от кого, кроме Скуратова, не слышал об этом, но он сказал так: “Я не встречал человека, который бы лучше, чем Павел Васильев, знал и понимал Достоевского”.

Это было для меня неожиданностью. Правда, Скуратов говорил, что П. Васильев вообще очень много знал, много читал и быстро схватывал знания – буквально на лету.

Н. М.: Но ведь это способность каждого талантливой или одарённого человека, было это и у Паши.

А. И.: Но была, конечно, и отдача – он не просто усваивал.

Н. М.: Я не помню, чтобы мы с ним когда-нибудь разговаривали о Достоевском. Если разговаривали о поэтах прошлого, то о Пушкине. Перед Пушкиным Паша, конечно, преклонялся. И Клюев тоже... Как-то меньше говорилось о Лермонтове. Также говорилось о его мощи, могуществе, но особенно – о Пушкине. И Егорова они любили за это – он много знал из области, которой они не знали. Это живопись, жизнь художников, а Егоров очень много знал всяких вещей, которые характеризовали того или иного художника. И они его всегда просили: “Миша, ну-ка, расскажи ещё что-нибудь о Рубенсе... Ну-ка, расскажи о Ван Дейке что-нибудь...”

А. И.: А вы не думаете, что интерес к художникам у него, в конце концов, вылился в замысел поэмы “Христолюбовские ситцы”?

Н. М.: Нет.

А. И.: Ведь Христолюбов – настоящий художник, он только вынужден зарабатывать себе на хлеб, оформляя ситец. Связи вы тут не видите?

Н. М.: Нет, не вижу.

А. И.: Значит, это скорее автопортрет?

Н. М.: Может быть... “Христолюбовские ситцы” когда написаны?

А. И.: В 1936 году.

Н. М.: Может быть, он и припомнил такие вот вещи... У Михаила Дмитриевича Егорова очень много было таких “дней минувших анекдотов”... Сейчас многое ведь забыто, стёрлось из памяти, но вообще-то от Паши осталось впечатление как о светлом, хорошем, большом человеке.

А. И.: Но производил впечатление большой личности?

Н. М.: Да, большой, сильной... И хорошей, с открытым сердцем. Я вспоминаю его отношения с Клюевым, с Егоровым, его отношение ко мне... Я же был для него совершенно посторонний человек, с которым он сегодня встретился, а завтра может не увидеться...

А. И.: То есть заигрывать и подлизываться ради корысти ему было незачем?

Н. М.: Да. Он был уже на виду, а я – старший научный сотрудник научно-исследовательского института (больше я ничего из себя не представлял), который занимается организацией эфирно-масличных культур или каучуконосов... Я для него был совершенно такой... не полезный человек.

А. И.: То есть заподозрить его в каких-то намерениях понравиться было никак нельзя?

Н. М.: Конечно, нет.

А. И.: Но вот М. Скуратов сказал о нём такую странную фразу, которая меня как-то резанула. Он сказал: “Вы, вероятно, очень удивитесь, мне кажется, что при известных обстоятельствах Павел мог быть очень жестоким человеком, и вот в этом смысле он мог переступить через труп родного отца”.

Н. М.: По-моему, нет.

А. И.: Мы, конечно, не знаем, каким он был бы в зрелые годы... Когда человека убивают в двадцать шесть, трудно сказать, каким он был бы в сорок. Отец сказал мне, например, что говорить, будто Павел Васильев не завершил свой путь в поэзии, не стоит, потому что он неоднократно говорил ему: “После тридцати перейду на прозу”.

Н. М.: Да.

А. И.: Вам он тоже говорил это?

Н. М.: Да.

А. И.: Но у меня есть два возражения. Во-первых, ещё неизвестно, сделал бы он это (или нет), если дожил <бы> до тридцати. Во-вторых, до тридцати ему оставалось ещё три с половиной года. Если к двадцати шести он успел столько сделать, то сколько бы ещё успел написать за оставшиеся до тридцати лет годы?

Н. М.: Да, конечно.

А. И.: И поэтому мне кажется, что его вполне допустимо сравнить с Лермонтовым, которому не дали закончить его путь в поэзии.

Н. М.: Пушкину разве дали закончить его путь в поэзии? Также нет.

А. И.: Всё-таки считается, что после тридцати пяти лет талант поэта – не прозаика! – начинает угасать... Правда, к Пушкину это трудно отнести – в его творчестве и после тридцати пяти заметен прогресс. Его стихи от года к году – и после тридцати – становились всё совершеннее и совершеннее. Что же касается Павла Васильева, мне кажется, нет ощущения по его стихам, что он

с каждым годом становится всё более зрелым, потому что написать такую поэму, как “Лето”, может только мастер, умудрённый жизнью.

Н. М.: Да, это изумительная поэма.

А. И.: Это написано мудрым уже...

Н. М.: Да. Причём очень сильным человеком, и именно мудрым... Прекрасная поэма.

А. И.: И вот поэтому мне кажется, что он ещё очень много успел бы, если бы не оборвали его жизнь...

Н. М.: Может быть, возможно.

А. И.: А кроме того, что его убили, сколько ещё было вычеркнуто из его жизни двумя предыдущими арестами и пребыванием в тюрьме... Вот почему я и считаю, что его возможности не исчерпаны полностью...

Н. М.: Безусловно.

А. И.: Я очень рад, что вы со мной согласны.

Н. М.: Да, очень много у него было творческого жара, пыла... Он любил труд, он к этому рвался, он как-то говорил: “Когда я ничего не делаю – тоска меня (берёт)”. Может, он от этого даже и пил...

А. И.: Ах, вот как! Значит, не всегда он мог писать и переживал, когда не мог?

Н. М.: Да, он жаловался на это раза два... Ну, не жаловался, а высказывался по этому поводу...

А. И.: Понятно. Это тоже очень интересно.

Н. М.: Мне кажется, для творчества у него были очень неподходящие условия – ведь он же был всё время на людях...

А. И.: То есть работал скорее вопреки своей жизни, чем благодаря ей?

Н. М.: Да. Из его жён я только одну видал, я не знаю только, какую, как её звали...

А. И.: Может быть, Галю?¹⁵

Н. М.: Не знаю. На Палихе она жила...

А. И.: А-а... Это Елена Александровна Вялова¹⁶.

Н. М.: Вот там я однажды как-то раз был у него. Зашли мы с Клюевым к нему... Она лежала на кровати, и он ругался с ней. И мы тут же ушли. Я не знаю, способствовали ли его жёны его творчеству?

А. И.: Обычно человек, если он повышенно энергичен, бывает вспыльчив... Люди, повышенно энергичные, обычно первыми идут в атаку на войне, или же из них формируют ударные части. Мне кажется, если бы он оказался на войне, он проявил бы себя как человек чрезвычайно отважный и даже герой...

Н. М.: Безусловно, он такой был. Не потому, что он хотел быть впереди всех, а просто потому, что раз он это исповедал, то он за это шёл.

А. И.: То есть такова была его сущность?

Н. М.: Да.

А. И.: Вот это мне было очень важно от вас услышать. То есть, вы считаете, что он пошёл <бы> в атаку первым не за орденом, а просто потому, что раз атака...

Н. М.: ...Раз атака, то надо идти, и я иду. И всё.

А. И.: Понятно. И он, конечно, не испугался бы пуль и смерти?

Н. М.: Нет.

А. И.: Мне было очень важно услышать это от вас, потому что вы – человек чрезвычайно наблюдательный, и, конечно, такая поведенческая деталь от вас не должна была ускользнуть. К этому я пришёл опять-таки умозрительно, и мне было важно подтверждение очевидца...

Н. М.: Да, он такой был человек... Убеждённый... А не то, чтобы покрасоваться, пофанфаронить – у него этого не было...

А. И.: А именно в этом его и обвиняют.

Н. М.: Нет... Напрасно.

А. И.: То есть, люди, которые его в этом обвиняют, слишком мелкие, чтобы понять такую мощную натуру...

Н. М.: Может быть, и так. Да, скорее всего так оно и есть. А может быть, просто из злобы, из зависти... Я не знаю толком окружения этих поэтов, где он вращался, с которыми он был... Он, безусловно, на голову выше их был, если не больше...

А. И.: Это, естественно, вызывало ярость...

Н. М.: Конечно, да. Зависть страшную...

А. И.: И то, что он был предан поэзии ради поэзии, а не ради рублей, должно было, конечно, вызвать ярость у тех, кто смотрел на стихи как на средство заработать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Егоров М. Д. (1883–1956) – живописец.
- ² Дрёмов И. А. (1907–1998) – поэт.
- ³ См. П. Косенко. “На земле золотой и яростной: Повести-биографии: Ф. М. Достоевский. Антон Сорокин. Павел Васильев” (Алма-Ата, “Жазушы”, 1979).
- ⁴ “Выйдя покурить в соседнюю пустую комнату, он обнаружил спящего в корзине с тряпьем щенка, погладил его, взял на руки и, подойдя к открытому окну, бросил вниз” (А. Коваленков. “Письмо старому другу”. “Знамя” 1957, № 7).
- ⁵ Имеется в виду мемуарная книга Георгия Иванова “Петербургские зимы” (Париж, 1928).
- ⁶ Имеются в виду строки из поэмы Н. А. Клюева “Погорельщина”: “Разбиты писанные сани, // издох ретивый коренник, // и только ворон на заране, // ширяя клювом в мёртвой ране // гнусавый испускает крик!”
- ⁷ Скуратов М. М. (1903–1989) – поэт.
- ⁸ Смирнов П. А. (1831–1898) – русский предприниматель, “водочный король” России.
- ⁹ Головин Д. Д. (1894–1966) – оперный певец, лирико-драматический баритон, заслуженный артист РСФСР.
- ¹⁰ Забелин Е. И. (настоящее имя Леонид Савкин, 1905–1943) – поэт. Был арестован вместе с Николаем Ановым, Сергеем Марковым, Леонидом Мартыновым, Павлом Васильевым, Львом Черноморцевым по делу так называемой “Сибирской бригады” в 1932 году. В заключении написал стихотворение, начинающееся строчкой “Тюрьма, тюрьма, о камень камнем бей...” Полный текст неизвестен.
- ¹¹ Статья Максима Горького “О литературных забавах” была напечатана 14 июня 1934 года в “Правде”, “Известиях ВЦИК”, “Литературной газете” и “Литературном Ленинграде”.
- ¹² Садомов А. Н. (1884–1942) – оперный певец, солист Большого театра, Заслуженный артист РСФСР.
- ¹³ Туган-Барановский М. М. (1902–1986) был не белогвардейцем, а резидентом советской разведки, выполнявшим особые задания за границей. “Белогвардеец”, очевидно, – одна из легенд.
- ¹⁴ Тарасенков А. К. “Мнимый талант” (“Литературная газета” 15 октября 1936).
- ¹⁵ Анучина Г. Н. (1911–1968).
- ¹⁶ Вялова Елена Александровна родилась в 1909 году, умерла в 1989.

Предисловие и публикация С. И. Гронской

Примечания С. С. Куняева

.....
Нашему автору и другу, главному редактору нижегородского журнала “Вертикаль. XXI век” писателю Валерию Викторовичу Сдобнякову исполняется 60 лет. Сердечно поздравляем юбиляра!

Редакция

ГЕОЛОГИЯ — ЖИЗНЬ МОЯ...

Дорогие друзья!

После выхода в свет апрельского номера “Нашего современника”, посвящённого геологам России, их трудной профессии и литературному творчеству, мы получили немало читательских писем, высоко оценивших этот номер, и поэтому решили продолжить его новыми публикациями о подвижнической и романтической жизни наших современников.

Добрый день, дорогой Станислав Юрьевич!

Вчера получил четвертый номер журнала “Наш современник”. Прочитал твоё интервью с Виктором Орловым. Объёмно и охватно во всех смыслах. Мне всё это дорого и близко, ибо тоже работал в нескольких экспедициях: на Кольском, в Карелии, Якутии и Эвенкии, где заработал бессмертный радикулит, сколиоз и ещё всяко-разно. Но был молод, и “дух бродяжий” увлекал в дали неоглядные. Какая была прекрасная пора!

Замечательно Вы написали о Эрнсте Портнягине, у которого я, в конце шестидесятых, целую неделю жил во Львове (приехал в командировку от ленинградского института “Гипронинеметаллоруд”, где работал в проектно-кабинете и. о. инженера), спал у Эрнста на волчьей шкуре, расстеленной на полу, и ночами писал в уме поэму “Восемнадцатый дом”. Она о Питере, о глубокой любви и судорожном разрыве с любимой.

Помню, Портнягин сказал мне: “В моей квартире, лёжа на волчьей шкуре, ты наконец-то написал приличные стихи”. Сказал как бы шутя, мимоходом, но очень искренне. И в этот день (а это был день моего отъезда в Питер) он подарил мне чёрные крепкие ботинки, фасонистые, на толстой подошве. Я щеголял в них года три-четыре.

Станислав Юрьевич, из Вашего материала я впервые узнал о загадочной гибели Эрнста. И вспомнился его человеческий и творческий образ, который он запечатлел в замечательных стихах, что опубликованы в журнале. Его стихи свежи и правдивы. Они преодолевают время.

И хорошо, что напечатаны в этом же номере ранние стихи Глеба Горбовского, тоже работавшего в геологических партиях. Я эти стихи не раз слышал из уст самого поэта.

Кстати, именно он посоветовал мне в конце шестидесятых поехать в Якутию и Эвенкию. Геология и поэзия сдружила меня с Глебом в тот далекий 1964 год, когда я впервые познакомился с ним на улице Пушкинской, в крохотной комнатухе, набитой поэтической братией, которую опекала моя жена.

Её знали многие поэты, в том числе Витя Коротяев, живший у нас во время своих приездов в Ленинград. Помню, он часто повторял: “Ребята, как мне у вас хорошо, как уютно и спокойно!”

Спасибо тебе за эту публикацию, она позволила мне вспомнить нашу молодость, наши кочевья, нашу редкостную сибирскую жизнь и те огромные пространства России, где мы побывали с тобой, дивясь неоглядными просторами нашей любимой России.

Твой **Геннадий Морозов**,
Касимов, 2 мая 2017

АНДРЕЙ ШИМАНОВ

БАЛЛАДА О СТАРАТЕЛЕ

*Отшумело лето золотое...
Так поэт когда-то говорил.
Я бреду осеннею порою,
Той тропой, что кто-то проторил.*

*Может, этот кто-то бородатый,
С котелком и рыжим рюкзаком,
Был с киркой и маленькой лопатой,
Вслед за фартом брёл, устав, пешком.*

*От костра он шёл по чёрным гарям,
Отдыхая, пил таёжный чай,
И мечтал, что за распадком дальним
Набредёт на россыпь невзначай,*

*И тогда до одури работа,
Родников студёная вода,
И рубашка поползёт от пота,
И фартовым станет он тогда.*

*Всё, о чём мечтал, тогда он купит,
Женится и заведёт детей,
И его желанный миг наступит,
Только фарт пришёл бы поскорей.*

*Но, а может, этот так и было —
Россыпь и студёная вода,
И рубашка поползла от пота.
И фартовым парень стал тогда.*

*А потом, сказал себе: “Успею,
Дети, дом, красивая жена.
Лишь совсем немного разговееусь,
Отдохну, остыну, и тогда...”.*

*А тогда — вокзалы, рестораны,
Милые и добрые друзья.
А тогда — гранёные стаканы.
“Это же из грязи — во князья!”*

*С грохотом и рёвом пролетало
Время, как шальные поезда.
Всё, что “настарался” — убывало,
И зашла фартовая звезда.*

*Где теперь тот парень-бедолага,
С котелком и рыжим рюкзаком,
Ноги в кровь избив себе — бедняга
Вслед за фартом вновь бредёт пешком.*

*Господи! Даруй ему удачу,
Сохрани от дикого зверья,
Золотую россыпь не иначе
Пусть найдёт он на исходе дня.*

*Всё, о чём мечтал, пускай он купит,
Женится и заведёт детей,
Пусть его желанный миг наступит,
Только фарт пришёл бы поскорей.*

г. Магадан

О ВЕРЕ

*Любимая, родная, не грусти.
По капельке источатся дожди,
И солнце за окном блеснёт лучом,
И стихнут разговоры ни о чём.*

*Минует неуютная пора,
Сама собой исчезнет дел гора,
Растает весь непониманья лёд,
И разродится фразой рифмоплёт.*

*Всё будет “вместе”, “рядом”, “навсегда”,
И пусть себе сменяются года.
Я это, как молитву, повторяю:
“И верю, и надеюсь, и люблю”.*

* * *

Здравствуйтесь, уважаемая редакция моего любимого журнала “Наш современник”. Получив четвертый номер вашего журнала, я была поражена тем, что он посвящен геологам и с таким прекрасным девизом “Геология – жизнь моя...”. Сообщила об этом событии всем своим здравствующим однокурсникам. В последнее время мы не избалованы таким вниманием.

Самым актуальным является интервью с В. Орловым. “Бизнес закрыл доступ ко всем геологическим материалам, а без них невозможны ни дипломные, ни научные работы, ни передача опыта, ни обоснование новых идей, ни развитие науки” – эта фраза говорит сама за себя. Сейчас в своей работе мы постоянно испытываем недостаток информации, и это плохо отражается на качестве работ.

С большим удовольствием вспомнила бывших прекрасных руководителей геологии в советском правительстве А. В. Сидоренко, Е. А. Козловского и руководителя СредМаша Славского Е. П., почитав очень познавательный очерк В. Федорука “Геологи нескольких поколений”. В нем же есть сведения о работе советских геологов в Китае. Сообщу об этом очерке своим однокурсникам китайцам.

Не могу не сделать небольшие замечания к очерку С. Миронова “Геологическая “поэма”.

Стр. 200. “Здесь очень хороший дебет”. В данном тексте, когда речь идет о расходе воды, надо писать “дебит”.

Стр. 207. “Уплотненный песчаник – аргелит”. Не совсем точное определение породы, это простительно. А увидев написание “аргелит”, я перепроверила. В разрезе Западной Сибири нефтегазонасыщенные песчаники залегают среди толщ “аргиллитов”, и это слово постоянно пишется во всех литологических описаниях сибирских разрезов.

А в целом большое спасибо за этот журнал.

Диева Элеонора Владимировна,
геофизик-каротажник с 55-летним стажем.

Р. S. Большое спасибо З. Прилепину за его книгу “Взвод”. Прочитав её, я, говоря геологическим языком, открыла для себя совсем плохо знакомые мне пласты русской литературы и русской истории.

ЕВГЕНИЙ КИСЕЛЁВ

ТАМ ВЛЮБЛЯЛИСЬ И ЖИЛИ ВЗАПОЙ...

* * *

*Там, вдали, где остыли следы,
Там, куда отлучаются сны,
В дымке лет ожидая меня,
Как мираж, возникает Земля.*

*Там зазубрины горных цепей,
Там простор необычных степей,
Там ущелья, где каждый ручей
Шепчет мне: "Возвратись поскорей!"*

*Там мне вольную волю давал
Каждый взятый в надрыв перевал,
Домом звали палатку в лесу,
Где искали себя — не руду.*

*Там пропитана потом тропа,
Там застыл в ледниках навсегда
Выдох мой... Там мерцает звезда,
Помня песен забытых слова...*

КИСЕЛЁВ Евгений Аркадьевич родился в 1961 году в Белгороде. Окончил Свердловский ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. В. В. Вахрушева по специальности "геологическая съёмка, поиски и разведка месторождений полезных ископаемых", горный инженер-геолог. В журнале "Наш современник" печатается впервые. Живёт в Москве. Многие свои стихотворения он исполняет как бардовские песни.

*Там влюблялись и жили взаимно,
Расставались и пили с тоской.
Каждый год, каждый год был за два,
Только жаль — не вернуться туда.*

*Там на осыпи камни неслись,
Ты цеплялся за всё, за что мог,
Ну, а что тебе страх или риск,
Коль ты в облачный входишь поток!*

*Там, вдали, где остыли следы,
Там, куда отлучаются сны,
Есть в тумане Земля как Земля —
Реки, горы, леса да поля...*

*Там зазубрины горных цепей,
Там простор необъятных степей,
Там ущелье, где каждый ручей
Шепчет в душу: “Вернись поскорей!”*

* * *

*Тишина, лишь мелкий дождик за окном,
Смывая сонно день за днём,
Стёкла трёт, рвётся в дом.
Тишина укрыла город пеленой,
И в мутной дрёме вековой
Сфинксы спят над Невой.
И снится мне, как в тишине
Такой же дождь в крошечной тьме
Стучится жалобно в палатку у костра.
Он лижет косы у реки,
Смывая редкие следы
Бродяг, нарушивших покой Священных гор.*

*Тишина, и дело, в общем-то, не в том,
Что мелкий дождик за окном
Стёкла трёт, рвётся в дом.
В тишине проснётся тот, кто у реки
Оставил редкие следы,
Смытые до зари.
Он улыбнётся про себя
Пустым стараниям дождя
И вновь пойдёт, поправив лямки рюкзака.
Он точно знает, что нельзя
Поддаться шёпоту дождя,
Что жизнь — маршрут, и в нём
Не хнычут, а идут.*

*Тишина порвалась струями ручья
И грусть с собою увела,
Облаком растаяла.
За окном, среди развалов серых скал,
Упрямо вдаль и вверх шагал
Тот, кто цель точно знал.
И понял я, что мне пора
Идти, ведь двадцать лет спустя
Он встанет около окна, слегка грустя,
А я-то знаю, что нельзя*

*Поддаться шёпота дождя,
Что жизнь — маршрут, и в нём
Не хнычут, а идут.*

* * *

*Под мазурку весенней капли
И под вальс облетевшей листвы
Мы с тобой навсегда постарели...
Ничего не поделатъ, увы!*

*Оседлав самолётные кресла
И диваны чванливых СВ,
В никуда мчим усталые чресла
В бесконечной дурной суете.*

*В дебрях улиц, аллей и проспектов,
В чреве благоустроенных нор
Мы теряем свой жизненный вектор,
Свой напор и свой юный задор.*

*Но однажды на плахе постели,
Заметавшись в тяжёлом бреду,
Мы порвём надоевшие цепи
И увидим почти наяву,*

*Как взлетаем в остывшие сёдла
На чумных, одичавших коней
И, узду натянувши, несёмся
На простор первозданных степей.*

*Опьянев от простора и воли,
Рухнем навзничь в шумящий ковыль
И в ладонях зажмём аж до боли,
Как распятые, дорожную пыль.*

* * *

*Спасибо за всё: и за шёпот беззвучный,
За взгляд, вопрошающий, ждущий и рвущий
Оковы застывшей в безмолвье души,
За шелест волос и за ласку руки.*

*За всё, что сбылось и чему не случиться,
За всё, что открылось и будет храниться
В душе под затвором растраченных лет...
Спасибо за “Да” и спасибо за “Нет”.*

* * *

*Мой добрый друг, как старый пруд,
Затянут тиной безучастья,
Не шелохнётся водный круг
Ни в ясный день, ни в день ненастья.*

*Твой хлеб — туман полночных грёз,
Вино — дождь смутных ожиданий.*

*Твой кров — ручей незримых слёз,
Вплетённых в вязь воспоминаний.*

*Цня смертельный свой покой,
Ты гредишь о струе звенящей,
Порыве ветра, плеске волн,
О стае птиц, к тебе летящей.*

*И хмуришься, прикрыв глаза,
Поймав себя на лжи бесплодной,
Что ты готов вобрать в себя
Поток весенний, полноводный...*

* * *

*Вечер. Солнце с гор скатилось.
И тьма тотчас навалилась, тоска да мошкара,
А за дальнею грядою солнце смотрится в пруды
И последними лучами нежно красит камыши.
Неохотно и степенно тонет в зябкой мураве,
Освещая путь к порогу запоздавшей детворе.*

*Месяц. Месяц ясный, хладный
Взял в прицел посеребрённый наш бивак у костерка,
А за дальнею грядою через заводи реки
Серебром мостит дорожку и ныряет в омутá,
Под ногами пар влюблённых тонкой кисеёй фаты
Бережно и осторожно заплетает ковыли.*

*Ветер. Снежных гор заточит пики.
Их воинственные блики наведёт он на меня,
А за дальнею грядою степлится он на заре
И однажды вверх взметнётся, как на сказочном коне.
Принесёт с собой полыни запах горький и чумной
И присыплет раны пылью тропок стороны родной.*

*Я взлечу ему на спину,
Ухвачу густую гриву — он взовьётся подо мной.
Увернусь из-под прицела, проскочу над пиками
И за солнцем вдаль помчусь с присвистом да с гиками.
А за дальнею грядою на тропе серебряной
Притомится ветер — конь мой, припаду я к берегу.*